

МУЗЫКА ПЕРЕВОДА III

избранные работы
конкурса художественного перевода

Бюро переводов iTrex
Москва, 2011 г.

С 30 сентября по 15 декабря 2011 г. проходил конкурс «Музыка перевода».

В конкурсе участвовали переводы поэзии и малой прозы с различных языков на русский.

В сборник, который вы видите перед собой, вошли 122 работы из более чем 1300, присланных на конкурс.

Организатором и генеральным спонсором конкурса выступило бюро переводов **iTrex** PROFESSIONAL TRANSLATOR

Также конкурс поддержали:

Оригиналы произведений размещаются в сборнике в некоммерческих ознакомительных целях исключительно для того, чтобы дать возможность читателям оценить русскоязычный перевод. Все вопросы об использовании оригиналов произведений решаются только с правообладателями. Любое использование оригиналов произведений без согласования такого использования с правообладателями — незаконно. Тексты переводов размещаются в соответствии с положениями конкурса. Права на переводы принадлежат их авторам. Любое использование переводов допускается только с письменного согласия авторов.

© Бюро переводов iTrex, 2011, составление сборника
www.itrex.ru
© Adver-print, 2011, верстка
www.advert-print.ru

Дорогие друзья!

«Фирма Мелодия» — старейшая отечественная фирма грамзаписи, основанная в 1964 году. Преемница Всесоюзной студии грамзаписи, «Фирма Мелодия» вплоть до распада СССР являлась единственной звукозаписывающей компанией в стране. «Мелодия» собрала воедино знаменитые произведения мирового искусства в исполнении выдающихся советских артистов, ансамблей, оркестров, музыкальных театров. Представляя отечественное искусство на родине и за рубежом, на всех континентах, «Мелодия» стала хранительницей национального музыкального достояния. Сегодня «Мелодия» обладает архивом, в который входят более 200 тысяч носителей звукозаписей. Все это — прекрасная и любимая музыка, объединяющая несколько поколений; яркое многообразие жанров: классика, фольклор, эстрадная музыка, рок, джаз; шедевры мирового музыкального искусства прославленных коллективов и исполнителей.

Мы не могли не поддержать творческий конкурс с «говорящим» названием «Музыка перевода». Мы рады, что бюро профессиональных переводов «iТrex» реализовало такой интересный и нужный социальный проект. Не случайно, что число участников-конкурсантов постоянно растет, и в этом году превысило 1000 человек. Удивительно и приятно участвовать в процессе поиска и рождения новых поэтов. Ведь невозможно представить себе художественный перевод без поэзии. Да и сколько замечательных песен родилось именно благодаря песенному переводу и его мастерам! Музыка — это целый мир, но когда он в союзе с талантливыми стихами — это целая многогранная вселенная!

Мы искренне поздравляем всех организаторов, партнеров и, конечно, конкурсантов с участием и победой!

Дорогие друзья!

Книга, которую вы держите в руках — не просто «новогодний сувенир», еще один в ряду прочих корпоративных новогодних подарков. Эта книга — результат вдохновенного труда непрофессиональных переводчиков, участников и победителей ежегодного конкурса «Музыка перевода».

Вот уже третий год, 30 сентября, в международный день переводчика, мы даем старт конкурсу, который объединяет под своей эгидой любителей языков и литературы из более чем трех десятков стран.

40 языков, 700 авторов оригинальных произведений, 1200 переводчиков — такова статистика конкурса этого года. Но дело тут не в цифрах. За каждой страницей, за каждой работой стоит страстное желание переводчика переложить на русский язык самые любимые свои стихи и рассказы, желание познакомить русскоязычных читателей с новинками зарубежной литературы или придать уже известным произведениям новое звучание, по-новому раскрыть художественный замысел автора.

Искусство художественного перевода требует особого таланта, особого слуха, сродни музыкальному, — трудно-формализуемого умения не просто передать словарный смысл авторского текста, но передать художественные образы, эмоции, ощущения. В этой книге вы найдете работы не только опытных переводчиков, но и произведения самых юных наших конкурсантов — тех, кто стоит в самом начале переводческой стези. Их талант еще требует огранки и кропотливого труда, но уже сейчас они обладают тем необходимым для переводчика качеством — чуткостью души, которое позволяет им переложить мысли и чувства автора оригинального произведения на мелодию родного, русского, языка.

Мы с гордостью представляем вам эти работы и надеемся, что весь следующий год они будут дарить вам радость и вдохновлять вас на все добрые начинания.

*Вениамин Бакалинский
Генеральный директор
Бюро переводов iTrex*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Наталья Евтодиева. Осенний день</i> (перевод с немецкого)	10
<i>Beket. Я от сокола рождённый</i> (перевод с казахского)	11
<i>Вера Виногорова. Фауст пытается понять</i> (перевод с польского)	12
<i>Николай Переяслов. Песнь о деревне Чиа</i> (перевод с вьетнамского)	14
<i>Раиба Алекс. Назад в Аид</i> (перевод с немецкого)	16
<i>Николай Переяслов. Нулевая группа</i> (перевод с болгарского)	18
<i>Елена Николаевна Шацких. Про батрака и постель из беze</i> (перевод с шведского)	21
<i>Olga Guertz. Неверная</i> (перевод с испанского)	22
<i>Богданова Елена. Размышления в Новый Год</i> (перевод с английского)	24
<i>Pteacher. Симфония в желтом</i> (перевод с английского)	25
<i>Aoli. Когда пройдёшь ты мимо моего окна</i> (перевод с китайского)	26
<i>Батшеба. Вол</i> (перевод с итальянского)	28
<i>Tamarel. Зеркало</i> (перевод с английского)	29
<i>Георгий Калихман. Винсент</i> (перевод с английского)	30
<i>Эмма. Служебные связи</i> (перевод с английского)	33
<i>Алексей. Молодость</i> (перевод с польского)	34
<i>Leonid Ivlev. У могилы Сяо Хун</i> (перевод с китайского)	36
<i>Valeriy. Рождественское чудо</i> (перевод с болгарского)	37
<i>Valeriy. Одинокaя женщина</i> (перевод с болгарского)	38
<i>Vup Variuc. На истертых ступенях дворцовой лестницы</i> (перевод с венгерского)	39
<i>Виктор Анталов. Рифма XXV (31)</i> (перевод с испанского)	40
<i>Tsybenko. Дом у моря</i> (перевод с новогреческого)	42
<i>Александр Фокеев. Прости и забудь</i> (перевод с африкаанс)	44
<i>Алёна Алексеева. Один под лунной пью вино</i> (перевод с китайского)	46
<i>Борис Баясный. Когда придут снега свинцово-белы</i> (перевод с эстонского)	47
<i>Ксеркс. Ворон</i> (перевод с английского)	48
<i>Olga Guertz. Предание о монахине</i> (перевод с французского)	53
<i>Александр Васин. Западный ветер</i> (перевод с английского)	56
<i>Наталья Евтодиева. Ангелы</i> (перевод с немецкого)	58

<i>Фрида Шутман. На столе...</i> (перевод с идиша)	59	<i>Татьяна Зеликсон. Песнь о золотых дукатах</i> (перевод с немецкого)	81
<i>Алёна Алексеева. Разговор в Падерборнской</i> Пустоши (перевод с немецкого)	60	<i>Илья Липес. Юлиан и Мадало</i> (перевод с английского) .	82
<i>Александр Васин. Прощальная песня</i> (перевод с английского)	62	<i>Гарон. Отшельник</i> (перевод с иврита)	87
<i>Луань Гуйлин. Планета, где полюбила я тебя</i> (перевод с китайского)	63	<i>Caballo_marino. Авдрук</i> (перевод с английского)	88
<i>Илья Липес. Гамлет, Принц Датский</i> (перевод с английского)	64	<i>Раиша Алекс. О снеге, или Декарт в Германии</i> (перевод с немецкого)	90
<i>Виктор Червинский. Вот-вот ворвётся счастье</i> на простор... (перевод с немецкого)	66	<i>Эмма. Печалька</i> (перевод с английского)	96
<i>Sabinus. Город</i> (перевод с итальянского)	67	<i>Наталья Камовникова. Английская дорога</i> (перевод с английского)	97
<i>Гарон. На берегу озера Качума</i> (перевод с иврита)	68	<i>Мария Горбунова. Ну, сорванец!</i> (перевод с французского)	98
<i>Татьяна Зеликсон. На кладбище Монмартра</i> (перевод с немецкого)	69	<i>Мария. Букет весны</i> (перевод с французского)	99
<i>Александр Васин. Пилигрим</i> (перевод с английского) . .	70	<i>Богданова Елена. Так вот на кого я похож</i> (перевод с английского)	100
<i>Батшеба. Осенний вечер</i> (перевод с итальянского)	71	<i>Olga Guertz. Дасборк</i> (перевод с английского)	101
<i>Вир Вариус. Было время...</i> (перевод с английского)	72	<i>Андрей Москотельников. Жалобы оксфордского</i> тьютора (перевод с английского)	102
<i>Лу. Природа. X</i> (перевод с английского)	73	<i>Olga Guertz. Озверевшая колыбельная</i> (перевод с французского)	104
<i>Чжао Цзин. Поднимайся на Гуань Чюе Лоу</i> (перевод с китайского)	74	<i>Алексей. Соперница</i> (перевод с английского)	105
<i>Наталья Евтодиева. Осень</i> (перевод с немецкого)	75	<i>Андрей Москотельников. Лорды детской комнаты</i> (перевод с английского)	108
<i>Илья Липес. Ода «К Осени»</i> (перевод с английского) . . .	76	<i>Ольга. Пташьё радио</i> (перевод с польского)	111
<i>Марк Польшковский. Последнее явление Тигриного</i> Рыка (перевод с английского)	78	<i>Елена Мелкумова. Слинки Малинки</i> (перевод с английского)	115

<i>Попова Светлана Ивановна. Хотел бы быть я клоуном</i> (перевод с немецкого)	116
<i>Настя Доброта. Джингл беллс, или серенада похотливого мужичонки</i> (перевод с английского) . .	118
<i>Геннадий Михлин. Вопросы Эльфа</i> (перевод с финского)	120
<i>Настя Доброта. Королевская мода</i> (перевод с английского)	122
<i>Елизавета Хероимова. На рынке черных магов</i> (перевод с французского)	124
<i>Эмма. Соблазны</i> (перевод с английского)	125
<i>Марк Польшковский. Пейзаж детства</i> (перевод с иврита)	126
<i>Дмитрий Великов. Ненужные слова</i> (перевод с испанского)	128
<i>Дмитрий. Не могу изгнать из мыслей моих</i> (перевод с английского)	129
<i>Александр. Легкие бабки</i> (перевод с английского)	130
<i>Алексей Ряскин. Лестница в небо</i> (перевод с английского)	132
<i>Халиме Паланджи. Она прекрасна</i> (перевод с английского)	134
<i>Вероника. Стрела и песня</i> (перевод с английского) . . .	135
<i>Настя Громова. Дух Дракона</i> (перевод с английского) .	136
<i>Лидия Мищенко. Моя смерть</i> (перевод с английского) .	138

<i>Onthefloor. Красная шапочка и волк</i> (перевод с английского)	140
<i>Богданова Елена. Соседи сверху</i> (перевод с английского)	143
<i>Татьяна. Голос души</i> (перевод с английского)	144
<i>Валерия. Рождественская ёлка</i> (перевод с немецкого) .	146

ПРОЗА

<i>Люси. Ложь от первого лица</i> (перевод с иврита)	148
<i>Юлия Рац. Преступление</i> (перевод с французского) . . .	154
<i>Ксения. Партнер по танцам</i> (перевод с английского) . .	161
<i>Ксения. Как выжить с бабушкой</i> (перевод с английского)	167
<i>Александра. Обо мне</i> (перевод с английского)	170
<i>Ярослава Уголева. Потерянные дневники Адриана Моула 1999–2001</i> (перевод с английского)	174
<i>Дарья Баранова. Грязь, пот и слезы</i> (перевод с английского)	177
<i>Olga. Машинка-щекоталка</i> (перевод с испанского)	180
<i>Софья Шишацкая. Клуб ценителей вельвета</i> (перевод с английского)	182
<i>Любовь Асташина. Музыкальный опыт старика Эндрю</i> (перевод с английского)	188
<i>Иван Борщевский. Квант во Вселенной</i> (перевод с английского)	192

<i>АВ. Давным-давно в вечернем парке</i> (перевод с японского)	194
<i>Константин Кучер. Мой придурковатый старший брат</i> (перевод с белорусского)	197
<i>Андрей Москотельников. Сильвия и Бруно</i> (перевод с английского)	202
<i>Leonid Ivlev. Посетители</i> (перевод с китайского)	208
<i>Фёдор Каузов. Друзья</i> (перевод с итальянского)	210
<i>Ксения. Несчастный случай</i> (перевод с английского)	216
<i>Милена. Умереть от Скрэббл</i> (перевод с английского)	221
<i>Olga. Страх</i> (перевод с испанского)	226
<i>Целовальникова Дарья. Путешествие с блохой. Глазго, 2003. «Эх, прокачу!..»</i> (перевод с английского)	231
<i>Ксения. Корица</i> (перевод с английского)	234
<i>Екатерина. Каменный ангел</i> (перевод с английского)	239
<i>Ирина Позднякова. Кау и Фрисс или поездка к удивительному заливу 1</i> (перевод с немецкого)	246
<i>Drulic. Кукушкина любовь</i> (перевод с немецкого)	253
<i>Фьюме. Ласточка под куполом</i> (перевод с итальянского)	259
<i>Tsybenko. Чудо Эфеса</i> (перевод с новогреческого)	262
<i>Фьюме. Рождественский дар</i> (перевод с итальянского)	268

<i>Платонида Белухина. Сказки</i> (перевод с нидерландского)	272
<i>Ирина Юрьевна. Рамона-хулиганка</i> (перевод с английского)	279
<i>Елена. Давление</i> (перевод с английского)	282
<i>Апiña. Букашка Мартинес и Мышонок Перес</i> (перевод с испанского)	284

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Sabinus. Зреть Единство</i> (перевод с итальянского)	292
<i>Sabinus. Хлеб вчерашнего дня</i> (перевод с итальянского)	298
<i>Апiña. Айсберг для «Титаника»</i> (перевод с испанского)	304
<i>Татьяна. Каждое слово должно попасть в цель</i> (перевод с немецкого)	307
<i>Марина Попова. Провальная публика</i> (перевод с немецкого)	312
<i>Ярослава Хоменко. Скульптура – мертвый язык</i> (перевод с итальянского)	314
<i>Апiña. Читать при свете луны</i> (перевод с испанского)	317
<i>Люси. Дневник писательницы</i> (перевод с английского)	320
<i>Вера Сафрошкина. «Проклятие иероглифики» или кризис иероглифической письменности</i> (перевод с китайского)	322

ПОЭЗИЯ

Herbsttag

Herr, es ist Zeit. Der Sommer war sehr groß.
Leg deinen Schatten auf die Sonnenuhren,
und auf den Fluren lass die Winde los.

Befiehl den letzten Früchten, voll zu sein;
gib ihnen noch zwei südlichere Tage,
dränge sie zur Vollendung hin, und jage
die letzte Süße in den schweren Wein.

Wer jetzt kein Haus hat, baut sich keines mehr.
Wer jetzt allein ist, wird es lange bleiben,
wird wachen, lesen, lange Briefe schreiben
und wird in den Alleen hin und her
unruhig wandern, wenn die Blätter treiben.

Rainer Maria Rilke

Осенний день

Перевод с немецкого

Пора, Владыко! Лето было длинным —
Брось тень на стрелки солнечных часов
И отпусти ветра в их бег старинный.

Наполни фрукты солнцем и росой,
Оставь им только пару теплых дней,
Чтобы совсем созреть. Потом налей
Последней сладости в тяжелое вино.

Час пробил, день настал, все решено:
Сейчас бездомный впредь бродягой будет.
Кто одинок сегодня, тот один
Останется — сам раб, сам господин.

Он на рассвете близких не разбудит,
А вечерами будет жечь камин,
Писать друзьям, не торопя с ответом,
И ждать, пока опять наступит лето.

Наталья Евтодиева

Мен ақсұңқардан туған құмаймын

Мен ақсұңқардан туған құмаймын
Асқар, асқар,
асқар тау,
Асқар таудың со бүркіт
Ылдыдың аңын шалар ма?!
Ақсұңқар құстың баласы
Қасқыр тартқан жемтікке
Ағармай көзі шалар ма?!
Лашын, сұңқар жүн төксе,
Далада қалған сүйек деп,
Шеніне қарға жолау ма?!
Артымда қалған алғаным,
Қытайы қызыл көйлегі
Күнге қойсаң оңар ма?!
Мұндай қорлық болар ма?!
Мен ақсұңқардан туған құмаймын
Бір сұңқарға жұбаймын.
Сауырыма қамшы тигізіп,
Шаппай неғып шыдайын?!
Түбін қазған мен – бәйтерек,
Толкуменен құлаймын.

Махамбет Утемисов

Я от сокола рождённый

Перевод с казахского

Горы, горы, возвышающие горы!
Здесь орёл — король охоты.
Разве он в полёте гордом
ищет живность на болоте?!
Стал бы ястреб с неба падать,
если он не бестолок,
на разодранную падаль,
после трапезы волков?!
Когда сокол пух и перья
белой россыпью разбросит,
вороньё без недоверья
разве примет их за кости?!
Толку в том, что я в живых,
если меня рядом нет?!

Красный шёлк моей жены
потерял на солнце цвет.
...Я от сокола рождённый...
Как в неволе мне прижиться?
Қо всему тому я в жёны
выбрал хищную же птицу.
Вновь бы птицею стать ловчей,
не изнеженным павлином
иль собакою стать гончей,
а не жертвою гонимой.
Я теперь — огромный тополь,
на подкопанных корнях,
раскачавшись ветром вдоволь,
рухну, может быть, на днях.

Beket

Faust stara się zrozumieć (Ja, Faust)

Którejś nocy Faust stanął w oknie swojej pracowni
i wpatrując się w obroty ciał niebieskich,
spadające gwiazdy, rozlane z Wielkiego Wozu
mleko na drodze i sputniki okrążające Ziemię,
jak gdyby miało to jakiś sens,
wtedy, tak wtedy właśnie
popadł w zwątpienie:

no bo niby jak pojąć gwiazdne wojny
i wieczną trajektorię ich pocisków, bombardowania
meteorów, kawalerię komet, starcia konstelacji
z własną konsternacją, niby jak zrozumieć,
skoro wojna rozumieć się nie musi;
ona Toczy Się jak wpisane w porządek wszechrzeczy
wieczne koło wszechświata, wieczny ruch
wszechczasów, wieczny dialog wszechbogów.

Wojna linuxa z windowsem, wedla z wawelem,
toyoty z hondą, IV RP z III RP, raka z cukrzycą,
islam z chrześcijaństwem, chrześcijaństwa
z feminizmem, feminizmu z machismo,
prozy z poezją, poezji z życiem,
karnawału z postem.

Walki mokrych podkoszulków,
buldogów pod dywanem,

Фауст пытается понять (Из книги «Я, Фауст»)

Перевод с польского

Как-то ночью Фауст стоял у окна лаборатории
и вглядывался в кружение небесных тел,
падающие звезды, молоко, разлитое Большой Медведицей
по Млечному Пути, и спутники, кружащие вокруг Земли,
как если бы в том был какой-то смысл,
и именно тогда, когда
замучили сомненья:

потому, как же понять звездные войны
и вечные траектории их снарядов, бомбардировки
метеоритов, кавалерию комет, столкновение констелляции
с собственной констернацией, как понять,
если война пониматься не должна;
она катится, как вписанное в миропорядок
вечное коловращение вселенной, вечное движение
всевремени, вечный разговор всебогов.

Война Linux с Windows, Ведля с Вавелем,
Тойоты с Хондой, IV РП с III РП, рака с диабетом,
ислама с христианством, христианства
с феминизмом, феминизма с махизмом,
прозы с поэзией, поэзии с жизнью,
карнавала с постом.

Поединки пропотевших футболок,
бульдогов под ковром,

koncernów naftowych,
koncernów prasowych,

pojedynek
Apolona z Marsjaszem;

pokolenie JP II kontra pokolenie mp3;
cywilizacja miłości przeciw cywilizacji śmierci;

wojna o Helenę, o Małgorzatę,
o mały włos,
o rety! Faust stara się zrozumieć,
a gwiazdy śmieją się z niego
i strzelają okiem.

Leszek Żuliński

нефтяных концернов,
концернов массмедиаальных,

поединок
Аполлона с Марсом;

поколение JP2 против поколения mp3,
цивилизация любви против цивилизации смерти;

война за Елену, за Маргариту,
за ломаный грош.
О, Боже! Фауст старается понять,
а звезды смеются над ним
и стреляют глазами.

Вера Виногорова

Bài hát về cố hương

Kính dâng làng Chùa của tôi

Tôi hát bài hát về cố hương tôi
Khi tất cả đã ngủ say
Dưới những vì sao ướt át
Và những ngọn gió hoang mê đại tìm về

Đâu đây có tiếng nói mê đàn ông bên mái tóc đàn bà
Đâu đây thơm mùi sữa bà mẹ khe khẽ tràn vào đêm
Đâu đây những bầu vú con gái tuổi mười lăm như những
mâm cây đang nhồi lên khỏi đất
Và đâu đây tiếng ho người già khúc khắc
Như những trái cây chín mẹ ngủ tuột khỏi cành rơi xuống
Góc vườn khuya có thức trắng một mình

Tôi hát bài hát về cố hương tôi
Trong ánh sáng đèn dầu
Ngọn đèn đỏ ông bà tôi để lại
Đẹp và buồn hơn tất cả những ngọn đèn
Thuở tôi vừa sinh ra
Mẹ đã đặt ngọn đèn trước mặt tôi
Để tôi nhìn mặt đèn mà biết buồn, biết yêu và biết khóc

Песнь о деревне Чиа

Перевод с вьетнамского

От мокрых звёзд алмазно блещет мир,
в котором тихо спит моя деревня.
И влажный свет, как дождь из горних дыр,
течёт на поле, крыши и деревья.

Вот в бледном свете спят, в руке — рука,
жена и муж, во сне вздыхая тонко.
Вот сладковатый запах молока
окутал мать и спящего ребёнка.

Вот спит девчонка, не познав пока
вкус поцелуя первого при звёздах.
Вот слышен хриплый кашель старика,
как будто выстрел, расколовший воздух.

Вот спелый плод скользнул в листве, как птица,
упав на землю, что без сна томится...

Я в свете лампы молча песнь пою
моей родной, стареющей деревне
и вспоминаю бабушку свою,
что мне светильник подарила древний.

Работа получила приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия»

Tôi hát bài hát về cố hương tôi
Bằng khúc ruột tôi đã chôn ở đó
Nó không tiêu tan
Nó thành con giun đất
Bò âm thầm dưới vại nước, bờ ao
Bò quần quại qua khu mồ dòng họ
Bò qua bãi tha ma người làng chết đói
Đất đùn lên máu chảy dòng dòng

Tôi hát, tôi hát bài ca về cố hương tôi
Trong những chiếc tiểu sành đang xếp bên lò gốm
Một mai đây tôi sẽ nằm trong đó
Kiếp này tôi là người
Kiếp sau phải là vật
Tôi xin ở kiếp sau là một con chó nhỏ
Đề canh giữ nỗi buồn – báu vật cố hương tôi...

Nguyễn Quang Thiều

Как греет душу и ласкает взгляд
его огонь, что гонит тьму упрямо!
Его впервые много лет назад
передо мной зажгла однажды мама...

Я о деревне песнь свою пою,
с которой связан вечной пуповиной.
Здесь смерть и горе пронеслись лавиной,
седой до срока сделав мать мою.

Я славлю в песне свой родимый край,
и против воли думаю украдкой,
что и при жизни он мне был, как рай,
и после смерти будет лечь тут сладко...

Я — человек. Я жив ещё. Однако
наступит время облик свой менять.
Пусть в новой жизни стану я — собакой,
чтобы мою деревню охранять.

Тогда, любовью давней окрыляем,
я всех врагов поразгоняю лаем!

Николай Переяслов

Zurück zum Hades

Zurück zum Schlamm, zum schmutzigen Beginn,
zur Brutstatt unbeseelter Kreaturen:
zu dämmern ohne Ziel und ohne Sinn,
blind für das Wunder friedlich bunter Fluren.
Wirf dich zu Boden, kriech dein Wurme gleich!
Du hast dein stolzes Haupt zu hoch getragen
und wähtest, unser sei das Himmelreich;
nun liegst du da, geschändet und geschlagen,
mit andrem Abfall, Müll. und welkem Laub,
von jedem Windstoß in die Flucht getrieben,
und nichts ist schließlich als ein Häufchen Staub
vorn deiner alten Herrlichkeit geblieben.

Zurück zur Höhle, in das Erdversteck,
die Menschenwürde ganz und gar mißachtet,
zurück zu Tierischem an Dreck und Schreck
und schließlich viehisch wie ein Tier geschlachtet!
Die Sicherheit, das heilige Lebensgut,
der Wesen gegenseitiges Vertrauen,
zerstört! Die Welt verkommt in Furcht und Wut,
aus Tag und Abend ward ein böses Grauen,
und angstvoll bebt die Nacht im Schlafe noch:
es geistern durch die Luft des Todes Boten.
Zurück ins Dunkel, in das Erdenloch,
wohin wir längst gehören: zu den Toten!

Назад в Аид

Перевод с немецкого

Назад, в отстой первоначала, в грязь,
к бездушным тварям, в подлое кишенье,
в роение, утратив цель и связь,
для красок мира не имея зренья.
Бросайся оземь и ползи червём!
Ты слишком возносился головою
и в царствие небесное живьём
войти хотел; теперь лежи с листвою
увядшею, как лёгкий дрязг и сор,
гоним любым порывом ветра. Малость —
комочек пепла тёплый до сих пор —
вот всё, что от величия осталось.

Назад в пещеры, в норы под землей,
к животным страхам, с темнотой и смрадом,
назад к скотам идущим на убой,
утратив человеческое — стадом!
И ценность жизни, этот дар святой,
и всякое взаимное доверье
разрушены! Мир потерял устой,
и день и вечер — страшное преддверье
к ужасным содроганиям в ночи:
наполнен воздух гибели гонцами.
Под землю от железной саранчи,
назад во мрак, сравнившись с мертвецами!

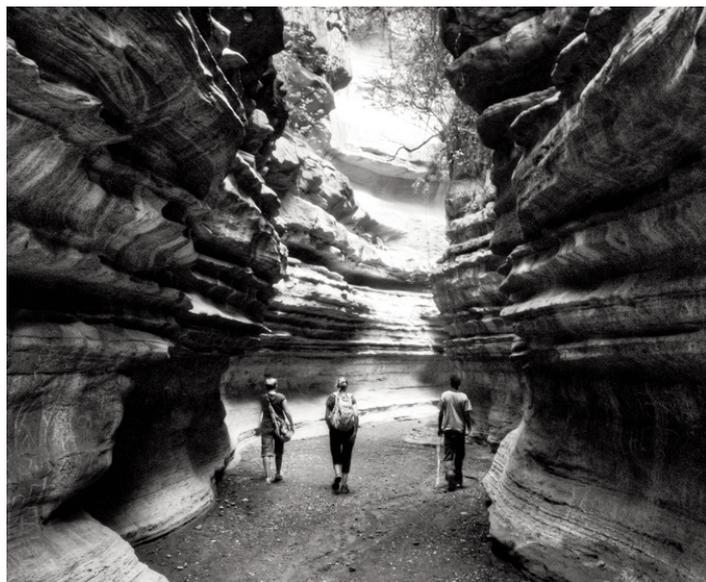
Работа заняла второе место в номинации «Поэзия».

Noch nicht gewesen oder nicht mehr sein,
doch kein beherztes, gutgeführtes Leben!
In die Erniedrigungen tief hinein,
noch tiefer, tun dich niemehr zu erheben!
Es bleiben Furcht und Dunkelheit dein Los,
allmählich wirst du dich nicht mehr entsinnen,
daß einst dein Dasein menschlich war und groß,
nur trachten, der Vernichtung zu entrinnen,
der doch dein Kleinmut längst sich dumpf ergab.
Mag nun das Letzte über dich ergehen:
hinab zum Hades, in das Massengrab,
aus dem wir alle nicht mehr auferstehen!

Max Herrmann-Neisse

Ещё не стать, или уже не быть,
но никогда не выпрямляться смело!
Не лучше ли в минувшее уплыть,
так чтоб душа вернуться не сумела?
Но нет, судьба жестока и темна,
когда-нибудь запомнить надо,
что жизнь была гуманна и полна,
где ныне выживание — награда.
Твой душный страх тебя уже теснит,
последний вдох и опускаться станем
туда — в могилу общую, в Аид,
откуда мы вовеки не восстанем!

Раиба Алекс

Нулева група

„Мойта кръв е от Нулева група –
на всекиго мога да дам,
но не мога да взема от всеки...”
Любомир Левчев

Спринцовка моя кръв.
И пак, и пак...
Мълчание
от вените изтича.
В четвъртия листец
на детелина
едно внезапно
и съдбовно врочане...

Момчето бе
От кръвна група „Б”.
„Б” като болка,
казах си и толкова
ми трябваше
ръкава да навия
и да затворя
очите на страха.

Изтичат черни капки –
като черешки,
презрели
от напразното очакване.
Светът е болен.
Кръвна група „Б”
е неговият
безпощаден знак.

Светът е болен.
Малко са черешите.
На цвят умряха.
Буря ги отнесе.
И вените
набъбнаха от скреж.
Лирични донкихотовци,
къде сте?!

Спринцовка моя кръв.
И пак, и пак...
Обич ли
от вените изтича?
Под петото ребро
остана знак –
Христос навярно
също е обичал...

Нулевая группа

Перевод с болгарского

«Моя кровь – нулевой группы –
Я могу её дать каждому,
Но не могу от каждого принять...»
Любомир Левчев.

В моей руке – игла. И кровь моя –
течёт по ней в безмолвии тревожном.
Лежу, надежду робкую тая,
что в этом мире – Богу всё возможно.

Чтоб не бояться, я твержу себе,
что страх мой заперт, словно хищник в клетке...
У мальчугана – третья группа («В»),
иммунитет – на нулевой отметке.

Ловя черешен привкус на губе,
смотрю на капли в трубочке прозрачной.
У мира – тоже третья группа («В»),
иммунитет – почти совсем утрачен.

Он полон страхов. (Так весной, в саду,
черешня ночью в холоде дрожала,
и, не дождавшись солнца, вся в цвету
в ветвях озябших жизнь не удержала...)

Игла торчит из вены, как насос,
систему трубок заполняя кровью.
Шрам на ребре... Мне кажется, Христос –
был, как сосуд, наполнен весь любовью...

*
-Сърдечна недостатъчност – Излъга се.
изрече докторът. Като Тома Неверни.
Усетих му ръката – Не се досети,
напразно търсеше че под петото ребро
тревожно е всъщност моята,
утихналия пулс. ранената планета –
И пак тъй строго: следа от гвоздей,
-Не е кръводарител... белег от добро.

*
Момчето оздравя. Но мен не зная
Спасих го, Боже! кой ще излекува.
Но мисля си, Решетка тежка
дали ще ми прости, пада пред душата ми.
че мойта кръв Във нея мислено
сега ще го тревожи, гнездо рисувам,
ще му звънят но като празна люлка
от глад за обич костите! все се мята.

Със жажда зарази го. Бера звезди
Детелини и тихо ги окачвам
неистово в съня си като фенери,
все ще група. но под чужди страхи.
Кръвта му, зная, Разсеяно
няма да изстине – забравя раздавачът
ще я лекува да пусне във кутията ми
Нулевата група. смях.

* * *
— О, Боже! — тревожно вздохнул надо мной,
нащупав мой пульс, озабоченный доктор. —
Вам надо, голубка, лечиться самой.
С таким-то сердечком... Какой из вас донор?..
Но он — заблуждался. Ему б, не тая
сомнений своих, осмотреть мои рёбра,
и он бы заметил там след от копья —
отметку судьбы, знак любви её доброй...

* * *
Мальчишка поправился. Слава те, Боже!
Его я спасла. Но покоя нет вновь:
простит ли меня он, коль станет тревожить
его моя страстная жгучая кровь?
Простит ли меня он за то, что, как вирус,
огонь неуёмно гудящей любви
ему, как вином угощая на вынос,
дала я в своей перелитой крови?
Проткнув ему кожу иглою грубой,
что делает больно, но жизнь бережёт,
сойдясь с его третьей, бесстрашною группой,
моя, нулевая, его обожжёт..
...Его — я спасла, влив любовь свою в вены.
Сама же, как яхта, что села на мель,
рисую в душе, как в каюте на стенах,
пустую, качающуюся колыбель.

А Чаплин всяка нощ
съня ми чисти.
Повдига с крак
желязната решетка.
И шумата
на болните усмивки
разчиства.
Нямам неплатени сметки.

Мълча. Черешни
зреят в тишината.
От ветрищата
как да ги опазя?!
Кълвачът стих
във дънера печата:
„Любете се!
Достатъчно омрази!”

*

И пак запретвам
белите ръкави.
Сърдечна недостатъчност?!
О, Боже!
Светът от група „Б”
ще бъде здрав.
А мойта кръв
Докрай ще го тревожи!

Елка Няголова

Я звёзды ловлю и к дверям прибиваю
соседским, не дав на земле им остыть.
В мечты погружён, почталён забывает
в почтовые ящики смех опустить.

Спасибо, что в сны мои Чаплин приходит,
как дворник, к печальной работе готов.
Он душу обходит, порядок наводит,
и — нет неоплаченных больше счетов!

* * *

...Как капли крови, вызрели черешни.
(Что им не больно — никому не верьте.)
Колотит дятел в тишине безбрежной
призыв: «Любите! Хватит слёз и смерти!»

Я свой рукав закатываю снова.
С моим-то сердцем?.. Ничего, забудем.
Мир с третьей группой должен быть здоровым.
Пусть кровь моя — в нём жар любви разбудит!

Николай Переяслов

En dräng i en säng av maräng

Det var en gång ett slott på en äng
i slottet bodde en dräng
han sov i en säng av maräng
Han tjänade en bra peng
på herrens stora äng
Drängen var fåfång
För att få sin skönhetsömm
sov han alltid länge i sin säng,
av maräng

En dag gjorde ett tjejäng en sväng,
till herrens stora äng
Gänget åt upp drängens säng
Han trillade ner, denna dräng
och blev förbannad på detta tjejäng
En tjej skrattade och sa:
Sluta vara fåfång,
Upp med dig och jobba på herrens äng

Drängen löd,
mellan dem uppstod en glöd
Så gifte sig en dräng från en stor äng
med en tjej från ett gäng
som hade ätit upp hans säng,
av maräng.

Amra Kadric Sijan

Про батрака и постель из беэ

Перевод с шведского

В замке жил один батрак,
был батрак - большой чудак,
каждый день он спал в кровати
из беэ, как будто в вате.
Он работал на лугах,
был не беден, при деньгах.
Чтобы не лишиться стати,
спал в своей беэ-кроватьи
кстати.

Но однажды так
случилось,
с ним несчастье приключилось,
и веселые подружки
съели все беэ-подушки
и его беэ-кровать.
Начал их батрак ругать.
Но одной подружке странно,
что батрак такой тщеславный,
и работать на луга отправляет
батрака.

Тут любви внезапной искра
разгорелась в пламя быстро,
и батрак с большого луга
вскоре стал ее
супругом,
и решил он в жены взять
только эту из подружек,
съевших всю беэ-кровать.

Елена Николаевна Шацких

La casada infiel

Y que yo me la llevé al río
creyendo que era mozuela,
pero tenía marido.

Fue la noche de Santiago
y casi por compromiso.
Se apagaron los faroles
y se encendieron los grillos.
En las últimas esquinas
toqué sus pechos dormidos,
y se me abrieron de pronto
como ramos de jacintos.
El almidón de su enagua
me sonaba en el oído,
como una pieza de seda
rasgada por diez cuchillos.
Sin luz de plata en sus copas
los árboles han crecido,
y un horizonte de perros
ladra muy lejos del río.

*

Pasadas las zarzamosas,
los juncos y los espinos,
bajo su mata de pelo
hice un hoyo sobre el limo.

Неверная

Перевод с испанского

Я ночью повел ее шалой
К реке, опьяненной луной.
Она мне девчонкой казалась.
Она была чьей-то женой.
Она улыбалась беспечно,
Моей не боялась руки,
Последние лампы жег вечер,
Горели в траве светляки.
Сантьяго гулял заплотом,
Но там, где шум праздника стих,
Она гиацинтовой дрожью
Вдруг в пальцах раскрылась моих.
Прибой ее юбок забился,
Я слышал, как рвутся шелка
Ножом оголтелым убийцы,
Как стонет под ветром река.
Где шепчет камыш, как любовник,
Алеет шиповника вязь,
Я вплел ее кудри в терновник,
И плечи вмял в топкую грязь.
Отбросив ремень с пистолетом,
Глядел я, забывши дышать,
Как спали обертки корсета,
Рубашки прозрачная гладь.

Yo me quité la corbata.
Ella se quitó el vestido.
Yo el cinturón con revólver.
Ella sus cuatro corpiños.
Ni nardos ni caracolas
tienen el cutis tan fino,
ni los cristales con luna
relumbran con ese brillo.
Sus muslos se me escapaban
como peces sorprendidos,
la mitad llenos de lumbre,
la mitad llenos de frío.
Aquella noche corrí
el mejor de los caminos,
montado en potra de nácar
sin bridas y sin estribos.
No quiero decir, por hombre,
las cosas que ella me dijo.
La luz del entendimiento
me hace ser muy comedido.
Sucia de besos y arena
yo me la llevé del río.
Con el aire se batían
las espadas de los lirios.

Me porté como quien soy.
Como un gitano legítimo.
Le regalé un costurero
grande de raso pajizo,
y no quise enamorarme
porque teniendo marido
me dijo que era mozuela
cuando la llevaba al río.

Federico Garcia Lorca

Вьюном ее бедра метались,
Я бредил у черной воды
Над кожей, нежнее азалий,
Влажней, чем улиток следы.
Рвалось мое сердце, как птица,
Когда, я, узду отпустив,
Жемчужную гнал кобылицу
По лучшему в мире пути.
Слова ее, сладкие клятвы,
Мне в памяти долго носить,
Но стыд мне гортань опечатал,
Я их не смогу повторить.
На ирисов смятые стебли
Отравой восход перетек.
Ее перепачкали тело
Трава, поцелуи, песок.
Но честью я не поступилась,
Цыган поцелуев не крал.
Шкатулкой я с ней расплатился
И больше ее не встречал.
Любовь мою душу не точит,
Она ведь замужней была.
Я больше не помню той ночи.
Того, что она солгала.

Olga Guertz

A Thought Suggested By The New Year

THE more we live, more brief appear
Our life's succeeding stages:
A day to childhood seems a year,
And years like passing ages.

The gladsome current of our youth,
Ere passion yet disorders,
Steals lingering like a river smooth
Along its grassy borders.

But as the care-worn cheek grows wan,
And sorrow's shafts fly thicker,
Ye stars, that measure life to man,
Why seem your courses quicker?

When joys have lost their bloom and breath,
And life itself is vapid,
Why, as we reach the Falls of Death
Feel we its tide more rapid?

It may be strange; yet who would change
Time's course to slower speeding
When one by one our friends have gone,
And left our bosoms bleeding ?

Heaven gives our years of fading strength
Indemnifying fleetness;
And those of youth, a seeming length,
Proportion'd to their sweetness.

Thomas Campbell

Размышления в Новый Год

Перевод с английского

Чем дальше наша жизнь идет,
Тем фазы скоротечней:
Так, в детстве день похож на год,
А годы — словно вечность.

Течение юности, пока
Не прервано страстями,
Ползет неспешно, как река
С заросшими берегами.

Когда ж тускнеешь от забот,
И сыплются невзгоды,
То почему скорее ход
Звезд, что считают годы?

Когда увяли дни отрад,
И стала жизнь преснее,
Зачем смертельный водопад
Чем ближе, тем быстрее?

Но кто б замедлил время вдруг
И ход его нарушил,
Когда ушли за другом друг,
Кровить оставив душу?

Дарует небо скорость дням,
Когда все силы тают;
А юность радостную нам
Как будто продлевает.

Богданова Елена

Symphony in Yellow

An omnibus across the bridge
Crawls like a yellow butterfly,
And, here and there, a passer-by
Shows like a little restless midge.

Big barges full of yellow hay
Are moved against the shadowy wharf,
And, like a yellow silken scarf,
The thick fog hangs along the quay.

The yellow leaves begin to fade
And flutter from the Temple elms
And at my feet the pale green Thames
Lies like a rod of rippled jade.

Oscar Wilde

Симфония в желтом

Перевод с английского

Омнибус бабочкой лимонной
Сползает вяло по мосту,
Покажется то там то тут
Прохожий, гном неугомный.

Впускает пристань корабли
И баржи с желтым сеном колким,
Туман молочно-желтым шелком
Причал завесил до земли.

Листва, желтее янтаря,
Слетает с вязов виновато,
И по реке зеленоватой
Бежит нефритовая рябь.

pteacher

当你从我的窗下走过

当你从我的窗下走过
当你从我的窗下走过
祝福我吧
因为灯还着

灯亮着—
在晦重的夜色里
它像一点漂流的渔火
你可以没想我的小屋
像被狂风推送的一页小舟
但我并没有沉沦
因为灯还亮着

灯亮着—
当窗帘上映出了影子
说明我已是龙钟的老头
没有奔放的手势
背比从前还要驼
但衰老的不是我的心
因为灯还亮着

灯亮着—
它用这样火热的恋情
回答四面八方的问候

Когда пройдёшь ты мимо моего окна *Перевод с китайского*

Когда пройдёшь ты мимо моего окна,
Благослови меня!
Ведь свет ещё горит.

Ещё горит —
Во мрачном цвете ночи
Он словно на рыбацкой лодке огонёк.
Представь, что эта комната кораблик,
Злым ветром подгоняемый вперёд.
Но я ведь удержалась наплаву,
Ведь свет ещё горит.

Ещё горит —
Дрожащая на занавеске тень
Твердит, что я уже старуха.
И скованы движения мои,
И всё сильнее горбатится спина
Но сердце не дряхлеет!
Ведь свет ещё горит.

Ещё горит —
Он этой пламенной любовью,
Приветствиям со всех сторон несёт ответ.

灯亮着—
它以这样轩昂的傲气
睥睨明里暗里的压迫

呵 灯何时有了鲜明的性格
自从你开始理解我的时候

因为灯还亮着
祝福我吧 当你从我的窗下走过。

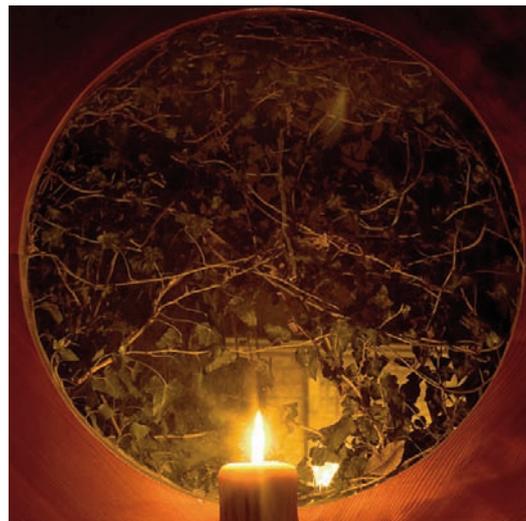
舒婷

Ещё горит —
Он с этой величавой гордостью,
Терпеть не будет явный ль, скрытый ль гнёт.

Ах, когда свет стал с таким характером?
Тогда, когда ты начал понимать меня.

И потому, что свет ещё горит,
Благослови меня,
Когда пройдёшь ты мимо моего окна!

Aoli

автор: Heikki Luhtala

Il bove («In campagna», III)

Al rio sottile, di tra vaghe brume,
guarda il bove, coi grandi occhi: nel piano
che fugge, a un mare sempre più lontano
migrano l'acque d'un ceruleo fiume;

ingigantisce agli occhi suoi, nel lume
pulverulento, il salice e l'ontano;
svaria su l'erbe un gregge a mano a mano,
e par la mandra dell'antico nume:

ampie ali aprono immagini grifagne
nell'aria; vanno tacite chimere,
simili a nubi, per il ciel profondo;

il sole immenso, dietro le montagne
cala, altissime: crescono già, nere,
l'ombre più grandi d'un più grande mondo.

Giovanni Pascoli

Вол (Из цикла «В деревне», III)

Перевод с итальянского

У крохотной речушки сквозь туман
следит он велемудрыми очами
за беглыми лазурными волнами,
спешащими в далёкий океан.

Пыльцою золотистою каштан
ему щекочет веки временами;
над тучными весенними полями
застыл он, словно древний истукан.

Смешался свет с порывистой мглой —
просторный горизонт заволочло
химерными созданиями эфира;

гигантский диск исчезнул за горою;
накрыло доли чёрное крыло
огромнее огромнейшего мира.

Батшеба

The Mirror

I look in the mirror
And what do I see?
A strange looking person
That cannot be me.

For I am much younger
And not nearly so fat
As that face in the mirror
I am looking at.

Oh, where are the mirrors
That I used to know
Like the ones which were
Made thirty years ago?

Now all things have changed
And I'm sure you'll agree
Mirrors are not as good
As they used to be.

So never be concerned,
If wrinkles appear
For one thing I've learned
Which is very clear,

Should your complexion
Be less than perfection,
It is really the mirror
That needs correction!

Edmund Burke

Зеркало

Перевод с английского

Стою перед зеркалом —
Кто это в нем?
С персоной сей странную
Я не знаком!

Намного моложе я,
И — постройней,
Чем... этот, что в зеркале
Видится мне.

Исчезли куда
Те десятки зеркал,
Что лет, эдак, тридцать
Назад я знавал?

Да, жизнь изменилась —
Не та, что была,
Не те, согласитесь,
Теперь зеркала!

При виде морщинок
Не стоит грустить,
Теперь-то я понял,
Как надобно жить,

Увидев изъяны
В своем отраженьи,
Считать: в зеркалах
Завелось искаженье!

tamarel

Vincent

Vincent Malloy is seven years old
He's always polite and does what he's told
For a boy his age, he's considerate and nice
But he wants to be just like Vincent Price

He doesn't mind living with his sister, dog and cats
Though he'd rather share a home with spiders and bats
There he could reflect on the horrors he's invented
And wander dark hallways, alone and tormented

Vincent is nice when his aunt comes to see him
But imagines dipping her in wax for his wax museum

He likes to experiment on his dog Abercrombie
In the hopes of creating a horrible zombie
So he and his horrible zombie dog
Could go searching for victims in the London fog

His thoughts, though, aren't only of ghoulish crimes
He likes to paint and read to pass some of the times
While other kids read books like Go, Jane, Go!
Vincent's favourite author is Edgar Allen Poe

One night, while reading a gruesome tale
He read a passage that made him turn pale

Винсент

Перевод с английского

Вот Винсент Мэллой — ему только семь,
Но главный герой он истории сей.
Приятен в общении, вежлив, не злой, —
Стать Винсентом Прайсом мечтает Мэллой.

С собакой, котом и сестренкой-малышкой
Живет он, хоть мог бы — с летучею мышкой
В хоробах зловещих тревожно бродить,
Печально раздумывать: быть, иль не быть?..

Винсент вежлив с тетей, хотя его мозг
Решает вопрос: как залить её в воск?..

Винсент ставит опыты с псом Эбекромби —
В надежде создать себе жуткого зомби.
Тогда, с этим монстром, наш Винсент бы смог
Искать себе жертв, выйдя в лондонский смог.

Но Винсент не зверь: как другие мальчишки
Рисует картинки, читает он книжки.
Причем не Чуковского, про «гиппо-по», —
Винсент любит Эдгара Аллана По.

Однажды, читая одну из тех книг,
Он вдруг побледнел и к странице приник.

Such horrible news he could not survive
For his beautiful wife had been buried alive!
He dug out her grave to make sure she was dead
Unaware that her grave was his mother's flower bed

His mother sent Vincent off to his room
He knew he'd been banished to the tower of doom
Where he was sentenced to spend the rest of his life
Alone with the portrait of his beautiful wife

While alone and insane encased in his tomb
Vincent's mother burst suddenly into the room
She said: "If you want to, you can go out and play
It's sunny outside, and a beautiful day"

Vincent tried to talk, but he just couldn't speak
The years of isolation had made him quite weak
So he took out some paper and scrawled with a pen:
"I am possessed by this house, and can never leave it again"
His mother said: "You're not possessed, and you're not almost dead
These games that you play are all in your head
You're not Vincent Price, you're Vincent Malloy
You're not tormented or insane, you're just a young boy
You're seven years old and you are my son
I want you to get outside and have some real fun."

Her anger now spent, she walked out through the hall
And while Vincent backed slowly against the wall
The room started to swell, to shiver and creak
His horrid insanity had reached its peak

Написано в книге: Винсента жена —
Красавица — заживо погребена!
Он кинулся в сад, чтобы выкопать гроб,
Не видя, что топчет чеснок и укроп.

И вот, в наказание отправлен домой,
Винсент понимал: стены станут тюрьмой,
Где он обречен видеть страшные сны,
Встречаясь глазами с портретом жены.

Безумие, пытка — вот так это было,
Вдруг мама его тихо дверь приоткрыла:
«Погода чудесная. Знаешь, сынок,
Иди, погуляй. Что мне этот чеснок?»

А Винсент и рад этим ноткам свободы,
Но так ослабел за тюремные годы.
Что слова не может сказать, лишь выводит:
«Я раб сей тюрьмы. Из неё не выходят...»
А мама в ответ: «Ты не раб, всё в порядке,
Ты сам это выдумал, все эти прятки,
Какой Винсент Прайс?! Ты же Винсент Мэллой,
Обычный мальчишка, а сказки — долой.
Тебе всего семь, мой любимый сынок,
Ну всё, собирайся, и марш за порог!»

Сказав ему так, его мама ушла,
Но Винсент не смог отойти от угла.
Вся комната жутко тряслась и скрипела:
Безумье Винсента достигло предела.

He saw Abercrombie, his zombie slave
And heard his wife call from beyond the grave
She spoke from her coffin and made ghoulish demands
While, through cracking walls, reached skeleton hands

Every horror in his life that had crept through his dreams
Swept his mad laughter to terrified screams!
To escape the madness, he reached for the door
But fell limp and lifeless down on the floor

His voice was soft and very slow
As he quoted The Raven from Edgar Allen Poe:

“and my soul from out that shadow
that lies floating on the floor
shall be lifted?
Nevermore...”

Tim Burton

Глядит: Эбекромби, ужасный и злобный;
Прислушался: женушки голос загробный.
Вопросы ужасные, чувство вины,
Ладони скелетов растут из стены,

Кошмары и страхи загнали в тупик —
И хохот безумный срывается в крик.
К двери тянет руки — еще хоть чуток! —
Но слабо, безжизненно валится с ног.

И голосом тихим, теряя напор,
Цитирует Эдгара Аллана По:

«Пригвожденный к этой тени навсегда —
Не воспрянет дух мой — никогда!»

Георгий Калихман

* Винсент Прайс — известный американский актёр, «мастер ужаса». По просьбе Бёртона, озвучивал мультфильм «Vincent».

** Последние две строки (цитата из «Ворона») даны в немного измененном переводе Д.С. Мережковского.

Office Friendships

Eve is madly in love with Hugh
And Hugh is keen on Jim.
Charles is in love with very few
And few are in love with him.

Myra sits typing notes of love
With romantic pianist's fingers.
Dick turns his eyes to the heavens above
Where Fran's divine perfume lingers.

Nicky is rolling eyes and tits
And flaunting her wiggly walk.
Everybody is thrilled to bits
By Clive's suggestive talk.

Sex suppressed will go berserk,
But it keeps us all alive.
It's a wonderful change from wives and work
And it ends at half past five.

Gavin Ewart

Служебные связи

Перевод с английского

Ева совсем без ума от Хью,
У Хью на уме лишь Джим.
Чарли немногим скажет «Люблю»,
И немногими сам любим.

Майра амурные письма строчит
Изящной рукой пианистки.
Дик, замечтавшись, в небо глядит,
Фрэн лишь окажется близко.

Ники тарашит глаза и грудь,
Проходя, отставляет таз.
Стоит Клифу пошлость вернуть,
Весь офис приходит в экстаз.

Вожделенье с ума сведет,
Но зато не дает унывать.
От жен и от дел хорошо отвлечет;
Все закончится ровно в пять.

Эмма

Młodość

Twoja nieszczęśliwa i głupia młodość.
Twoje przybycie z prowincji do miasta.
Zapotniałe szyby tramwajów, ruchliwa nędza w tłumie.
Przerażenie kiedy wszedłeś do lokalu, który dla ciebie za drogi.
Ale wszystko za drogie. Za wysokie.
Ci tutaj muszą spojrzeć twoje nieobycie
I niemodne ubranie i niezgrabność.
Nie było nikogo, kto by przy tobie stanął i powiedział:

- Jesteś ładnym chłopcem,
Jesteś silny i zdrowy,
Twoje nieszczęścia są urojone.

Nie zazdrościłbyś tenorowi w palcie z wielbłądziej wełny,
Gdybyś znał jego strach i wiedział, jak zginie.

Ruda, z powodu której przeżywasz męki,
Tak wydaje ci się piękna, jest lalką w ogniu,
Nie rozumiesz, co krzyczy ustami pajaca.

Kształt kapeluszy, krój Bukiem, twarze w lustrach
Będziesz pamiętać niejasno, jak coś co było dawno
Albo zostaje ze snu.

Молодость

Перевод с польского

Молодость твоя: наивность, невезучесть.
Твой переезд из захолустья в город.
Трамваев окна мутны, трясутся в толчее бедняги.
Робеешь ты, когда заходишь в клуб для богачей.
Он слишком дорог для тебя, высокомерен.
Заметны здесь твои неловкость,
Неуклюжесть и немодная одежда.
И никого нет рядом, кто сказал бы:

— Да ты ведь ладный парень,
Ты сильный и здоровый,
Твои несчастья придуманы тобою.

Ты не завидовал бы тенору в верблюжьем дорогом пальто,
Когда бы знал, как сильно он страшится смерти.

А Руда, мук твоих бесчисленных источник,
Красавица в твоих глазах — лишь пламенная кукла,
И скоро ты поймешь, что рот её кривит шута гримаса.

И шляпки модные фасона Букиема, и лица в зеркалах —
Ты будешь смутно вспоминать, как нечто давнее,
А то и вовсе сон.

Dom, do którego zbliżasz się z drżeniem,
Apartament, który ciebie olśniewa,
Patrz, na tym miejscu dźwigi uprzętają gruz.

Ty z kolei będziesz mieć, posiadać, zabezpieczać,
Mogąc wreszcie być dumny, kiedy nie ma z czego.

Spełnią się twoje życzenia, obrócisz się wtedy
Ku czasowi utkanemu z dymu i mgły.

Ku mieniającej się tkaninie jednodniowych żywotów,
Która faluje, wznosi się i opada jak niezmienne morze.

Książki, które czytałeś, nie będą więcej potrzebne,
Szukałeś odpowiedzi, żyłeś bez odpowiedzi.

Będziesz iść ulicami jarzących się stolic południa
Przywrócony twoim początkom, widząc w zachwyceniu
Biel ogrodu, kiedy w nocy spadł pierwszy śnieg.

Czesław Miłosz

Вот дом, к которому ты с трепетомходишь,
Там ослепительна квартира. Но — смотри-ка:
Остались здесь лишь камни битые в лебёдках кранов.

Но ты дождёшься и сумеешь: иметь, держать, оберегать,
Прямым и гордым быть, без видимого повода.

Твои желанья сбудутся, ты обратишься
Ко времени, что соткано из дыма и тумана.

К изменчивой и хрупкой однодневных жизней ткани,
Которая трепещет, волной вздымается и опадает, словно море.

И книги, что читал ты, не понадобятся более,
Останутся вопросы без ответов, как и прежде.

И ты пойдешь по жарким южным улицам столиц,
Воспрянешь духом у родных пенатов и увидишь
Тот белый сад, где ночью выпал первый снег.

Алексей

蕭紅墓畔口占

走六小时寂寞的长途
到你头边放一束红山茶
我等待着 长夜漫漫
你却卧听着海涛闲话

Дай Ваншунь

У могилы Сяо Хун

Перевод с китайского

Шесть часов,
В одиночестве путь,
Чтобы красных камелий букет
Возложить в изголовье тебе,
И мое ожидания тут ,
В накатившей прибоем ночи,
А теперь лишь шептание волн
Нарушать будет твой покой.

Leonid Ivlev

Коледно чудо

Когато елховите клони греят
от коледни звезди и светлини,
тогава беден и богат копнеят
небесно чудо да ги осени.

Въпият праведниците за милост,
а грешниците молят за покой.
И всички търсят от Небето сила,
за да осмислят мъдро пътя свой.

А чудото е всекиму в душата.
Човече, в себе си без страх се взри
и ще откриеш дияра от звездата
която Бог за тебе сътвори...

Дафинка Станева

Рождественское чудо

Перевод с болгарского

Когда бывает ель крылатой
В рождественских огнях цветных,
Мечтают бедный и богатый,
Что чудо снизойдёт на них.

На праведников — Божья милость.
На души грешников — покой...
Чтоб в небесах судьба вершилась
И выправляла путь земной.

А чудо в наших душах скрыто
Не на короткий миг в году.
Без страха в душу посмотрите,
Чтоб отыскать свою звезду.

valeriy

Самотната жена

И нейното разпятие започва в петък.
След работа прибира се сама.
Не бърза. Няма тя кому да шета –
пак само котката я чака у дома.

Самотната жена безцелно ще обходи
с тълпата магазин след магазин ...
А в кафенето, седнала до входа,
ще дави мъката в тютюнев дим.

Тревожно ще поглежда към звездите
над тръпния от нежност булевард.
За кой ли път тя себе си ще пита:
“Къде е той – любовният буквар?”

По навик стар коняк ще си налее
и ще будува в старото кресло.
Не мъжка ласка – телевизорът ще грее
до съмване студеното легло.

Дафинка Станева

Одинокая женщина

Перевод с болгарского

В пятницу – снова распятие.
После работы – одна.
Нужно придумать занятие,
Чтоб не скучать у окна.

По магазинам слоняется,
Хоть это ей ни к чему.
В баре к толпе прислоняется,
Топит страданье в дыму.

Смотрит на звёздные россыпи,
На многолюдный бульвар
И задаётся вопросами:
«Где он – любовный букварь?»

Выпьет коньяк согревающий
В стильной квартире своей
И телевизор мигающий
Будет напарником ей.

valeriy

Simára kopott kőlépcsőn

Udvari költő szerettem volna lenni,
puhaléptű, értelmes palotapincsi,
függeni szerettem volna – így tanultam,
s a függés ellen váltig küzdeni.

Zárt terekben szerettem volna élni,
ahonnan csak áttételekkel látszik
hajnal, idő, a nap dőlésszöge,
véletlen részletekből konstruálva.

Kevés ember között vetődni, mint a flipper
ezüst golyója, puskaropogásként
kiosztott pofonok között cikázni.
Kiformi, mint a tiszta húsleves.

Mindenről nekem kellett volna tudni:
amivel nem törődök, megszűnik.
Ha nagy a tér, elvész a felelősség.
Ne legyen sok szárnyú a palota.

Ádám Nádasdy

На истертых ступенях дворцовой лестницы

Перевод с венгерского

Хотел бы я пиитом чинным стать
Иль при дворе болонкою пушистой.
И в этом положеньи воевать
С дворцовым игом лжи и подхалимства.

Хотел бы я в палатах проживать
Без окон, чтобы редкие рассветы
Лишь образно и мысленно встречать,
Слагая из разрозненных сюжетов.

Шаром пинбольным рад бы я скакать
Промеж людей, считая оплеухи;
От ярости, как чайник, закипать
И выкипать, как суп мясной, от скуки.

Хотел бы я про всё на свете знать,
Не напрямую, только понаслышке.
Чем тесен мир — тем меньше отвечать
Мне за свои масштабные ошибки.

Вир Валуис

Rima XXV (31)

Cuando en la noche te envuelven
las alas de tul del sueño
y tus tendidas pestañas
semejan arcos de ébano,
por escuchar los latidos
de tu corazón inquieto
y reclinar tu dormida
cabeza sobre mi pecho,
diera, alma mía,
cuanto poseo,
la luz, el aire
y el pensamiento!

Cuando se clavan tus ojos
en un invisible objeto
y tus labios ilumina
de una sonrisa el reflejo,
por leer sobre tu frente
el callado pensamiento
que pasa como la nube
del mar sobre el ancho espejo,
diera, alma mía,
cuanto deseo,
la fama, el oro,
la gloria, el genio!

Рифма XXV (31) – Новая редакция

Перевод с испанского

Когда тебя окутывает сон,
вуалью тюлевой накрыв твои ресницы,
их — аркой выгнутый — божественный узор
подобен тонким крыльям черной птицы;
когда смотрю на голову твою,
склоненную на грудь мою — во сне — при лунном свете,
и слышу сердца беспокойный стук,
твоим любуюсь дивным силуэтом,
то кажется, что я, душа моя,
пожертвовал бы всем —
пространством, мыслью,
светом!

Когда твой чистый лучезарный взор
весь устремлен в невидимые дали,
и на губах улыбки теплый свет
в вечерней дымке трепетно мерцает;
когда читаю на твоём лице
задумчивость, навеянную снами,
которая, как утренний туман,
над гладью вод зеркальных проплывает,
то кажется, что я, душа моя,
отдал бы всё —
талант, богатство
славу!

Cuando enmudece tu lengua
y se apresura tu aliento,
y tus mejillas se encienden
y entornas tus ojos negros,
por ver entre sus pestañas
brillar con húmedo fuego
la ardiente chispa que brota
del volcán de los deseos,
diera, alma mía,
por cuanto espero,
la fe, el espíritu,
la tierra, el cielo.

Gustavo Adolfo Becquer

Когда ты умолкаешь и когда
все чаще дышишь и от чувств вздыхаешь,
и щеки алым пламенем горят,
и очи черные ты томно закрываешь;
когда я вижу меж твоих ресниц
блеск влажных глаз
и пылкий жар желанья,
то, где б я не был,
всё, душа моя,
отдам за это —
землю, веру
небо.

Виктор Анталов

Το σπίτι κοντά στη θάλασσα

Τὰ σπίτια πὸ εἶχα μοῦ τὰ πῆραν.
Ἔτυχε νὰ ἴναι τὰ χρόνια δίσεχτα πολέμοι χαλασμοὶ ξενιτεμοὶ
κάποτε ὁ κυνηγὸς βρῖσκει τὰ διαβατάρικα πουλιὰ
κάποτε δὲν τὰ βρῖσκει τὸ κυνήγι
εἶταν καλὸ στὰ χρόνια μου, πῆραν πολλοὺς τὰ σκάγια
οἱ ἄλλοι γυρίζουν ἢ τρελαίνονται στὰ καταφύγια.
Μὴ μοῦ μιᾶς γιὰ τ' ἀηδόνη μήτε γιὰ τὸ ν' κορυδαλλὸ
μήτε γιὰ τὴ μικρούλα σουσουράδα
πὸ γράφει νούμερα στὸ φῶς μὲ τὴν οὐρά της
δὲν ξέρω πολλὰ πράγματα ἀπὸ σπίτια
ξέρω πὼς ἔχουν τὴ φυλὴ τους, τίποτε ἄλλο.
Καινούργια στὴν ἀρχή, σὰν τὰ μωρὰ
πὸ παίζουν στὰ περβόλια μὲ τὰ κρόσια τοῦ ἥλιου,
κεντοῦν παραθυρόφυλλα χρωματιστὰ καὶ πόρτες
γυαλιστερὲς πάνω στὴ μέρα
ὅταν τελειώσει ὁ ἀρχιτέκτονας ἀλλάζουν,
ζαρώνουν ἢ χαμογελοῦν ἢ ἀκόμη πεισματάνουν
μ' ἐκείνους πὸ ἔμειναν μ' ἐκείνους πὸ ἔφυγαν
μ' ἄλλους πὸ θὰ γυρίζανε ἂν μπορούσαν
ἢ πὸ χαθῆκαν, τώρα πὸ ἔγινε
ὁ κόσμος ἕνα ἀπέραντο ξενοδοχεῖο.
Δὲν ξέρω πολλὰ πράγματα ἀπὸ σπίτια,
θυμᾶμαι τὴ χαρὰ τους καὶ τὴ λύπη τους
καμιὰ φορά, σὰ σταματήσω ἀκόμη
καμιὰ φορά, κοντὰ στὴ θάλασσα, σὲ κάμαρες γυμνὲς
μ' ἕνα κρεβάτι σιδερένιο χωρὶς τίποτε δικό μου

Дом у моря

Перевод с новогреческого

Моих домов меня лишили. Так уж выпало,
Что годы были високосными. Войны, разрушенья, беженцы.
Бывает, что на перелетных птиц везет охотнику,
Бывает — не везет. Охота вышла славная
В мои года: сразили многих выстрелы,
А прочие в убежищах блуждают иль свихнулись.
Не говори ты мне о соловье, о жаворонке,
Не говори о трясогузке крохотной,
Что на свету фигуры чертит хвостиком...
А про дома известно мне немного:
Лишь то, что это племя некое, — не более.
Что поначалу новые они — как дети малые,
В садах играют бахромою солнечной,
Их ставни — словно вышивки цветастые,
Поблескивают дверью среди бела дня.
Иной их вид, как труд строитель кончит:
Дома то хмуры, то улыбчивы, то странный норов выкажут
Тем людям, что прожили в них и их покинули,
И тем, что, коль могли б, то воротились бы,
И тем, что уж пропали, ибо ныне
Мир превратился в бесконечный постоялый двор.

Да, про дома известно мне немного.
Мне вспоминаются их радости и горе,
Но изредка — во время остановок.
А иногда у моря среди голых стен,

κοιτάζοντας τη βραδινήν ἀράχνη συλλογιέμαι
πὼς κάποιος ἐτοιμάζεται νὰ ῥθει, πὼς τὸν στολίζουν
μ' ἄσπρα καὶ μαῦρα ροῦχα μὲ πολὺχρωμα κοσμήματα
καὶ γύρω του μιλοῦν σιγὰ σεβάσιμες δέσποινες
γκρίζα μαλλιά καὶ σκοτεινὲς δαντέλες,
πὼς ἐτοιμάζεται νὰ ῥθει νὰ μ' ἀποχαιρετήσει
ἢ μία γυναῖκα ἐλικοβλέφαρη βαθύζωνη
γυρίζοντας ἀπὸ λιμάνια μεσημβρινά,
Σμύρνη Ρόδο Συρακοῦσες ἀλεξάντρεια,
ἀπὸ κλειστὲς πολιτεῖες σὰν τὰ ζεστὰ παραθυρόφυλλα,
μὲ ἀρώματα χρυσῶν καρπῶν καὶ βότανα,
πὼς ἀνεβαίνει τὰ σκαλιὰ χωρὶς νὰ βλέπει
ἐκείνους ποὺ κοιμήθηκαν κάτω ἀπ' τὴ σκάλα.
Ξέρεις τὰ σπίτια πεισματῶνουν εὐκόλα, σὰν τὰ γυμνώσεις.

Ἰοργος Σεφερις

Где лишь моя кровать железная и пусто,
За пауком вечерним наблюдая, думаю,
Что гостя нужно ждать: его уж наряжают
В одежды черно-белые, в цветные украшения.
Приглушенные голоса почтенных женщин
Вокруг него, волосы седые, сумрак темных кружев,
И кто-то собирается прийти со мной проститься...
Иной раз я жену пышнопоюсу крутоброву вижу
По возвращенье из портов на юге —
Из Смирны, Родоса, из Сиракуз, Александрии,
Из городов закрытых, словно ставни теплые.
С благоуханием золотых плодов и трав душистых
Она по лестнице ступает вверх, не глядя
На тех, что под ступенями уснули.

Ты знаешь ведь: дома так своенравны,
коль их пустыми бросить.

Tsybenko

Vergewe en vergeet

*Dat gij niet vergeet de dingen
die uwe ogen gezien hebben.
Deut. 4:9.*

Daar het 'n doringboompie
vlak by die pad gestaan,
waar lange ossespanne
met sware vragte gaan.

En eendag kom daarlanges
'n ossewa verby,
wat met sy sware wiele
dwars-oor die boompie ry.

«Jy het mos, doringstruikie,
my ander dag gekrap;
en daarom het my wiele
jou kroontjie platgetrap.»

Die ossewa verdwyn weer
agter 'n heuweltop,
en langsaam buig die boompie
sy stammetjie weer op.

Прости и забудь

Перевод с африкаанс

*«Чтобы тебе не забыть тех дел,
которые видели глаза твои»
Втор. 4:9.*

При дороге дерево склонилось,
Отмечая прошлого години,
И шипами от невзгод укрылось,
Разметав упрямые седины

При дороге многое увидишь,
И стоять тут, вроде бы, опасно,
Но, себя ни как уже не сдвинешь,
И зачем печалиться напрасно..

Вот, волы колышутся с поклажей,
Грузовик летит в пыли дорожной,
Быть беде от этой скорой блажи,-
Налетел на ствол, по воле Божьей.

Заскрипели пыльные покрышки,
Крылья и капот ударом вмялись
«Ах, зачем мне эти все излишки,
Каждый день — напасть. Какая жалость».

Sy skoonheid was geskonde;
sy bassies was geskeur;
op een plek was die stammetjie
so amper middeldeur.

Maar tog het daardie bompie
weer stadig reggekom,
want oor sy wonde druppel
die salf van eie gom.

Ook het die loop van jare
die wonde weggewis -
net een plek bly 'n teken
wat onuitwisbaar is.

Die wonde word gesond weer
as jare kom en gaan,
maar daardie merk word groter
en groei maar aldeur aan.

Totius

Постоял, и скрылся за холмами...
Как же дерево, что от него осталось?
Не смогло отбиться ты шипами,
И в тебе, едва ли жизни малость,

Покорежено, растерзано, разбито,
Потеряло ты свои причуды,
Ветками помятыми покрыта
Вся дорога...Но, живы сосуды,

И смола течет густым потоком,
И твердеет, закрывая раны,
И шипы, и ветки полнит соком,
Открывая жизненные краны.

Ах, прошли года, и вновь дорога,
При дороге дерево склонилось —
Талисман родимого порога,
В жизни все моей с тобой сроднилось

Александр Фокеев

月下独酌

花间一壶酒，独酌无相亲。
举杯邀明月，对影成三人。
月既不解饮，影徒随我身。
暂伴月将影，行乐须及春。
我歌月徘徊，我舞影零乱。
醒时同交欢，醉后各分散。
永结无情游，相期邈云汉。

李白

Один под лунной пью вино

Перевод с китайского

Всюду цветы, рядом кувшин вина,
Сегодня один ночь проведу без сна.
Чашу подняв, я приглашу луну,
Явится тень, третьей будет она.
Тень без вина вторит движеньям моим,
И никогда не выпивает луна.
С ними втроем лучше компании нет,
Будем гулять, чтобы продлилась весна.
Я запою, станет луна мерцать,
Я запляшу, движется тень, пьяна.
Весело нам, пока в кувшине вино,
Но разойдемся, только допью до дна.
Связаны дружбой, пойдем беззаботно бродить,
На Млечном Пути встреча нам суждена.

Алёна Алексеева

Kui tuleb lumi tinavagelt karva

Kui tuleb lumi tinavalget karva.
Kui tuleb lumi raskelt
künka pääle,
kus risti mustad käised
lõdisevad.

Kui tuleb lumi tinavalget karva.

Ja nimigi on neetud mustakarva.

Kui tuleb lumi tinavalget karva.

Uut tuleriita näen, kus leegi
ussikeeled.
Ja uues usus märatsevad meeled.

Mu värss ei saa, ei suuda
kaasa kiita.

Kalju Lepik

Когда придут снега свинцово-бёлы

Перевод с эстонского

Когда придут снега свинцово-бёлы.
Когда придут снега, покрыв
пригорок,
где чёрен крест с дрожащими
руками

Когда придут снега свинцово-бёлы.

И имя то проклятия чернее.

Когда придут снега свинцово-бёлы.

Костёр, чьи языки —
змеины жала,
увиджу новый. Рвенье веры новой...

Мой стих не в силах будет
петь осанну.

Борис Балясный

The Raven

Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary,
Over many a quaint and curious volume of forgotten lore,
While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping,
As of some one gently rapping, rapping at my chamber door.
"Tis some visitor," I muttered, "tapping at my chamber door—
Only this, and nothing more."

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December,
And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
Eagerly I wished the morrow;— vainly I had sought to borrow
From my books surcease of sorrow— sorrow for the lost Lenore—
For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore—
Nameless here for evermore.

And the silken sad uncertain rustling of each purple curtain
Thrilled me— filled me with fantastic terrors never felt before;
So that now, to still the beating of my heart, I stood repeating,
"Tis some visitor entreating entrance at my chamber door—
Some late visitor entreating entrance at my chamber door;—
This it is, and nothing more."

Presently my soul grew stronger; hesitating then no longer,
"Sir," said I, "or Madam, truly your forgiveness I implore;
But the fact is I was napping, and so gently you came rapping,
And so faintly you came tapping, tapping at my chamber door,

Ворон

Перевод с английского

Как-то в поздний час вечерний я сидел над книгой древней
Долго, так что очутился я в каком-то полусне.
Может древнее преданье усыпило мне сознание;
Только я едва расслышал тихий стук в мой кабинет.
«Гость какой-то» — я подумал — «постучал в мой кабинет.
Это гость пришел ко мне».

Шел декабрь — я помню точно. Было это в час полночный;
Тлея камин, и отблеск красный тени плющил по стене.
Я желал напрасно горе по исчезнувшей Леноре
Сделать тише. Но напрасно — я не мог забыть о ней:
Деве с именем прекрасным. Я не мог забыть о ней,
Наяву и в полусне.

И печальный, тихий шорох шелестел в пурпурных шторах.
О, какой же ужас шорох этот вызывал тогда во мне;
Сердце сжалось и не билось, я шептал почти без силы:
«Это только гость какой-то постучал случайно в дверь.
Только гость случайный, поздний постучался в эту дверь;
Только поздний гость, поверь».

Я едва собрал все силы, чтоб промолвить: «Гость мой милый,
Ты обиды затаенной не держи — я был во сне
В этой комнате. В потемках прозвучал твой стук негромкий
Еле слышно; так неясно ты стучался в эту дверь,

Работа заняла третье место в номинации «Поэзия»

That I scarce was sure I heard you"— here I opened wide the door;—
Darkness there, and nothing more.

Deep into that darkness peering, long I stood there wondering, fearing,
Doubting, dreaming dreams no mortals ever dared to dream before;
But the silence was unbroken, and the stillness gave no token,
And the only word there spoken was the whispered word, "Lenore!"
This I whispered, and an echo murmured back the word, "Lenore!"—
Merely this, and nothing more.

Back into the chamber turning, all my soul within me burning,
Soon again I heard a tapping somewhat louder than before.
"Surely," said I, "surely that is something at my window lattice:
Let me see, then, what thereat is, and this mystery explore—
Let my heart be still a moment and this mystery explore;—
'Tis the wind and nothing more."

Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and flutter,
In there stepped a stately raven of the saintly days of yore;
Not the least obeisance made he; not a minute stopped or stayed he;
But, with mien of lord or lady, perched above my chamber door—
Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door—
Perched, and sat, and nothing more.

Then this ebony bird beguiling my sad fancy into smiling,
By the grave and stern decorum of the countenance it wore.
"Though thy crest be shorn and shaven, thou," I said, "art sure no craven,
Ghastly grim and ancient raven wandering from the Nightly shore—
Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore!"
Quoth the Raven, "Nevermore."

Ты прости меня!» и тут же распахнул я настежь дверь —
Тьма и только тьма извне.

В сумрак ночи удивленно я смотрел заворуженный;
Но в мечтах не здесь — в минувшем оставался. Там, во тьме
Не было округ ни звука, мучила безмолвья мука,
Только тихий стон: «Ленора!» вдруг раздался в тишине.
Это молвил я, и эхо возвратило слово мне;
Только эхо там, во тьме.

Дверь я затворил несмело. Вся душа моя горела;
Снова стук и он, как будто, слышится в моем окне.
«Там, в окне загадка эта! Нужно лишь добавить света,
Нужно посмотреть и разом разгадать загадку мне;
Успокоить сердце нужно, и решить загадку мне».
Только ветер там, во тьме.

И из этой тьмы морозной, вдруг влетел и с видом грозным
Над моей уселся дверью Ворон — птица древних дней.
Он сидел там с видом важным, на меня не глянув даже,
Без поклона, без привета, без почтения ко мне.
Точно лорд какой-то знатный — без почтения ко мне.
Сел и замер, как во сне.

Гость мой черный, гость мой грозный, вид твой строгий и серьезный
Лишь улыбку, да — улыбку, вызывал теперь во мне.
«Повидал ты, брат, не мало» - я сказал — «и храбр, пожалуй!
Ты поведай древний Ворон из далеких, мрачных мест;
Расскажи, какое имя было там дано тебе?»
Громко крикнул Ворон: «Нет».

Much I marvelled this ungainly fowl to hear discourse so plainly,
Though its answer little meaning— little relevancy bore;
For we cannot help agreeing that no living human being
Ever yet was blest with seeing bird above his chamber door—
Bird or beast upon the sculptured bust above his chamber door,
With such name as "Nevermore."

But the raven, sitting lonely on the placid bust, spoke only
That one word, as if his soul in that one word he did outpour.
Nothing further then he uttered— not a feather then he fluttered—
Till I scarcely more than muttered, "other friends have flown before—
On the morrow he will leave me, as my hopes have flown before."
Then the bird said, "Nevermore."

Startled at the stillness broken by reply so aptly spoken,
"Doubtless," said I, "what it utters is its only stock and store,
Caught from some unhappy master whom unmerciful Disaster
Followed fast and followed faster till his songs one burden bore—
Till the dirges of his Hope that melancholy burden bore
Of 'Never— nevermore'."

But the Raven still beguiling all my fancy into smiling,
Straight I wheeled a cushioned seat in front of bird, and bust and door;
Then upon the velvet sinking, I betook myself to linking
Fancy unto fancy, thinking what this ominous bird of yore—
What this grim, ungainly, ghastly, gaunt and ominous bird of yore
Meant in croaking "Nevermore."

Я был удивлен, пожалуй, тем, что птица мне сказала,
Пусть совсем не много смысла заключал ее ответ.
Только разум вряд ли нужен, если вдруг влетит из стужи,
В этот поздний час ворвется в задремавший кабинет
Тварь незваная, ночная, точно в логово к себе;
С именем таким, как: «Нет».

Ворон мрачный, одинокий говорил одно лишь только
Слово, будто в слове этом что-то важное он пел.
В тишине сказал зловещей я ему: «Мой Ворон вещей
От друзей, когда-то близких не остался даже след;
Ты меня покинешь тоже, только лишь взойдет рассвет!»
Мне ответил Ворон: «Нет».

Я от этого простого, незатейливого слова
Вздрыгнул телом и душою в кабинетной тишине.
«Несомненно, слово это — часть какого-то куплета
Птицей слышанной когда-то» — бормотал я сам себе —
«и рассказ печальный этот, о загубленной судьбе,
Завершался словом «Нет».

Разгадать бы тайну эту! По скользящему паркету
Я придвинул кресло прямо к двери в кабинет
И на бархатном сиденьи, предаваясь размышленьям,
Я смотрел застывшим взглядом и искал, искал ответ.
Что хотел поведать Ворон? В чем был заключен секрет
Слова сказанного: «Нет».

This I sat engaged in guessing, but no syllable expressing
To the fowl whose fiery eyes now burned into my bosom's core;
This and more I sat divining, with my head at ease reclining
On the cushion's velvet lining that the lamplight gloated o'er,
But whose velvet violet lining with the lamplight gloating o'er,
She shall press, ah, nevermore!

Then methought the air grew denser, perfumed from an unseen censer
Swung by Seraphim whose footfalls tinkled on the tufted floor.
"Wretch," I cried, "thy God hath lent thee- by these angels he hath sent thee
Respite- respite and nepenthe, from thy memories of Lenore!
Quaff, oh quaff this kind nepenthe and forget this lost Lenore!"
Quoth the Raven, "Nevermore."

"Prophet!" said I, "thing of evil!- prophet still, if bird or devil!-
Whether Tempter sent, or whether tempest tossed thee here ashore,
Desolate yet all undaunted, on this desert land enchanted-
On this home by horror haunted- tell me truly, I implore-
Is there- is there balm in Gilead?- tell me- tell me, I implore!"
Quoth the Raven, "Nevermore."

"Prophet!" said I, "thing of evil!- prophet still, if bird or devil!
By that Heaven that bends above us- by that God we both adore-
Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn,
It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore-
Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore."
Quoth the Raven, "Nevermore."

Так, раздумьем увлеченный, я сидел замороженный
Взглядом этим, и пылала вся душа моя в огне.
Я откинулся, как если б я без сил лежал на кресле
С темной бархатной обивкой, но обивку эту не
Примнет уже вовеки та, что больше всех нужней;
Та, которой больше нет.

То ли воздух здесь сгустился, то ли ангел вдруг спустился;
Звонким шагом опустился ангел светлый на паркет.
«Этим сном или виденьем мне Господь дает спасенье» -
Крикнул я — «покой желанный и забвение о ней.
Так глотай забвенье это и забудь, забудь о ней!»
Мрачно молвил Ворон: «Нет».

«Может ты орудье злое, может ты — пророк покоя,
Или может ты предвестник страшных дней, и зол, и бед?
О, скажи мне, умоляю: здесь в тоскливом, мрачном крае,
В этом доме одиноком будет исцеленье мне?
О, ответь мне, заклинаю: будет исцеленье мне?»
Но ответил Ворон: «Нет».

«Или ты орудье злое, или ты — пророк покоя!
Заклинаю небом, Богом, только дай мне, дай ответ!
«За порогом жизни этой, пусть во Мраке или в Свете
Вновь увижусь ли с Ленорой там, куда влечет нас Смерть?
С этой девой лучезарной там, куда влечет нас Смерть?»
Ворон мне ответил: «Нет».

airrop Scott Hunter

"Be that word our sign in parting, bird or fiend," I shrieked, upstarting—
"Get thee back into the tempest and the Night's Plutonian shore!
Leave no black plume as a token of that lie thy soul hath spoken!
Leave my loneliness unbroken!—quit the bust above my door!
Take thy beak from out my heart, and take thy form from off my door!"
Quoth the Raven, "Nevermore."

And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
And the lamplight o'er him streaming throws his shadow on the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted- nevermore!

Edgar Allan Poe

«Замолчи, посланник ада!» - крикнул я ему. — «Не надо
Больше слов; ступай обратно в область, из которой мне
Ты явился наваждением, птицей в черном оперении,
Чтоб терзать мне душу, чтобы доставлять мне только вред.
Уходи, покинь навеки этот тихий кабинет,
И не говори мне «Нет»!

Ворон дом не покидает; восседает, восседает
Неподвижно и не слышно. Больше он ни «Да», ни «Нет»
Не промолвил. Взглядом сонным, этим взглядом отрешенным
Смотрит и от птицы черной тень ложится на паркет,
И душе моей из тени вырваться туда, на свет
Не получится, о нет!

Ксерес

La Légende de la Nonne

Venez, vous dont l'œil étincelle
Pour entendre une histoire encor
Approchez: je vous dirai celle
De doña Padilla del Flor
Elle était d'Alanje, où s'entassent
Les collines et les halliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Il est des filles à Grenade
Il en est à Séville aussi
Qui, pour la moindre sérénade
A l'amour demandent merci
Il en est que parfois embrassent
Le soir, de hardis cavaliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Ce n'est pas sur ce ton frivole
Qu'il faut parler de Padilla
Car jamais prunelle espagnole
D'un feu plus chaste ne brilla
Elle fuyait ceux qui pourchassent
Les filles sous les peupliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Предание о монахине

Перевод с французского

О, любитные созданья,
Начнем скорее разговор:
Я вам поведаю преданье
О донье Падийе дель Флор.
Она росла в Аланхе, рядом
С холмами в зелени ветвей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Увы, есть девушки в Гренаде,
Да и в Севилье их не счесть,
Что за пустяк, за серенаду,
Забыть готовы долг и честь.
Таких завлечь мужчины рады
В тень шелестящих тополей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Но, нет, фривольность неуместна,
Раз говорим о Донье Флор,
Не знали девушки столь честной
Во всей Испании до тех пор.
Она не поднимала взгляда
На дерзких молодых людей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Elle prit le voile à Tolède
Au grand soupir des gens du lieu
Comme si, quand on n'est pas laide
On avait droit d'épouser Dieu
Peu s'en fallut que ne pleurassent
Les soudards et les écoliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Or, la belle à peine cloîtrée
Amour en son cœur s'installa
Un fier brigand de la contrée
Vint alors et dit : "Me voilà!"
Quelquefois les brigands surpassent
En audace les chevaliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Il était laid : les traits austères
La main plus rude que le gant
Mais l'amour a bien des mystères
Et la nonne aima le brigand
On voit des biches qui remplacent
Leurs beaux cerfs par des sangliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Она в монастыре в Толедо
Постриг должна была принять.
Кому был мир страстей неведом,
Христа невестой может стать.
О том три дня рыдали кряду
Молодчики округи всей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Но к Флор, монашке, волей рока
Любовь вдруг в сердце пробралась.
Бандит какой-то издалека
Явился и она — сдалась.
Не признавал бандит обрядов,
Был многих рыцарей храбрей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Суров он был и безобразен,
Жесток и мрачен был на вид.
Но выбор женщин — несуразен,
И был монашке люб бандит.
Так в ведре видит лань усладу,
И он оленя ей милей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

La nonne osa, dit la chronique
Au brigand par l'enfer conduit
Aux pieds de Sainte Véronique
Donner un rendez-vous la nuit
A l'heure où les corbeaux croassent
Volant dans l'ombre par milliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Or quand, dans la nef descendue
La nonne appela le bandit
Au lieu de la voix attendue
C'est la foudre qui répondit
Dieu voulu que ses coups frappassent
Les amants par Satan liés
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers

Cette histoire de la novice
Saint Ildefonse, abbé, voulut
Qu'afin de préserver du vice
Les vierges qui font leur salut
Les prieurs la racontassent
Dans tous les couvents réguliers
Enfants, voici des bœufs qui passent
Cachez vos rouges tabliers.

Georges Brassens (Victor Hugo)

Где воронье полночным криком
В прохожем робком селит страх,
Там, где Святая Вероника
Застыла с полотном в руках,
По воле сил мятежных ада,
Свиданье он назначил ей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Дрожа, на каменные плиты
Она сошла, в груди — пожар,
Но, вместо страстного бандита,
Ее ждал молнии удар.
Им смерть была за грех наградой,
Так счел Господь, ему видней.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Рассказ о злой судьбе черницы
Велел Сан-Ильдефонс, аббат
Твердить молоденьким девицам —
Невинность пусть свою хранят.
И повторять сказанье надо
Приорам всех монастырей.
Дитя, быков проходит стадо,
Передник красный прячь скорей!

Olga Guertz

The West Wind

IT'S a warm wind, the west wind, full of birds' cries;
I never hear the west wind but tears are in my eyes.
For it comes from the west lands, the old brown hills.
And April's in the west wind, and daffodils.

It's a fine land, the west land, for hearts as tired as mine,
Apple orchards blossom there, and the air's like wine.
There is cool green grass there, where men may lie at rest,
And the thrushes are in song there, fluting from the nest.

"Will ye not come home brother? ye have been long away,
It's April, and blossom time, and white is the may;
And bright is the sun brother, and warm is the rain,--
Will ye not come home, brother, home to us again?"

"The young corn is green, brother, where the rabbits run.
It's blue sky, and white clouds, and warm rain and sun.
It's song to a man's soul, brother, fire to a man's brain,
To hear the wild bees and see the merry spring again.

"Larks are singing in the west, brother, above the green wheat,
So will ye not come home, brother, and rest your tired feet?
I've a balm for bruised hearts, brother, sleep for aching eyes,"
Says the warm wind, the west wind, full of birds' cries.

Западный ветер

Перевод с английского

Вернись к нам, западный ветер, переполненный криком птиц,
Вернись, чтоб высушить слёзы, что застыли в ямах глазниц.
Повея нам из дальней дали, из-за древних бурых холмов,
Принеся дыханье апреля и густой аромат цветов.

Он из мест, где уставшим сердцем суждено обрести покой,
Где от яблок склонились ветки и воздух пьянит, как настой,
Где зелёной травы прохлада так и тянет прилечь на ней,
Где напевы дрозда, как флейта, раздаются среди ветвей.

«Скажи, разве ты не вернёшься домой, в свой брошенный край,
Где приходит на смену апрелю в белоснежных одеждах май,
Где такое щедрое солнце, тёплый дождь и весёлый гром?
Ответь, разве ты не вернёшься в свой когда-то забытый дом?»

Только здесь ты сможешь увидеть, как крольчата снуют в траве,
Как плывут облаков караваны в неоглядной небес синеве
И почувствовать в сердце песню и кипящую в жилах кровь,
И понять, диких пчёл услышав, что весна к нам вернулась вновь.

Видишь жаворонков, что вьются над покосами тут и там?
Неужели ты не вернёшься, дав покой усталым ногам?
Здесь — бальзам для души заблудшей, сладкий сон для больных глазниц!» —
Так шепнул мне западный ветер, переполненный криком птиц.

It's the white road westwards is the road I must tread
To the green grass, the cool grass, and rest for heart and head,
To the violets, and the warm hearts, and the thrushes' song,
In the fine land, the west land, the land where I belong.

John Masefield

Я уйду этой белой дорогой, что на запад ведёт сама
В царство трав, где найду я отдых и для сердца и для ума,
В край фиалок, сердец горячих и поющих в ветвях дроздов,
К тем прекрасным западным землям, где мой дом, где мой отчий кров.

Александр Васин

Die Engel

Sie haben alle müde Münde
und helle Seelen ohne Saum.
Und eine Sehnsucht (wie nach Sünde)
geht ihnen manchmal durch den Traum.

Fast gleichen sie einander alle;
in Gottes Gärten schweigen sie,
wie viele, viele Intervalle
in seiner Macht und Melodie.

Nur wenn sie ihre Flügel breiten,
sind sie die Wecker eines Winds:
als ginge Gott mit seinen weiten
Bildhauerhänden durch die Seiten
im dunklen Buch des Anbeginns.

Rainer Maria Rilke

Ангелы

Перевод с немецкого

Они — с уставшими устами,
Святящиеся, без краев,
Тоскуют так, как будто сами
Вкусили горести грехов.

В их обликах различий мало.
В тени божественных садов
Они молчат, как интервалы
В симфонии Его миров.

Но ангелы взмахнут крылами
И пробуждают гул над нами,
Тревожный ураганный гул.
Ветра по свету мчатся сонмом.
Как будто в фолианте темном
Творец листок перевернул.

Наталья Евтодьева

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

אויף דעם טיש...

אויף דעם טיש ליגט אַ בויגן,
ריין ווי דער ערשטער שניי.
איך וויל ער זאָל זײַן אייביק ווייס
און ריין, ווי דער ערשטער שניי.

איך וויל אויף אים עפעס אָנשרייבן,
נאָר איך קען ניט.
איך וויל אים אַרויסוואַרפֿן
נאָר איך קען ניט.

דער בויגן איז ריין ווי אַ לעבן,
וואָס האָט נאָך ניט אָפּגעלעבט.
ס'ווילט זיך שרייבן,
שרייבן...
און שרייבן...
און אַזוי אָן אויפֿהער!

אויף דעם טיש איז געלעגן אַ בויגן,
ריין ווי דער ערשטער שניי.

דעם 1טן מאָרץ פֿון 1999 יאָר
ײַג אָדר תשנ״ט – 5759 יאָר

На столе...

Перевод с идиша

А на столе лежит листок,
Листок бумаги белоснежной.
Напрасно тешусь я надеждой,
Чтоб вечно чистым быть он смог.

Хочу на нём я что-то написать,
Но только не могу.
И выбросить, чтоб новый лист начать,
Но только не могу.

А лист бумаги этот чист как жизнь,
И в ней ещё не пройдено ни шага.
И, обнажив перо, как шпагу,
Хочу писать...

Писать...
Писать, подстёгивая мысль!

А на столе лежал листок,
Листок бумаги белоснежной.

Фрида Шутман

Gespräch auf der Paderborner Heide

Hörst du nicht die fernen Töne,
Wie von Brummbaß und von Geigen?
Dortan tanzt wohl manche Schöne
Den geflügelt leichten Reigen.

"Ei, mein Freund, das nenn ich irren,
Von den Geigen hör ich keine,
Nur die Ferklein hör ich quirren,
Grunzen nur hör ich die Schweine."

Hörst du nicht das Waldhorn blasen?
Jäger sich des Weidwerks freuen,
Fromme Lämmer seh ich grasen,
Schäfer spielen auf Schalmeien.

"Ei, mein Freund, was du vernommen,
Ist kein Waldhorn, noch Schalmeie;
Nur den Sauhirt seh ich kommen,
Heimwärts treibt er seine Säue."

Hörst du nicht das ferne Singen,
Wie von süßen Wettgesängen?
Englein schlagen mit den Schwingen
Lauten Beifall solchen Klängen.

Разговор в Падерборнской Пустоши

Перевод с немецкого

Слышишь, где-то звуки, вроде
Скрипки ли, виолончели?
Верно в быстром хороводе
Там красотки да веселье.

«Э, мой друг, какие скрипки?
Это свиньи где-то близко,
Здесь не может быть ошибки,
Слышу хрюканье да визги».

Слышишь, кони пролетели,
Егеря охоте рады?
Да играет на свирели
Пастушок, и спят ягнята.

«Э, мой друг, там ни свирели,
Ни охоты. Это ж надо!
Свинопас, на самом деле,
К дому подгоняет стадо».

Слышишь, сладостное пенье
Льётся высоко над нами,
Ангелочки в одобренье
Хлопают ему крылами!

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

»Ei, was dort so hübsch geklungen,
Ist kein Wettgesang, mein Lieber!
Singend treiben Gänsejungen
Ihre Gänselein vorüber.«

Hörst du nicht die Glocken läuten,
Wunderlieblich, wunderhelle?
Fromme Kirchengänger schreiten
Andachtsvoll zur Dorfkapelle.

»Ei, mein Freund, das sind die Schellen
Von den Ochsen, von den Kühen,
Die nach ihren dunkeln Ställen
Mit gesenktem Kopfe ziehen.«

Siehst du nicht den Schleier wehen?
Siehst du nicht das leise Nicken?
Dort seh ich die Liebste stehen,
Feuchte Wehmut in den Blicken.

»Ei, mein Freund, dort seh ich nicken
Nur das Waldweib, nur die Liese;
Blaß und hager an den Krücken
Hinkt sie weiter nach der Wiese.«

Nun, mein Freund, so magst du lachen
Über des Phantasten Frage!
Wirst du auch zur Täuschung machen,
Was ich fest im Busen trage?

Heinrich Heine

«То, что принял ты за пенье,
Дорогой мой, очевидно,
Лишь гусиное шипенье
На пастушью хвостину».

Слышишь, колокола звоны
Благостно-светлы на диво!
Прихожане на поклоны
В храм идут благочестиво.

«Друг мой, что ты, право слово,
Бубенцов — то перезвоны.
За быками вслед коровы
В стойло тянутся покорно».

Посмотри-ка, там, в тумане
Чьё-то тихое движенье —
Двух возлюбленных свиданье,
Грусть во взорах и смятенье.

«Вижу я, мой друг, не скрою,
Только лешего подругу,
Ведьму тощую с клюкою,
Что ползёт едва по лугу».

Что же, друг мой, смейся, смейся,
Мой вопрос — пустяк, похоже.
Чувства те, в которых весь я,
Можешь ты развеять — тоже?

Алёна Алексеева

A Song at Parting

The tick of the blood is settling slow, my heart will soon be still.
And ripe and ready am I for rest in the grave atop the hill ;
So gather me up and lay me down, for ready and ripe am I,
For the weary vigil with sightless eyes that may not see the sky.

I have lived my life : I have spilt the wine that God the Maker gave,
So carry me up the lonely hill and lay me in the grave,
And cover me in with cleanly mould and old and lichened stones.
In a place where ever the cry of the wind shall thrill my sleepy bones.

Gather me up and lay me down with an old song and a prayer,
Cover me in with wholesome earth, and weep and leave me there ;
And get you gone with a kindly thought and an old tune and a sigh,
And leave me alone, asleep, at rest, for ready and ripe am I.

John Masefield

Прощальная песня

Перевод с английского

Всё тише струится по жилам кровь, и в сердце за сбоем сбой.
А, значит, настал наконец мой срок отправиться на покой.
И если мой срок наконец настал, несите скорей меня
На вечную вахту мою, где мне уже не увидеть дня.

Я прожил свой век: я пил-проливал Господней чаши вино.
Несите меня на вершину холма, где мне лежать суждено,
Укройте могилу сырой землей, валун положив в ногах,
Чтоб ветер один прилетал ко мне тревожить мой бедный прах.

Укройте могилу сырой землёй, а после, взгрустнув чуть-чуть,
Меня оплавав и помолясь, пускайтесь в обратный путь.
Ступайте и, может быть, как-нибудь, выпив вина глоток,
Вздохните легко, помянув добром того, кому вышел срок.

Александр Васин

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

三寸天堂

停在这里不敢走下去
让悲伤无法上演

下一页你亲手写上的离别
由不得我拒绝

这条路我们走得太匆忙
拥抱着并不真实的欲望
来不及等不及回头欣赏
木兰香遮不住伤
不再看天上太阳透过云彩的光
不再找 约定了的天堂
不再叹你说过的世间世事无常
借不到的三寸日光

不再看天上太阳透过云彩的光
不再找 约定了的天堂
不再叹你说过的世间世事无常
借不到的三寸日光
那天堂是 我爱过你的地方

严艺丹

Работа получила третий приз в номинации фирмы «Мелодия».

Планета, где полюбила я тебя

Перевод с китайского

Не двинуться мне с места, стою, а в сердце боль.
Мне страшно дать печали исполнить эту роль.
От твоего «Прощай» на следующей странице
Уже не в силах я освободиться.
Объятые придуманною страстью,
Мы слишком быстро преодолевали путь.
Мы не успели насладиться ароматом счастья,
Магнолии пьянящей наших ран не затянуть.
Не буду больше я смотреть на луч, струящийся сквозь облака.
Не буду больше я искать тобой обещанного рая,
Не буду больше сокрушаться, что переменчивы века,
Твои слова любви вспоминая.
Частица солнечного света не долетела до меня,
Жаль. Это лучшая планета, где полюбила я тебя.

Луань Гуйлин

Hamlet, Prince Of Denmark (excerpt)

To be, or not to be, – that is the question: –
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And to opposing end them? – to die, – to sleep, –
Nor more; and by a sleep to say we end
The heart-ache and the thousand natural shocks
That flesh is heir to, – 'tis a consummation
Devoutly to be wish'd. To die, – to sleep
To sleep! Perchance to dream: ay, there's come the rub
For in that sleep of death what dreams ma
When we have shuffled off this mortal coil,
Must give us pause: there's the respect time
That makes calamity of so long life;
For who would bear the whips and scorns of
The oppressor's wrong, the proud man' contumely,
The pangs of despis'd love, the law's delay,
The insolence of office, and the spurns
That patient merit of the unworthy takes,
When he himself might his quietus make
With a bare bodkin? who would fardels bear,
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death, –

Гамлет, Принц Датский (отрывок)

Перевод с английского

Быть или не быть? – Такой мне выбор дан.
Что предпочесть?...Покорно боль терпеть
От копьев, метко всажённых в меня
Судьбой свирепой, - или же восстать
И одолеть, сражаясь, бездну бед -
И умереть, уснуть, освободясь
От множества недугов, горьких травм,
Наследованных плотью?...Вот – финал,
Который можно искренне желать.
Да, умереть, уснуть. – Но что за сны,
Какие ужасающие сны
Приснятся, если будет насовсем
Земная круговерть отменена?!
Вот почему готовы мы сносить
Глумление и плети палача,
Бесчестье сноба, неизбежность мук
Униженной любви и произвол,
Расчётливые, подлые пинки,
Когда спасительный удар ножа
Всё это мог бы просто оборвать...
Что остаётся – причитая, жить? -
Как прежде...мерзко, потому что страх
Перед посмертной, сумрачной страной,

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

The undescov'rd country, from whose bourn
No traveller returns, – puzzles the will,
And makes us rather bear those ills we have
Than fly to others that we know not of?
Thus conscience does make cowards of us all;
And thus the native hue of resolution
Is sickl'd o'er with the pale cast of thought;
And enterprises of great pith and moment,
With this regard, their currents turn awry,
And lose the name of action. – Soft you now!
The fair Ophelia. – Nymph, in thy orisons
Be all my sins remember'd.

William Shakespeare

Из чьих пределов ни одна душа
Не возвратится, опоясал нас. –
И мы любую хворь переживём,
Чтобы другой, неведомой не знать.
Сознание превращает в трусов нас. –
И всякий резкий, бесшабашный шаг
На семяющий сбиться норовит.
Сюда идут. Мне лучше помолчать.
Офелия? О, нимфа, помяни
В своих молитвах все мои грехи.

Илья Лунес

* * *

Schon bricht das Glück, verhalten viel zu lang,
höher hervor und überfüllt die Wiese;
der Sommer fühlt schon, der sich streckt, der Riese,
im alten Nußbaum seiner Jugend Drang.

Die leichten Blüten waren bald verstreut,
Das ernstre Grün tritt handelnd in die Bäume,
und, rund um sie, wölbten sich die Räume,
und wieviel morgen war von heut zu heut.

Rainer Maria Rilke

* * *

Перевод с немецкого

Вот-вот ворвётся счастье на простор
и сразу переполнит луг зелёным.
А лето вдаль спешит, к лесному склону,
и в старом древе — юности напор.

Сорвутся скоро с веток лепестки,
уступят место листьев постоянству —
и тотчас оживёт объём пространства
течению дней минувших вопреки.

Виктор Червинский

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

La città

E da terre lontane
Da oltre mari remoti
Io portai la bellezza
Io portai la magia
Alla città dell'infanzia,
Che città non fu mai,
Ma fu il mondo intero:
La città dei leoni —
Delle leonesse alla Porta di Micene,
La città del savio leone tra ali spiegate
Con aperto il libro, scritto da Marco;
Velata dell'oro delle fronde di Roma,
Dell'azzurro coperto delle nebbie d'Itaca
E del friabile buio dei contrafforti di Madrid.
Essa aveva un declivio nell'orto monastico,
Ebbro dell'aroma delle erbe,
Come il declivio della Pnice d'Atene.
In lei era la distesa russa e la tristezza ispana.
In lei il Paese dei Matti negli storti vicoli di Pisa,
In lei la quiete eterna delle statue d'Egitto.
Ma nei fiori dei suoi parchi c'erano i colori dell'India,
Anche se i pesci-drago abbandonarono la fontana-tulipano.
E sui muri delle case in cui Oginski scrisse la sua polonaise
Apparvero musci di ratto sotto i berretti di Sc'vèik, il soldato assurdo.

Emilio Sabino

Город

Перевод с итальянского

Я из дальних земель,
Из-за дальних морей
Приносил красоту,
Приносил волшебство
В город детства,
Который и городом не был,
А был целым миром.
Это город львов —
Город львиц над вратами Микен,
Город мудрого льва меж распахнутых крыл
С распахнувшейся книгой, написанной Марком.
Он подернут был золотом римской листвы,
Голубым итакийским туманом укрыт
И рассыпчатым мраком мадридских контрфорсов.
В нем был склон в монастырском саду,
Напоенный душистостью трав,
Наподобие склона афинского Пникса.
В нем — российский простор и испанская грусть,
В нем — Страна Дураков в покосившихся улочках Пизы,
В нем — египетских статуй извечный покой,
А в цветах его парков — индийские краски,
Хоть покинули рыбы-драконы тюльпанный фонтан,
А на стенах домов, о которых Огинский писал полонез,
Появились крысиные лики под шапками бравого Швейка.

sabinus

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

פרח בר בחוף קאצ'ומה

פֶּרַח בָּר
עוֹמֵד וּבּוֹלֵעַ רוּחוֹת
בְּגִבְעֵיוֹ שִׁפְעֵת זָהָב
חֹל

מַעַט יִזְדַּקֶּה,
מִזְמִין אוֹתָהּ לְרִקְדַּ
צוֹפֵה אֶשֶׁר, כְּבִיוֹם הֵהוּא
כְּשֶׁהָיִינוּ מְאֵהָבִים בְּחוֹף קֵאצ'וּמָה

На берегу озера Качума*

Перевод с иврита

Дикий цветок-красавец,
напоенный ветром озерным,
влажную чашечку сушит
над золотым песком.

Как обещание счастья,
он весь — приглашение к танцу.
... Здесь мы танцевали однажды —
ты, я, и наша любовь.

Garon

---

* Озеро Качума лежит в Калифорнии, недалеко от известной Санта-Барбары. (прим.пер.)

Der Friedhof von Montmartre

Auf dem Friedhof von Montmartre, weint sich aus der Winterhimmel,
und ich spring mit dünnen Schuhen über Pfützen, darin schwimmen
Kippen, die sich langsam öffnen, Köttel von Pariser Hunden,
und ich hatte nasse Füße, als ich Heines Grab gefunden.

Unter weißem Marmor frieren im Exil seine Gebeine,
mit ihm liegt da Frau Mathilde, und so friert er nicht alleine.
Doch sie heißt nicht mehr Mathilde, eingemeißelt in dem Steine
steht da groß sein großer Name und darunter bloß Frau Heine.

und im Kriege, als die Deutschen an das Hakenkreuz die Seine-Stadt
genagelt hatten, störte sie der Name Heinrich Heine.
Und ich weiß nicht wie, ich weiß nur dass er wurde weggemacht
und dann wieder drangeschrieben von Franzosen manche Nacht.

Auf dem Friedhof von Montmartre, weint sich aus der Winterhimmel,
und ich spring mit dünnen Schuhen über Pfützen, darin schwimmen
Kippen, die sich langsam öffnen, Köttel von Pariser Hunden,
und ich hatte nasse Füße, als ich Heines Grab gefunden.

Wolf Biermann

На кладбище Монмартра

Перевод с немецкого

Как над кладбищем Монмартра плачет небо в зимней рани.
Я же в легких туфлях прыгал через лужи, полны дряни:
И распolzшихся окурков, и дерьма собак столичных,
Но нашел могилу Гейне, ноги промочив прилично.

Здесь под мраморной плитою, прах его хранит чужбина,
Рядом с ним — его Матильда, значит, мерзнет не один он.
На надгробье надпись: крупно — он, поэт, великий гений,
Нету имени Матильды, только скромно «фрау Гейне».

И фашистам, распинавшим этот город, что на Сене,
На кресте своем, мешало это имя — Генрих Гейне.
Это имя было стерто, поглумились палачи,
А затем французы снова надпись сделали в ночи.

Как над кладбищем Монмартра плачет небо в зимней рани.
Я же в легких туфлях прыгал через лужи, полны дряни:
И распolzшихся окурков, и дерьма собак столичных,
Но нашел могилу Гейне, ноги промочив прилично.

Татьяна Зеликсон

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

A Passer-By

Whither, O splendid ship, thy white sails crowding,
Leaning across the bosom of the urgent West,
That fearest nor sea rising, nor sky clouding,
Whither away, fair rover, and what thy quest?
Ah! soon, when Winter has all our vales oppressed,
When skies are cold and misty, and hail is hurling,
Wilt thou glide on the blue Pacific, or rest
In a summer haven asleep, thy white sails furling.

I there before thee, in the country that well thou knowest,
Already arrived, am inhaling the odorous air:
I watch thee enter unerringly where thou goest,
And anchor queen of the strange shipping there,
Thy sails for awnings spread, thy masts bare:
Nor is aught from the foaming reef to the snow-capped grandest
Peak, that is over the feathery palms, more fair
Than thou, so upright, so stately and still thou standest.

And yet, O splendid ship, unhailed and nameless,
I know not if, aiming a fancy, I rightly divine
That thou hast a purpose joyful, a courage blameless,
Thy port assured in a happier land than mine.
But for all I have given thee, beauty enough is thine,
As thou, aslant with trim tackle and shrouding,
From the proud nostril curve of a prow's line
In the offing scatterest foam, thy white sails crowding.

Robert Bridges

Пилигрим

Перевод с английского

Куда ты, гордый бриг, по глади океана,
Красуясь, мчишься вдаль под стаей парусов,
Ни качки не страшась, ни воя урагана?
Ты словно пилигрим, что вечно ищет кров.
А в час, когда зима дохнёт из-за холмов,
Пригнав лавины туч и пелену тумана,
Всё так же будешь ты скользить среди валов
Иль в бухте, в тишине, найдёшь покой желанный?

Я мысленно с тобой, вдыхаю в упоенье
Воздушных свежих струй пленительный купаж,
Любуясь, как, свершив свой путь, в дремотной лени
Ты в гавани застыл, похожий на мираж;
Твой парус свёрнут в жгут, сверкает такелаж,
И ничего вокруг — от рифа в снежной пене
До скал, где листья пальм трепещут, как плюмаж —
Нет царственной тебя, прекрасней, совершенней.

О безымянный бриг, когда-нибудь, я знаю,
Из гавани своей ты двинешься в поход
К земле своей мечты, к неведомому краю,
Где нет суровых зим, где лето круглый год...
Пока ты мирно спишь. Но, верю, час придёт,
И, носом пенный вал взрезая неустанно,
Красивый и прямой, помчишься ты вперёд
Под стаей парусов по глади океана...

Александр Васин

Sera d'Ottobre ("In campagna", XV)

Lungo la strada vedi su la siepe
ridere a mazzi le vermiglie bacche:
nei campi arati tornano al presepe
tarde le vacche.

Vien per la strada un povero che il lento
passo tra foglie stridule trascina:
nei campi intuona una fanciulla al vento:
"Fiore di spina!..."

Giovanni Pascoli

Осенний вечер (Из цикла «В деревне», XV)

Перевод с итальянского

Возле дороги — вон там, у забора —
ягод весёлые гроздья багровы;
с поля домой спешают неспоро
рёвы-коровы.

Нищий понуро бредёт в отдаленье;
порскнули стайкою листья-стрекозы;
с поля доносится девичье пенье:
«Розы-занозы!..»

Батшеба

There was time...

There was time, I was writing at any pretext –
When I slipped, when I fell, hit someone in the face ...
But now day time flows differently way that is why
I still wait for last loss and I cry, and I cry.

The gray hair's at my temples and beard and about
Fear of my loneliness doesn't allow to be proud.
Though I did not leave wives, did not leave kids of mine
But I drink veronal and I cry, and I cry...

Vir Varius

Было время...

Перевод с английского

Было время, писал по любому поводу –
Поскользнулся, упал, дал кому-то в морду...
Просто время теперь течёт иначе –
Жду последних потерь и плачу, плачу.

Седина на висках уже метит в бороду.
Одиночества страх не даёт быть гордым.
Вроде жён не бросал и детей, тем паче,
Только пью веронал и плачу, плачу...

Вир Варуц

Nature. X

A little road not made of man,
Enabled of the eye,
Accessible to thill of bee,
Or cart of butterfly.

If town it have, beyond itself,
'T is that I cannot say;
I only sigh, – no vehicle
Bears me along that way.

Emily Dickinson

Природа. X

Перевод с английского

Дорога эта так мала,
незрима и тонка —
едва разъедется пчела
с тележкой мотылька.

Идет, быть может, колея
до городских ворот...
Меня туда — печалюсь я —
никто не отвезет.

Лу

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

登鶴雀樓

白日依山尽，黄河入海流。
欲穷千里目，更上一城楼。

王之涣

Поднимайся на Гуань Чюэ Лоу

Перевод с китайского

Белое солнце скатывается по склонам гор,
Жёлтая река впадает в большое море.
Если хочешь охватить взглядом даль,
Поднимись на этаж выше.

Чжао Цзин

Herbst

Die Blätter fallen, fallen wie von weit,
als welkten in den Himmeln ferne Gärten;
sie fallen mit verneinender Gebärde.
Und in den Nächten fällt die schwere Erde
aus allen Sternen in die Einsamkeit.
Wir alle fallen. Diese Hand da fällt.
Und sieh dir andre an: es ist in allen.
Und doch ist Einer, welcher dieses Fallen
unendlich sanft in seinen Händen hält.

Rainer Maria Rilke

Осень

Перевод с немецкого

Листва летит, летит из дальних далей,
Как будто в небе увядают клены,
С осенним солнцем споря непреклонно.
А ночью тяжкой ношей, монотонно
Планета опускается в печали
Из сонма звезд. Мы медленно летим.
Все падает в безвестность, в пустоту.
Но только Кто-то ловит на лету
Наш мир движеньем бережным одним.

Наталья Евтодиева

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

Ode to Autumn

Season of mists and mellow fruitfulness,
Close bosom-friend of the maturing sun;
Conspiring with him how to load and bless
With fruit the vines that round the thatch-eaves run;
To bend with apples the mossed cottage-trees,
And fill all fruit with ripeness to the core;
To swell the gourd, and plump the hazel shells
With a sweet kernel; to set budding more,
And still more, later flowers for the bees,
Until they think warm days will never cease,
For Summer has o'er-brimmed their clammy cell.

Who hath not seen thee oft amid thy store?
Sometimes whoever seeks abroad may find
Thee sitting careless on a granary floor,
Thy hair soft-lifted by the winnowing wind;
Or on a half-reaped furrow sound asleep,
Drowsed with the fume of poppies, while thy hook
Spares the next swath and all its twined flowers;
And sometimes like a gleaner thou dost keep
Steady thy laden head across a brook;
Or by a cider-press, with patient look,
Thou watchest the last oozyings, hours by hours.

Ода «К Осени»

Перевод с английского

Туманов нескончаемых пора,
Хозяйка налитого плодородья,
Со спелым солнцем подошла пора
Советоваться, как свои угодя
Получше в этот раз отяжелить,
Влить в каждый плод душистый, сладкий сок
До самой кожуры, до сердцевины,
Тугими ядрами орех набить,
Раздуть бока дородным тыквам в срок,
Пчел поздними цветами соблазнить:
Пусть думают, что лета дни так длинны!

Кто не видал однажды поутру,
Как в житнице умело и проворно
Ты, вся распахнутая на ветру,
Обвеиваешь собранные зерна,
Или в пшеничном поле крепко спишь,
Дурманом маковым опьянена,
Иль, сноп на голове неся игриво,
Ты шаткий мостик перейти спешишь,
Иль смотришь, как до самого темна
Оставшиеся капельки вина
Сверкая, капают неторопливо.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

Where are the songs of Spring? Ay, where are they?
Think not of them, thou hast thy music too,—
While barred clouds bloom the soft-dying day,
And touch the stubble-plains with rosy hue;
Then in a wailful choir, the small gnats mourn
Among the river shallows, borne aloft
Or sinking as the light wind lives or dies;
And full-grown lambs loud bleat from hilly bourn;
Hedge-cricket sing; and now with treble soft
The redbreast whistles from a garden-croft,
And gathering swallows twitter in the skies.

John Keats

Весны далекой песни... Где они? —
О том не думай ты... Когда узором
Зари вечерней желтые огни
Ложатся на жнивье, — вдруг скорбным хором
Заплачет в голос комариный хор
В излучине извивистой реки,
То с ветром вверх летя, то опускаясь,
Ягнят стада заблеют за горой,
За ближним стогом запоют сверчки,
Дроздами отзовутся вишняки,
И закурлычат журавли, прощаясь.

Илья Лунес

Growltiger's Last Stand

Growltiger was a Bravo Cat, who travelled on a barge:
In fact he was the roughest cat that ever roamed at large.
From Gravesend up to Oxford he pursued his evil aims,
Rejoicing in his title of "The Terror of the Thames".

His manners and appearance did not calculate to please;
His coat was torn and seedy, he was baggy at the knees;
One ear was somewhat missing, no need to tell you why,
And he scowled upon a hostile world from one forbidding eye.

The cottagers of Rotherhithe knew something of his fame;
At Hammersmith and Putney people shuddered at his name.
They would fortify the hen-house, lock up the silly goose,
When the rumour ran along the shore: GROWLTIGER'S ON THE LOOSE!

Woe to the weak canary, that fluttered from its cage;
Woe to the pampered Pekinese, that faced Growltiger's rage;
Woe to the bristly Bandicoot, that lurks on foreign ships,
And woe to any Cat with whom Growltiger came to grips!

But most to Cats of foreign race his hatred had been vowed;
To Cats of foreign name and race no quarter was allowed.
The Persian and the Siamese regarded him with fear –
Because it was a Siamese had mauled his missing ear.

Последнее явление Тигриного Рыка

Перевод с английского

Жил на барже Тигриный Рык — убийца, вор, бандит,
Он был грубейшим из котов и этим знаменит.
От Грейвсенда до Оксфорда слонялся вверх и вниз,
«Террор на Темзе» — был его препакостный девиз.

Его манеры босяка вмиг каждому видны,
Пальтишко — ключьями, мешком — дырявые штаны,
Враждебно озирает мир его подбитый глаз,
А где он ухо потерял — о том иной рассказ.

Лишь только пронесется слух: «Тигриный Рык кутит!» —
Вдоль Темзы всяк уже дрожит и по ночам не спит,
И в Лондоне, и вне его спеша укрыть гусей,
Скорей курятник укрепить — и не жалеть гвоздей!

И горе бедному щеглу, что выпорхнул из клетки,
И горе мопсику — ему уже не есть котлетки,
И горе крысам, что шуршат в заморских кораблях,
И горе каждому коту, с кем Рык был на ножах.

Но пусть трепещут и дрожат коты заморских рас,
Нигде для них проходу нет — Рык доказал не раз!
Ведь ухо в драке оторвал ему сиамский кот,
С тех пор пощады нет котам изысканных пород.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

Now on a peaceful summer night, all nature seemed at play,
The tender moon was shining bright, the barge at Molesey lay.
All in the balmy moonlight it lay rocking on the tide –
And Growltiger was disposed to show his sentimental side.

His bucko mate, GRUMBUSKIN, long since had disappeared,
For to the Bell at Hampton he had gone to wet his beard;
And his bosun, TUMBLEBRUTUS, he too had stol'n away –
In the yard behind the Lion he was prowling for his prey.

In the forepeak of the vessel Growltiger sate alone,
Concentrating his attention on the Lady GRIDDLEBONE.
And his raffish crew were sleeping in their barrels and their bunks –
As the Siamese came creeping in their sampans and their junks.

Growltiger had no eye or ear for aught but Griddlebone,
And the Lady seemed enraptured by his manly baritone,
Disposed to relaxation, and awaiting no surprise –
But the moonlight shone reflected from a hundred bright blue eyes.

And closer still and closer the sampans circled round,
And yet from all the enemy there was not heard a sound.
The lovers sang their last duet, in danger of their lives –
For the foe was armed with toasting forks and cruel carving knives.

Then GILBERT gave the signal to his fierce Mongolian horde;
With a frightful burst of fireworks the Chinks they swarmed aboard.
Abandoning their sampans, and their pullaways and junks,
They battened down the hatches on the crew within their bunks.

Светила полная луна в небесной вышине,
И в Молси, где причал, баржа качалась на волне,
Покой, нежнейший аромат – и, сам не зная, как
Тигриный Рык размяк душой, совсем душой размяк.

Его дружок Угрюмый Хлыщ давно уж сел на мель –
Близ «Колокола» в Хемптоне пьет золотистый эль,
И боцман Зуботычина - тот тоже при делах,
Выискивает простаков в портовых кабаках.

Сентиментально-одинок, в тот час Тигриный Рык
Сидел и Леди Грызли вдруг узрел прекрасный лик;
А вся матросская братня смотрела третий сон,
Когда сиамцы-подлецы ползли со всех сторон.

Лишь Леди Грызли слышал Рык, лишь на нее смотрел,
Для Леди ж Рыка баритон звучал – и мудр, и смел;
И так расслабились они, вкусив ночной покой,
А сотни голубых зрачков сверкали под луной.

Вокруг баржи смыкался круг лодчонок и плотов,
Ни звука – только блеск в глазах сиамских злых котов.
Допели ли влюбленные дуэт последний свой –
Враги с ножами, шпагами смыкали жуткий строй.

Тут Джильберт дал сигнал «Вперед!» своей косой орде,
Взвилась ракета, все на борт – как видно, быть беде!
Оставив джонки и плоты, валились на абордаж
Сиамцы, в трюмах затворив храпящий экипаж.

Then Griddlebone she gave a screech, for she was badly skeered;
I am sorry to admit it, but she quickly disappeared.
She probably escaped with ease, I'm sure she was not drowned –
But a serried ring of flashing steel Growltiger did surround.

The ruthless foe pressed forward, in stubborn rank on rank;
Growltiger to his vast surprise was forced to walk the plank.
He was a hundred victims had driven to that drop,
At the end of all his crimes was forced to go ker-flip, ker-flop.

Oh there was joy in Wapping when the news flew through the land;
At Maidenhead and Henley there was dancing on the strand.
Rats were roasted whole at Brentford, and at Victoria Dock,
And a day of celebration was commanded in Bangkok.

T.S.Eliot

Неладное почуяв вдруг и взвизгнув напослед,
Метнулась Леди Грызли – вмиг ее простыл и след,
Исчезла Леди – и тотчас, сомкнув свои ряды,
В зловещий Рыка взяли круг сиамцы из орды.

Коварный враг всё наступал – вперед, за рядом ряд,
И понял тут Тигриный Рык, что нет пути назад,
За жизнь свою немало душ кошачьих погубил,
Теперь ему пришел конец – он за борт сброшен был.

От этой новости везде – от Вуппинга до Хейли –
Бурлила празднично толпа в невиданном веселье,
И жирных крыс на вертелах поджаривали в доке,
И ликовал три дня Сиам во всём Большом Бангкоке.

Марк Польшковский

Das Lied von den Dukaten

Meine güldenen Dukaten,
Sagt, wo seid ihr hingeraten?
Seid ihr bei den güldnen Fischlein,
Die im Bache froh und munter
Tauchen auf und tauchen unter?
Seid ihr bei den güldnen Blümlein,
Die auf lieblich grüner Aue
Funkeln hell im Morgentaue?
Seid ihr bei den güldnen Vöglein,
Die da schweifen glanzumwoben
In den blauen Lüften oben?
Seid ihr bei den güldnen Sternlein,
Die im leuchtenden Gewimmel
Lächeln jede Nacht am Himmel?
Ach! Ihr güldenen Dukaten,
Schwimmt nicht in des Baches Well,
Funkelt nicht auf grüner Au,
Schwebet nicht in Lüften Blau,
Lächelt nicht am Himmel hell –
Meine Manichäer, traun!
Halten euch in ihren Klaun.

Heinrich Heine

Песнь о золотых дукатах

Перевод с немецкого

Где ж вы, где ж мои дукаты,
Серебро мое и золото?
Не у золотых ли рыбок,
Что в ручье резвятся стаей,
Погружаясь и всплывая?
Может, у златых цветочков,
Что на утренней поляне
Сквозь росу блестят в тумане?
Не к золотых ли птичек,
В солнечных лучах блестящих,
В синеве небес парящих?
Не у звездочек златых ли,
Что, в ночи роясь, сверкают,
Нас улыбкой озаряют?
Ах, златы мои дукаты!
Не плывете вы в волнах,
Не блестите на траве,
Не парите в синеве,
Не смеетесь в небесах.
Держат вас, златые горы,
В цепких лапах кредиторы.

Татьяна Зеликсон

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

Julian and Maddalo (excerpt)

I rode one evening with Count Maddalo
Upon the bank of land which breaks the flow
Of Adria towards Venice: a bare strand
Of hillocks, heaped from ever-shifting sand,
Matted with thistles and amphibious weeds,
Such as from earth's embrace the salt ooze breeds,
Is this; an uninhabited sea-side,
Which the lone fisher, when his nets are dried,
Abandons; and no other object breaks
The waste, but one dwarf tree and some few stakes 10
Broken and unrepaired, and the tide makes
A narrow space of level sand thereon,
Where 'twas our wont to ride while day went down.
This ride was my delight. I love all waste
And solitary places; where we taste
The pleasure of believing what we see
Is boundless, as we wish our souls to be:
And such was this wide ocean, and this shore
More barren than its billows; and yet more
Than all, with a remembered friend I love 20
To ride as then I rode; – for the winds drove
The living spray along the sunny air
Into our faces; the blue heavens were bare,
Stripped to their depths by the awakening north;
And, from the waves, sound like delight broke forth
Harmonising with solitude, and sent

Юлиан и Мадало (отрывок)

Перевод с английского

Однажды я и Мадало верхом
На побережье скудном и глухом
Скакали, как обычно, вдоль лагун
И сгорбленных, чертополошных дюн.
Адрийские, зыбучие пески.
Пустынно взморье... Даже рыбаки
Ушли, оставив снасти. Молчалив,
Безлюден берег, отрешен залив,
Лишь лодка полусгнившая вдали.
Песчаной кромкой кони нас несли, –
Ни дома, ни навеса, ни куста...
Люблю я одинокие места:
Лишь там, в nepотревоженной глуши,
Бескрайность мирозданья и души
Столь явственно передают собой
И океан, и берег, и прибой.
Еще сильней, пожалуй, любо мне
Скакать на резвом, взмыленном коне
Сквозь брызги пенистой, шальной волны:
Разодранные небеса видны
До головокружительных глубин,
И, слившись с одиночеством в один
Хорал, они незримо, без конца
Вселяют радость легкую в сердца.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

Into our hearts aëreal merriment.
So, as we rode, we talked; and the swift thought
Winging itself with laughter, lingered not,
But flew from brain to brain, – such glee was ours. 30
Charged with light memories of remembered hours.
None slow enough for sadness: till we came
Homeward, which always makes the spirit tame.
This day had been cheerful but cold, and now
The sun was sinking, and the wind also.
Our talk grew somewhat serious, as may be
Talk interrupted with such raillery
As mocks itself, because it cannot scorn
The thoughts it would extinguish: – 'twas forlorn,
Yet pleasing, such as once, so poets tell, 40
The devils held within the dales of Hell
Concerning God, freewill and destiny:
Of all that earth has been or yet may be,
All that vain men imagine or believe,
Or hope can paint or suffering may achieve,
We descanted, and I (for ever still
Is it not wise to make the best of ill?)
Argued against despondency, but pride
Made my companion take the darker side.
The sense that he was greater than his kind 50
Had struck, methinks, his eagle spirit blind
By gazing on its own exceeding light.
Meanwhile the sun paused ere it should alight,
Over the horizon of the mountains; – Oh,
How beautiful is sunset, when the glow

Мы ехали болтая, чтоб отвлечь
Себя от грустных мыслей. Наша речь
От смеха добродушна и тепла,
Непринужденно и легко текла
Под равномерное бряцанье шпор.
Но стал обыденнее разговор:
Домой дорога уводила нас,
И летний день неумолимо гас.
Беседа посерьезнела в пути,
Да и нельзя, пожалуй, обойти,
Насмешкой оборвать или презреть
Обуревающих раздумий сеть.
У Мильтона вся дьявольская рать
Порой любила тоже рассуждать
О Боге, о свободе, о судьбе...
Короче, обо всем, что мы себе
Рисуем, обольщаясь, и хотим
Достичь долготерпением одним.
Я продолжал настойчиво твердить,
Что неразумно без конца хандрить,
Но спутник мой, гордыни исполнин,
Дошел в речах до сумрачных глубин:
Он мнил себя светлее всех светил
И тем свой дух орлиный ослепил...
А солнце задержалось на виду,
Спускаясь на скалистую грядку...
Вечерняя Италия!... Заря
Окутывала светом янтаря
Утесы, дюны, – весь притихший край, –

Of Heaven descends upon a land like thee,
Thou Paradise of exiles, Italy!
Thy mountains, seas, and vineyards, and the towers
Of cities they encircle! – it was ours
To stand on thee, beholding it: and then, 60
Just where we had dismounted, the Count's men
Were waiting for us with the gondola. –
As those who pause on some delightful way
Though bent on pleasant pilgrimage, we stood
Looking upon the evening, and the flood
Which lay between the city and the shore.
Paved with the image of the sky ... the hoar
And æry Alps towards the North appeared
Through mist, an heaven-sustaining bulwark reared
Between the East and West; and half the sky 70
Was roofed with clouds of rich emblazonry
Dark purple at the zenith, which still grew
Down the steep West into a wondrous hue
Brighter than burning gold, even to the rent
Where the swift sun yet paused in his descent
Among the many-folded hills: they were
These famous Euganean hills, which bear,
As seen from Lido thro' the harbour piles,
The likeness of a clump of peakèd isles –
And then – as if the Earth and Sea had been 80
Dissolved into one lake of fire, were seen
Those mountains towering as from waves of flame
Around the vaporous sun, from which there came
The inmost purple spirit of light, and made

Изгнанников убежище и рай...
Твои дворцы в заоблачной дали
И в парусах лилейных корабли
Открылись перед нами как-то вдруг.
Неподалеку трое графских слуг
С гондолой ожидали нас пока
Мы любовались тем, как облака
Лагуной плыли... А крутой хребет
Перерывая дымчатый просвет,
Вставал громадой, словно бастион,
И, подперев собою небосклон,
То золотом расплавленным сиял,
То обжигал угрюмый перевал
Альпийских, достопамятных холмов,
Что хаотичной грудой островов
Едва маячили на склоне дня,
А там, за ними, в озеро огня
Земля и небо яростно слились,
А горы сумрачно вздымались ввысь,
Как бы родившись в огненной волне,
И таяли в туманной вышине,
Пронзенные до самого нутра
Багровым духом света...
«Что ж, пора, –
Задумчиво промолвил спутник мой, –
Пока еще не добрались домой,
Я покажу получше кое-что».
И вот плывем. Вдруг я увидел то,
Как высились подобно миражам,

Their very peaks transparent. "Ere it fade,"
Said my companion, "I will show you soon
A better station" – so, o'er the lagune
We glided; and from that funereal bark
I leaned, and saw the city, and could mark
How from their many isles, in evening's gleam, 90
Its temples and its palaces did seem
Like fabrics of enchantment piled to Heaven.
I was about to speak, when – "We are even
Now at the point I meant," said Maddalo,
And bade the gondolieri cease to row.
"Look, Julian, on the west, and listen well
If you hear not a deep and heavy bell."
I looked, and saw between us and the sun
A building on an island; such a one
As age to age might add, for uses vile, 100
A windowless, deformed and dreary pile;
And on the top an open tower, where hung
A bell, which in the radiance swayed and swung;
We could just hear its hoarse and iron tongue:
The broad sun sunk behind it, and it tolled
In strong and black relief. – "What we behold
Shall be the madhouse and its belfry tower,"
Said Maddalo, "and ever at this hour
Those who may cross the water, hear that bell
Which calls the maniacs, each one from his cell, 110
To vespers." – "As much skill as need to pray
In thanks or hope for their dark lot have they
To their stern maker," I replied. "O ho!

Дворцы и храмы. Граф своим гребцам
Передохнуть немедля подал знак:
«Мы прибыли ко времени. Итак,
Взгляни на запад, – тихо молвил он, –
Не слышишь ли угрюмый, тяжкий звон?»
Там я увидел остров. Без огней,
Уродливым скоплением камней
Старинный бастион стоял на нем,
А сверху рдела радужным огнем
Открытая звонница, и до нас
Оттуда несся звон, в тот самый час
Рожденный ржаво-хриплым языком.
Граф продолжал: «Вот перед нами дом
Умалишенных. Слышишь, – это зов
Безумцам на вечерню».
«Вот каков
Их жребий скудный...» - я в ответ ему –
Ты рассуди, за что им, не пойму,
Благодарить сурового творца...»
– «Да ты, я вижу,
Волк, а не овца в Христовой пастве!
Всюду ищешь суть –
И все такой же. Осторожен будь
В лодчонке зыбкой на морских волнах!» –
Воскликнул граф, но тут в его глазах
Веселье поуясло: «Каково?!
Вот он – людской удел и знак того,
Что суждено уже навеки нам...
И, словно этот звон проклятый, там,

You talk as in years past," said Maddalo.
"'Tis strange men change not. You were ever still
Among Christ's flock a perilous infidel,
A wolf for the meek lambs – if you can't swim
Beware of Providence." I looked on him,
But the gay smile had faded in his eye.
"And such," – he cried, "is our mortality. 120
And this must be the emblem and the sign
Of what should be eternal and divine! –
And like that black and dreary bell, the soul,
Hung in a heaven-illumined tower, must toll
Our thoughts and our desires to meet below
Round the rent heart and pray – as madmen do
For what? they know not, – till the night of death
As sunset that strange vision, severeth
Our memory from itself, and us from all
We sought and yet were baffled.' I recall 130
The sense of what he said, although I mar
The force of his expressions. The broad star
Of day meanwhile had sunk behind the hill,
And the black bell became invisible,
And the red tower looked gray, and all between
The churches, ships and palaces were seen
Huddled in gloom; – into the purple sea
The orange hues of heaven sunk silently.
We hardly spoke, and soon the gondola
Conveyed me to my lodging by the way.

Percy Bysshe Shelly

Над колокольной, болью сведена,
Душа повисла наша, и она
Сзывает наши мысли и мечты
Спуститься с колокольной высоты
К истерзанному сердцу и, скорбя,
Безмолвно отрешившись от себя,
Молитву сотворить, подобно тем
Безумцам бедным... Ты твердишь: зачем? –
Не ведает никто, покамест ночь
Внезапной смерти наш рассудок прочь
Из нас не вырвет. Именно тогда
Мы потеряем сразу навсегда
Тех, кто мучительно нам дорог был
И тех, кто мучил нас».
Уже остыл
И потускнел вечерний небосклон –
И черный колокол, и черный звон,
Соборы, форты, корабли, дворцы
Во мрак уже окутались. Гребцы
Причалили к жилищу моему.
А мы молчали, вглядываясь в тьму.

Илья Лунес

פינגוין מישיר עיניים

פִּינְגוּוֹן מִיִּשֵׁר עֵינָיִם
בְּלְבוּשׁוֹ הַהִגִּיגִי
כָּא מִן הַיָּם הַנוֹגֵה
מִשֵּׁם כָּא הָאֱלֹהִים

מִדְּדָה עַל אֲדַמַּת טְרָשִׁים
מִקּוֹם אִישׁ לֹא חִצָּה
וְלֹא רוֹאֶה דְּבַר מוֹלוֹ
רַק רֵיחַ מִרְקָדָת, הוֹזָה עֵקְבוֹת הַזָּמַן

כְּחוֹטָא עַל חוֹף
מִחֶפֶה, נוֹסֵק אֶל אֲוִיר אֶפְרוֹרִי
מִצָּפִין בְּטֵן לְבָנָה
וְכִתֵּר זָהָב מְלֻכּוֹתֵי

וְכָבֵר צוֹעֵד עַל עֵקְבָיו
וּבָאָה הַשְּׂתִיקָה
הוּא וּבִלְבָדוֹ
קָרְחוֹן נֶעַ

וְלֹא נִדְעָ מִיָּהוּ
עוֹף מוֹזָר, בְּיָם שׁוֹחֶה
שֶׁעוֹדוֹ מִשְׁתַּעֲשֵׂעַ בְּבִדְיוֹתָיו
וְאֵל הַטֶּבַע הַחֲפָשִׁי יִתְאַוֶּה

Отшельник

Перевод с иврита

Из моря восстав,
окропленный водой,
увенчан короной
как бог молодой,
пингвин озирает
земную юдоль,
не ведая страхов,
не зная про боль.
Здесь, в царстве покоя
из моря и скал,
он принял всё то,
что совсем не искал
и Голос услышал:
«То — мир твой, сынок.
...Вон айсберг плывет,
он, как ты, одинок.
Но участь его —
быть покорным всему,
а ты будь владыкой
себе самому».

От сует вдали
или чьей-то хулы
живет одиноко
Хозяин Скалы.
Живет — ни пред кем
не склоняя главы.
Хоть знает,
что временно счастье, увы...

Garon

Whatif

Last night, while I lay thinking here,
some Whatifs crawled inside my ear
and pranced and partied all night long
and sang their same old Whatif song:

Whatif I'm dumb in school?
Whatif they've closed the swimming pool?
Whatif I get beat up?
Whatif there's poison in my cup?

Whatif I start to cry?
Whatif I get sick and die?
Whatif I flunk that test?
Whatif green hair grows on my chest?

Whatif nobody likes me?
Whatif a bolt of lightning strikes me?
Whatif I don't grow taller?
Whatif my head starts getting smaller?

Whatif the fish won't bite?
Whatif the wind tears up my kite?
Whatif they start a war?
Whatif my parents get divorced?

Авдрус

Перевод с английского

Влетел мне в голову Авдрус
и ну жужжать, как майский жук.
Он разжужжался во всю мочь
и не давал мне спать всю ночь:

А вдруг задачу не решу?
А вдруг диктант не напишу?
А вдруг бассейн закрыт на год?
А вдруг автобус не придет?

А вдруг я попаду в грозу?
А вдруг при всех пущу слезу?
А вдруг мне ветром змей порвет?
А вдруг вся рыба уплывет?

А вдруг я насмерть простужусь?
А вдруг ни с кем не подружусь?
А вдруг экзамены не сдам?
А вдруг войну объявят нам?

А вдруг мне в школе попадет?
А вдруг отец от нас уйдет?
А вдруг я шерстью обрасту?
А вдруг совсем не подрасту?

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

Whatif the bus is late?
Whatif my teeth don't grow in straight?
Whatif I tear my pants?
Whatif I never learn to dance?

Everything seems well, and then
the nighttime Whatifs strike again!

Shel Silverstein

А вдруг я чем-то отравлюсь?
А вдруг на танцах осрамлюсь?
А вдруг мне брекеты нужны?
А вдруг опять порву штаны?

Так тихо, мирно все вокруг,
И на тебе — опять Авдуг!

caballo_marino

Vom Schnee oder Descartes in Deutschland

12. Querelen

"Wie still es ist. Wie rasch ein Wintertag vorübergeht"
"Vergiß die Mühle, Freund. Da ist kein Mensch zu Haus."
"Ihr schließt kausal. Nur weil das Mahlwerk stille steht?"
"Der kurze Schluß, du weißt, war mir seit je ein Graus."
"Und doch mißtraut dem Ohr das Auge. Was wir sehn,
Bleibt länger haften. Schnell geht, was wir hörn, vorbei."
Sekunden Stille. Vor den Augen flirrt der Schnee.
Das Zählen gilt nicht, nichts das Schrittmaß – eins, zwei, drei.
Das Hirn hängt fest im Schädel. Tausendfach verzweigt,
Wiegt sich der Körper im Gedankengang und schweigt.

Zur selben Zeit bricht irgendwo im Unterholz der Blick
Des letzten Auerochsen, und ein Connaisseur entdeckt
Den steifen Spitzenkragen als den jüngsten Mode-Chic.
Ungläubig tauscht für ein bedrucktes Stück Papier (den Scheck)
In einer Bank in Siena jemand Münzgeld ein. Und ein
Soldat am Lagerfeuer nimmt den ersten Zug
Aus einer Tabakspfeife. Und ein Kleinkind weint,
Weil es der Vater mit der Bibel auf die Hände schlug.
Ein Thermometer mißt zum ersten Male hohes Fieber.
Der Logarithmentafel folgt der Rechenschieber.

О снеге, или Декарт в Германии (главы из поэмы) *Перевод с немецкого*

12. Жалобы.

«Какая тишь. Как исчезает зимний день.»
«Забудь о мельнице, мой друг, она пуста.»
«Здесь вывод каузальный? Раз молчит постав...»
«Я опускаю вывод, мне признаться лень.»
«Но глаз не доверяет слуху, внешний вид
Надежней. Так ведь, сударь? Слышал – посмотри.»
Секунды тишины. Снег падая кружит.
Считать шагами путь нет смысла: раз, два, три.
Мозг в черепной коробке держат сотни хорд,
Укачивает шаг беззвучных мыслей ход.

А в это время падает последний тур;
Впервые градусник в лечении применен
Для измерения температур;
Находит коносьер воротников фасон
Крахмально-кружевных; какой-то человек,
Банкир в Сиене, всем меняет серебро
Подумать только, на бумажки с цифрой (чек).
Отец внушает сыну твердо про добро,
Тот плачет, Библией пришиблена рука.
Солдат раскуривает трубку табака.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Поэзия»

Um diese Zeit vergleicht ein Astronom, dank Gutenberg,
Im Fahndruck sein Opus Magnum, Blatt für Blatt.
Dann nickt er ein, erschöpft von all dem Rechenwerk.
Er träumt vom All ... vom Kreisen der Planeten. Alles hat
Jetzt seine Ordnung, seine Formel, sein Gesetz.
Zum ersten Mal beweisbar ist – der Welten Harmonie.
Dank Algebra ist jeder Himmelskörper nun zuletzt
Erfasst auf seiner Bahn, die er durchs Universum zieht.
Ein Siedler kauft, ein Herr aus Amsterdam, für wenig Geld
Ein Stück Indianerland (Manhattan) in der Neuen Welt.
Auf krummen Wegen, zukunftsüchtig geht, Geschichte.
Und doch ist Land, in manchem Menschenhirn, in Sicht.

Zur selben Zeit gurrт jemand lein: "Lehn dich an mich."
Ein anderer schneidet eine Kehle durch. Ein Dritter lacht.
Ein Vierter zieht durchs eigne Leben einen Strich
Mit einem Becher Gift. Und wieder wird es Tag und Nacht.
Ein Mann singt eine Arie mit Kastratenstimme.
Und einer japst, weil man ihm Jauche pumpt ins Maul.
Wie immer gehts bergauf, bergab, und nie wars schlimmer.
Im Orient stirbt ein Kamel, im Okzident ein alter Gaul.
Und alles streitet sich um einen Gott, den keiner kennt.
Der Adel geht im feinen Tuch, das Volk im Leinenhemd.

"Monsieur, mich friert." "Ich habs gehört Wir kehren um.
Verzeih, ich war im Geist woanders, abgelenkt.
Das macht der Schnee, das grelle Weiß: der Schädel brummt."
Wenn du dich sehn könntst so, die Stirn gesenkt.

Тогда же, лист к листу сверяет астроном
Печатный «Opus Magnum» (браво Гуттенберг!),
Впадает в дрему, изнурен своим трудом,
Вселенной грезя, обращает взгляд наверх,
И там, на что бы он теперь ни поглядел,
Во всем царит порядок, формула, закон;
Доказана гармония небесных тел,
Та что была неисчислима испокон.
Голландский колонист пригретый Новым Светом
Индейцам платит за кусок земли (Манхеттен)
Спешит история крутой маршрут руля,
Но в избранных мозгах уже: видна земля!

Одновременно кто-то шепчет: «Будь со мной».
Другой перерезает горло. Третий ржет.
Завистник сыплет яд. Кому-то смрадный гной
При помощи воронки заливают в рот.
Звучит сопрано виртуозного кастрата.
В тончайший саван знать, и в грубый холст народ
Уходят все туда. Находка и утрата
Сменяются вотще, падение и взлет.
И все ведет о Боге бесконечный спор,
Которого никто не знает до сих пор.

«Я мерзну, Ваша честь.» «Давно домой пора.
Мой разум утонул в снегу покинув дом.
От снега все блестит, и в черепае жара.
Когда б себя таким ты видел с потным лбом.

"Was für ein Bienenschwarm, die Menschheit. Wie das summt.
Ein jeder feilscht und feiert, kocht und kopuliert.
Man glaubt hellwach zu sein, und läuft doch ignorant herum.
Ein jeder lockt mit Neuigkeiten, lügt und profitiert.
Nicht, daß ich eifersüchtig bin. An diesem Spiel
Nehm ich gern teil. Es ist nur manchmal ... zuviel, zuviel."

"Das sind Marotten, Herr." "Du meinst, es ist zum Lachen?"
"Ich weiß, Ihr freut Euch, wenn da einer etwas findet,
Das Ihr gebrauchen könnt. Der Neid ist für die Schwachen."
"Ach, wenn du wüßtest, wieviel Energie er bindet."
"Enttäuscht mich nicht, Monsieur. Ich stell mir vor. Ihr seid
Im Innersten so wie der Schnee – Ihr absorbiert.
Was je gedacht, erfunden wurde, liegt für Euch bereit.
Tief in den Kammern Eures Riesenhirns gefriert
Zu Regel, Gleichung und Figur, was je Verstand
Und Scharfsinn fassen kann – wie unterm Frost das Land."

"Ein Zerrbild ist, was du da malst. Der Philosoph –
Ein Eisblock, der das Pflänzchen Leben tiefgefriert.
So sieht man ihn: streng logisch, schroff, selbst unbetroffen –
Ein Werkzeug, das die Vielfalt der Natur plant.
Das bin nicht ich. Dagegen spricht – mein Temperament."
"Ihr seid gekränkt?" Er brummt. Stapft knietief durch den Schnee.
Die ersten Schatten haben sich ins Tal herabgesenkt.
Am Weg die Zuckerkörner schimmern. Nonpareille.
Die beiden Männer schweigen. Jeder denkt sich seinen Teil.
Die Kälte spaltet sie. In alles treibt sie ihren Keil.

Ну что за улей – человечество! В мощне
Суммирует барыш, торгует, жрет и пьет,
Совокупляется, и мимо, как во сне,
Спешит за новым не меняясь ни на йот.
Я не завистник, но когда сей пир отрыжкой
Кончается, мне это слишком, слишком.»

«Я знаю вашу страсть.» «Она достойна смеха?»
«Вы радуетесь, что кому-то удалось
Полезное найти, без зависти к успеху.»
«Когда б ты знал, как это не легко далось.»
«Вы абсорбируете. Вы, как склад в снегу,
Где заморожены идеи глубоко
В огромном вашем многокамерном мозгу,
Фигура, фраза, формула, закон,
Ответы найденные на любой вопрос;
Как эти земли, что теперь сковал мороз.»

«Что за карикатуру ты нарисовал.
Философ в ней предстал бездушной глыбой льда,
Он жизни цвет холодной логикой сковал,
Сам, только инструмент, наостренный всегда.
Я не таков. Иное мне велит мой нрав.»
Снег по колено, он увязнул, сел на мель.
«Гулять не следовало, сударь, захворав!»
Путь сахарно блестит на солнце. Нонпарель.
Молчат. Погружены в своё. Меж двух мужчин
Проходит холод, он во все вбивает клин.

13. Im Buch der Welt I

Das Minus herrscht. Das Plus verblaßt wie Christi Kreuz.
Und lebt nicht jedes, unerkant, in seiner eignen Welt?
Der eine lauscht in sich hinein. Der andre schneuzt
In ein gefromes Tuch. Die Turmuhr schlägt, ein Fallbeil fällt.
Zur selben Zeit, da einer still im Dampfbad stirbt,
Stöhnt in den Wehen eine arme Frau. Ein Esel schreit.
Ein Mönch rupft eine Gans. Ein Fäßchen Wein verdirbt.
Am Kongo bricht ein Sklavenleben an. Befreit
Lacht irgendwo ein Glückspilz auf – Millionenerbe.
In Gold glänzt Amsterdam, bald fällt Küstrin in Scherben.

"So ist die Weit" Wer sie begreift, kommt weit herum,
Mit Sieben-Meilen-Stiefeln eilt ins allerletzte Kaff
Ein böser Zufall, und macht Maus und Säugling stumm.
Zur Seite gehe ihm Bruder Grobian und Schwester Raff.
Sie teilen auf, was von den Trümmern bleibt. Die Tränen
Sind ihre Morgengabe, ihr Geschenk am Abend.
Hier sprießt der Flaum, dort glänzt die erste graue Strähne,
Und ganze Sippen stürzen in die Kluft von Soll und Haben.
Im Bluttausch einer Nacht verschwinden Dynastien.
Was störts die Toten, ob da Störche oder Krebse ziehe?

Die Wette gilt - der nächste Tag zertritt wie Gras
Die heile Welt von gestern, die das Kindchen wiegt.
Was einmal jung war und begehrt, wird schließlich Aas.
Talg ist der Leib, Not macht erfinderisch. Der Krieg
Tritt rasch ins Haus – so ungebeten wie die Pest.

13. В книге мира I

Довлеет минус. Плюс, как крест Христов поблек.
Один молчит, в кулак сморкается другой.
Не узан внутрь себя уходит человек
В свой мир. Часов на башне раздается бой.
Одновременно. В бочке портится вино.
Рожает женщина при схватках голося.
Монах оципывает жирного гуся.
В далеком Конго умирает раб. Вольн
Счастливицу прокутить наследства миллион.
Тучнеет Амстердам и Кюстрин обречен.

«Так мир устроен этот.» Только поглядишь,
А там, спешит уже в последнюю дыру
Несчастье, чтоб умолк младенец или мышь.
Брат Грубиян ведет сестрицу Приберу
Делить между собой остатние руины.
Кто их узнал с утра, весь день в слезах сидит,
А к вечеру, смотри, вот – первые седины.
Трещит хозяйство между дебет и кредит.
За ночь династия идет в кровавый мрак,
Неважно мертвым тянет лебедь или рак.

Все бьются об заклад пока идет игра,
И значит всякий раз пришедшие потом
Растаптывают в пыль прекрасное вчера.
Война без спроса как чума заходит в дом,
Который полной чашей был, и вдруг, исчез.

Das Epos Leben zehrt davon, daß keiner sich recht freut.
Hier reift ein Held heran, da ein Verrat dort ein Abszess.
Nach dem Prinzip der isolierten Bilder – täglich neu.
Dem Raub Proserpinas folgt die Legende vom Erlöser.
Und ein Gedankenstrich verbindet Gut und Böse.

Die Null regiert. Sie ist das Fischmaul, das dort unterm Eis
Die Blase schluckt und wieder ausspuckt, stundenlang.
Sie ist das Röcheln, das als letztes bleibt von einem Greis.
Am Galgen ist sie, warm vom Hals, der Knotenstrang.
Sie ist des Weinkrugs runde Mündung, der Pistole:
Und ein Betrunkner starrt hinein – dann drückt er ab.
Das Loch, vor dem ein Landsknecht flehend Atem holt,
Vergeblich. Ein paar Augenhöhlen, leer im Grab.
Sie ist das Ofenrohr, in dem der Frostwind heult und lullt
Den Fettwanst in den Schlaf bei zehn Grad unter Null.

"So ist sie nicht." "Und überhaupt, was heißt hier Welt?"
Die Welt ist mehr als nur ein Troß, der lärmt und marodiert,
Und legt in Trümmer, was sich ihm entgegenstellt.
Mehr als die Lehmwand, auf die Tod sein Signum schmiert.
Nicht nur das Schlachthaus ist sie, auch die Wunderkammer,
In der das Wal-Skelett die Bergkristalle überstrahlen.
In ihr herrscht mehr als nur Gewalt, Gewalt und Jammer.
Zum Beispiel Anmut. Und die Schönheit ganzer Zahlen.
Im Buch der Welt zu blättern, heißt: du suchst dort draußen,
Was größer ist als du. Du lauschst dem Ohrensausen.

Питает эпос человеческая кровь.
Здесь заговор, там подвиг, тут абсцесс
Без всякой связи возникают вновь и вновь.
Миф о Спасителе, о Прозерпине миф
Соседствуют, добро и зло соединив.

А правит нуль. Он – рыба подо льдом в реке,
Что круглым ртом в воде воздушный шар пузырит.
Он – кашель, остающийся по старике.
Бутылки дно, куда пропойца тупо зырит,
И залпом пьет. Он – пистолета темный зрак,
Отверстие. К нему ландскнехт свою мольбу
Напрасно обращает. Он – чумной овраг.
Пугающий провал пустых глазниц в гробу.
Камин, где ветер воеет, жалобно скуля,
Когда мороз под минус десять от нуля.

«Он не таков!» «Вообще, что означает мир?»
Война и мародерство, мерзость и дерьмо,
Обоз где управлялся пьяный дебошир,
Стена где смертью намалевано клеймо?
Нет, мир не только бойня! – Комната чудес,
Где каждый экспонат от каждого зависел,
Мир то, что шло всегда с насилием вразрез.
К примеру, грация. И прелесть целых чисел.
Листая книгу – Мир, прислушиваясь к шуму,
Ты ищешь большего чем ты, ты ищешь сумму.

Du folgst dem Heer. Du siehst dich um bei Hof, auf Reisen.
Du lernst die Menschen kennen, die humeurs et conditions.
Du lernst zu schweigen, hinzusehn, dich durchzubeißen.
Inmitten des Geschehns bist du – ein doppelter Spion,
Und in dir kreuzen sich Begierden, Interessen.
Die Praxis formt dein Urteil -jede Wunde, jeder Schock.
Du lernst die Masken lüften, wächst beim Kräfteressen.
Und blickst zurück auf dich, den Bücherwurm, den Schmock.
Ein strenger Winter reicht, ein Dank, ein Frauenlächeln nur,
Und metaphysisch um die Schläfen rauscht Natur.

So ist sie – und so ist sie nicht. Am Ende gilt,
Was dir vorn Studium bleibt nach Abzug der Erfahrung.
Man kommt herum, begreift bald: Wissen ist kein Schild.
Die Wahrheit hilft dir selten, das Gesicht zu wahren.
Verrückte Welt- unüberschaubar sind sie, die Nuancen
Im selben Wort, in einer Geste, einem Augenblick.
Und erst der Traum, ein Orbis picus, bringt sie in Balance.
Im Schnee die Spur ... abstraktes Weiß ... man geht ein Stück
Und sieht die Lichtung, fern dort, zwischen Tag und Tag.
Wie einfach alles ist, wie klar, solange dich keiner fragt.

Durs Grünbein

Ты следуешь войскам. Исследуешь окрестность.
Ты узнаешь людей, как humeurs et conditions.
Ты учишься молчать, ты ценишь неизвестность,
И в центре действия стоишь – двойной шпион,
В пересечение самых разных интересов,
Сверяешь с практикой резоны, ищешь нерв,
Срываешь маску тайны, прогоняешь бесов.
И в прошлое глядишь: кто был ты? Книжный червь.
Суровая зима, девичий взгляд и... ах!
Шумит природа метафизикой в висках.

Да, мир такой – и вовсе не такой. Трещит
По швам твой опыт. Вспоминая мудрецов,
Ты понимаешь, что познания не щит,
Что истиной одной не сохранишь лицо.
Безумный мир! Необозримые нюансы
Несет одно и то же слово, жест и взор;
И только сон один приводит их к балансу.
Следы в снегу... в абстрактной белизне... зазор,
Где виден свет вдали, там день сменяет день.
Как ясно все пока вопрос не бросит тень.

Раиба Алек

Frustration

If I had a shiny gun,
I could have a world of fun
Speeding bullets through the brains
Of the folk who give me pains;

Or had I some poison gas,
I could make the moments pass
Bumping off a number of
People whom I do not love.

But I have no lethal weapon—
Thus does Fate our pleasure step on!
So they still are quick and well
Who should be, by rights, in hell.

Dorothy Parker

Печалька

Перевод с английского

Мне бы новый автомат,
Веселью не было б преград:
Я башку бы разнесла
Каждому, на кого зла.

Мне бы ядовитый газ,
Я б могла тогда за раз
Истребить прям на корню
Всех, кого я не люблю.

Но смертельного оружия
Не пошлет Судьба бездушная!
Оттого живут и рады
Те, чье место в пекле ада.

Эмма

The Rolling English Road

Before the Roman came to Rye or out to Severn strode,
The rolling English drunkard made the rolling English road.
A reeling road, a rolling road, that rambles round the shire,
And after him the parson ran, the sexton and the squire;
A merry road, a mazy road, and such as we did tread
The night we went to Birmingham by way of Beachy Head.

I knew no harm of Bonaparte and plenty of the Squire,
And for to fight the Frenchman I did not much desire;
But I did bash their baggonets because they came arrayed
To straighten out the crooked road an English drunkard made,
Where you and I went down the lane with ale-mugs in our hands,
The night we went to Glastonbury by way of Goodwin Sands.

His sins they were forgiven him; or why do flowers run
Behind him; and the hedges all strengthening in the sun?
The wild thing went from left to right and knew not which was which,
But the wild rose was above him when they found him in the ditch.
God pardon us, nor harden us; we did not see so clear
The night we went to Bannockburn by way of Brighton Pier.

My friends, we will not go again or ape an ancient rage,
Or stretch the folly of our youth to be the shame of age,
But walk with clearer eyes and ears this path that wandereth,
And see undrugged in evening light the decent inn of death;
For there is good news yet to hear and fine things to be seen,
Before we go to Paradise by way of Kensal Green.

G.K.Chesterton

Английская дорога

Перевод с английского

Когда без римлян Альбион стоял и не тужил,
Английскую дорогу нам пьянчуга проложил.
Она петляла и вилась, маня пропойцу вдаль,
За ним священник побежал, эсквайр и пономарь.
Кружа вдоль изгородей, мы дорогой побрели
Однажды ночью в Бирмингем с тобой через Китли.

Мне Бонапарт не делал зла, а сквайр — каждый день,
И со французом на войну идти мне было лень;
Но на врагов пришлось пойти и обратить их вспять:
Ведь пьяную хотелось им дорогу выпрямлять,
Где в кружках пенящийся эль нам согревал нутро
Однажды ночью по пути из Йорка в Миддлсбро.

Ему простили все грехи, иначе почему
Кусты, деревья и цветы кивают вслед ему?
Он шел по левой стороне, не зная, что неправ,
Затем в канаву он упал, чуть шею не сломав.
Прости, о Господи: глаза нас сильно подвели
Той ночью, что в Бристоль вдвоем мы через Брайтон шли.

Друзья, не будем повторять дела ушедших дней,
И подражанье молодым нас делает глупей,
Дорога верно нас ведет в приветливый трактир,
Где развернут, в конце концов, для нас последний пир;
Но много радостных минут мы вместе проживем,
Покуда в рай через Хайгейт с тобой не попадем.

Наталья Камовникова

L'enfant qui a la tête en l'air

L'enfant qui a la tête en l'air
Si on se détourne, il s'envole.
Il faudrait une main de fer
pour le retenir à l'école.

L'enfant qui a la tête en l'air
ne le quittez jamais des yeux:
car dès qu'il n'a plus rien à faire
il caracole dans les cieux.

Il donne beaucoup de soucis
à ses parents et à ses maîtres:
on le croit là, il est ici,
n'apparaît que pour disparaître.

Comme on a des presse-papiers
il nous faudrait un presse-enfant
pour retenir par les deux pieds
l'enfant si léger que volant.

Claude Roy

Ну, сорванец!

Перевод с французского

Ну сорванец, ни дать, ни взять,
Витает снова в облаках.
Такого разве удержать
Учителю в своих руках!

Ну непоседа, егоза!
Он на уроке весь в мечтах.
Лишь только отведешь глаза,
Уже гарцует в небесах.

Забот с чертенком полон рот
Родителям, учителям,
Исчезнет вдруг, опять мелькнет,
Ищи-свищи то тут, то там.

Его так просто не унять,
В нем радость плещется, бурлит,
Его бы к парте привязать,
Не то, как шарик, улетит!

Мария Горбунова

Работа получила приз в номинации
«Вперед, в детство!»

Bouquet de printemps

A mes enfants

Je vous offre des petals d'azur,
Des arbres en fleurs,
Des bourgeons eclates
Et des parfums fruits.
Je vous offre un sublime arc-en-ciel
Borde de soleil,
Des mimosas soyeux,
De l'orge et du miel.
Je vous offre des rivages bleus,
Des rires joyeux ,
Des brins de muguet
Et du sirop d'orgeat.
Je vous offre en cet instant
Un bouquet de printemps.

Floriane Clery

Букет весны

Перевод с французского

Я вам подарю небес лепесточки
Деревья в цвету
И лопнувшие почки
И фрукты в соку.

Я вам подарю радугу яркую
Согретую солнцем
Хлебушек с мёдом.
Мимозы пушистые.

Я вам подарю берег небесный
Смеха веселье
Сладость миндальную
Ландыш весенний

Я вам подарю в это мгновенье
Букет весны необыкновенный!

Мария

So That's Who I Remind Me Of

When I consider men of golden talents,
I'm delighted, in my introverted way,
To discover, as I'm drawing up the balance,
How much we have in common, I and they.
Like Burns, I have a weakness for the bottle,
Like Shakespeare, little Latin and less Greek;
I bite my fingernails like Aristotle;
Like Thackeray, I have a snobbish streak.
I'm afflicted with the vanity of Byron,
I've inherited the spitefulness of Pope;
Like Petrarch, I'm a sucker for a siren,
Like Milton, I've a tendency to mope.
My spelling is suggestive of a Chaucer;
Like Johnson, well, I do not wish to die
(I also drink my coffee from the saucer);
And if Goldsmith was a parrot, so am I.
Like Villon, I have debits by the carload,
Like Swinburne, I'm afraid I need a nurse;
By my dicing is Christopher out-Marlowed,
And I dream as much as Coleridge, only worse.
In comparison with men of golden talents,
I am all a man of talent ought to be;
I resemble every genius in his vice, however heinous –
Yet I write so much like me.

Ogden Nash

Так вот на кого я похож

Перевод с английского

Когда я размышляю о великих,
В пылу сопоставлений каждый раз
Я умираю от восторгов диких,
Узнав, как много общего у нас.
Как Бернс, я слабость к выпивке питаю
И, как Шекспир, в латыни не силен;
Как Аристотель, ногти обгрызаю;
Как Теккерей, снобизма не лишен.
Подвержен вспышкам байроновской снесь,
От Попа взял язвительности злой;
Я, как Петрарка, бабник и повеса,
Как Мильтон, похандрить люблю порой.
На рукописи Чосера похоже
Мое письмо. Как Джонсон, жить спешу
(И кофе пить люблю из блюдца тоже);
Как Голдсмит, подражаниями грешу.
Я, как Вийон, в долгах по самы уши,
Как Суинберн, я сиделку бы завел;
Мечтателен, как Кольридж, только хуже,
А в резке даже Марло превзошел.
По сравнению с великими я должен
Из талантов состоять; но, боже мой,
Мы с любым из этих гениев в одних пороках схожи,
А пишу я как никто другой.

Богданова Елена

The Sniffle

In spite of her sniffle,
Isabel's chiffle.
Some girls with a sniffle
Would be weepy and tiffle;
They would look awful,
Like a rained-on waffle,
But Isabel's chiffle
In spite of her sniffle.
Her nose is more red
With a cold in her head,
But then, to be sure,
Her eyes are bluer.
Some girls with a snuffle,
Their tempers are uffle,
But when Isabel's snively
She's snively civilly,
And when she's snuffly
She's perfectly luffly.

Ogden Nash

Дасборк

Перевод с английского

Десбодря на дасборк,
Изабель — прекрасна.
Некоторые юные девицы
Из-за дасборка дачинают злиться,
Выглядят хуже
Пончика в луже.
А Изабель — прекрасна,
Десбодря на дасборк.
И хоть нос и краснеет,
Глаза — синее.
Порой при простуде дамы
Становятся вредны и упрямы,
Под вируса влиянием
Забывают все воспитание.
А Изабель остается милою,
Чихая со страшной силою.
И даже при кашле чудовищном
Она все равно — сокровище.

Olga Guertz

Sorrows of a Tutor

THE crown of care is on my brow.
The cross of care I carry now ;
That casual frown which once I wore
Has grown habitual, I deplore :
Better to slave for Cox and Ford,
Than rule a school or be a tu-
tor in the great and glorious U-
niversity of Oxenford,
niversity of Oxenford.

Each morn brings in a train of woes,
Efforts of Great- and Little-Goes ;
And every evening hears me croak,
In hoarse low tones, This is no joke!
Better to try the Moxon ford,
And float some rhymes, than be a tu-
tor in the great and glorious U-
niversity of Oxenford,
niversity of Oxenford.

Жалобы оксфордского тьютора

Перевод с английского

Я раньше хмурился порой,
Теперь всё время я такой;
И по насупленным бровям
Мой статус ясен станет вам.
Уж пусть шпыняют Кокс и Форд,
Чем поступать на службу тью-
тором в тот знаменитый У-
ниверситет — Оксенфорд,
ниверситет, Оксенфорд.

Что утро — цепь невзгод и круг
Больших и мелочных потуг;
И я под вечер только хрип
Издать способен; в общем — влип!
В пустыне среди львиных морд
Мечтаю жить, забыв и тью-
торство и знаменитый У-
ниверситет, и Оксенфорд,
ниверситет, и Оксенфорд.

Men, who believe in boys and school,
Who swear by rote and sweat by rule —
Experience truly shall decide.
How blest are they that thus confide! —
Ladies, who put blue socks on for display of learning, hear a tutor in the great and glorious University of Oxenford,
University of Oxenford.

'Tis best to live in lodger's ease.
With peace and bread, with love and cheese ;
And not to fatten on the land.
By cramming boys to understand :
'Tis best to smoke and box in four display of learning, than be a tutor in the great and glorious University of Oxenford,
University of Oxenford

Coachem.

О муж, кто верить в школяров
Без всякой памяти готов
(Мужи такие спасены
Существованием стены!),
О синие чулки (тож сорт
Учёный) — вот вам слово тьютора в том знаменитом Университете — Оксенфорд,
ниверситете, Оксенфорд!

Уж лучше б, тихий квартирант,
Я дальше нежил свой талант,
Чем скармливать юнцам предмет,
Натаскивая на ответ;
Уж лучше дым, безделье, спорт —
Зачем я тьютор? Был бы бьютор я за знаменитый Университет, за Оксенфорд,
ниверситет, за Оксенфорд!

Андрей Москотельников

Sois Belle Et Tais Toi

Le ramier roucoule, le moineau pépie,
Caquette la poule, jacasse la pie,
Le chameau blatère, et le hibou hue,
Râle la panthere et craque la grue.
Toi toi toi, toi sois belle et tais toi.
L'elephant barrête, la jument hennit,
Hulule la chouette, bêle la brebis,
Le crapaud coasse, piaule le poulet,
Le corbeau croasse, cajole le geai.
Toi toi toi, toi sois belle et tais toi.
Le cerf brâme, l'ane brait, le lion rugit,
Cancane la cane, le taureau mugit,
Le dindon glouglotte, et braille le paon,
La caille margotte, siffle le serpent.
Toi toi toi, toi sois belle et tais toi.

Serge Gainsbourg

Озверевшая колыбельная

Перевод с французского

Курица кудахчет, хрюкает свинья,
Громко утка крячет и шипит змея,
Квакает лягушка, выпь кричит в ночи,
Будь любезна, крошка, ты хоть помолчи.
Тш-тш-тш, замолчи, малыш.
Каркает ворона, ухает сова,
Всех зверей пугает рык сердитый льва,
И шакалы дружно поднимают вой,
Мне так мало нужно: детка, рот закрой.
Тш-тш-тш, замолчи, малыш.
Жеребцы ржут в поле, в джунглях слон трубит,
Глухари токуют, а оса жужжит.
Пусть пищит мышонок и рычит пусть рысь
Милый мой ребенок, я прошу — заткнись.
Тш-тш-тш, замолчи, малыш.

Olga Guertz

My Rival

I go to concert, party, ball—
What profit is in these?
I sit alone against the wall
And strive to look at ease.
The incense that is mine by right
They burn before Her shrine;
And that's because I'm seventeen
And she is forty-nine.

I cannot check my girlish blush,
My colour comes and goes;
I redden to my finger-tips,
And sometimes to my nose.
But She is white where white should be
And red where red should shine.
The blush that flies at seventeen
Is fixed at forty-nine.

I wish I had Her constant cheek:
I wish that I could sing
All sorts of funny little songs,
Not quite the proper thing.
I'm very gauche and very shy,
Her jokes aren't in my line;
And, worst of all, I'm seventeen,
While She is forty-nine.

Соперница

Перевод с английского

На все тусовки я хожу,
Но, где же результат?
Ведь как убогая сижу,
Потупив в стену взгляд.
Не мне, а Ей несут букет,
И это неспроста.
Ведь мне всего семнадцать лет,
А Ей почти полста.

И я краснею от стыда,
И багровеет нос.
Бываю бледной иногда,
Какой с девчонки спрос?
А вот у Той смущенья нет,
Есть правильный наряд.
Есть цвет лица, что не во вред,
Когда под пятьдесят.

Хочу быть дерзкой, как Она
И петь, что захочу
А мне твердят, что я должна
Молчать, и я молчу.
Я неуклюжа, спору нет,
Шутить я не мастак.
Как жаль, что мне семнадцать лет,
А Ей почти полста.

The young men come, the young men go,
Each pink and white and neat,
She's older than their mothers, but
They grovel at Her feet.
They walk beside Her 'rickshaw-wheels—
They never walk by mine;
And that's because I'm seventeen
And She is forty-nine.

She rides with half a dozen men
(She calls them “boys” and “mashers”)
I trot along the Mall alone;
My prettiest frocks and sashes
Don't help to fill my programme-card,
And vainly I repine
From ten to two A.M. Ah me!
Would I were forty-nine.

She calls me “darling,” “pet,” and “dear,”
And “sweet retiring maid.”
I'm always at the back, I know,
She puts me in the shade.
She introduces me to men,
“Cast” lovers, I opine,
For sixty takes to seventeen,
Nineteen to forty-nine.

Красавцев юношей волна
Спешит скорее к Ней.
Им безразлично, что Она
Их матерей взрослее.
Ей подают кабриолет,
Моя же роль проста.
Сидеть и ждать в семнадцать лет,
Когда придут полста.

В Ее кортеже из мужчин
Полдюжины юнцов.
А я скачу, как рысь в ночи
Куда? В конце концов,
Моя одежда, мой прикид,
И мой девичий взгляд,
Не даст мне пропуск в этом мир.
Скорей бы пятьдесят.

Она приветлива со мной,
Чтит светские каноны.
Но все равно я за спиной,
В тени Ее персоны.
Она считает, что старик
Для юных дам — опека.
А молодых влечет лишь к тем,
Кому как Ей полвека.

But even She must older grow
And end Her dancing days,
She can't go on for ever so
At concerts, balls, and plays.
One ray of priceless hope I see
Before my footsteps shine:
Just think, that She'll be eighty-one
When I am forty-nine!

Rudyard Kipling

Но годы все равно идут,
И Ей плясать не вечно.
Гулянки вмиг один пройдут,
Кураж не бесконечен.
Моя мечта совсем чиста,
А в жизни все так просто.
Представьте, мне всего полста,
А Ей- под девяносто!

Алексей

Forgotten

Lords of the Nursery
Wait in a row,
Five on the high wall,
And four on the low;
Big Kings and Little Kings,
Brown Bears and Black,
All of them waiting
Till John comes back.

Some think that John boy
Is lost in the wood,
Some say he couldn't be,
Some say he could.
Some think that John boy
Hides on the hill;
Some say he won't come back,
Some say he will.

High was the sun, when
John went away . . .
Here they've been waiting
All through the day;
Big Bears and Little Bears,
White Kings and Black,
All of them waiting
Till John comes back.

Лорды детской комнаты (Забытые)

Перевод с английского

В детской комнате, в шкафу
Стали лорды строем:
Сверху пятеро стоят,
А пониже - трое.
Смелый Рыцарь, славный Граф
И мохнатый Мишка -
Ожидают все они
Своего мальчишку.

Кто-то думает, что Джон
По лесу плутает;
Тот надежду потерял,
Этот - не теряет.
Кто-то думает, что Джон
За холмами где-то;
Этот молвит: «Джон пропал!»
Тот - не верит в это.

Самый полдень был, когда
Джон ушёл за двери.
Лорды молча стали ждать,
В возвращенье веря.
Император и Король,
И мохнатый Мишка
Ждут сегодня целый день
Своего мальчишку.

Lords of the Nursery
Looked down the hill,
Some saw the sheep-fold,
Some say the mill;
Some saw the roofs
Of the little grey town . . .
And their shadows grew long
As the sun slipt down.

Gold between the poplars
An old moon shows;
Silver up the star-way
The full moon rose;
Silver down the star-way
The old moon crept . . .
And, one by another,
The grey fields slept.

Lords of the Nursery
Their still watch keep . . .
They hear from the sheep-fold
The rustle of sheep.
A young bird twitters
And hides its head;
A little wind suddenly
Breathes, and is dead.

Лорды детской на холмы
Устремили взгляды.
Кто-то видит чёрный лес,
Кто - овечье стадо.
Кто-то видит городок -
Дальние оконца
Словно пламенем горят
На закате солнца.

Блещет золотом луна
Между облаками;
Катит, катит вверх да вверх
Звёздными лугами.
По-над звёздною тропой
На минутку стала
И уже сползает вниз -
Видимо, устала.

Лорды детской всё стоят
Строем в карауле.
Лес и серые холмы -
Все давно уснули.
Лишь тихонько ветерок
В форточку повеет
Да залает чей-то пёс,
Да овца заблеет.

Slowly and slowly
Dawns the new day . . .
What's become of John boy?
No one can say.
Some think that John boy
Is lost on the hill;
Some say he won't come back,
Some say he will.

What's become of John boy?
Nothing at all,
He played with his skipping rope,
He played with his ball.
He ran after butterflies,
Blue ones and red;
He did a hundred happy things—
And then went to bed.

Alan Alexander Milne

Вновь светлеет за окном -
Утро наступает.
Где пропал их мальчик Джон?
Ни один не знает.
Кто-то думает, что Джон
Потерялся где-то.
Этот молвит: «Не придёт!»
Тот - не верит в это.

Где же делся мальчик Джон?
Не пропал их мальчик.
Он по улице гонял
С ребяtnёю мячик.
Он катался на осле
И на самокате,
А теперь спокойно спит
У себя в кровати.

Андрей Москотельников

Ptasie radio

Halo, halo! Tutaj ptasie radio w brzozowym gaju,
Nadajemy audycję z ptasiego kraju.
Proszę, niech każdy nastawi aparat,
Bo sfrunęły się ptaszki dla odbycia narad:

Po pierwsze - w sprawie,
Co świtem piszczy w trawie?

Po drugie - gdzie się
Ukrywa echo w lesie?

Po trzecie - kto się
Ma pierwszy kapać w rosie?

Po czwarte - jak
Poznać, kto ptak,
A kto nie ptak?

A po piąte przez dziesiąte
Będą ćwierkać, świstać, kwilić,
Pitpilitać i pimpilić
Ptaszki następujące:

Пташьє радио

Перевод с польского

Дорогие радиослушатели!
Оставайтесь с нами!
Через полминуты в нашей программе:
Специальная трансляция в прямом эфире
О событиях в птичьем мире.
Сегодня на берёзе у грибного пня
В повестке дня:

Во-первых, тема: «Важная птица:
как в неё превратиться?»
Тема для мелких пташек,
Не лишённых барских замашек.

Во-вторых, вопрос касательно рос:
Искупаться в росе успевают не все,
Но некоторые пролазы успевают три раза.
Составим заранее график купания!

Поднимем, в-третьих, вопрос о детях.
Птенчики чьи-то вчера нарочито
Пищали грубо под кроной дуба
И играли со спичками с чужими птичками
(с дурными привычками).

В-четвёртых, про эхо. Тут не до смеха.
«Как его ночью увидеть воочию?
Бойтся ли эхо дневных лучей?» — доклад сычей.

Słowik, wróbel, kos, jaskółka,
Kogut, dzięcioł, gil, kukułka,
Szczygieł, sowa, kruk, czubatka,
Drozd, sikora i dzierlatka,
Kaczka, gąska, jemiółuszka,
Dudek, trznadel, pośmieciuszka,
Wilga, zięba, bocian, szpak
Oraz każdy inny ptak.
Pierwszy - słowik
Zaczął tak:

"Halo! O, halo lo lo lo lo!
Tu tu tu tu tu tu tu
Radio, radijo, dijo, ijo, ijo,
Tijo, trijo, tru lu lu lu lu
Pio pio pijo lo lo lo lo lo
Plo plo plo plo plo halo!"

В пятых: разное.
Чирикать,
Ухать, бухать, пим-пиликать,
Пикать, выть, пищать, басить
Будут:
совка-неясыть,
Галка, иволга, хохлатка,
Полевая куропатка,
Зяблик, филин, свиристель,
Цапля, дятел, коростель,
Перепелка, пересмешник,
Сам скворец и весь скворечник,
Дрозд, малиновка, удод,
Соловей с тетрадью нот
(Очевидно, с чем-то новым...)

– Начинаем! Все готовы?

– Соло соловья, каденция (из части четвертой)
Исполняется a capella, forte:

– Алло! О, алло ло ло ло ло!
Ту ту ту ту ту ту ту
Радьо, радио, дио, ио, ио,
Тио, трио, тру лю лю лю лю
Пио пио пийо ло ло ло ло ло
Пло пло пло пло пло, алло!

Na to wróbel zaterlikał:
"Cóż to znowu za muzyka?
Muszę zajrzeć do słownika,
By zrozumieć śpiew słownika.
Ćwir ćwir świrk!
Świr świr ćwirk!
Tu nie teatr
Ani cyrk!

Patrzcie go! Nastroszył piórka!
I wydziera się jak kurka!
Dość tych arii, dość tych liryk!
Ćwir ćwir czyrik,
Czyr czyr ćwirik!"

I tak zaczął ćwirzyć, ćwikać,
Ćwierkać, czyrkać, czykczyrikać,
Że aż kogut na patyku
Zapiał gniewnie: "Kukuryku!"

Jak usłyszysz to kukulka,
Wrzaśnie: "A to co za spółka?
Kuku-ryku? Kuku-ryku?
Nie pozwalam, rozbójniku!
Bierz, co chcesz, bo ja nie skapię,

Воробей, дослушав еле,
Чиркнул: «Ох уж эти трели!
Ни словечка непонятно,
Так как дикция невнятна,
Тут у нас — чирик! Чи-чирк! —
Не театр!
И не цирк!

Даже квочка, даже кочет
Не поймут, чего он хочет.
Даже крачка, даже кречет
Не поймут, о чём лепечет.
Что он корчит, этот лирик?
Чик чик чвирик!
Чвик чвик чирик!»

И как начал чвикать, чикать,
Чверкать, чиркать, чикчирикать...

Тут не выдержал петух,
И давай смеяться вслух:
— Ку-ка-реку-кха-ха-ха!
— Успокойте петуха!

Враз кукушка всполошилась:
— Что за хам! скажи на милость!
Не позволю шутнику!
Я те дам «куку-реку»!

Ale kuku nie ustąpię.
Ryku - choć do jutra skrzecz!
Ale kuku - moja rzecz!"
Zakukała: kuku! kuku!
Na to dzięcioł: stuku! puku!
Czajka woła: czyjaś ty, czyjaś?
Byłaś gdzie? Piłaś co? Piłaś, to wyłaź!
Przepióreczka: chodź tu! Pójdź tu!
Masz co? daj mi! rzuć tu! rzuć tu!

I od razu wszystkie ptaki
W szczebiot, w świegot, w zgiełk - o taki:

"Daj tu! Rzuć tu! Co masz? Wiórek?
Piórko? Ziarnko? Korek? Sznurek?
Pójdź tu, rzuć tu! Ja ćwierć i ty ćwierć!
Lepię gniazdko, przylep to, przytwierdź!
Widzisz go! Nie dam ci! Moje! Czyje?
Gniazdko ci wiję, wiję, wiję!
Nie dasz mi? Takiś ty? Wstydz się, wstydz się!"
I wszystkie ptaki zaczęły bić się.

Przyfrunęła ptasia milicja
I tak się skończyła ta leśna audycja.

Julian Tuwim

«Реку» рекай сколько хошь,
Но куку — моё, не трожь!
Вот те кукиш, на-ка, ку!

Стукнул дятел на суку:
— Вот так скука...Тук-тук-тук!
Так стучал, что треснул сук.

Чайка чайку у ручья
Кличет: — Чья ж ты, чья ж ты, чья?

И в ответ другие птицы
Тоже стали суетиться:

— Что там, чижик? ну, покажь-ка!
— Сыроежка? — Таракашка?
— Мне — сверчка и гусеничку.
— Вам частичку, нам частичку.
— Чью частичку? Чью, чью, чью?
— А я вью, я вью, я вью.
— Дай-ка! — Ну-ка, отбери-ка!
Началась неразбериха.
— Совка-сплюшка! Где ты, совка?
Завязалась потасовка.

Прилетела милиция, клювами клацая.
Тем и закончилась прямая трансляция.

Ольга

Slinky Malinki

Slinky Malinki
Was backer than black,
A stalking and lurking
Adventurous cat.

He had bright yellow eyes,
A warbling wail,
And a kink at the end
Of his very long tail.

He was cheeky and cheerful,
Friendly and fun,
He'd chase after leaves
And he'd roll in the sun.

But at night he was wicked
And fiendish and sly,
Through moonlight and shadow
He'd prowl and he'd pry.

He crept along fences,
He leaped over walls,
He poked into corners
And sneaked into halls.

What was he up to?
At night, to be brief,
Slinky Malinky
Turned into a THIEF.

All over town,
From basket and bowl,
He pilfered and pillaged,
He snitched and he stole.

Slippers and sausages,
Biscuits, balloons,
Brushes and bandages,
Pencils and spoons.

He pulled them,
He dragged them,
He heaved them until...
He'd carried them home
To his house on the hill.

Linley Dodd

Слинки Малинки

Перевод с английского

Слинки Малинки
Был чёрен как чёрт,
Вкрадчивый, дерзкий.
Отчаянный кот.

Глаза были яркие,
Мелодией вой,
И кончик хвоста
Загибался дугой.

Весёлый, нахальный
От смеха светился,
За листьями гнался,
На солнце крутился.

Но ночью, увы,
Уже не был он киской,
Жестокий, коварный
Во мраке он рыскал.

Он полз вдоль заборов
Прыгучий и пряткий,
Исследовал все
Закоулки и дырки.

Кем он становился?
Ответим сурово,
Слинки Малинки
Ночами был ВОРОМ.

Тащил ото всюду,
Весь город обшарил,
Из мисок, корзинок
Тянул всё и грабил.

Тапки, сосиски
И сладостей груды,
Щётки, бинты,
Канцтовары, посуду.

Он их собирал,
Скирдовал, волочил
Пока всё в свой домик
Не перетащил.

Елена Мелкумова

Ich möchte´ ein Clown sein

Ich möcht´ ein Clown sein
Und immer lachen.
Ich möchte ein Clown sein
Und die anderen lachen machen.
Ich möchte ein stillvergnügter Clown sein
und kein großer Held,
ein klitzekleiner Spaßmacher
in unser bitt´ren Welt.

Ich möchte Purzelbaum auf allen Straßen schlagen
Und nicht zu allem Ja und Amen sagen.
Ich möchte eine lange Nase machen, wenn es regnet
Und mir ein bitterböser Mensch begegnet.

Ich möchte Grimassen schneiden, wenn die Sonn scheint,
und einen Hampelmann verschenken,
wenn ein Kind am Abend weint.
Ich möchte, dass die Welt mal lächelt,
eh´s zu spät ist.
Ich möchte ein Clown sein,
dessen Kopf schon leicht verdreht ist.
Ich möchte auf allen Vieren über Dächer schleichen
und mir die armen Armen und die reichen Reichen
von oben ansehen, wie sie ihre Brötchen essen
und danach ihre Aussichten bemessen.

Хотел бы быть я клоуном

Перевод с немецкого

Хотел бы быть я клоуном,
всегда смеющимся,
Хотел бы быть я клоуном,
Чтобы других смешить.
Хотел бы быть я тихим клоуном,
Не выдающимся,
Чтоб каплю радости внести
в наш горький мир.
Хотел бы кувыркаться я на улицах,
Но только грустное «Аминь» я не скажу, не жди!
Я с длинным носом побегу по лужицам
И нипочем мне будут злыдни и дожди.
Я буду корчить рожицы Петрушкой
На встречу солнечному дню,
Чтоб высохли слезинки мальчика,
Который смотрит на меня!
Хотел бы я, чтоб мир смеялся.
Ах, только бы не опоздать!
Посмейтесь, слышите ,над клоуном,
Для этого хочу им стать!
Хочу на крышу я вскарабкаться,
Чтоб с высоты взглянуть на всех,
На нищих и богатых,
Кому нужней мой смех?
Ах, как бы я хотел их насмешить, отвлечь
От главной их задачи-

Ich möchte, dass sie alle lachen
Und ihrem Nachbarn keine Schande machen.

Ich möchte an den Ecken stehen,
ein Scherzo auf die Straßen streun
zu ihren Gunsten und auf meine Kosten.
Ich möchte, dass die Welt mal lächelt,
eh's zu spät ist.
Ich möchte ein Clown sein,
dessen Kopf ein lustiger Planet ist.

Hans Dieter Hüsch

Как ближнего допечь.
Смешил бы я на улице людей
За благосклонность их ,а не за деньги!
Никем не занятую должность
Я так хотел бы занимать!
Ах, не лишайте вы меня
Надежды зыбкой!
Ведь так хотел бы клоуном я стать!
С планетой-головой в улыбке...
Ах, только бы не опоздать!

Попова Светлана Ивановна

Jingle Bells

Dashing through the snow
In a one-horse open sleigh
O'er the fields we go
Laughing all the way;
Bells on bob-tail ring
Making spirits bright
What fun it is to ride and sing
A sleighing song tonight!

Chorus:

O! Jingle bells, jingle bells,
Jingle all the way!
O what fun it is to ride,
In a one-horse open sleigh, hey!
Jingle bells, jingle bells,
Jingle all the way!
O what fun it is to ride,
In a one-horse open sleigh!

A day or two ago
I thought I'd take a ride
And soon Miss Fanny Bright
Was seated by my side;
The horse was lean and lank;
Misfortune seemed his lot;
He got into a drifted bank
And we, we got upsoot!

Chorus.

Джингл беллс, или серенада похотливого мужичонки *Перевод с английского*

По снегу мы летим
В упряжке на санях
И радостно кричим,
С улыбкой на устах.
Бубенчики звенят,
Злых духов гонят прочь.
Ах, как чудесно на санях
Мчат с песней в эту ночь!

Припев:

Тили-бом, тили-бом,
Звон да звон кругом,
Как чудесно сани мчат
И снег стоит столбом
Тили-бом, тили-бом,
Звон да звон вокруг,
Как чудесно сани мчат
За кругом новый круг!

День-два тому назад
Кататься вышел я
И Мисс Прелестный Зад
С собою взял, друзья.
Печален сей рассказ,
Ведь конь мой был убог.
Он лихо, опрокинув нас,
Влетел в большой сугроб!

Припев

A day or two ago
The story I must tell
I went out on the snow
And on my back I fell;
A gent was riding by
In a one-horse open sleigh
He laughed as there I sprawling lay
But quickly drove away!

Chorus.

Now the ground is white
Go it while you're young
Take the girls tonight
And sing this sleighing song;
Just get a bob-tailed bay
two-forty as his speed
Hitch him to an open sleigh
And crack! you'll take the lead

Chorus.

James Pierpont

Вчера, а может, нет,
Я вспомнить не могу,
Я плюхнулся на снег,
Споткнувшись на бегу.
И на санях мужик,
Что мимо проезжал,
Поржал с кобылой от души
Над тем, как я упал.

Припев

Пока бела земля,
Пока ты юн душой,
Красотки ждут тебя
И резвый конь гнедой.
Скорее рысака
Ты в сани запрягай,
Огрей кнутом его бока
И песню запевай:

Припев

Настя Доброта

Keiju kyseli

Päivänkakkaran lehdeltä lehdelle
hyppeli pieni keiju.
Kun keiju kyseli:
RAKASTAAKO?
joka toinen lehdistä
vastasi: KYLLÄ,
joka toinen vastasi: EI.

Kun viimeinen lehti
oli lausunut EI,
se keiju istui maassa
ja itki.

Kellokukan sini tuli kylmemmäksi,
kalpeammaksi apilan poski.
Heinien päät oli painuksissa.
Yksikään lehti ei liikahtanut.

Toisena aamuna pikkuinen keiju
hyppeli lehdillä uudestaan.

Taas päivänkakkarat
hohtavanvalkeat
keinuiivat tulessa,
valossa loistivat.

Вопросы Эльфа

Перевод с финского

От лепестка к лепестку ромашки
перелетал маленький Эльф.
Когда он спрашивал
«ЛЮБИШЬ?»,
Каждый второй лепесток
отвечал: «ДА!»,
каждый другой: «НЕТ!»

Когда последний лепесток
ответил: «Нет!»,
Эльф сел на землю
и горько заплакал.

Поблекла синева колокольчиков,
побледнели щечки у клевера.
Сникла травка.
Замерли все листочки.

Но на другой день Эльф
опять перелетал от лепестка к лепестку.

Снова ромашки
изумительной белизны
раскачивались на ветру,
сияли на солнце.

Kun tuli viimeisen lehden vuoro,
se kuiskasi hiljaa: RAKASTAA!

Keiju sipaisi sinistä kelloa,
apilan punaista poskea.
Silitti heinän pörröistä päätä.
Kuunteli lempeää tuulta
huulilla hymy, silmissä ilo.

Tuulikin hymisi kukkien yllä.
Sen kuisketta toisteli lämmin maa:
RAKASTAA!

Kaisa Kantola

Эльф спрашивал: «ЛЮБИШЬ?»
На сей раз последний лепесток ответил: «ЛЮБЛЮ!»

Эльф прикоснулся к синему колокольчику,
к розовым щечкам клевера,
погладил взъерошенную траву.
И вслушивался в нежный шёпот ветра.
На губах улыбка, в глазах радость.
Ветер тоже, радуясь, шептал всему миру:
«ЛЮБЛЮ!»

Геннадий Михлин

King Fashion

There was a King of England once,
I shall not tell his name,
But what this King of England thought,
The people thought the same.

All that he said they listened to,
And called it wondrous wise;
On everything in earth or heaven
They looked with courtiers' eyes.

To every one of his commands
They said, "So let it be."
There never yet a monarch was
More absolute than he.

One day within his presence-hall
Two men stood forth together--
One dressed in velvet and in gold,
The other clad in leather.

The King said to his people,
"Remember what you're told,
You may kick the man in leather,
You must kiss the man in gold."

Королевская мода

Перевод с английского

Однажды жил один король
В английском королевстве.
Я не скажу, как звался он
К его великой чести.

Терпела свита короля
Всегда его причуды
И все, что он произносил,
Провозглашала мудрым.

Внимали все его словам —
И принцы, и кухарки.
И не было до той поры
Всевластнее монарха.

Однажды с гвардией своей
Он встретил двух прохожих.
Один был в злате и шелках,
Другой одет был в кожу.

«Гвардейцы! — вдруг изрек король, —
Вам без зазрения можно
Обнять того, кто в золоте,
И пнуть того, кто в коже!»

Whilst on a country walk one day,
The King espied a frog.
"Why, here," said he, "I've found a most
Peculiar kind of dog!

"He shall have meat for breakfast,
Of milk three saucers full,
A golden collar for his neck,
And a bed of cotton-wool."
Then every courtier kept a frog
And called it a peculiar dog!

Eliza Keary

Затем, гуляя по стране,
Король нашел лягушку.
«Смотрите, что за чудо-пёс! —
Он крикнул простодушно. —

Хочу, чтоб жил он во дворце,
Питался вкусно-сладко,
Имел ошейник золотой
И мягкую кроватку».

С тех пор возникла при дворе
Диковинная мода —
Держать лягушек словно псов
Немыслимой породы!

Настя Доброта

Au marché des sorcières (extrait)

Au marché des sorcières,
On vend de tout un peu,
De verts crapauds baveux
Et des nœuds de vipères ;
On vend des basilics,
À l'œil fixe et glacé
Sous leur lourde paupière,
Des chèvres, des aspics,
Des onguents mystérieux.

Au marché des sorcières,
On vend de gros chats noirs
À queue blanche, à l'œil bleu,
Aux moustaches de feu
Qui s'allument le soir,
Et des chauves-souris
S'agrippant aux cheveux
Chaudrons ! Chauds, les chaudrons !
Les plus vieux, les plus laids !
Voyez mes prix !
Qui n'a pas son balai ?

Jacques Charpentreau

На рынке черных магов (отрывок)

Перевод с французского

На рынке черных магов
Торгуют всем подряд,
Купить уговорят
Гадюк и жаб для ядов.

Вот василиск — лишь глянет,
Ты враз оцепенел.
Купец рукой поманит
И аспидов достанет
И мазь для черных дел.

На рынке для колдуний
Кота приобретем,
В период полнолуний
Усы горят огнем.
Кот черный, дьявол сущий,
Глаз голубой, хитрющий.

Мышей летучих целый ряд,
Вцепиться в космы норовят.
Котлы черней, чем сажа.
Сегодня, так и быть,
На метлы распродажа!
Кто позабыл купить?

Елизавета Хероимова

Temptation

Rusted brandy in a diamond glass
Everything is made from dreams
Time is made from honey slow and sweet
Only the fools know what it means
Temptation, temptation, temptation
Oh, temptation, temptation, I can't resist

Well I know that she is made of smoke
But I've lost my way
He knows that I am broke
But I must play
Temptation, oh temptation, temptation,
I can't resist

Dutch pink and Italian blue
He is there waiting for you
My will has disappeared
Now confusion is so clear
Temptation, temptation, temptation
I can't resist
Temptation, temptation, temptation
I can't resist

Tom Wates

Соблазны

Перевод с английского

Рыжий бренди в гранях хрусталя
Мир вокруг, сотканный из грез
Время тянется как сладкий мед
Только глупец сейчас поймет меня
Соблазны, соблазны, соблазны...
Не устою.

Да, пускай, плоть ее — лишь дым
Но сбилась я с пути
Он знает, что победил
Но мне со сцены не сойти
Соблазны, соблазны, соблазны...
Не устою.

Желтое на голубом
Он ждет тебя за столом
Я голову теряю
И смятения не скрываю
Соблазны, соблазны, соблазны...
Не устою.
Соблазны, соблазны, соблазны, соблазны...
Не устою.

Эмма

Работа получила третий приз в номинации фирмы «Мелодия».

בנוף ילדות

בנוף הבתים הישנים
אשר היו צילי בימי ילדות,
חלפו הרבה שנים,
חלפו הרבה שנים.
נוף הבתים כבר מתפורר
וקירותיו נעלמים,
חלפו הרבה שנים,
חלפו הרבה שנים.

בגן העדן של ילדות
אשר היה פורח
הייתי חלק מהנוף,
היום אני אורח.

בגן העצים המתקלפים
ימי ילדות אשר היו צילי ב
כבר נשברו הענפים,
כן נשברו הענפים.
פרחי הבר צומחים בין העצים
שעליהם נעלמים,
כבר נשברו הענפים,
כבר נשברו הענפים.

בגן העדן של ילדות
אשר היה פורח
הייתי חלק מהנוף,
היום אני אורח.

Пейзаж детства

Перевод с иврита

Ещё живут мои и тень, и след
В домишках детства, в улочках кривых —
Прошло немало лет,
Прошло немало лет.
Домишки обратились в пыль,
Их стен давно в помине нет —
Прошло немало лет,
Прошло немало лет.

Когда-то в детства райский сад,
Отцветший безвозвратно,
Входил я — свой, теперь — лишь гость,
И нет пути обратно.

Ещё живут мои и тень, и след
Там, где когда-то был цветущий сад, —
Его давно уж нет,
Его давно уж нет.
Раскинулся ковёр цветов
Среди стволов, которых нет, —
Давным-давно уж нет,
Давным-давно уж нет.

Когда-то в детства райский сад,
Отцветший безвозвратно,
Входил я — свой, теперь — лишь гость,
И нет пути обратно.

בנוף האנשים של ילדותי
אשר היו צילי לפני שנים,
קפצה זקנה פתאום,
קנה פתאום. קפצה ז'
בראש כולם זרקה שיבה
והם נעלמים,
קפצה זקנה פתאום,
קפצה זקנה פתאום.

בגן העדן של ילדות
אשר היה פורח
הייתי חלק מהנוף,
היום אני אורח.

שלמה ארצי

Всё ещё помнят мои тень и след
Тех, с кем я в годы детства был знаком, —
И вот уже я сед,
И вот уже я сед.
И вот уже уходят в никуда
Те, перед кем держать ответ, —
Неважно, что я сед,
Неважно, что я сед.

Когда-то в детства райский сад,
Отцветший безвозвратно,
Входил я — свой, теперь — лишь гость,
И нет пути обратно.

Марк Польшковский

Palabras sin importancia

Escuchame, al pasar, como yo escucho,
la lluvia que murmura en la ventana,
pensando en algo que olvidé hace mucho,
entre las cosas de la vida vana.

Escuchame también como si oyeras,
esa canción que se enredó en tu vida,
y que vuelve de pronto sin que quieras,
y que es más triste cuanto más se olvida.

Y piensa que mi voz es tu voz misma,
Y que murmuras lo que ya te dije,
Y que mi vida se encuentra con tu vida,
Y que estamos los dos un poco tristes.

Aquí estoy junto a ti, toma mi mano,
no me preguntes para qué he venido.
Piensa que soy tu amigo más lejano,
y que esta noche vuelvo del olvido.

Escuchame pensando que estoy lejos.
Nada acerca mejor que la distancia.
No te diré sentencias ni consejos,
Ni escucharás mentiras ni alabanzas.

Escuchame, al pasar, indiferente,
como se escucha el ruido en la distancia.
Olvida las palabras que te cuente,
mis palabras no tienen importancia.

Homero Manzi

Ненужные слова

Перевод с испанского

Прислушайся ко мне на полмгновенья,
Как к шороху дождя по переплету
Окна, когда всплывает из забвенья
Далекое, бессмысленное что-то,

Услышь меня, как тот мотивчик дальний,
Из тех, что вспоминаются случайно,
И с каждым из таких воспоминаний
Они все тише и еще печальней,

И пусть тогда твой голос и мой голос
Сольются в бормотании дождей,
И наши жизни, плетшиеся порознь,
Сойдутся, чтобы стать слегка грустней.

Я рядом здесь, возьми меня за руку,
Не спрашивай причину нашей встречи,
Считай меня давно забытым другом,
И я исчезну снова, в тот же вечер,

Услышь меня, не представляя ближе:
Ничто не сблизит больше расстояния,
И ты не лжи, ни лести не услышишь,
Не наставлений и ни назиданий...

Послушай мимоходом, безразлично,
Меня, как шум невнятный в отдалении,
И выкинь все из памяти, пойми, что
у слов моих не может быть значения...

Дмитрий Великов

Can't Get It Out Of My Head

Midnight on the water
I saw the oceans daughter
Walking on A waves chicane
Staring as she called my name

(chorus)

And I can't get it out of my head
No, I can't get it out of my head
Now my old world is gone for dead
Cos I can't get it out of my head

Breakdown on the shoreline
Can't move, it's an ebbtide
Morning don't get here tonight
Searching for her silver light

(chorus)

Bank job in the city
Robin Hood and William Tell and Ivanhoe and Lancelot,
they don't envy me
Sitting till the Sun goes down
In dreams the world keep going round and round

Jeff Lynne
(Electric Light Orchestra)

"All the songs on this album were recorded at the old De Lane Lea studios in Wembley, London, right next to the Stadium."
(Jeff Lynne – Eldorado Remaster Edition, 2001)

Не могу изгнать из мыслей моих

Перевод с английского

Полночь над заливом
Я видел Нерейду
Гуляла по зигзагам волн она
Пристально глядя на меня по имени звала

(припев)

И не могу изгнать из мыслей моих
Нет, не могу изгнать из мыслей моих
Отныне из жизни уходит прежний мой мир
Поэтому не изгнать это из моей головы

Авария на побережье
Отлив, встало движение
В эту ночь утро не появится здесь
Оно ищет её серебряный свет

(припев)

Город, работа в банке
Робин Гуд, Вильгельм Телль с Ланселотом и Айвенго
не завидуют мне
Сидя до заката дня
Мечтаю, что вселенная моя невредима и цела

Дмитрий

"Все песни на этом альбоме были записаны в старых Де Лэйн Ли студиях, в лондонском Уэмбли, прямо рядом со стадионом".
(Джефф Линн - ремастрированное переиздание Эльдорадо, 2001)

Money For Nothing

Yeah, would you look at them yo-yos
That's the way you do it,
You play your guitar on the MTV
That ain't 'a working, That's the way we do it
Get your Money for nothing
And your chicks for free
Yeah that ain't working
That's the way you do it
Let me tell you, them guys
They aint so dumb
Maybe get a blister on your little finger
Maybe get a blister on your thumb

We got to install microwave ovens
Custom kitchen delivery
We gotta move these, refrigerators
We got to move these colour TV's

See that little faggot
Got his ear-ring got his make up on,
Let me tell you buddy that's his real hair
That little mother-fuckers got his own get airplane
Little "mother-trucker" he's a millionaire

We got to install microwave ovens
Custom kitchen delivery
We gotta move these, refrigerators
We got to move these colour TV's

Легкие бабки

Перевод с английского

Ну, ты, только глянь на этих,
Как рубить капусту падки,
Вот хоть этот - на гитаре в эМ-Те-Ве лабать мастак,
Это, все же, не работа, это способ делать бабки.
Это легкие бабки
И телки за так.
Это точно не работа,
Что творят эти ребята,
Я скажу те - стопудово
Этот парень не дурак,
Ну, натрет мозоль на пальчик о струну гитары мальчик,
На губе мозоль натрудит - примерно вот так.

Мы установим микроволновые печи
С бесплатной доставкой по городу,
Холодильник вам доставим, подключение обеспечим
Цветного телевизора по прайс-листу.

Засеки-ка - это педик,
В ухе, блин, сережка светит.
Он без парика, в натуре - просто волос, как мохер.
Этот маменькин сыночек прилетел на самолете,
На своем аэроплане, сукин сын — миллионер.

Мы установим микроволновые печи
С бесплатной доставкой по городу,
Холодильник вам доставим, подключение обеспечим
Цветного телевизора по прайс-листу

I shuda learned, for to play on that 'a G-tar
I shuda learned to go play them drums
Look at that ma-ma got it sticking in the camera
Yes oh yes oh yes oh yes we could have some
And who's up there? What's that?
Hawian noises?
He's banging on them bongos like a chimpanze
Oh that ain't working that's the way you do it
Get your money for nothing
Get your chicks for free

We got to install microwave ovens
Custom kitchen delivery
We gotta move these, refrigerators
We got to move these colour TV's

Yeah look at them yo-yos
Thats the way you do it,
You play your guitar on the MTV
That ain't 'a working, Thats the way you do it
Get your Money for nothing
And your chicks for free

Yeah you get your money for nothing
And your chicks for free..

*Mark Freuder Knopfler,
Sting*

Я бы тоже при желании мог бы тренькать на гитаре
Иль долбать по барабану - не мудреные дела.
Гля, какая, блин, маманя влезла в камеру телами.
Ух, ты! Ух, ты! Ух, ты! Ух, ты! Вот она бы дала!
Это кто тут? Что такое?
Что за бубен из Гавайев?
Обезьяна на тамтаме, с пальмы слез сюда чудак.
Нет, блин, это не работа, это способ делать бабки.
Просто легкие бабки
И телки за так.

Мы установим микроволновые печи
С бесплатной доставкой по городу,
Холодильник вам доставим, подключение обеспечим
Цветного телевизора по прайс-листу

Нет, ты, погляди на этих,
Как рубить капусту падки,
Вот хоть этот - на гитаре в эМ-Те-Ве лабать мастак,
Это точно не работа, это способ делать бабки.
Это легкие бабки
И телки за так.

Просто легкие бабки
И телки за так.

Александр

Stairway to Heaven

There's a lady who's sure all that glitters is gold
And she's buying a stairway to heaven.
When she gets there she knows, if the stores are all closed
With a word she can get what she came for.
Ooh, ooh, and she's buying a stairway to heaven.

There's a sign on the wall but she wants to be sure
'Cause you know sometimes words have two meanings.
In a tree by the brook, there's a songbird who sings,
Sometimes all of our thoughts are misgiven.
Ooh, it makes me wonder,
Ooh, it makes me wonder.

There's a feeling I get when I look to the west,
And my spirit is crying for leaving.
In my thoughts I have seen rings of smoke through the trees,
And the voices of those who standing looking.
Ooh, it makes me wonder,
Ooh, it really makes me wonder.

And it's whispered that soon if we all call the tune
Then the piper will lead us to reason.
And a new day will dawn for those who stand long
And the forests will echo with laughter.

Лестница в небо

Перевод с английского

В мире лжи, в мире сна
Жила дева одна,
Доверявшая золоту слепо.

Она верила в миф,
В звон монет золотых
И построила лестницу в небо.

Доверяла она
Цифрам, но не словам,
Ведь слова, как мы знаем, двуличны.

У реки, над мостом
Поют птицы о том,
Что все наши желанья комичны.

Мне открылись все сны,
Лишь свет этой луны
Осветил мне знакомые лица.

В этих снах теплый дым
Поднимал к небу гимн,
Тех кто жег в ночь опавшие листья.

Работа получила второй приз в номинации фирмы «Мелодия».

If there's a bustle in your hedgerow, don't be alarmed now,
It's just a spring clean for the May queen.
Yes, there are two paths you can go by, but in the long run
There's still time to change the road you're on.
And it makes me wonder.

Your head is humming and it won't go, in case you don't know,
The piper's calling you to join him,
Dear lady, can you hear the wind blow, and did you know
Your stairway lies on the whispering wind.

And as we wind on down the road
Our shadows taller than our soul.
There walks a lady we all know
Who shines white light and wants to show
How ev'rything still turns to gold.
And if you listen very hard
The tune will come to you at last.
When all are one and one is all
To be a rock and not to roll.

Robert Anthony Plant

Ночь на миг станет днем,
Если все мы споем
И трубач эту песню подхватит.

И свет нового дня
Тот лишь сможет понять,
Кто простился навеки с закатом.

Весна придет, когда тебя не будет дома,
Без приглашенья, на полчаса.
Ты можешь выбрать свой путь в жизни, но только помни:
Всегда есть шанс сделать шаг назад.

Осенний ветер твое знамя опять качает,
Трубач играет победный марш.
И дева лезет в облака, не замечая,
Что ее лестница — лишь мираж.

Алексей Ряскин

She Walks in Beauty

She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that's best of dark and bright
Meet in her aspect and her eyes:
Thus mellowed to that tender light
Which heaven to gaudy day denies.

One shade the more, one ray the less,
Had half impaired the nameless grace
Which waves in every raven tress,
Or softly lightens o'er her face;
Where thoughts serenely sweet express
How pure, how dear their dwelling-place.

And on that cheek, and o'er that brow,
So soft, so calm, yet eloquent,
The smiles that win, the tints that glow,
But tell of days in goodness spent,
A mind at peace with all below,
A heart whose love is innocent!

Lord George Gordon Byron

Она прекрасна

Перевод с английского

Она прекрасна, словно ночь,
Когда лишь звезды в небесах.
Она, как тьма и свет точь-в-точь.
Они слились в ее глазах,
Созрев для чувственного света,
Но празднества все под запретом.

Сильнее тень, слабее свет,
И вот уж красоты той нет.
Коса, как ворона крыло,
И стало чуть бледней чело,
Где дремлют думы безмятежно,
Но храм их непорочен нежный.

В ее ланитах и бровях
Красноречива красота,
Улыбка блещет на устах,
В заботах дней лишь доброта.
Теперь в покое разум той,
Любовь в чьем сердце с чистотой!

Халиме Паланджи

Работа получила приз в номинации «Вперед, в детство!»

The Arrow and the song

I shot an arrow into the air-
It fell to earth, I knew not where;
For so swiftly it flew, the sight
Could not follow it in its flight.

I breathed a song into the air –
It fell to earth, I knew not where;
For who has sight so keen and strong
That it can follow the flight of a song?

Long, long, afterward, in an oak
I found the arrow, still unbroken;
And the song, from beginning to end,
I found again in the heart of a friend.

Henry Wadsworth Longfellow

Стрела и песня

Перевод с английского

Из лука пустил я стрелу в небеса,
Куда-то вдаль упала она.
Я взглядом за нею не уследил,
Пропала стрела, я о ней позабыл.

Пропел я песню о летевшей стреле,
Что упала когда-то в неизвестной земле.
И за чьим бы полётом я мог проследить,
Если взгляд мой способен был за всем уследить.

Время прошло, а стрелу я нашёл.
Сквозь дуба кору её кончик прошёл.
И песню мою до последнего слова,
Мне друг от души повторил снова.

Вероника

Работа получила приз в номинации «Вперед, в детство!»

Spirit of the Dragon

The little dragon
Taught me well
How to find the strength inside
And how to use it well
The little dragon
Taught me well
How to focus and deliver
All my power held
Little dragon
Taught me well
How a dragon sometimes
Must whip it's tail

Dragon's will
Dragon's will
Dragon's spirit!
Dragon's will
Dragon's will
Dragon's spirit lives!

The little dragon
Taught to me
How to open up your eyes
And absorb all you see
The little dragon
Taught to me
Absorb all
Be aware of the periphery
The little dragon
Taught to me
How to make a circumstance
A possibility

Дух Дракона

Перевод с английского

Хорошо обучал меня малый дракон,
Как мне силу внутри найти,
И как обернуть ее яростный стон,
Чтоб сума потом не сойти.
Хорошо обучал меня малый дракон,
Как душу понять и ум,
И как удержать самовластия трон
И тысячи вольных дум.
Хорошо обучал меня малый дракон,
Как бороться за жизнь, отбиваясь хвостом.

Дракон желает дух обрести,
И жизнь свою от смерти спасти.

Хорошо обучал меня малый дракон,
Как открыть мне Ваши глаза,
И как поглотить их пламень живой,
То, что видели Вы, навсегда!
Хорошо обучал меня малый дракон,
Как сделать возможным все,
Чтоб врагу оставался лишь сожженный дом,
Но загадкою будет оно.

Дракон желает дух обрести,
И жизнь свою от смерти спасти.

Работа получила приз в номинации «Вперед, в детство!»

Exploding forth from a dragon's will
Flowing forth from a dragon's will
Intensity born from a dragon's will
The Faijing born from a dragon's will

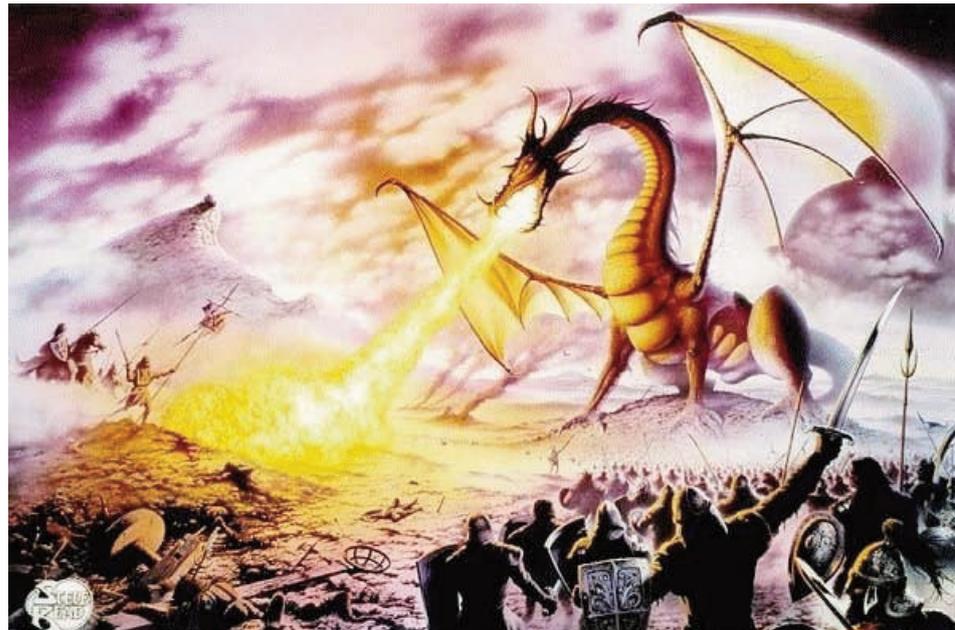
Dragon find it's pain
Dragon whips it's tail
Dragon spirit lives!

Dim Mak

Вечность проходит мимо дракона,
Судьба не щадит восседателя трона,
И гложет его, во предверии стона,
Огнем, пораженным желаньем дракона.

И рушится трон его,
Сердце сгорает,
И плоть умерла,
И душа погибает.

Настя Громова

My Death

My death waits like an old roué
so confident I'll go his way
whistle to him and the passing time...
My death waits like a bible truth
at the funeral of my youth
weep loud for that -and the passing time...
My death waits like a witch at night
as surely as our love is bright
let's not think about the passing time

Refrain: But whatever lies behind the door
there is nothing much to do...
angel or devil, I don't care
for in front of that door...
there is you.

My death waits like a beggar blind
who sees the world through an unlit mind
throw him a dime for the passing time...
My death waits there between your thighs
your cool fingers will close my eyes
lets think of that and the passing time
My death waits to allow my friends
a few good times before it ends
so let's drink to that and the passing time

Refrain

Моя смерть

Перевод с английского

Моя смерть ждет, как этот старый чудак.
Я знаю, что жить буду точно так.
Свисти, быстробегущее время!
Моя смерть ждет, как в библейских стихах
На — моей молодости — похоронах.
Рыдай, быстробегущее время!
Моя смерть ждет, как ведьма в ночи —
Точно, как наша любовь горит.
Не думай, быстробегущее время!

Прпев: Но хоть бы там что — ложь за дверью.
Там делать нечего — наверно.
Ангел ли, демон — слова пусты.
Ведь за той дверью...
За той дверью — ты.

Моя смерть ждет, как нищий слепой.
Он видит мир сквозь сумрак ночной.
Брось дайм, быстробегущее время!
Моя смерть ждет где-то в твоих вещах.
Твои пальцы закроют мне глаза.
Подумай, быстробегущее время!
Моя смерть ждет, когда мои друзья
Напьются в дым со мной и без меня.
Выпей, быстробегущее время!

Прпев.

My death waits there among the leaves
in magicians mysterious sleeves
rabbits and dogs and the passing time
my death waits there among the flowers
where the blackest shadow, blackest shadow cowers
let's pick lilacs for the passing time
My death waits there, in a double bed
sails of oblivion at my head
so pull up the sheets against the passing time

Refrain: But whatever lies behind the door
there is nothing much to do
angel or devil...i dont care
for in front of that door there is...

David Bowie

Моя смерть ждет среди зеленых листов
И — мистических рукавов.
Гадай, быстробегущее время!
Моя смерть ждет меня среди цветов,
Где прячется черна тень лесов.
Рви сирень, быстробегущее время!
Моя смерть ждет в двуспальной постели.
Паруса забвения плывут в двери.
Калечья, быстробегущее время!

Принев: Но хоть бы там что — ложь за дверью.
Там делать нечего — наверно.
Ангел ли, демон — слова пусты.
Ведь за той дверью...

Лидия Мищенко

автор СашаCat Regu

Little Red Riding Hood and the Wolf

Little Red Riding Hood and the Wolf
As soon as Wolf began to feel
That he would like a decent meal,
He went and knocked on Grandma's door.
When Grandma opened it, she saw
The sharp white teeth, the horrid grin,
And Wolfie said, "May I come in?"
Poor Grandmamma was terrified,
"He's going to eat me up!" she cried.
And she was absolutely right.
He ate her up in one big bite.

Красная шапочка и волк

Перевод с английского

Однажды поесть захотелось волчаре.
Слегка призадумался серый вначале,
Но вспомнив, что рядом старушка живёт,
Смекнул он, где быстро поживу найдёт.
В избушку к старушке злодей постучался.
«Войдите!» — из домика голос раздался.
Но бабушку ужас мгновенно объял,
Увидела волка свирепый оскал.
Старушка, воскликнув: «Конец мой пришёл!», —
В беспомощности рухнула прямо на пол.
Всё именно так и случилось потом:
Её проглотил негодяй целиком.
Но волку мала показалась добыча,
Решил он: «Мне нужно поесть поприличней!
Ведь к бабушке внучка с прогулки придёт,
И мне на десерт в самый раз подойдёт!»
Проворно накинув одежду старушки,
Он лёг на диван и зарылся в подушки.
Волк приготовился девочку ждать
(Ведь надоест ей когда-то гулять!).
Вот наконец постучалась и внучка.
Волк облизнулся: «Вкусная штучка!
Красный с кармашками комбинезон,
Джинсы, кроссовки — последний фасон.
Видно, за модой девчонка гонялась,
Но мне на обед очень кстати попалась!»

Работа получила приз в номинации «Вперед, в детство!»

But Grandmamma was small and tough,
And Wolfie wailed, "That's not enough!
I haven't yet begun to feel
That I have had a decent meal!"
He ran around the kitchen yelping,
"I've got to have another helping!"
Then added with a frightful leer,
"I'm therefore going to wait right here
Till Little Miss Red Riding Hood
Comes home from walking in the wood."
He quickly put on Grandma's clothes,
(Of course he hadn't eaten those).
He dressed himself in coat and hat.
He put on shoes and after that
He even brushed and curled his hair,
Then sat himself in Grandma's chair.
In came the little girl in red.
She stopped. She started. And then she said,
"What great big ears you have, Grandma."
"All the better to hear you with," the Wolf replied.
"What great big eyes you have, Grandma,"
Said Little Red Riding Hood.
"All the better to see you with," the Wolf replied.
He sat there watching her and smiled.
He thought, I'm going to eat this child.
Compared with her old Grandmamma
She's going to taste like caviar.
Then Little Red Riding Hood said, "But, Grandma,
What a lovely great big furry coat you have on."

Внучка, меж тем, в изумленьи застыла,
Внешность бабули её удивила.
«Бабушка, бабушка, что за беда?
Длинными уши стали когда?»
Но отвечает злодей лицемерно:
«Внученька, можешь сказать мне, примерно,
Сколько ты новых словечек и фраз
В дом из компаний приносишь за раз?
Чтобы за речью твоей уследить,
Уши свои мне пришлось удлинить!»
Внучку другое теперь удивляет:
«А почему же так странно сверкают
Ваши глаза в полумраке ночном?
Может быть, утром послать за врачом?»
Но, притворившись, злодей произносит:
«Внученька, где ж допоздна тебя носит?
Ты ведь приходишь с прогулки домой
Только глухою порою ночной.
Я ж привыкаю ночами не спать,
Внучку мою в темноте поджидать».
Но у девчонки упрямства сверх меры —
Мех ей понравился бабушкин серый.
Просит она: «Подари мне свой мех,
Чтобы иметь у подружек успех!»
Волк, между тем, уж терпенье теряет,
Сладость добычи своей предвкушает.
Встал он с дивана, щёлкнул зубами,
«Внучку» свою огорошил словами:

“That’s wrong!” cried Wolf. “Have you forgot
To tell me what BIG TEETH I’ve got?
Ah well, no matter what you say,
I’m going to eat you anyway.”
The small girl smiles. One eyelid flickers.
She whips a pistol from her knickers.
She aims it at the creature’s head
And bang, bang, bang, she shoots him dead.
A few weeks later, in the wood,
I came across Miss Riding Hood.
But what a change! No cloak of red,
No silly hood upon her head.
She said, “Hello, and do please note
My lovely furry WOLFSKIN COAT”.

Roald Dahl

«А почему ж ты не спросишь, голубка,
Зачем твоей бабушке длинные зубки?
Ладно готов объяснение дать:
Чтобы скорее тебя разжевать!»
Только другая теперь молодёжь,
И на испуг ты её не возьмёшь!
Волку в ответ рассмеялась девчонка,
Блеснула во рту золотая коронка,
Вмиг пистолет появился в руке —
Три пули засели в волчьей башке!
Недавно в лесу я опять её встретил:
Она пронеслась на мотоциклете.
Промчалась она, как гроза среди лета,
В шубку из серого волка одета.

onthefloor

The People Upstairs

The people upstairs all practise ballet
Their living room is a bowling alley
Their bedroom is full of conducted tours.
Their radio is louder than yours,
They celebrate week-ends all the week.
When they take a shower, your ceilings leak.
They try to get their parties to mix
By supplying their guests with Pogo sticks,
And when their fun at last abates,
They go to the bathroom on roller skates.
I might love the people upstairs more
If only they lived on another floor.

Ogden Nash

Соседи сверху

Перевод с английского

В квартире над нами — кружок балета.
В гостиной боулинг у них при этом.
По спальне экскурсии водит гид.
Их радио всех перекричит.
Семь дней в неделю у них уикенд.
Когда они в душе — готовьте тент.
Чтоб разнообразить тусовки слегка,
Предлагают гостям на ходулях скакать.
Когда же веселье идет на спад,
Соседи на роликах в ванную мчат...
Я, может, любил бы их больше уже,
Коль жили б они на другом этаже.

Богданова Елена

It's okay

I used to be so sugar sweet
For such a long, long time indeed
Always smiling, always happy
Kindness flourished, nothing crappy
And suddenly I don't know how
A voice inside that told me – Now,
Look around and do you see
How dark all things have come to be?
No, please listen, I'm not bad,
I'm not mental, I'm not mad!
Please look at me, beyond my eyes
A shattered soul never lies
Beyond my smile, beyond it all
Pain, sadness, anger have their call
The bloody battle deep within
Makes living life a crucial sin
Bullet words escape my lips
A word that hurts, a word that slips
I hate the way how badness bends
I hate the way I hurt my friends
But the troubled pain that hides inside
Has carried me and the world apart
Silver sun is faded, gone
No love, no goodness, nothing, none!
I'm quiet, yes, but look I scream!
My eyes are wide; this dreadful dream –

Голос души

Перевод с английского

Я пыталась быть сладкой, словно конфета
Настолько долго, сколько могла.
Всегда улыбалась, всегда я счастлива,
Ничего дурного, добра и мила.

Но однажды ко мне, не знаю я, как,
Голос внутри, обратился: «Сейчас
Оглянись вокруг – увидишь ты мрак,
Увидишь, как сильно всё режет твой глаз.

Нет, не подумай, я не плохой,
Я и не псих, не безумец какой!
Прошу, на меня устреми ты взор свой,
Сердце не лжет разбитой душой.

Несмотря на улыбки, несмотря ни на что

Кровавая бочка в сердце твоём,
Все это: гнев, грусть, да и боль,
Делает жизнь главным грехом,
А слова, словно пули, слетают отколь.

Слово, что ранит, с губ соскользнет.
Ненавижу то зло, что в душе потаит
Горькое слово, что друзей поразит
И боль беспокоит, что во мне. Не щадит.

Работа получила приз в номинации «Вперед, в детство!»

A happy face can also cry
Though smiles are flashing, eyes are dry
The secret pain that's born and bred
Has torn my soul, I'm almost dead
I want to tell, just spit it out,
Just tell the world, just scream, just shout!
But no matter how hard I think,
No words would tell, and so I sink
Deeper, deeper down this well
So lost and helpless; living hell
And so I know the only cure,
The remedy that'd work for sure
A smile, a moment, a tiny shrug
Two people closer, and a hug
The timeless whisper in my ear
The simple words I've longed to hear
Life is hard, yet you would say:
The soothing words of "it's okay"
It's okay.

Reeta

Она оторвала от мира меня,
Луна, что сияет, исчезла, ушла,
И нет ничего: ни любви, ни добра,
И гляди, закричу, хоть обычно тих я.

Ди ки глаза, кошмарен тот сон,
Счастливой души слышится стон,
Вспышки улыбки, смех в унисон,
Но душевная боль....

Разорвала меня — и нету души.
Должен сказать - плюнь на все ты!
Скажи же всё миру, ну же, кричи!
Неважно, как громко, ведь мысли чисты.

Слова не опишут и не потопят
Более глубже в скважину боли.
Беспомощна ты, от жизни воротит.
Но помочь я могу лекарством одним.

То, что поможет тебе просто так:
Улыбка, момент, утешающий взгляд,
Тебе навстречу объятия шаг,
Шепот на ухо времени, тебя пробудят

Простые слова, что утешат тебя,
Успокоит и фраза, хоть жизнь тяжела.
«Все хорошо», - скажи не тая».
Голос утих, и промолвила я:

«Все хорошо»....

Татьяна

Das Tannenbäumchen

Im Hinterhof lag
auf verharschtem Schnee
ein Tannenbaumchen,
buschig und jung.

Da ward es mir plötzlich
ums Herz so weh...
Ich weiß gar nicht recht,
warum?!

Noch strömte es aus
seinen harzigen Duft
wie einstens
im tannigen Hain,
noch atmete es
in der Hinterhofgruft
verstümmelt,
verlassen,
allein!

Noch silberte Flitter
im dunklen Grün-
paar Fäden
vom festlichen Tand...
Ich kauerte mich
vor dem Hilflosen hin,
brach sachte
die Zweige
vom Stamm.
Ich trug sie behutsam
nach Hause zu mir,
und Tannenduft
füllte das Zimmer...
Wenn heute der Februar
Auch vor der Tür,
sie duften
und grünen
noch immer!

Nora Pfeffer

Рождественская ёлка

Перевод с немецкого

Во дворике моём
Уже звенит капель.
Рождественская ель
Лежит февральским днём.

Я на неё гляжу
Чуть ощуцаю грусть,
И кажется боюсь,
Что сердце остужу.

Смолистый аромат,
Как будто близко бор,
Но ёлка мне в укор
Глядит, печален взгляд.

Здесь праздник погостил
Среди густых ветвей.
От радостных огней
Остался серпантин.

Присяду на снегу
Перед бывлой красой.
Уйти я не смогу,
Возьму её домой.

И терпкий аромат,
Смола скользит слезой.
Я стала вдруг иной,
Вернувшись чуть назад.

Валерия

ПРОЗА

השקרים האחרונים של הגוף גיל הראבן

Ложь от первого лица (отрывок из романа) Люси. Перевод с иврита

לפני הכול צריך לנטוע גן עדן, כי בלי גן עדן אין נחש; בלי ענפי תפוח להתגנב עליהם, הנחש הוא סתם אוכל עפר, חשוב כחילזון וכתולעת.

אם כן, יהי גן עדן!

ובעצם, למה "יהי" היה גן עדן. גן עדן היה. כי למה לא לקרוא למה שהיה לי "גן עדן"?

ראשית הכול, נגיד, בשבת אחת מתוקה לאינסוף. ריח תאנים בשלות-עד-קצה, בחצר הפנימית של הבית. עננים מסננים את זהבה של השמש אל בין עלי סוכת הגפן שלנו. עודד מגלגל סיגריה של שבת מהגראס שהוא מגדל בעציצים מאז שבנינו בגרו ועזבו את הבית. בסופי-שבוע הוא נוהג לעשן אחת או שתיים, ולי, שאינני מעשנת, הוא מוזג כוס יין. אני מניעה את הכוס בין שתי אצבעות ומסתכלת איך קרני השמש נשברות באודם הנוזל, ובעלי, נינוח, מחכך את הבקבוק במעלה הזרוע שלי, מחליק את הזכוכית על פני הנמר שלי. עשרים ושש שנים אנחנו יחד, והתלהבותו מהקעקוע שלי עדיין לא כלתה ונראה שלא תכלה. אלמלא הוא, מזמן הייתי מסירה את הטוטם הזה בניתוח, שהרי בגן עדן אין פחד ואין לאישה שום צורך בטוטם לנופף בו. אלא שעודד אוהב את פני הנמר שלי, ואני לא רוצה לגרוע ממנו דבר.

Сначала нужно возделывать райский сад, потому что без Рая нет Змея; без ветвей яблони, по которым можно незаметно подкрасться, Змей — не более, чем пожиратель праха, не важнее улитки или червяка...

Да будет Рай!

Впрочем, почему «будет»? Был! Рай был. Разве нельзя назвать «раем» то, что у меня было?..

Примем за начало всему ту субботу. Томительная нега покоя... Аромат спелых плодов смоковницы во внутреннем дворике... Золото солнца сквозь вату облаков проникает в уютную виноградом беседку... Одэд скручивает субботнюю сигарету с травкой, которую он выращивает в цветочных горшках с тех пор, как наши сыновья выросли и покинули дом. По выходным он обычно выкуривает одну или две, а мне — некурящей — наливает бокал вина. Я покачиваю двумя пальцами бокал с рубиновой жидкостью, наблюдая за преломлением солнечного луча, а мой муж умиротворенно прижимает бутылку к моему плечу, поглаживая стеклом кожу от локтя вверх, к тигриной морде... Двадцать шесть лет мы вместе, а его восторг от моей татуировки все еще не прошел и, кажется, никогда не пройдет. Если бы не он, я давно избавилась бы от этого тотема хирургическим путем — ведь в Раю нечего бояться, и женщине не нужен оберег. Но Одэду нравится мой тигр, а я ничего не хочу у него отнимать.

Рай первозданный... Муэдзин из Старого Города взывает к верующим. Слов мы не понимаем, а переливы его летучего

גן עדן מקדם. מואזין קורא למאמינים מתוך העיר העתיקה. את המילים אין אנו מבינים, והקול המסתלסל ואוסף ממרחבים נעים לנו. הזמן השבתי המוזהב משתרע סביבנו ללא נקודות ציון - אולי בוקר עכשיו, אולי בין ערביים - אנשים שחיים טובים כשלנו אינם זקוקים לנקודות ציון.

מצבנו הכלכלי שפיר, יהיו שיגידו מצוין. המשרד, שעודד חולק בו שותפות עם אביו, יציב ומצליח. כסף נחסך, רכוש נצבר, ואם בעלי יחליטו או יאלץ חלילה להפסיק לעבוד, לא אנו ולא בנינו נדע מחסור.

היד שמשליכה את הקוביות חננה אותנו בשני בנים בריאים ונאים, חכמים ושקולי דעת. תוך שנים מעטות יעשו חיל, איש-איש בתחומו, ובעצם כבר הם עושים חיל. נמרוד באטלנטה, במסגרת חילופי סטודנטים של הטכניון. יכין גם הוא בארצות הברית, שוהה בעת הזאת בסיאטל, מלווה פרויקט כלשהו מטעם התעשייה האווירית. כשיכין נולד מלאו לי עשרים ואחת, נמרוד צעיר ממנו בפחות משנתיים, ואני שמחתי בשניהם וברכתי על שלא נולדו לי בנות. גופי שלם וחזק ועדיין מוכן ליהנות מעצם קיומו. בלי קושי אני נושאת סלים מלאי כל טוב מהשוק, ובלי מאמץ אני מבשלת ארוחה לעשרים או שלושים מידידיו.

голоса нам приятны. Золотистое субботнее время простирается вокруг без каких-либо опознавательных знаков — то ли утро сейчас, то ли сумерки — людям, которым живется так хорошо, как нам, опознавательные знаки не нужны.

Материально мы обеспечены вполне, кто-то может даже сказать — прекрасно. Контора, которой Одэд владеет пополам со своим отцом, стабильна и успешна. Деньги накоплены, имущество нажито, и если Одэд захочет или, не дай Бог, будет вынужден оставить работу, ни мы, ни наши сыновья не будем нуждаться.

Рука, бросающая жребий, одарила нас двумя здоровыми и красивыми сыновьями - умными и рассудительными. Пройдет совсем немного лет, и они добьются успеха — каждый в своей области; собственно, уже добиваются. Нимрод - в Атланта, по программе Техниона по обмену студентами. Яхин тоже в Штатах, он в Сиэтле руководит каким-то проектом израильского концерна "Авиационная промышленность". Когда родился Яхин, мне исполнился двадцать один год, Нимрод почти на два года моложе него; я радовалась им обоим и благодарила Бога, что не родила дочерей.

У меня здоровое сильное тело, которое все еще способно наслаждаться самим фактом существования. Я без труда таскаю с рынка полные сумки и легко могу сварить обед для двадцати-тридцати наших друзей.

Я поглощаю сон с аппетитом девочки-подростка: десять, а то и двенадцать часов в сутки — люблю сладкие булки сна. И, если случается днем подремать - "заморить червячка", то это ни в коем случае не симптом депрессии.

אני טורפת שינה כנערה מתבגרת: עשר, לעתים אף שתיים-עשרה שעות ביממה: לחמניות-השינה המתוקות ערבות לי, ובשום אופן אין לראות בנשנושי-התנומה שלי סימן לדיכאון. בעלי נוהג להציג את רעייתו כסופרת, וזהו אחד הדברים הבוודיים שבהם הוא מכעיס אותי. כתיבת טור בעיתון לא הופכת אדם לסופר. פעמיים הציעו לי לקבץ את טורי "אליס בעיר הקודש" שלי לספר - מו"לים מכובדים הציעו - ואת שתי ההצעות דחיתי, למרות שבעלי ובני רצו מאוד שאקבל אותן. עודד, שקורא בעיקר ספרות בלשית, נוטה להעריך "ספרות" ו"סופרים" באופן כללי, ואילו אני, שקוראת הרבה, אני יודעת ספרות טובה מהי ואיך היא מסכסכת את הדעת, ולא הייתי מוכנה להתיימר להיות מה שאינני. חיבבתי את אליס הכלבלבית שלי, נהניתי מרוב טיולינו המשותפים בעיר, אבל לא שוכנעתי שעלילותיה ראויות לספר. טורי "אליס" העשירו אותי בהיכרויות מרנינות והפכו אותי לידועה במידה שאיננה מוגזמת ואין בה כדי לעורר את קנאת האלים - וזהו ודאי מרכיב נוסף של אושרנו.

גן עדן. יין וגראס, גפן זזית. לא זית. עץ זית דווקא אין בחצרנו. תאנה. עץ תאנה. וגבר טוב נטוע תחתיה. בנים מוצלחים. סיפוק מקצועי. ידידים ורעים. מזג אוויר מושלם, ומערכת חימום-מיזוג שמגינה עלינו ממזג האוויר כשאיננו מושלם. את מי או את מה שכחתי? את מנחם, חמי, פטריארך ארך אפיים לעת זקנה לפחות, שבריאותו גם היא מצוינת.

Муж обычно представляет меня так: "Моя жена, писатель", - и это один из немногих моментов, когда я на него злюсь. Авторской колонки в газете еще недостаточно, чтобы величать человека писателем. Дважды мне предлагали издать мою колонку "Алиса в Святом городе" в виде книги — солидные издательства предлагали — и оба предложения я отклонила, несмотря на то, что муж и сыновья очень хотели, чтобы я согласилась.

Одэд, который в основном читает детективы, с почтением относится к "литературе" и "писателям" вообще. Я же читаю много, я знаю, что такое хорошая литература и как она может смущать умы, - и я не стала бы претендовать на звание, не соответствующее действительности. Мне нравится мой "щенок" Алиса, я люблю наши совместные прогулки по городу, но я совсем не уверена в том, что ее приключения достойны книги. При этом моя газетная "Алиса" обогатила меня восхитительными знакомствами и сделала известной в той мере, которая не вызывает зависти богов, - и это, конечно, еще одна составляющая счастья.

Райский сад. Вино и травка, виноград и оливы... Впрочем, нет. Оливкового дерева нет в нашем дворе. Есть смоквница. И хороший мужчина под ней. Славные сыновья. Удовлетворенность работой. Друзья-приятели. Идеальная погода и система кондиционирования и отопления, спасающая нас, когда погода не идеальна.

Кого или что я забыла?

Свекра Менахема — патриарха долготерпеливого (по крайней мере, в преклонные годы), здоровье которого также

את רחל, חמותי תכולת העיניים, מלאך מעשי ומאיר פנים.
את שעיה, אבי, שאת המכתבים המסולסלים שהיה שולח לי
מאיטליה לא שמרתי.

את אחותי אלישבע, שהעלימה עצמה אי-שם במערב התיכון
האמריקני.
את אמי המתה.

כשערכה, הייתי צעירה מלהבין שרק על קרקע יתומה יצמח
לי גן עדן. הייתי צעירה זעמתי, הרבה זעמתי, עד שלימים
הפסקתי לזעום. גן עדן אין בו זעם, ואם קורה ועולה איזושהי
התכעסות, היא נעלמת מהר. וכך, בשבת היינית המתמשכת
שלנו, איננו יודעים שום רגש כואב. אנו חווים בעיקר אסירות
תודה ליד הנעלמה שהגרילה לנו תאנה וגפן, ועוד יותר מכך
אסירות תודה לעצמנו, שאף שלא נטענו אותן, השכלנו לשומר
ולטפחן.

צללי עלים מרקדים ברוח הקלה. טעם יין בפי, ובאוויר ניחוח
של תאנים מתובל בגראס. הטלפון הנייד מצלצל בגן עדן,
ומהטלפון עולה קולו של זה שרוב שנותי השתדלתי למחוק.
"עולה קולו" אני אומרת, אבל האמת היא שלא זיהיתי את
הקול. הטלפון צילצל, חשבתי שלא לענות, אבל על הצג ראיתי
שמחייגים מחו"ל, ולמרות שמוקדם יותר דיברנו עם הבנים
ושיערתי שלא אחד מהם מטלפן, הרמתי את המכשיר אל
האוזן, כי בכל זאת מחו"ל ואי-אפשר שלא לענות.

отменно.

Голубоглазую свекровь Рахель — практичного и приветливого ангела.

Моего отца Шаю, чьи витиеватые письма, присланные из Италии, я не сохранила.

Сестру Элишеву, спрятавшуюся где-то на американском Среднем Западе.

И маму-покойницу.

Ее добровольный уход меня разгневал. По молодости я не понимала, что лишь на осиротевшей земле сможет вырасти мой райский сад. Я долго сердилась, пока время не остудило меня. В Раю нет места гневу, а если и случается на что-то разозлиться, то это быстро проходит. И, конечно, пока длится наша винная суббота, мы не ведаем горя. Мы благодарны той таинственной руке, что одарила нас смоковницей и виноградом; а еще более благодарны себе за то, что, хоть и не мы их посадили, но нам хватило ума их сохранять и холить.

Легкий ветерок колышет тени листьев. Во рту вкус вина, в воздухе — аромат плодов смоковницы, приправленный травкой. В райском саду звонит мобильник, и из телефона доносится голос того, кого большую часть прожитых лет я старалась вычеркнуть из памяти.

Сказать по правде, голоса я не узнала. Зазвонил телефон, мне было лень отвечать, но на экране высветился заграничный номер, и, хотя чуть раньше мы говорили с сыновьями, и я твердо знала, что никто из них звонить не может, я все же поднесла аппарат к уху — ведь на международный звонок невозможно не ответить.

Он спросил: "Могу я поговорить с миссис Брандис?" —

הוא שאל לתוך אוזני "אוכל לדבר עם מיז ברנדיס?" באנגלית שאל, למרות שידע עברית ואני הכרתי אותו דובר עברית. ענית: "אלינור מדברת." והוא אמר "שלום אלינור," נקב בשמי - ורק אז: "זה ארון גוטהילף".

לא הוצאתי מילה ומסיבה כלשהי גם לא ניתקתי. אילמת הושטתי את הטלפון לבעלי שנטל אותו מיד ונמנע מלשאול אותי "מה?" ו"מה קרה?" מי זה?" שמעתי: "מדבר עודד ברנדיס", ואז בליל מתמשך של דיבור, קרוב מעברו השני של הקו. ראיתי את עודד מכווץ את עיניו, בהיסח הדעת כיבה את הסיגריה הלא גמורה, ואז תקיף-תקיף: "אשתי לא מעוניינת לדבר איתך. השיחה הזאת לא רצויה ואני מבקש ממך לא להתקשר לכאן שוב." מהיר תגובה הוא חצץ בינינו, אבל מאוחר מדי, התגובה המהירה איחרה לבוא. ארון גוטהילף חיפש ואיתר אותי, הוא ידע את מספר הטלפון הפרטי שלי ואת שם נישואי שפעמים רבות, רבות מדי, נדפס בעיתון. מחשבותיו התעסקו בי, רצונותיו מימשו בי, והוא יכול לעשות זאת שוב בכל זמן שיחפוץ.

המשכתי לשבת כשעודד הניח את הטלפון וקם וכרך את ידי סביבי מאחור, אלא שאני לא נשענתי אחורה.

по-английски спросил, хотя знал иврит и, когда мы с ним были знакомы, он говорил на иврите.

Я ответила: "Элинор слушает".

Он сказал: "Здравствуй, Элинор", - назвав меня по имени, и только после этого представился: "Это Аרון Готхильф".

Я ничего не сказала и непонятно почему не прервала разговор. Молча протянула телефон мужу, который взял его сразу же, не спрашивая "Что?" и "В чем дело? Кто это?"

Я услышала: "Говорит Одэд Брандис", - и потом, совсем рядом, неразборчивый поток речи с другого конца линии. Я видела, как сузились глаза мужа, как он рассеянно погасил недокуренную сигарету, а потом властно и непреклонно сказал: "Жена не желает с вами говорить. Этот разговор неуместен, прошу больше сюда не звонить".

Человек мгновенной реакции, он встал между нами, но было слишком поздно - его быстрая реакция запоздала. Аרון Готхильф искал и нашел меня, он узнал номер моего личного телефона и мою фамилию по мужу, которая часто, слишком часто мелькает в газете. Он искал меня, он стремился дотянуться до меня, и он сможет сделать это снова, как только пожелает.

Я сидела, выпрямившись, и когда муж положил телефон, встал и обнял меня сзади, - я не откинулась назад...

"Что он сказал?" — требовательно спросила я. Объятие, сковывающее движения, стало вдруг мне неприятно.

"Оказывается, он собирается приехать в Израиль, - ответил Одэд извиняющимся тоном. — Какие-то идиоты пригласили его на конференцию. Он сказал, что очень хотел бы,

"מה הוא אמר?" תבעתי. החיבוק שהגביל את תנועותי לא נעם לי.

"מתברר שהוא עומד להגיע לארץ", עודד נשמע כמתנצל, "מתברר שאיזהם אידיוטים הזמינו אותנו לכנס. הוא אמר שהיה רוצה מאוד שתסכימי להיפגש איתו. ואני אומר, תקשיבי, אלינור, מה אני אומר: אני אומר, באוי נשכח ממנו, ובאוי נשכח מהטלפון הזה. האישה הזו והכנס שלו - זה ממש לא רלוונטי לכלום."
"הבנת מה הוא רוצה?" התרתי את אחת מזרועותיו מהחזה שלי.

"מה הוא רוצה? לא יודע. הוא היה - לא בדיוק מעורפל, זהיר הייתי אומר. הוא הזכיר את הנכדים שלו, יש לו כמה נכדים בבני ברק. את יודעת מה, אני חושב, כן, אני חושב שאיכשהו הוא רוצה איתנו קשר. עד כמה שזה לא יאמן, הוא כנראה רוצה קשר. פעמיים חזר על זה שהוא כבר איש זקן."
"לא רוצה לשמוע", אמרתי והרחקתי מעלי את הזרוע השנייה של עודד. "זה לא רלוונטי."
"לא", הוא הידהד, "האדם הזה כבר לא רלוונטי."
"תפסיק לקרוא לו 'אדם', תיקנתי אותו. "זה לא בן-אדם, ואני לא רוצה לשמוע עליו כלום כי זה לא נוגע לכלום. רק תזכור שאני לעולם, אבל לעולם, גם כשהוא יתפגר, לא אסלח לו שהוא קיים."

чтобы ты согласилась с ним встретиться. А я говорю — послушай меня, Элинора: я говорю, давай забудем о нем, давай забудем об этом звонке. Этот человек с его конференцией нам совершенно ни к чему!"

"Ты понял, чего он хочет?" — я сняла одну руку Одэда со своей груди.

"Чего он хочет? Не знаю. Он выражался не то чтобы туманно, - осторожно, я бы сказал. Упомянул своих внуков - у него есть несколько внуков в Бней-Браке. Знаешь, я думаю... Да, я думаю, он хочет наладить с нами отношения. Как бы невероятно это ни звучало, он хочет наладить отношения. Он дважды повторил, что он уже стар..."

"И слышать не желаю! — сказала я, сбрасывая с себя его вторую руку. — Это уже не актуально".

"Да, - эхом отозвался Одэд. — Этот человек уже не актуален".

"Перестань называть его человеком! — поправила я. — Это не человек, и я ничего не хочу о нем слышать, потому что все это уже не нужно. Запомни одно: я никогда, понимаешь? — никогда! - даже, когда он сдохнет, не прощу ему, что он был!"

Attentat

Amelie Nothomb

La première fois que je me vis dans un miroir, je ris : je ne croyais pas que c'était moi. A présent, quand je regarde mon reflet, je ris : je sais que c'est moi. Et tant de hideur a quelque chose de drôle. Mon surnom arriva très vite. Je devais avoir six ans quand un gosse me cria, dans la cour : « Quasimodo ! » Fous de joie, les enfants reprirent en chœur : « Quasimodo ! Quasimodo ! » Pourtant, aucun d'entre eux n'avait jamais entendu parler de Victor Hugo. Mais le nom de Quasimodo était si bien trouvé qu'il suffisait de l'entendre pour comprendre. On ne m'appela plus autrement.

Personne ne devrait être autorisé à parler de la beauté, à l'exception des horreurs. Je suis l'être le plus laid que j'aie rencontré : je considère donc que j'ai ce droit. C'est un tel privilège que je ne regrette pas mon sort.

Et puis, il y a une volupté à être hideux. Par exemple, nul n'a autant de plaisir que moi à se balader dans la rue : je scrute les visages des passants, à la recherche de cet instant sacré où j'entrerai dans leur champ de vision — j'adore leurs réactions, j'adore la terreur de l'un, la moue révoltée de l'autre, j'adore celui qui détourne le regard tant il est gêné, j'adore la fascination enfantine de ceux qui ne peuvent me lâcher des yeux.

Je voudrais leur crier : « Et encore, vous ne voyez que ma figure ! Si vous pouviez contempler mon corps, c'est alors que je vous ferais de l'effet. »

Il y a quelque chose de mal digéré au sujet de la beauté : tout le monde est d'accord pour dire que l'aspect extérieur a

Преступление

Юлия Рац. Перевод с французского

Когда я впервые увидел себя в зеркале, то рассмеялся: не поверил, что это действительно я. Теперь, глядя на свое отражение, я смеюсь, потому что знаю: это я. В таком жутком уродстве есть что-то забавное. У меня рано появилось прозвище. Было мне, кажется, лет шесть, когда какой-то мальчишка во дворе крикнул: «Квазимодо!» В безумном восторге другие дети подхватили хором: «Квазимодо! Квазимодо!» А между тем, никто из них и слыхом не слыхал о Викторе Гюго. Но слово «Квазимодо» оказалось таким удачным, что достаточно было его услышать, чтобы понять смысл. С тех пор меня иначе и не называли.

Никому не должно быть дозволено рассуждать о красоте, только уродам. Я — самое уродливое существо из всех, что мне встречались; следовательно заслужил это право. А имея такую привилегию, я даже не жалею о своей участи.

Более того, я испытываю наслаждение от собственного уродства. Ведь даже простая прогулка никому не доставляет такого удовольствия, как мне: я вглядываюсь в лица прохожих в ожидании той волшебной минуты, когда попаду в их поле зрения; я обожаю наблюдать за их реакцией: видеть ужас одного, искаженную гримасу другого; я в восторге, если кто-то в замешательстве отводит глаза или зачарованно тарашится на меня, как ребенок.

Я хотел бы крикнуть им: «Это всего лишь лицо! Представляю, что бы с вами было, если бы вы увидели все остальное!»

В рассуждениях о красоте есть то, с чем мне трудно примириться: все единодушно соглашается с тем, что «внешность не

peu d'importance, que c'est l'âme qui compte, etc. Or, on continue à porter au pinacle les stars de l'apparence et à renvoyer aux oubliettes les tronches de mon espèce.

Comme quoi les gens mentent. Je me demande s'ils en sont conscients. C'est cela qui m'énerve : l'idée qu'ils mentent sans le savoir.

J'ai envie de leur lancer en pleine figure : « Jouez aux purs esprits si cela vous chante. Affirmez encore que vous ne jugez pas les gens sur leur mine, si cela vous amuse. Mais ne soyez pas dupes ! »

Mon visage ressemble à une oreille. Il est concave avec d'absurdes boursofflures de cartilages qui, dans les meilleurs des cas, correspondent à des zones où l'on attend un nez ou une arcade sourcilière, mais qui, le plus souvent, ne correspondent à aucun relief facial connu. A la place des yeux, je dispose de deux boutonnières flasques qui sont toujours en train de sursurper. Le blanc de mes globes oculaires est injecté de sang, comme ceux des méchants dans les littératures maoïstes. Des pupilles grisâtres y flottent, tels des poissons morts. Ma tignasse évoque ces carpettes en acrylique qui ont l'air sales même quand on vient de les laver. Je me raserai certainement le crâne s'il n'était recouvert d'eczéma.

Par un reste de pitié pour mon entourage, j'ai songé à porter la barbe et la moustache. J'y ai renoncé, car cela ne m'eût pas dissimulé assez : en vérité, pour être présentable, il eût fallu que la barbe me pousse aussi sur le front et le nez.

Quant à mon expression, si c'en est une, je renvoie à Hugo parlant du bossu de Notre-Dame : « La grimace était son visage. »

имеет большого значения, главное — душа», и прочее в том же духе. Однако, всякие «королевы красоты» постоянно в центре внимания, а о таком пугале, как я, и думать не думают.

Вот так люди лгут. И я спрашиваю себя, отдают ли они себе в этом отчет? Меня раздражает, что они лгут и не знают об этом.

Мне хочется бросить им прямо в лицо: « Стройте из себя бесплотных духов, если вам хочется. Твердите, что не судите о людях по их внешности, если вам так приятнее. Но себе-то не врите!»

Мое лицо похоже на ухо. Оно такое же вогнутое, и на нем бугрятся нелепые хрящи, не только там, где должен находиться нос и надбровные дуги, но и всюду; и это даже отдаленно не напоминает естественный рельеф человеческого лица. На том месте, где должны быть глаза, у меня — морщинистые щелочки, и они вечно гноятся. Глазные яблоки налиты кровью, как у злодеев в маоистской литературе, и в них, словно мертвые рыбы, плавают тусклые зрачки. Мои спутанные волосы похожи на коврик из акрилового волокна, который всегда кажется грязным, даже когда его только что почистили. Я, конечно, побрил бы голову, если бы она не была покрыта коркой экземы.

Из соображений гуманности я подумывал отрастить усы и бороду. Но отказался от этой затеи, потому что едва ли это бы помогло: ведь для того, чтобы я сносно выглядел, борода должна расти у меня и на лбу, и на носу.

Что до выражения моего лица (если это слово здесь уместно), отсылаю вас к Гюго, который сказал о горбуне из Нотр-Дама: «grimаса служила ему лицом».

Je me nomme Epiphane Otos — Otos comme les ascenseurs, ce qui n'a rien à voir. Je suis né le jour de la fête des Rois mages : mes parents ne parvenaient pas à se décider entre Gaspard, Melchior et Balthazar. Ils ont donc choisi ce prénom qu'ils tenaient pour la somme des trois.

Aujourd'hui que je suis adulte, les gens croient bienséant de me respecter. Il n'empêche qu'ils ont toutes les peines du monde à me nommer Epiphane.

Je suis maigre, ce qui peut être beau chez un homme ; mais ma maigreur est vilaine. Le Christ sur la croix a une certaine allure avec son ventre creusé et ses côtes lisibles. La plupart des hommes décharnés ressemblent à des vélos, ce qui est joli. Moi, je ferais plutôt penser à un pneu crevé. A l'exemple des chiens sharpeïs, j'ai trop de peau. Mon ossature débile et ma pauvre chair flottent à l'intérieur de cet accoutrement qui, mal rempli, ne peut que pendouiller. J'ai essayé de porter des vêtements serrants afin qu'ils jouent le rôle auquel mon épiderme avait renoncé : c'était atroce. Mon enveloppe flasque se plissait comme des bourrelets et j'avais l'air à la fois frêle et gras. Je m'habille donc trop large : ainsi, je semble squelettique, ce qui ne me répugne pas. Des gens bien intentionnés veulent me conseiller :

— Vous devriez vous nourrir davantage.

— Pourquoi ? Vous voudriez que ma laideur prenne plus de place ?

Car je n'aime pas que l'on s'occupe de moi.

Il y a quelque chose de mal digéré à propos de Quasimodo : les lecteurs ne peuvent que l'aimer, le pauvre — il est si horrible, on a pitié de lui, c'est la victime née. Quand il s'éprend

Зовут меня Епифан Отос — Отос, как марка лифта, впрочем, я не имею к ней никакого отношения. Я родился в праздник Богоявления*: мои родители так и не смогли выбрать одно из трех имен: Гаспар, Мельхиор или Бальтазар. И тогда они нашли имя, которое, по их мнению, объединяло все три.

Теперь, когда я стал взрослым, люди считают хорошим тоном быть со мной учтивыми. И все-таки называть меня Епифаном ** — тяжкое испытание для них.

Я худой. Худоба сама по себе может быть красивой, моя же смотрится отвратительно. Распятый Христос по-своему красив со впалым животом и выпирающими ребрами. Силуэт большинства истощенных людей похож на велосипед, и это даже симпатично. Я же похож скорее на сдутую шину. Как у собак породы шарпей, у меня слишком много кожи. Она свисает, как просторный чехол, и в нем болтаются мои недоразвитые кости и жалкая плоть.

Я пытался носить тесную одежду, надеясь, что она будет лучше облегать меня, чем моя собственная кожа; это было ужасно. Моя дряблая оболочка складывалась валиками, и я выглядел одновременно хрупким и заплывшим жиром.

Теперь я одеваюсь в просторную одежду и кажусь скелетом, но, по крайней мере, мне это не противно. Доброжелательные люди советуют мне:

— Вам бы надо есть побольше.

— А зачем? Вы хотите, чтобы мое уродство занимало больше места?

Потому что я не люблю, когда обо мне хлопчут.

---

* он же - праздник Волхвов

** «Богоявленным»

d'Esméralda, on a envie de crier à la belle : « Aime-le ! Il est désarmant ! Ne t'arrête pas à son aspect extérieur ! » Tout cela est bien joli, mais pourquoi attendrait- on plus de justice de la part d'Esméralda que de Quasimodo ? Qu'a-t-il fait d'autre, lui, que s'arrêter à l'aspect extérieur de la créature ? Il est censé nous montrer la supériorité de la beauté intérieure par rapport à la beauté visible. En ce cas, il devrait tomber amoureux d'une vieille édentée : c'est alors qu'il serait crédible. Or l'élue de son coeur est une superbe bohémienne dont il n'est que trop facile de s'éprendre. Et l'on voudrait nous persuader que ce bossu a l'âme pure ? Moi, j'affirme qu'il l'a basse et corrompue. Je sais de quoi je parle : Quasimodo, c'est moi.

Mon visage fut épargné par l'acné : cette dernière, telle une pluie de sauterelles, se concentra sur le haut de mon dos.

Là est mon miracle, mon bonheur intime, l'objet de mon incompréhensible dilection : je porte toute l'horreur du monde sur mes omoplates. Elles ne sont que pustules rouges et jaunes. Même un aveugle serait révolté s'il y passait la main : le contact granuleux et visqueux en est encore pire que la vision. Cette plaie d'Egypte s'est jetée sur moi quand j'avais seize ans, l'âge des princesses de conte de fées. Dégoutée, ma mère m'a emmené chez le dermatologue :

- Cet enfant a la lèpre !
- Non, madame, c'est de l'acné.
- Ce n'est pas vrai. J'ai eu de l'acné, ce n'était pas ça.
- Vous avez eu de l'acné vulgaire. Votre fils est atteint de la forme la plus grave de cette maladie.
- Ça passera avec l'adolescence ?

Если говорить о Квазимодо, то вот, с чем мне еще трудно примириться: читатели не могут не сочувствовать ему, его жалеют: бедный, он так безобразен, он - прирожденный страдалец.

Вот он влюбляется в Эсмэральду, и нам хочется крикнуть красавице: «Полюби его! Он ведь такой трогательный, безответный! Забудь о его внешности!»

Все это очень мило, но с какой стати ждать от Эсмэральды большего великодушия, чем от Квазимодо? Разве не поддался он женским прелестям? Считается, что он показывает нам превосходство духовной красоты над телесной. В таком случае, он должен был влюбиться в беззубую старуху — вот тогда мы бы ему поверили! Однако избранницей его сердца стала красавица-цыганка, в которую совсем нетрудно влюбиться. И нас хотят уверить, что у этого горбуна возвышенная душа? Так вот, я утверждаю, что душа у него низменная и развращенная. Я знаю, о чем говорю: Квазимодо — это я.

На лице у меня нет угрей, зато как стаи саранчи они облепили верхнюю часть моей спины. Это место — мой тайный восторг, мое счастье, предмет моей невыразимой возвышенной страсти: все уродство мира я ношу на своих лопатках. Это не просто желто-красные гнойники. Даже слепой поразился бы, проведя по ним рукой: ощущение чего-то бугристого и липкого еще ужаснее, чем его вид.

Эти казни египетские поразили меня в шестнадцатилетнем возрасте — возрасте принцесс из волшебных сказок. Моя мать, которой все это порядком надоело, отвела меня к дерматологу:

- У ребенка проказа!
- Нет, мадам, это — акне.
- Неправда. У меня было акне, оно совсем другое.
- У вас было обычное акне. У вашего сына тяжелейшая форма этого заболевания.

— Ce n'est pas certain. Nous avons affaire à une pathologie des plus mystérieuses.

— Est-ce à cause de son alimentation ? Cet enfant mange trop riche : trop de chocolat.

— Il y a longtemps que la médecine ne croit plus en ce genre de balivernes, madame.

Piquée, ma mère décida de s'en remettre à son bon sens pour me soigner. Elle m'astreignit à un régime sans graisse, ce qui eut pour seule conséquence de me faire maigrir si vite et si fort que ma peau se détacha de ma carcasse pour ne plus jamais lui être ressoudée. C'est suite à cela que je ressemble à un sharpeï.

Mon acné, qui faisait flèche de tout bois, en profita pour prospérer. En langage volcanologique, on pourrait dire que mes pustules entrèrent en activité : quand je les effleurais des doigts, je sentais sous ma peau une effervescence grouillante.

Ma mère, qui m'aimait de moins en moins, montra le phénomène au dermatologue :

— Et ça, docteur, qu'est-ce que vous en dites ? lui lança-t-elle avec l'étonnante fierté de ceux qui exhibent une aberration dont on doutait qu'elle pût exister.

Comme écrasé par une telle erreur de la nature, le pauvre homme soupira :

— Madame, tout ce que l'on peut espérer, c'est que la maladie ne s'étendra pas.

Chance dans mon infortune, le mal se limita à mes épaules. J'en fus heureux : si ma figure avait été atteinte, je n'aurais plus pu sortir de chez moi. Et puis, je trouve que l'effet en est ainsi beaucoup plus réussi. Si la nuisance avait recouvert ma car-

— Но это пройдет, когда у него кончится переходный возраст?

— Не обязательно. Здесь мы имеем дело с одной из самых малоизученных патологий.

— Может, это из-за обильного питания? Ребенок ест слишком много шоколада.

— Медицина давно уже отказалась от этих заблуждений, мадам.

Уязвленная, моя мать решила меня вылечить, положившись на собственный здравый смысл. Она посадила меня на диету, полностью лишенную жиров, от которой я так стремительно и сильно похудел, что моя кожа отошла от костей и больше так и не приросла к ним. Из-за этого я стал похож на шарпея.

Моим гнойникам буквально все шло на пользу; они активизировались. На языке вулканологов можно сказать, что они вошли в активную фазу: когда я проводил по ним пальцами, то чувствовал, как они бурлят и вспучиваются под кожей.

Моя мать, которая любила меня все меньше и меньше, снова показала меня дерматологу:

— А что вы скажете теперь, доктор? — с торжествующим видом воскликнула она как человек, который первым обнаружил невиданное отклонение от нормы.

Совершенно раздавленный этим природным феноменом, бедный доктор вздохнул:

— Мадам, единственное, на что мы можем надеяться — что болезнь не распространится дальше.

К счастью, болезнь локализовалась на моих плечах. Я был этому несказанно рад: если бы гнойники перешли на лицо, я бы ни за что больше не вышел на улицу.

К тому же я считаю, что эффект от этого только возрос. Ведь

casse entière, elle eût été moins impressionnante. Semblablement, si le corps humain comportait vingt-cinq sexes au lieu d'un, il perdrait beaucoup de son pouvoir érotique. Ce qui fascine, ce sont les îlots.

Mes omoplates sont une oasis de pure atrocité. Je les contemple dans un miroir et ce spectacle me fait jouir. J'y passe les doigts : ma volupté s'accroît à mesure. J'entre au cœur de l'indicible : je deviens le réceptacle d'une force mille fois plus grande que moi ; mes reins sont poignardés de plaisir — que serait-ce, foutreciel, que serait-ce si cette main était celle d'Ethel et non la mienne ?

Bien entendu, il y a Ethel. Dès qu'il y a Quasimodo, il y a Esméralda. C'est comme ça. Pas d'Ephiphane sans Ethel.

Je jure que je ne me suis pas dit : « Je suis l'homme le plus laid du monde, je vais donc aimer la plus belle d'entre les belles, histoire de rester dans les grands classiques. » Cela s'est fait malgré moi. J'avais vu cette annonce dans le journal :

« Casting : cherche homme hideux pour film d'art. » La sobriété du texte m'avait plu : de cet homme on ne précisait ni la race ni l'âge souhaités. « Hideux », point final. Ça me parlait. Aucun autre adjectif en cet énoncé. L'allusion au « film d'art » me laissa sceptique : n'était-ce pas un pléonasme ? L'instant d'après, je songeai que cela eût dû en être un mais que ce n'en était pas un. Nombre de longs et courts métrages pouvaient en attester.

Je me rendis au lieu dit.

— Non, monsieur. Nous tournons un film d'art, pas un film d'horreur, me signifia une dame.

захвати болезнь все мое тело, это не производило бы такого сильного впечатления. Как если бы половые органы были расположены на мужском теле повсюду - оно бы много потеряло в эротическом отношении. Возбуждают лишь особенные местечки.

Мои лопатки — это оазис сплошного ужаса. Я рассматриваю их в зеркале, и это зрелище доставляет мне наслаждение. Я провожу по спине пальцами, и чувствую, как наслаждение нарастает. Я попадаю туда, где слова уже не имеют смысла: я становлюсь средоточием силы в тысячу раз мощнее меня; сладострастие пронзает мою поясницу; а что было бы со мной, черт возьми, что было бы со мной, если бы это была рука Этель, а не моя?

Разумеется, Этель существует. Если есть Квазимодо, есть и Эсмеральда. Таков закон. Если есть Епифан, значит, есть и Этель.

Поверьте, я вовсе не говорил себе: «Я уродливее всех в мире, поэтому люблю самую прекрасную из всех красавиц, чтобы не изменить классическим канонам». Все это произошло само собой.

Как-то я увидел в газете такое объявление:

«Кастинг: требуется уродливый мужчина для съемок в художественном фильме».

Простота текста мне понравилась: не уточнялся ни возраст, ни этническая принадлежность. «Уродливый» и точка. Это было мне близко. Условие с одним-единственным прилагательным. К словам «художественный фильм» я отнесся скептически, не иначе, как речевое излишество. В следующую секунду я подумал, что теоретически это должно было быть речевым излишеством, но на самом деле не было. Об этом свидетельствует большое количество короткометражных и полнометражных фильмов.

Я приехал в назначенное место.

Je ne savais pas que les castings servaient à insulter les gens.

— C'est pour vous défouler que vous faites ce métier, madame ?

Je m'approchai d'elle pour lui casser la figure. Je n'en eus pas le temps : son garde du corps m'envoya au tapis. Je perdis connaissance.

...Une fée était agenouillée auprès de moi et me caressait la main.

— Les salauds, ils vous ont défiguré, murmura une voix venue du ciel.

Encore entre deux eaux, je crus honnête de préciser :

— Non, mademoiselle, j'étais déjà comme ça avant.

— Нет, месье. Мы снимаем художественный фильм, а не фильм ужасов, — заявила принимавшая меня дама.

Я не знал, что кастинги проводят для того, чтобы оскорблять людей.

— Мадам, вы сидите здесь, чтобы вымещать на людях свою злобу?

Я встал, чтобы врезать ей по физиономии. Но не успел: охранник швырнул меня на ковер. Я потерял сознание.

...Рядом со мной на коленях стояла фея и гладила меня по руке.

— Сволочи, как они вас изуродовали, — произнес ангельский голос.

Еще не окончательно придя в сознание, я счел необходимым уточнить:

— Нет, мадемуазель, я всегда был таким.

The Dancing Partner Part 1

Jerome K. Jerome

"This story," commenced MacShaugnassy, "comes from Furtwangen, a small town in the Black Forest. There lived there a very wonderful old fellow named Nicholaus Geibel. His business was the making of mechanical toys, at which work he had acquired an almost European reputation. He made rabbits that would emerge from the heart of a cabbage, flop their ears, smooth their whiskers, and disappear again; cats that would wash their faces, and mew so naturally that dogs would mistake them for real cats and fly at them; dolls with phonographs concealed within them, that would raise their hats and say, 'Good morning; how do you do?' and some that would even sing a song.

"But, he was something more than a mere mechanic; he was an artist. His work was with him a hobby, almost a passion. His shop was filled with all manner of strange things that never would, or could, be sold -- things he had made for the pure love of making them. He had contrived a mechanical donkey that would trot for two hours by means of stored electricity, and trot, too, much faster than the live article, and with less need for exertion on the part of the driver, a bird that would shoot up into the air, fly round and round in a circle, and drop to earth at the exact spot from where it started; a skeleton that, supported by an upright iron bar, would dance a hornpipe, a life-size lady doll that could play the fiddle, and a gentleman with a hollow inside who could smoke a pipe and drink more lager beer than any three average German students put together, which is saying much.

Партнер по танцам часть 1

Ксения. Перевод с английского

— Эта история, — начал МакШогнасси, — произошла в маленьком городе под названием Фуртваген в Блэк Форесте. Там жил замечательный старик по имени Николаус Гейбель. Его занятием было изготовление механических игрушек, чем прославился он практически по всей Европе. Он делал кроликов, которые появлялись из капусты, хлопали ушками, приглаживали свои усики и снова исчезали; кошек, которые умывали мордочки и мяукали так правдоподобно, что собаки принимали их за настоящих кошек и набрасывались на них; кукол со звуковым устройством внутри, которые, снимая шляпки, произносили: «Доброе утро! Как поживаете?» — а некоторые даже пели песенки.

Однако, он был больше, чем просто механик; он был художником. Его работа была для него любимым занятием, практически пристрастием. Мастерская его была забита всяческими странными вещами, которые никогда не продавались и не могли быть проданы — вещами, которые он делал только лишь из любви к их изготовлению. Он изобрел механического осла, которому электрический заряд позволял бегать рысью в течение двух часов намного быстрее, чем живому, а наезднику было легче управлять им; птицу, которая взмывала вверх, долго кружила в вышине, а потом падала камнем точно туда, откуда взлетала; скелет, прикрепленный к вертикальному железному шесту, который танцевал матросский танец; куклу в натуральную величину, которая играла на скрипке; и джентльмена, полого внутри, который курил трубку и пил светлого пива больше, чем любые три среднестатистических немецких студента, вместе взятые; что говорит само за себя.

"Indeed, it was the belief of the town that old Geibel could make a man capable of doing everything that a respectable man need want to do. One day he made a man who did too much, and it came about in this way:

"Young Doctor Follen had a baby, and the baby had a birthday. Its first birthday put Doctor Follen's household into somewhat of a flurry, but on the occasion of its second birthday, Mrs. Doctor Follen gave a ball in honour of the event. Old Geibel and his daughter Olga were among the guests.

"During the afternoon of the next day some three or four of Olga's bosom friends, who had also been present at the ball, dropped in to have a chat about it. They naturally fell to discussing the men, and to criticizing their dancing. Old Geibel was in the room, but he appeared to be absorbed in his newspaper, and the girls took no notice of him.

"There seem to be fewer men who can dance at every ball you go to,' said one of the girls.

"Yes, and don't the ones who can give themselves airs,' said another; 'they make quite a favor of asking you.'

"And how stupidly they talk,' added a third. 'They always say exactly the same things: "How charming you are looking to-night." "Do you often go to Vienna? Oh, you should, it's delightful." "What a charming dress you have on." "What a warm day it has been." "Do you like Wagner?" I do wish they'd think of something new.'

"Oh, I never mind how they talk,' said a fourth. 'If a man dances well he may be a fool for all I care.'

"He generally is,' slipped in a thin girl, rather spitefully.

"I go to a ball to dance,' continued the previous speaker,

На самом деле, все в городе были уверены, что старик Гейбель мог создать человека, который способен делать все, что подобает почтенному господину. Однажды он создал человека, который мог делать слишком много, вот как это получилось:

У молодого доктора Фоллена родился ребенок, и был день его рождения. Первый день рождения привел семью доктора Фоллена в некоторое смятение, а по случаю второго дня рождения ребенка миссис Доктор Фоллен дала бал. Старик Гейбель и его дочь Ольга были среди гостей.

Три или четыре лучшие подруги Ольги, побывавшие на том балу, забежали к ней поболтать о нём после обеда на следующий день. Они, разумеется, принялись пылко обсуждать мужчин и критиковать их танцевальные способности. Старик Гейбель находился в комнате, однако, он был явно увлечен чтением газеты, и девушки совсем не замечали его.

— Похоже, стало меньше мужчин, которые могут танцевать на тех балах, где бываем мы, — сказала одна из девушек.

— Да, и они задирают нос, — сказала другая, — будто делают одолжение, пригласив на танец.

— А как глупо они говорят! — добавила третья. — Вечно они произносят одно и то же: «Как обворожительны Вы сегодня!», «Вы часто бываете в Вене? Ах, обязательно побывайте, там превосходно», «Какое очаровательное на Вас платье!», «Какой теплый день сегодня!», «Вам нравится Вагнер?». Пора бы им придумать что-нибудь новенькое.

— Ой, а я никогда не обращаю внимание на то, как они разговаривают, — сказала четвертая. — Если мужчина хорошо танцует, пусть он будет глупцом, мне это безразлично.

— Да так обычно и бывает, — весьма язвительно вставила

not noticing the interruption. 'All I ask is that he shall hold me firmly, take me round steadily, and not get tired before I do.'

"'A clockwork figure would be the thing for you,' said the girl who had interrupted.

"'Bravo!' cried one of the others, clapping her hands, 'what a capital idea!'

"'What's a capital idea?' they asked.

"'Why, a clockwork dancer, or, better still, one that would go by electricity and never run down.'

"'The girls took up the idea with enthusiasm.

"'Oh, what a lovely partner he would make,' said one; 'he would never kick you, or tread on your toes.'

"'Or tear your dress,' said another.

"'Or get out of step.'

"'Or get giddy and lean on you.'

"'And he would never want to mop his face with his handkerchief. I do hate to see a man do that after every dance.'

"'And wouldn't want to spend the whole evening in the supper-room.'

"'Why, with a phonograph inside him to grind out all the stock remarks, you would not be able to tell him from a real man,' said the girl who had first suggested the idea.

"'Oh yes, you would,' said the thin girl, 'he would be so much nicer.'

"'Old Geibel had laid down his paper, and was listening with both his ears. On one of the girls glancing in his direction, however, he hurriedly hid himself again behind it.

"'After the girls were gone, he went into his workshop, where Olga heard him walking up and down, and every now

худенькая девушка.

— На бал я хожу потанцевать, — продолжила предыдущая девушка, не заметив, что ее перебили. — Все, что мне нужно, это чтобы он держал меня уверенно, плавно вел по кругу и не устал раньше меня.

— Тебе как раз подошел бы заводной механический партнер, — сказала девушка, которая до этого перебила ее своим язвительным замечанием.

— Bravo! — воскликнула одна из них и захлопала в ладоши.

— Отличная мысль!

— Какая такая отличная мысль?

— Ну как же: заводной танцор или еще лучше такой, который работает от электрического заряда и никогда не останавливается.

Девушки загорелись этой идеей.

— Ах, каким замечательным партнером он мог бы стать! — сказала одна. — Он никогда бы не спотыкался и не наступал на ноги.

— И никогда не рвал бы платье, — сказала другая.

— И не сбивался бы с ритма.

— И от головокружения он не опирался бы на тебя.

— И ему никогда не приходилось бы вытирать платком пот с лица. Я терпеть не могу, когда мужчины так делают после танца.

— И ему бы не хотелось проводить весь вечер в буфете.

— Да еще и со звуковым устройством внутри, все шаблонные фразы были бы отчеканены, и нельзя было бы отличить его от живого человека, — сказала девушка, которая первой поддержала эту идею.

— Нет, конечно, можно, — сказала худенькая девушка, — он был бы гораздо более милым.

and then chuckling to himself; and that night he talked to her a good deal about dancing and dancing men -- asked what dances were most popular -- what steps were gone through, with many other questions bearing on the subject.

"Then for a couple of weeks he kept much to his factory, and was very thoughtful and busy, though prone at unexpected moments to break into a quiet low laugh, as if enjoying a joke that nobody else knew of.

"A month later another ball took place in Furtwangen. On this occasion it was given by old Wenzel, the wealthy timber merchant, to celebrate his niece's betrothal, and Geibel and his daughter were again among the invited.

"When the hour arrived to set out, Olga sought her father. Not finding him in the house, she tapped at the door of his workshop. He appeared in his shirt-sleeves, looking hot but radiant.

"Don't wait for me," he said, "you go on, I'll follow you. I've got something to finish."

"As she turned to obey he called after her, 'Tell them I'm going to bring a young man with me -- such a nice young man, and an excellent dancer. All the girls will like him.' Then he laughed and closed the door.

"Her father generally kept his doings secret from everybody, but she had a pretty shrewd suspicion of what he had been planning, and so, to a certain extent, was able to prepare the guests for what was coming. Anticipation ran high, and the arrival of the famous mechanist was eagerly awaited.

"At length the sound of wheels was heard outside, followed by a great commotion in the passage, and old Wenzel himself,

Старик Гейбель отложил свою газету и стал слушать очень внимательно. Но когда одна из девушек вдруг взглянула на него, он быстро спрятался за газетой.

После ухода девушек он пошел в свою мастерскую, откуда Ольге было слышно, как он ходил взад-вперед и время от времени похихикивал сам с собой; в тот вечер он долго разговаривал с ней о танцах и мужчинах-танцорах, спрашивал, какие танцы были самыми популярными, какие па были самыми распространенными, интересовался многими другими подобными вопросами.

Затем пару недель он провел преимущественно в своей мастерской, где был весьма задумчивым и озабоченным, однако случались и внезапные взрывы короткого хохота, как будто он смаковал шутку, которой больше не знал никто.

Спустя месяц в Фуртвангене состоялся еще один бал. В этот раз его давал старик Вензель, состоятельный торговец лесом, в честь помолвки своей племянницы, и среди приглашенных вновь были Гейбель и его дочь Ольга.

Когда пришло время ехать на бал, Ольга стала искать своего отца, но не найдя его в доме, она постучала в дверь мастерской. На нем была рубашка с короткими рукавами, сам он сиял от радости, хоть и был разгорячен.

— Не жди меня, — сказал он. — Поезжай, я приеду следом. Мне нужно кое-что закончить.

Она покорно повернулась и пошла, а он вдогонку сказал ей: «Передай, что я приеду с юношей, он такой замечательный человек и прекрасный танцор! Всем девушкам понравится». Он засмеялся и закрыл дверь.

Обычно отец держал все свои изобретения в секрете, но она догадалась, что он задумал, поэтому определенным образом

his jolly face red with excitement and suppressed laughter, burst into the room and announced in stentorian tones:

"Herr Geibel -- and a friend."

"Herr Geibel and his 'friend' entered, greeted with shouts of laughter and applause, and advanced to the centre of the room.

"Allow me, ladies and gentlemen," said Herr Geibel, "to introduce you to my friend, Lieutenant Fritz. Fritz, my dear fellow, bow to the ladies and gentlemen."

"Geibel placed his hand encouragingly on Fritz's shoulder, and the Lieutenant bowed low, accompanying the action with a harsh clicking noise in his throat, unpleasantly suggestive of a death-rattle. But that was only a detail.

"He walks a little stiffly" (old Geibel took his arm and walked him forward a few steps. He certainly did walk stiffly), "but then, walking is not his forte. He is essentially a dancing man. I have only been able to teach him the waltz as yet, but at that he is faultless. Come, which of you ladies may I introduce him to as a partner? He keeps perfect time; he never gets tired; he won't kick you or trad on your dress; he will hold you as firmly as you like, and go as quickly or a slowly as you please; he never gets giddy; and he is full of conversation. Come, speak up for yourself, my boy."

"The old gentleman twisted one of the buttons at the back of his coat, and immediately Fritz opened his mouth, and in thin tones that appeared to proceed from the back of his head, remarked suddenly, 'May I have the pleasure?' and then shut his mouth again with a snap.

"That Lieutenant Fritz had made a strong impression on the company was undoubted, yet none of the girls seemed inclined

смогла подготовить гостей к тому, что должно было произойти. Все были в предвкушении и с нетерпением ожидали приезда знаменитого изобретателя.

Наконец-то с улицы послышался шум колес, а затем началась суeta в коридоре, и вот старик Вензель, веселый, раскрасневшийся от восторга и еле сдерживающийся от смеха, ворвался в комнату и громогласно объявил:

— Господин Гейбель и ... его друг.

Господин Гейбель и его «друг» вошли, их поприветствовали взрывами смеха и аплодисментов, и они прошли в центр зала.

— Леди и джентльмены, позвольте мне, — сказал господин Гейбель, — представить моего друга лейтенанта Фритца. Фритц, мой дорогой друг, поклонитесь леди и джентльменам.

Гейбель положил руку Фритцу на плечо, и лейтенант низко поклонился, при этом в его горле раздавались щелчки, неприятно напоминающие предсмертный хрип. Но это была незначительная деталь.

— Ходит он немного скованно (старик Гейбель взял его за руку и провел несколько шагов — конечно, он шел скованно), — однако же ходьба не его конек. Он в сущности танцор. Пока я смог научить его только вальсу, но зато в нем он безупречен. Прошу вас, девушки, кому из вас представить его как партнера? Он прекрасно держит темп; он никогда не устает; он никогда не запнется и не наступит вам на платье; он будет держать вас так крепко, как вам нравится, и вести будет так быстро или медленно, как пожелаете; у него никогда не кружится голова, и он прекрасный собеседник. Давай, скажи сам, мой мальчик.

Старик нажал одну из кнопок на спине под одеждой, и Фритц тут же открыл рот и тонким голосом, исходящим из затылочной

to dance with him. They looked askance at his waxen face, with its staring eyes and fixed smile, and shuddered. At last old Geibel came to the girl who had conceived the idea.

"It is your own suggestion, carried out to the letter," said Geibel, 'an electric dancer. You owe it to the gentleman to give him a trial.'

"She was a bright, saucy little girl, fond of a frolic. Her host added his entreaties, and she consented.

части его головы, внезапно изрек: «Не позволите ли?», а затем снова с треском закрыл рот.

Не было никаких сомнений, что лейтенант Фритц произвел сильное впечатление на всю компанию, тем не менее, ни одна девушка, похоже, не была намерена танцевать с ним. На его восковое лицо смотрели они искоса и вздрагивали при виде его неподвижных глаз и застывшей улыбки. Наконец, старик Гейбель подошел к той девушке, которая ранее предложила эту идею.

— Это же было Ваше предложение? Идея с точностью воплощена, — сказал Гейбель, — это электрический танцор. Вы в долгу у этого джентльмена, дайте ему шанс.

Это была заводная и озорная девушка, любительница повеселиться. И в ответ на мольбы хозяина торжества она согласилась.

Swallowing Grandma (extract)

Kate Long

‘One day I’ll die,’ Poll’s always going, ‘and then you’ll be sorry, my girl.’

No I won’t. I’ll put the bloody flags out. I’ll tie a red-satin bow round Winston’s neck, dance stark naked up and down Mesnes Park, and put an ad in the ‘Celebrations’ column of the Wigan Observer.

She always had a lot to say
She had a tongue sharp as a knife
But now my grandma’s passed away
I’m off to start a whole new life.
In remembrance of Pollyanna Millar,
evil-minded shrew and dog-botherer

That night, after Poll had groped her way along the landing from the bathroom, I wrote in my diary:

New Year’s Resolutions:

1. Stop eating (lose 10 kg by Valentine’s day)
2. Get everyone at school to call me Kat, not Katherine, as sounds cooler.
3. Try to make friends with Donna French X X X lush lush
4. Decide what to do about My Future

Then I lay down on the bed, under Dad’s old posters of Blondie, and tried to block out the bad thoughts that always gather about this time by doing A-level essay plans in my head. Finally I turned out the light and blew Dad a kiss, like I

Как выжить с бабушкой

Ксения. Перевод с английского

Полл по любому поводу говорит: «Когда-нибудь я умру, и вот тогда-то ты об этом пожалеешь, девочка моя».

Ну уж нет. Черт возьми, когда это случится, я вывешу флаги. Я повяжу на шею Винстону красный шелковый бант, я станцую голый в парке Мезнес, а потом я подам объявление в колонку поздравлений «Виганского обозревателя»:

Всегда ей было что сказать,
И был язык остер, как нож,
И больше нет ее, ну что ж,
Теперь смогу я жить начать!
В память о Поллианне Миллэр,
злой мегере и старой бесстыднице.

Этим вечером, после того как Полл наконец-то нащупала дорогу из ванной до спальни, я написала в своем дневнике:

Мои новогодние обещания:

1. Перестать есть (сбросить 10 кило ко дню Святого Валентина)
2. Сделать так, чтобы в школе все звали меня Кэт, а не Кэтрин. Это звучит круче.
3. Постараться подружиться с Донной Френч ^_^ *_*
4. Решить, что мне делать с моим будущим.

Потом я легла на кровать, над которой висят старинные папины постеры «Блонди», и постаралась выкинуть из головы все тяжелые мысли, постоянно собирающиеся там по вечерам, когда я размышляю об экзаменационном эссе. В конце концов, выключу

always do. It might be mad, but it helps.

I share my room with two dead people. As well as Dad, in his jar on the windowsill, there's Great-grandma Florence, who was Poll's mother, in the bottom of the wardrobe inside a black and gold tin. I never think about her, to be honest, except when I'm hunting for shoes.

The rest of Poll's family are buried in Bank Top cemetery, a sloping field down which the gravestones are moving imperceptibly, along with the wall that's supposed to keep them in. If you climb up on the war memorial in the middle you get a good view, a clear view anyway, of the dirty brick town of Harrop below, with its derelict paper mill and defunct loco works. Surely that can't be where the occupants of the cemetery are headed? I can't see the attraction myself.

My big dream is to be normal. I need to ditch the socks and frocks and be more like other girls, but it's not easy with a grandma like mine.

'Make-up? What do you want to wear make-up for? You'll ruin your skin. You'll end up looking like a clown or a prostitute, one or t' other. Smear some Vaseline on your face, that's all you need at your age. I were a married woman before I owned a lipstick.'

We have this bollocks continually.

It's dawning on me, now I'm reaching my eighteenth birthday, that actually a lot of things Poll says are rubbish, e.g. that mending your socks while you're still wearing them brings on terrible bad luck. 'It's sewing sorrow to your heart,' she always moans. 'You'll rue.' She also reckons that washing your hair while you're having a period sends you mad, and that sleeping

чив свет, я отправила папе воздушный поцелуй. Я всегда так делаю. Наверно, это безумие, но мне правда становится легче.

Я живу в одной комнате с двумя мертвыми людьми. Кроме папы, урна с прахом которого стоит на подоконнике, есть еще прабабушка Флоренс, то есть мама Полл, она в своей черно-золотой вазе лежит в глубине платяного шкафа. Я редко о ней вспоминаю, разве что когда ищу потерявшиеся туфли.

Остальные члены семьи Полл похоронены на кладбище Бэнк Топ, которое представляет собой отлогий участок земли, и могилы по нему незаметно движутся вниз, вместе с ограждением, которое вроде как должно их удерживать. Если залезть на памятник жертвам войны в середине кладбища, получится чудный вид на Хэрроп... ну, в том смысле, что этот грязный городишко с его заброшенными бумажной фабрикой и вагоноремонтным заводом будет хорошо видно. Надеюсь, обитатели кладбища направляются не туда. Лично я там ничего привлекательного не вижу.

Моя самая большая мечта — быть нормальной. Мне нужно стать такой же, как другие девочки, но с такой бабушкой, как у меня, это сложная задача.

«Макияж? Это еще зачем? Ты испортишь себе кожу. Будешь выглядеть как клоун, или, еще лучше, как проститутка. Смажь лицо вазелином — никакая другая косметика девочке твоего возраста не нужна. Я в первый раз купила помаду, когда была замужем».

И вот так всегда.

Только сейчас, когда мне уже почти восемнадцать, до меня стало доходить, что на самом-то деле многое из того, что говорит Полл, исключительный бред. Например, нельзя зашивать носки, не снимая их — иначе случится что-то ужасное. «Ты пришиваешь

with a potato prevents cramp.

When I was younger I believed her, so therefore all the other kids assumed I was mad too and wouldn't have anything to do with me. I couldn't catch a ball either, and I wore a hand-knitted school cardigan instead of a bought one from Littlewoods. I pretended I didn't care.

'Not everyone has a mother and a father,' I would recite when they cornered me on the rec. 'Me and my grandma are a family too.'

'Piss off, Fatso,' they'd say. 'You don't even call her grandma. How weird is that?'

'She doesn't like it.'

'She doesn't like you. You're mental. Your mum killed your dad and then ran off. Weirdy-weirdo.' Then they'd run away screaming and screwing their index fingers into their temples. Weirdy-weirdo would skulk by the bins for a bit and then go and stand by the teacher till the bell went.

The trouble with Bank Top is that everyone knows everyone else's history.

горе к своему сердцу, - стонет она, - Ты об этом пожалеешь». Кроме этого, она уверена, что если мыть голову во время месячных, можно сойти с ума, а если класть с собой на ночь в постель картошку, она спасет тебя от судорог.

В детстве я ей верила, и поэтому все вокруг думали, что я тоже ненормальная, и не хотели иметь со мной ничего общего. Еще у меня никогда не получалось поймать мяч, а вместо купленного в «Литлвудс» школьного кардигана я носила связанный вручную. Я, конечно, притворялась, что это меня вполне устраивает.

— Не у всех есть мама и папа, - выдавала я заученную фразу, когда меня загоняли в угол у мусорных контейнеров. — Мы с бабушкой тоже семья.

— Да иди ты, жирдяйка! — отвечали мне на это одноклассники. — Ты же даже не зовешь ее бабушкой, это по-твоему нормально?

— Просто ей не нравится, когда ее так называют.

— Ей не нравишься ты! Ты же двинутая. Твоя мама убила твоего папу, а потом сбежала. Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша! — Продолжая кричать и крутить пальцами у виска, они убегали, а двинутая, немного похныкав у мусорных баков и успокоившись, вставала поближе к учительнице, чтобы дожидаться звонка на урок.

Самое кошмарное в Бэнк Топ — это то, что здесь все про всех знают.

About Me

Andrew Clements

It's a Tuesday morning in February, and I get up as usual, and I stumble into the bathroom to take a shower in the dark. Which is my school-day method because it's sort of like an extra ten minutes of sleep.

It's after the shower. That's when it happens.

It's when I turn on the bathroom light and wipe the fog off the mirror to comb my hair. It's what I see in the mirror. It's what I don't see.

I took a second time, and then rub at the mirror again.

I'm not there.

That's what I'm saying.

I'm. Not. There.

I feel kind of dizzy, so I make my way back to bed because if I'm dreaming, bed is the place, right? And I wait to wake up. But I don't because I already am.

I feel my heart pounding in my chest. My breath comes fast and my mouth is dry. I lift my head off the pillow and see my shape on the bed. It's right there, under the covers. Then I pull off the electric blanket and the sheet.

Nothing.

So I go back to the bathroom, to the big mirror. And I'm still not there.

The mirror is the mirror, and it is on the wall, and I am not there in front of it. I think I am—I mean, I see the mirror, I see my towel wave through the air, I see the shower curtain jump when I punch at it. But I don't see me.

Обо мне

Александра. Перевод с английского

Это было февральское утро, вторник. Я проснулся и в темноте отправился в ванную, чтобы принять душ. Что я делаю ежедневно, чтобы поспать еще дополнительные десять минут.

Это случилось после душа. Когда я включил свет в ванной и протирал зеркало, чтобы расчесаться, то внезапно обнаружил, что ничего не вижу.

Я посмотрел еще раз, и снова протер зеркало.

Меня там не было.

Именно так: Меня. Там. Не было.

У меня закружилась голова, поэтому я отправился в кровать. Ведь если я сплю, то я должен быть в постели, так? Я захотел проснуться, но не смог: ведь я уже не спал.

Сердце бешено колотилось в груди. Дыхание участилось и во рту пересохло. Подняв голову, я увидел отпечаток своего тела на постели. Сняв электрическое одеяло, я встал.

Все еще себя не видя, я поковылял в ванную к большому зеркалу. Меня по-прежнему там не было. Зеркало как зеркало, но меня в нем нет. В нем есть все, что за моей спиной - полотенце, душ, занавеску, которая колеблется от прикосновения. Все, что угодно, кроме себя.

У меня началась паника, и, завернувшись в полотенце, я побежал рассказывать родителям. Я не был на них похож. И о многом им не говорил. То есть они хороши в малых количе-

---

Работа получила приз в номинации «Вперед, в детство!»

So I panic, and I wrap the towel around my waist, and I go to tell my mom and dad.

Which is not like me. I don't tell them much. I mean, they're okay in small doses, and they can be useful.

Them knowing what I'm up to usually makes them less useful.

But they are smart, I give them that much, and this looks like a problem where smarts might count, so I'm headed for the kitchen. I know they'll both be there, because this is a work day, a school day, and on such a day in the Phillips house, eggs and toast hit the heat at seven-fifteen. Always.

I go down the hall to the stairs, and I stop. I'm scared of the stairs. Normally, I have good eye-hand coordination.

I don't dork out, don't drop my tray in the cafeteria, trip on the stairs, nothing like that. But there's a problem this morning: no hands, no arms, no legs, no feet. I feel them, but I can't see them. I hang on to the banister and feel my way down like a three-year-old.

Then I'm in the kitchen doorway, my feet cold on the tile floor. Dad scrambles the eggs, Mom reads the paper.

And I say, "Guys! I can't see myself!"

They glance at the door to the dining room, and Dad says, "Well, come on in here and let's see what's the matter."

And I say, "But that's what's the matter—I am in here! I can't see myself! You can't see me. I can't be seen— like, I'm invisible!"

Mom looks at Dad, and she smiles that "Kids!" kind of smile that I hate, then looks back to her paper. She turns on her Voice of Authority: "Stop messing around now, Bobby. You've only got twenty minutes before your bus. Disconnect the microphone or

ствах, и иногда могут быть полезны. Они знали, что я вполне самодостаточен. Они умны, и, похоже, разрешить эту проблему для них не составит труда. Поэтому я направился в кухню. Я знал, что они оба там, потому что это рабочий день, а в такой день в доме Филиппсов на завтрак яичница и тосты ровно в семь пятнадцать. Всегда.

Я подошел к лестнице и остановился. Я боюсь лестницы! Как правило, у меня хорошая координация. Я не столь неуклюж, чтобы ронять свой поднос в кафе. Но тут — другое дело: без рук, без ног. Я чувствую их, но не вижу. Вцепившись в перила, я ощущал себя трехлетним ребенком. Но все же спустился.

Остановившись в дверях кухни, я почувствовал, что мои ноги замерзли на кафельном полу. Папа взбивал яйца, мама читала газету.

И я заявил: «Родители! Я не вижу себя!»

Они уставились в дверной проем, и папа сказал: «Ну, выходи и посмотрим, что случилось».

Я ответил: «В том-то и дело-я здесь! Я не вижу себя! И вы не видите меня! Меня никто не может увидеть! Я невидимый!»

Мама взглянула на папу, улыбнулась. «Дети!» — тип улыбки, которую я терпеть не могу, и снова вернулась к своей газете. После невозмутимым голосом произнесла: «Хватит баловаться, Бобби. У тебя двадцать минут до автобуса. Выключай микрофон, рацию или то, с чем ты играешься, повесь это мокрое полотенце, и — завтракать. Живо!».

Встречайте: Мама-Профессор, также известна как Директор. Ее Девиз: «Есть сомнения — отдаю приказ». Она использует его на своих уроках литературы в Чикагском уни-

the walkie-talkie or whatever it is you're playing with, come hang up this wet towel, and then get in here and eat. Now."

Meet Professor Mom, also known as the Director. Her motto is, When in doubt, give an order. She's used to the timid little freshmen in her literature classes at the University of Chicago. She expects "young people" to jump when she barks at them.

I've been accused. I'm "messing around," goofing off.

Again. So I pull out my chair, sit on it, grab my orange juice, glug it down, and thump the glass onto the place mat.

And now I've got their attention. Completely.

Dad stops stirring eggs and stares at my empty glass.

Mom leans so far forward that she spills her own juice, and it drips into her lap. She doesn't notice.

Dad says, "This is a trick, right? Do something else."

So I pick up my spoon, lick it, and hang it on my nose—a pretty good trick even when your nose looks like it's there. The spoon hangs in midair.

"Bobby?" Mom's voice is squeaky. "Bobby, stop this."

Another order.

"I'm not doing anything, Mom. It's just happening."

The spoon drops and jangles on the floor. It's a ceramic floor in an old Victorian kitchen in Chicago in February, and I'm sitting on an oak chair wearing a damp towel. I'm freezing.

Dad turns off the heat under the eggs.

Have you ever had the science of exactly what happens during the process of making scrambled eggs explained to you, in great detail? I have. About ten times.

Dad stands there with the wooden spoon in one hand, frying pan in the other. The look on his face says, Perplexed Physicist at

верситете для робких первокурсников. Она предвкушает, что «молодые люди», подпрыгнут, когда она рявкнет на них.

Теперь я был обвиняемым. Я же снова «балуюсь», дурачусь. Так что я уселся на стул, взял апельсиновый сок и налил его в стакан. А после разлил его.

Теперь-то на меня обратили внимание. Полностью.

Папа перестал взбивать яйца и уставился на мой пустой стакан. Мама так сильно наклонилась, что пролила сок на колени, даже не заметив этого. Папа произнес: «Это фокус, не так ли? Сделай еще что-нибудь подобное». Тогда я поднял ложку, и повесил ее у себя на носу. Неплохой фокус, когда твой нос на месте. Ложка зависла в воздухе.

«Бобби?» Голос мамы прозвучал пискляво: «Бобби, прекрати это».

Очередной приказ.

«Мама, я ничего не делаю. Это просто происходит». Ложка упала на пол. Это был керамический пол в старой викторианской кухне в Чикаго, в феврале, а я сижу на дубовом стуле, завернутый во влажное полотенце. Я замерзаю.

Папа отключил плиту. Вам когда-нибудь объясняли в мельчайших подробностях процесс приготовления яичницы? А мне объясняли. Около десяти раз.

Папа стоял с деревянной ложкой в одной руке, со сковородкой в другой. Выражение его лица говорило: озадаченный Физик трудится. Я ожидал какую-либо теорию в любую секунду. И папа выдал.

«Поскольку одновременно нам всем это не может присниться... мы, должно быть, видим какую-то световую аномалию. Я читал исследования такого рода, я имею в виду,

Work. I'm expecting a theory any second. And Dad delivers.

He says, "Since we can't all be dreaming this . . . we must be looking at some kind of visible light anomaly. I've read the research on this kind of thing—I mean, the research on the mathematical theories—but this . . . this is a phenomenon, an event!"

Such a useful observation. The guy can't help being Joe Physics. It's what he does. He works at FermiLab. That's one of those places where they smash atoms and then take pictures of the bits. Life is one big science experiment for Dad.

Dad's been waving the spoon around as he talks. Egg boogers are all over the place. Mom tries to talk again, but all we get is more squeaks. I'm starting to wonder when the smarts are going to kick in.

Dad gets it back under control almost right away. He mops up Mom's juice, serves up three plates, and sits down. Dad and I start to eat, but instantly he stops chewing. Dad watches as I float forkloads of rubbery eggs up to my mouth. So does Mom. And I'm watching too. It's a good show: Bobby and His Disappearing Breakfast, now appearing on the Big Screen of Life in the Kitchen of the Weird.

исследование математических теорий, но это... это феномен, событие!»

Вот такое полезное наблюдение. Парень не может помочь, будучи физиком. Это то, что есть. Он работает в лаборатории Ферми. Это одно из тех мест, где они расщепляют атомы и затем фотографируют их частицы. Для отца жизнь — один большой научный эксперимент .

Папа говорил, активно размахивая ложкой. Яичница разлетелась по всему дому. Мама попыталась что-то сказать, но ее голос стал еще писклявей. Я же начинаю задаваться вопросом, когда же к кому-нибудь придут хотя бы какие-нибудь мысли.

К папе они приходят почти сразу же. Он вытирает пролитый мамой сок, и садится. Мы с папой приступаем к еде, но он прекращает жевать, пристально наблюдая за тем, как это делаю я. Аналогичное происходит с мамой. И я тоже за этим наблюдаю. Неплохое получается шоу: Бобби и его исчезнувший завтрак, теперь появляется на большом экране жизни в «Кухне Чудаков».

The Lost Diaries of Adrian Mole 1999–2001

Sue Townsend

Wednesday, April 12

I embarked on my new novel, Sty, today. Progress was slow. I only managed to write 104 words, including the title and my name.

Sty, by Adrian Mole.

The pig grunted in its sty. It was deeply sad. Somehow it felt different from the other pigs with which it shared a home. 'Look at them,' thought the pig. 'They are oblivious to the fact that they are merely part of the food chain.' The pig had felt discontented since it had glimpsed Alain de Botton's TV programme, *Philosophy: A Guide To Life*, through a gap in the pig farmer's curtain. The wisdom of Socrates, Epicurus and Montaigne had brought home to the pig that it was completely uneducated and knew nothing of the world beyond the sty.

He glanced over at the sty where Pamela Pigg was grunting with pleasure as she stuck her hairy, wet snout into the trough. He had been in love with Pamela for years but now he wondered if she was his intellectual equal. There was something about her piggy eyes that repelled him...

NOTES ON NEW NOVEL: 1. Should the pig have a name? 2. Should the pig's thoughts be in quotes? 3. Has the story got legs? Or is the main protagonist (the pig) too restricting a character, i.e. being (a) unable to communicate with the other pigs and (b) never leaving the sty?

Потерянные дневники Адриана Моула 1999–2001

Ярослава Уголева. Перевод с английского

Среда, 12 апреля.

Я сегодня начал писать новый роман под названием «Свинарник», но смог лишь выжать из себя всего 104 слова, включая заголовок и мое имя: «Свинарник», Адриан Моул.

Свинья хрюкнула в своем свинарнике. Ей было очень грустно. Она подсознательно чувствовала себя не такой, как все остальные, живущие в ее загоне. «Посмотри на них», — думала про себя свинья. «Они не понимают, что являются маленькой частичкой пищевой цепи».

С тем пор, как свинья одним глазком сумела подглядеть через щелочку в занавеске фермера телевизионную передачу Алана де Ботта: «Философия: как правильно жить», она была все время недовольна собой. Мудрость Сократа, Эпикура и Монтеня вернули свинку с небес на землю — она осознала, что была совсем необразованной и ничего не знала о мире за пределами своего свинарника.

Он бросил взгляд на свинарник, где Памела Пигг прихрюкивала от удовольствия, опустив свою мокрую и волосатую морду в кормушку. Он был влюблен в Памелу уже много лет, но только сейчас задумался о том, ровня ли она ему по интеллекту. Что-то было в ее свинячьих глазах такое, что отталкивало его.

Примечания. 1. Должно ли быть у свинки имя?

2. Должны ли мысли свинки быть написаны в кавычках ?

3. Будет ли эта история продолжаться или главный герой слишком ограничивает себя, поскольку:

а) не умеет общаться с другими свиньями

б) не покидает свинарника?

Работа получила Специальный приз Национального фонда поддержки правообладателей для молодых переводчиков

Sunday, April 16

Pamela Pigg has just left this house after flying into a rage and accusing me of stealing her life and turning it into ‘fifth-rate art’. She read my manuscript of *Sty* which I had foolishly left on the kitchen table under a copy of *Men’s Health*. As she ran to her car, I shouted, ‘I’m an artist. We must forage where we can for our materials.’

Pamela shouted back, ‘I’m a housing officer. We must cancel the artist’s move to a maisonette as promised.’ I went inside and read page 124 of *Men’s Health* – bed-busting sex – for my art, of course.

***

William begged me for 2.49 pounds today. He wants to buy a booster pack of Pokemon cards. When I refused, he burst into tears and threw himself down on the kitchen floor. Glenn came in and said, ‘You’ve gotta give ‘im the money, Dad, he’s lost respect in the playground.’

Apparently, there are 151 characters in a set and William has only collected 37 of the most common. Glenn said, ‘It’s like, you know, wearing Marks & Spencer’s trainers, Dad?’ Glenn has never forgiven me. I once made him go to school in my old Marks & Spencer trainers when his own Nikes had disappeared. He still wakes in the night sweating and crying out for Childline.

Tuesday, April 25

My father begged me to help him escape from the hospital this afternoon. He said he is losing the will to live due

Воскресенье, 16 апреля.

Памела Пигг только что ушла из дома после того, как она впала в ярость и обвинила меня в том, что я краду ее жизнь и превращаю ее в пустое место. Она прочитала мою рукопись «Свинарника», которую я по рассеянности оставил на кухонном столе под журналом «Мужское здоровье». Как только она подбежала к своей машине, я крикнул: «Я художник. Мы должны вместе искать все для совместного проживания». Памела ответила: «Я агент по недвижимости. Мы должны отменить переезд художника в двухуровневую квартиру, как это было обещано».

Я вошел внутрь и прочитал 124 страницу журнала «Мужское здоровье»

***

Вильям умолял меня сегодня дать ему J2.49. Он хочет купить коллекционный набор карточек с Покемонами. Когда я отказал, он заплакал и упал на кухонный пол. Затем вошел Гленн и сказал:

«Тебе придется дать ему денег, папа, потому что он потерял уважение к себе на игровой площадке».

По-видимому, всего в набор 151 персонаж, а Вильям собрал только 37 самых часто встречающихся. Гленн подметил: «Ты знаешь, пап, это как носить кроссовки «от Марка и Спенсера». Гленн так и не простил меня. Однажды я его заставил пойти в школу в моих старых кроссовках от «Марка и Спенсера», когда его Найки исчезли. Он до сих пор просыпается ночью, потев и жалостно крича: «Помогите!»

Вторник, 25 апреля.

Мой папа умолял меня помочь ему сбежать сегодня днем из больницы. Он сказал, что теряет надежду на жизнь, из-за посто-

to the lack of sleep and the pain from this bed sores. His false teeth have not turned up, despite a top-level internal inquiry. He is living on soup and porridge – when somebody remembers to feed him. He is almost entirely helpless.

Personally, I blame Tania, his new wife, for his accident. My father is too old to be up a ladder trying to construct a Japanese-style pagoda under her exacting instructions. I have suggested to the rest of the family that we arrange a sota so that one of us is always in attendance at hospital meal times.

I rang Pandora at her Westminster office and asked her to visit the hospital incognito. I said that she should see the third-world conditions for herself. She said she would ‘drop in if she could’, but she was ‘terribly busy’ with Frank Dobson’s mayoral election. I laughed a hollow laugh and said did she realize it was the Anzac Day, the anniversary of a similarly doomed campaign.

янных болей он никак не может уснуть. Его вставные зубы не закрепились, несмотря на внутреннее обследование высшего класса. Он живет на супе и каше, когда кто-то вспоминает, что его надо покормить. Он практически полностью беспомощен.

Лично я виню Таню, его новую жену, в том, что с ним произошел несчастный случай. Мой папа слишком стар для того, чтобы, стоя на верху лестницы, пытаться сконструировать под ее четким руководством пагоду в японском стиле. Я предложил членам нашей семьи приходить по очереди в больницу и кормить отца.

Я позвонил Пандоре в Вестминстерский офис и попросил навестить папу инкогнито. Я сказал, что ей следует увидеть ужасные условия самой. Она ответила, что заскочит, если сможет, так как жутко занята предвыборной кампанией в мэры Фрэнка Добсона. Я засмеялся, меня удивило, что она не знает о дне Анзака, годовщине обреченной кампании.

Mud, sweat and tears

Bear Grylls

The air temperature is minus twenty degrees. I wiggle my fingers but they're still freezing cold. Old frost nip injures never let you forget. I blame Everest for that.

"You set, buddy?" cameraman Simon asks me, smiling. His rig is all prepped and ready.

I smile back. I am unusually nervous.

Something doesn't quite feel right.

But I don't listen to the inner voice.

It's time to go to work.

***

The crew tell me that the crisp northern Canadian Rockies look spectacular this morning. I don't really notice.

It is time to get into my secret space. A rare part of me that is focused, clear, brave, precise. It is the part of me I know the best, but visit the least.

I only like to use it sparingly. Like now.

Beneath me is three hundred feet of steep snow and ice. Steep but manageable.

I have done this sort of fast descent many, many times. Never be complacent, the voice says. The voice is always right.

A last deep breath. A look to Simon. A silent acknowledgement back.

Terse have cut a vital corner. I know it. But do nothing.

I leap.

I am instantly taken by the speed. Normally I love it. This time I am worried.

Грязь, пот и слезы

Дарья Баранова. Перевод с английского

Температура воздуха-минус двадцать градусов. Я пытался пошевелить пальцами, но они были отморожены. Старые травмы дают о себе знать. Я виню в этом Эверест.

"Ты готов, приятель?" улыбаясь, спросил меня оператор Саймон. Его сани и снаряжение уже были готовы.

Я улыбнулся ему в ответ. Я был взволнован.

Что-то шло не так.

Я не слушал свой внутренний голос.

Это моя работа.

Кто-то из моей команды сказал, что в то утро Канадские скалы выглядели особенно выразительно. Если честно, я не заметил.

Ну, вот пришло время заглянуть в мой тайный мир. Это та небольшая часть меня, которая всегда сконцентрирована и бесстрашна. Та, которую я так хорошо изучил.

Я редко использую её. Обычно в такие моменты, как, к примеру, этот.

Подо мной триста футов снега и льда.

Я много раз совершал прыжки такого рода, много-много раз. Но внутренний голос говорил мне: «Не будь так уверен в себе!». Голос всегда прав.

Последний глубокий вдох. Я взглянул на Саймона, который ответил мне спокойным подбадривающим взглядом.

Мы были загнаны в угол. Я знал это. Но ничего не делал.

Я прыгнул.

Работа получила приз в номинации «Вперед, в детство!»

I never feel worried in the moment.
I know something is wrong.
I am soon traveling at over 40 m.p.h. Feet first down the mountain. Thrice races past only inches from my head. This is my world.
I gain even more speed. The edge of the peak gets closer. Time to arrest the fall.
I flip nimbly on to my front and drive the ice axe into the snow. A cloud of white spray and ice soars into the air. I can feel the rapid deceleration as I grind the axe deep into the mountain with all my power.
It works like it always does. Like clockwork. Total confidence. One of those rare moments of lucidity.
It is fleeting. Then is gone.
I am now static.
The world gongs still. Then - bang.
Simon, his heavy wooden sledge, plus solid metal camera housing, piles straight into my left thigh. He is doing in excess of 45 m.p.h. There is an instant explosion of pain and noise and white.
It is like freight train. And I am thrown down the mountain like a doll.
Life stands still. I feel and see it all in slow motion.
Yet in that split second I have one realization: a one degree different course and the sledge's impact would have been with my head. Without doubt, it would have been my last living thought.
Instead, I am in agony, writhing.
I am crying. There are tears of relief.
I am injured, but I am alive.

Скорость тут же подхватила меня. Естественно, мне это нравится. Но тогда что-то беспокоило.
Хотя обычно в эти моменты я спокоен.
Вскоре я уже мчался со скоростью сорок миль в час. Ногами направляли меня вниз по горе. Куски льда пролетали в миллиметрах от моей головы. Это моя стихия.
Моя скорость все увеличивалась. Конец склона приближался. Пора было остановиться. Я проворно перевернулся на живот и вонзил ледоруб в снег. В воздух поднялось облако снега и льда. Именно в этот момент я почувствовал резкое торможение.
Это как всегда сработало. Как часы.
Торможение — это всего мгновение.
И вот я уже лежал неподвижно.
Все вокруг остановилось. Вдруг — удар.
Саймон на своих тяжелых деревянных санях и с камерой в руках врезался мне прямо в левое бедро (он летел со скоростью больше сорока пяти миль в час). После сильного удара я почувствовал резкий приступ боли, затем все побелело.
Чувство было такое словно меня сбил товарный поезд. Меня отбросило вниз, как куклу.
Жизнь приостановилась. Я видел и чувствовал все, только как будто в замедленной съемке. Наверное, в эту минуту у меня должна была бы быть только одна мысль: еще несколько сантиметров в сторону и сани врезались бы мне прямо в голову. В этом случае это была бы моя последняя мысль.
Вместо этого я бился в агонии и корчился от боли.
Я плакал, но это были слезы облегчения.
Я пострадал, но я жив.
Потом я увидел вертолет, но не слышал ни звука. Затем —

I see a helicopter but hear no sound. Then the hospital. I have been in a few since Man vs. Wild/Born Survivor: Bear Grylls began. I hate them.

I can see them all through closed eyes.

The dirty, bloodstained emergency in Vietnam, after I severed half my finger off in the jungle. No bedside graces there.

Then the rockfall in the Yukon. Not to mention the way worse boulder-fall in Costa Rica. The mineshaft collapse in Montana or that saltwater croc in Oz. Or the sixteen-foot tiger that I landed on in the Pacific versus the snake-bite in Borneo.

Countless close shaves.

They all blur. All bad.

Yet all good. I am alive.

There are too many to hold grudges. Life is all about the living.

I am smiling.

The next day, I forget the crash. To me, it is past. Accidents happen, it w no one's fault.

Lessons learnt.

Listen to the voice.

I move on.

"Hey,Si, I'm cool. Just buy me a piña colada when we get out of here. Oh, and I'll be sending you the evac, doc and physio bills."

He reaches for my hand. I love this man.

We've lived some life out there.

I look down to the floor: at my ripped mountain salopettes, bloodstained jacket, smashed mini-cam and broken goggles.

I quietly wonder: when did all this craziness become my world?

больница. Во скольких больницах я побывал с тех пор, как начал сниматься в телепередаче «Человек протюив дикой природы». Как я ненавижу её.

Я могу смотреть еётолько с закрытыми глазами.

Грязное, залитое кровью отделение скорой помощи во Вьетнаме, после того как я потерял половину пальца в джунглях. С их небрежным отношением к больным. Камнепад в Юконе и другой ужасный камнепад в Коста Рика. Обрушение в шахте в штате Монтана или морской крокодил в Озе. Или шестнадцати футовый тигр, на которого я приземлился в Тихом океане, или змеиногo укуса в Борнео.

Бесчисленное количество раз я ходил по острию ножа.

Но все хорошо. Я жив.

Не зачем держать в себе обиды. Жизнь-череда событий.

Я улыбался.

На следующий день я забыл об аварии. Для меня это прошлое. Происшествия случаются и это не последнее.

Урок получен.

Нужно всегда слушать внутренний голос.

Жизнь продолжается.

«Эй, Сай, а я — крутой. С тебя пина колада, как выйдем отсюда. И, пожалуй, я буду присылать тебе счета от моего врача и психиатра.»

Он взял мою руку. Мне нравится этот парень. Здесь у нас абсолютно другая жизнь.

Я посмотрел вниз и увидел порванные горные штаны, окровавленную куртку, сломанную камеру и очки.

Я подумал про себя: когда же все это сумашествие стало моей страстью?

La máquina de hacer cosquillas

Sergi Pàmies

La máquina de hacer cosquillas

La penúltima vez que el padre entró en la librería de la plaza –de eso hace ya un año – fue con su hija. Cada domingo iban a comprar el periódico y, de paso, le echaban un vistazo a la sección de libros infantiles. Hojeaban volúmenes ilustrados con cocodrilos rojos, conejos azules, jirafas verdes, y al padre le admiraba esa obsesión por cambiar el color de las cosas: naranjas amarillas, plátanos rosas, manzanas moradas. De vez en cuando, se llevaban uno. A la niña le hacía ilusión llevar el libro hasta el mostrador, dejarlo junto a la caja y esperar a que la dependienta – siempre la misma – lo metiera en una bolsa y le dijera cualquier cosa. Una día, la dependienta le regaló un huevo de chocolate envuelto en papel de plata. La niña lo llevo en la mano como un trofeo y no lo abrió hasta llegar a casa. De domingo en domingo, aquella ceremonia se fue convirtiendo en una tradición. Con una insistencia que incomodaba un poco al padre – sobre todo cuando solo compraban el periódico -, la niña se plantaba ante el mostrador esperando – con el silencio de alguien que justo empieza a hablar y los ojos bien abiertos – recibir el huevo que la dependiente le regalaba.

Hasta que paso lo que paso.

El padre no volvió a la librería. Durante meses, tuvo que recuperarse, medicarse, encontrar el norte. De vez en cuando, un vendaval de postración lo destruía todo y era necesario volver a empezar; bocanadas de pasado que, organizadas en emboscada, lo atacaban con imágenes de una insultante nitidez, como cuando recordaba el día en el que inventaron el juego de la máquina de hacer

Машинка-щекоталка

Olga. Перевод с испанского

В предпоследний раз он вошел в книжный магазин на площади год назад, вместе с дочкой. Каждое воскресенье они приходили купить газету и заодно просматривали полки в детском отделе. Перелистывали книжки с нарисованными красными крокодилами, синими кроликами, зелеными жирафами. Эта мания менять все цвета его восхищала: желтые апельсины, розовые бананы, фиолетовые яблоки. Иногда они что-нибудь покупали. Девочке очень нравилось относить книжку на прилавок возле кассы, а потом ждать, пока продавщица – всегда одна и та же – положит книгу в пакет и что-нибудь скажет. Однажды продавщица подарила девочке шоколадное яйцо, завернутое в серебряную бумажку. Девочка его унесла, как трофей, и до самого дома не разворачивала. От воскресенья к воскресенью этот ритуал постепенно превращался в традицию. Девочка вставала возле прилавка с определенной настойчивостью, немного смущавшей отца, особенно когда они покупали только газету. Она молчала, как молчит человек, готовый вот-вот заговорить, и, широко раскрыв глаза, ждала шоколадное яйцо в подарок.

До тех пор, пока не произошло то, что произошло.

Он больше не появлялся в книжном магазине. Он был вынужден целыми месяцами приходиться в себя, лечиться, искать какие-то ориентиры. Временами вихрем налетала прострация, все ломала, и нужно было начинать сначала. Порывы прошлого атаковали его из засады бесстыдно четкими картинками, например, воспоминаниями о том дне, когда они выдумали игру в машинку-щекоталку. Он бегал за дочкой, шевеля паль-

cosquillas. El padre la perseguía moviendo los dedos de las manos como si fueran las patas de araña, se acercaba a la niña, la levantaba e, imitando la voz de un monstruo televisivo, decía: “Cuidado con la máquina de hacer cosquillas!” Y ella pedía más y más, y se reía con unas carcajadas que el padre nunca más volverá a escuchar. De eso hace un año, aunque a él le parezca que hayan pasado treinta.

Ayer, sin embargo, tuvo que volver a la librería. Se había comprometido a comprar un libro para un amigo que cumple años – la vida continua, no se cansan de repetírselo – y, como lo había ido dejando hasta el último momento, no le quedó más remedio que acudir a uno de los pocos sitios abiertos en domingo. En el momento de entrar, deseo que, como mínimo, la dependienta no fuera la misma. También se prometió a sí mismo no acercarse a la sección de libros infantiles y poner en práctica todos los consejos de la gente que, de buena fe, ha intentado ayudarlo. La dependienta era la misma. Lo saludó como si de verdad se alegrase de verlo y le preguntó por la niña. Haciendo de tripas corazón, el padre mantuvo una sonrisa de circunstancias atascada en los labios hasta que, entre dientes, consiguió mentir:

– Se ha quedado en casa. Está un poco resfriada.

Con una amabilidad que él no había previsto, la dependienta le ofreció un huevo de chocolate.

– Toma. Dáselo de mi parte.

Salió de la librería sin el libro que había ido a comprar. Entro en el coche. Miro el huevo. Antes de que los dedos le temblaran demasiado, lo desenvolvió procurando no romperlo y, lentamente, se lo fue comiendo. Sin apetito. Incapaz de guardarlo porque le habría recordado demasiado a la niña. Incapaz de tirarlo, porque le habría parecido una traición a su intensa, perdurable memoria.

цами, словно паучьими лапками, догонял ее, поднимал на руки и говорил голосом телевизионного чудовища: «Берегитесь машинки-щекоталки!». И она просила: «Еще! Еще!» и хохотала заливистым смехом, который он уже никогда не услышит. Прошел год, хотя ему кажется, что минуло уже лет тридцать.

Но вот вчера ему пришлось снова зайти в книжный. Нужно было купить книгу в подарок другу на день рождения. Ведь жизнь продолжается, постоянно твердят ему все вокруг. Поскольку он дотянул до последнего, другого выхода не было: этот магазин, один из немногих, был открыт в воскресенье. Он очень хотел, чтобы хоть продавщица оказалась другая. Пообещал себе не приближаться к отделу с детскими книжками и применять на практике советы тех людей, которые пытались ему помочь из самых добрых намерений. Продавщица была прежняя. Она поздоровалась так, словно и вправду была рада его видеть, и спросила про девочку. Кое-как взяв себя в руки и прилепив к губам подходящую улыбку, он смог солгать:

– Она осталась дома. Немного простудилась.

С неожиданной для него доброжелательностью продавщица сказала:

– Вот, возьмите. Передайте ей от меня.

И протянула ему шоколадное яйцо.

Он вышел из магазина без книги, которую собирался купить. Сел в машину. Посмотрел на яйцо. Пока руки не начали трястись слишком сильно, развернул его, стараясь не сломать, и медленно съел. Машинально. Не в состоянии оставить его, потому что будет слишком напоминать ему о девочке. Не в состоянии выбросить его, потому что тогда предаст свое пронзительное и вечное воспоминание.

Corduroy Appreciation Club

Jonathan Ames

A few months ago, the executive director and founder of the Corduroy Appreciation Club, Miles Rohan, sent me an e-mail, requesting that I be the keynote speaker at his club's annual gathering on November 11. This date, Mr. Rohan informed me, was chosen because it is the date that "most resembles corduroy." I found the absurdity of the situation appealing and so I readily agreed. I didn't know why, though, I qualified as a keynote speaker for such a club, so in case there was some kind of misunderstanding, I did state in my acceptance e-mail that while a fan of corduroy, I was no aficionado of the fabric. I also inquired as to why I had been selected and Mr. Rohan wrote back that he was a fan of my writing. I found this, on an ego level, to be a sufficient explanation. I did wonder what I might say to rally the appreciators of corduroy, but as the meeting was in the future, I put the whole thing out of my mind.

But then November 11 was nearly upon me and Mr. Rohan wanted to meet me beforehand to go over a few things. Since we are both Brooklyn residents, we set a rendezvous at Gorilla Coffee on Fifth Avenue in Park Slope. The club meeting was also to be held in Park Slope, at the venerable Montauk Club on Eighth Avenue.

I sat on a bench outside Gorilla, reading a paper, and suddenly standing before me was Mr. Rohan. He is a thirty-year old man of decent height, about six foot, with a foil head of curly brown hair. He was wearing corduroy pants (tan), jack-

Клуб ценителей вельвета

Софья Шишацкая. Перевод с английского

Несколько месяцев назад я получил письмо от Майлза Рогана, руководителя и основателя «Клуба ценителей вельвета»: он просил меня выступить на ежегодном собрании клуба 11 ноября. Как объяснил Роган, эта дата была выбрана, потому что она «больше всего похожа на вельвет». Мне понравилась абсурдность ситуации, поэтому я охотно согласился. Правда, я не очень понимал, почему меня пригласили в качестве основного выступающего, так что во избежание недоразумений я уточнил в своем ответном письме, что хоть сам я с удовольствием ношу одежду из вельвета, я все же не являюсь страстным любителем самой ткани. Я также поинтересовался, почему они выбрали именно меня, и Роган написал, что ему нравится мое творчество. Такой ответ пощекотал мое самолюбие и показался вполне приемлемым. Я задумался было, о чем бы я мог поговорить с любителями вельвета, чтобы их развеселить, но поскольку до собрания было еще далеко, я выбросил это из головы.

Но вот до 11 ноября оставалось совсем немного времени, и Роган предложил увидеться, чтобы обсудить несколько вопросов. Так как мы оба живем в Бруклине, мы договорились о встрече в кафе Gorilla Coffee на 5-й авеню в Парк Слоуп. Собрание клуба тоже должно было пройти в Парк Слоуп, в здании старого уважаемого клуба Montauk на 8-й авеню.

Я сидел на скамейке возле кафе и читал газету, когда передо мной вдруг возник Роган. На вид ему было лет 30, он был среднего роста, около метра восьмидесяти, с копной темных кудрявых волос. На нем были вельветовые брюки (шоколадные), вельвето-

et (darker tan), and tie (brown). His shirt was simple white cotton and his shoes were suede Wallabees. His eyes are a startling light green and he had a nervous but nearly mischievous smile, which is how I would characterize him in general — a bit nervous with a taste for mischief. Mischief of a certain, subtle kind, that is. Like starting a club with corduroy as its spiritual center.

We talked for quite some time on that bench. Naturally, I inquired how he came to create such a club, a club with 832 corduroy-loving members and with an international chapter opening in London. He explained to me that as a child he saw his older brother, by seven years, wearing corduroy, and he made an association with corduroy and "sophistication." He then wore some corduroy himself, but it "fell out of fashion in the eighties."

Then in 1999 Mr. Rohan was working in Bolivia at an English-language newspaper and in an orphanage. "It was in Bolivia that my interest in corduroy was reignited," he said. "When you drop clothing in Goodwill boxes, it ends up in places like Bolivia, being sold in stores, and there was so much corduroy and it was all so good, from the seventies, that I started buying it up, lots of it, and at first my friend Phil thought I was insane, he was also in Bolivia, but now he's opening the London chapter."

"What makes some corduroy 'good'?" I asked. "Well, some corduroy has polyester and that's not as good," he said.

How can you tell?" I asked. "Are my pants 'good'?" In honor of our meeting, I was wearing green corduroy pants.

вый пиджак (темно-шоколадный) и вельветовый галстук (коричневый). Рубашка — обычная белая, ботинки — замшевые Wallabees. Я отметил необычный цвет его глаз — светло-зеленый — и нервную и в то же время какую-то озорную улыбку. Да, так бы я его описал в двух словах: слегка нервный, склонный к озорству. К утонченному озорству. Как, например, создание клуба, духовным центром которого является вельвет.

Мы немного поговорили, сидя на скамейке. Я, конечно, спросил, как ему пришла в голову идея создать такой клуб, — а на тот момент в клубе насчитывалось 832 любителя вельвета, и намечалось открытие филиала в Лондоне. Он рассказал, что как-то в детстве увидел своего брата, который на 7 лет старше, в одежде из вельвета, и с тех пор вельвет стал у него ассоциироваться с «умудренностью опытом». Потом он стал сам носить вельветовые вещи, но «в 80-е он уже вышел из моды».

В 1999 году Роган работал в англоязычной газете и в приюте в Бولیви.

— В Бولیви возобновился мой интерес к вельвету, — сказал он, — Люди сдают одежду на благотворительные цели, а она попадает в Бولیвию и подобные страны, где ее продают в магазинах. В общем, там было столько вельвета, хорошего вельвета из 70-х, что я начал скупать его в огромных количествах. Мой друг Фил, который тоже был со мной в Бولیви, сначала думал, что я рехнулся, а теперь он открывает Лондонский филиал клуба.

— Что значит «хороший» вельвет? — спросил я.

— Ну, если в составе есть полиэстер, это уже не очень хороший вельвет, — ответил он.

— А как определить? — поинтересовался я. — Мои штаны хорошие? — По случаю нашей встречи я надел зеленые вельве-

"They look good," he said. "If there's polyester, I've been told, they make a funny smell if they catch on fire, but I don't think we should experiment on you."

"I agree," I said.

After returning from Bolivia in 2000, the idea of a corduroy club began to grow in Mr. Rohan's mind. "Initially, I just thought of having a corduroy party," he said, "but I also wanted to have a club, a social club. I like the idea of the Masons, the Elks, and secret societies, like Skull and Bones. My uncle, for example, is a Knight of Columbus. And I wondered why there weren't new clubs. And then I thought, why can't I have a club of my own?"

Mr. Rohan also intimated that at first he thought a corduroy club might be a good way to "meet girls." He did meet a girl, but not through his club, and now this girl was his wife of fourteen months, and Mr. Rohan told me that she was a bit worried about the money he was spending on the club — he worked as a digital archivist at Nickelodeon — and that his conversation was "limited to one topic." He also told me that she was very supportive and that she designed all the invitations, which were backed with corduroy, and the membership cards, which were also backed with corduroy.

I was glad to hear that his young marriage was not being completely torn apart by the club and then I asked, "And the point of a social club is to socialize?"

"I like to use the word 'fellowship,'" he said. "I went on a tour of the Masonic Temple on Twenty-third Street — for purposes of research — and I saw that they use the word 'fellowship' a lot and I liked that. It's all sort of silly, of course,

товые брюки.

— Выглядят неплохо, — сказал он, — Мне говорили, что если в состав ткани входит полиэстер, то при поджигании получается очень забавный запах, но я думаю, что мы не будем экспериментировать на вас.

— Пожалуй, — согласился я.

После возвращения из Боливии в 2000 году Роган стал все чаще задумываться о создании клуба любителей вельвета. «Сначала я просто хотел устроить вельветовую вечеринку, — сказал он, — но в то же время меня привлекала идея клуба по интересам. Мне всегда нравились масоны, «лоси», тайные общества вроде «Череп и костей». Мой дядя, например, «рыцарь Колумба». И я подумал: почему не появляются новые клубы? И почему бы мне не сделать свой?»

Как признался Роган, поначалу он надеялся, что в клубе можно будет «знакомиться с девушками». Он и правда познакомился с девушкой, хотя и не через клуб, и был уже больше года на ней женат; она слегка беспокоилась, что он тратит на клуб слишком много денег, — Роган работал архивариусом цифровых архивов в Nickelodeon — и что он «может говорить только на одну тему». Однако он поспешил добавить, что жена его очень поддерживала и даже сама придумала оформление для приглашений, обратная сторона которых была отделана вельветом, и для членских карточек — тоже с вельветом на обороте.

Я был рад слышать, что клуб не служит яблоком раздора для молодоженов, и спросил:

— А какова цель клуба — общение?

— Я предпочитаю слово «братство», — сказал он, — Из любопытства я сходил на экскурсию в масонский храм на 23-й

but it's also serious. People are coming from all over for the meeting and they enjoy it.”

The first meeting was held on November 11 (11/11), 2005, and the second meeting was held on January 11, 2006, since January 11 (1/11) is the date that, after November 11(11/11), most nearly resembles corduroy.

Before we parted, I asked Mr. Rohan what was it about my writing that made him think I would be a good keynote speaker, and he mentioned one of my novels where a character refers, early in the book, to a favorite corduroy jacket and this, naturally, caught Mr. Rohan's eye. "I was disappointed, though, that it didn't come back the rest of the book. I kept waiting," he said.

"Well, the action takes place in the summer, you know," I said, defending myself somewhat, and Mr. Rohan nodded sympathetically.

Eventually, we left Gorilla Coffee, and on this past November 11, I arrived at seven p.m. at the Mont-auk Club, which is a grand nineteenth-century Venetian-Gothic mansion that has been the seat of the Montauk Club for over a hundred years.

Corduroy club members were told to wear at least two pieces of corduroy for the occasion, and I was proudly sporting four — green pants, brown sport coat, freshly purchased tan corduroy shirt from L.L. Bean, and a green corduroy tie, given to me by Mr. Rohan. Mr. Rohan had a designer make twenty-five corduroy ties just for the occasion and they were going for twenty-five dollars each, but as keynote speaker I got mine for free.

улице и заметил, что они часто используют слово «братство», и мне это понравилось. Конечно, это немного глупо, но в то же время серьезно. К нам на собрания приходят совершенно разные люди и получают удовольствие от встреч.

Первое собрание клуба состоялось 11 ноября (11/11) 2005 года, а второе — 11 января 2006 года, потому что 11 января (11/1) по схожести с вельветом стоит на втором месте после 11 ноября (11/11).

Перед тем как попрощаться, я спросил у Рогана, что именно в моем творчестве навело его на мысль, будто из меня получится хороший основной выступающий. Он ответил, что в одном из моих романов есть герой, который в начале книги упоминает о своем любимом вельветовом пиджаке, и эта деталь, разумеется, не ускользнула от его внимания.

— Жаль, конечно, что потом об этом не было ни слова, а я ждал до самого конца книги, — сказал он.

— Ну, вообще-то дело происходит летом, — возразил я, как бы оправдываясь, и Роган понимающе кивнул.

Итак, наша встреча в кафе Gorilla Coffee закончилась, а 11 ноября в 7 вечера я приехал к зданию клуба Montauk, большому дому в венецианско-готическом стиле, где члены клуба Montauk собираются уже на протяжении более 100 лет.

Ценители вельвета должны были прийти на собрание, надев не менее двух предметов одежды из вельвета, а я в тот день мог похвастаться сразу четырьмя: зеленые брюки, коричневый пиджак, недавно купленная в L.L. Bean вельветовая рубашка светло-коричневого цвета и зеленый вельветовый галстук, подаренный мне Роганом. Он заказал у какого-то модельера 25 вельветовых галстуков специально для собрания, и они продавались по 25

There was a crowd of about two hundred people, an attractive group of mostly twenty- and thirtysomethings, all decked out, of course, in lots of corduroy. There was an open bar for an hour, music played, and on a movie screen there were flashing images of Gabe Kaplan, Tom Cruise, Robert Redford, and John Ritter, among others, wearing corduroy.

One member was stationed at the door of the party and took note of the kind of wale, which is the raised portion of corduroy, that people were wearing. The final results came in at 47 percent medium wale, 31 percent pin wale, 20 percent wide wale, and 2 percent variant wale, which is a type of corduroy that has both wide and medium wales.

At 8:11 p.m. the meeting began. Minutes were read by the club secretary from the last meeting, and then Mr. Rohan gave a rousing speech in which he held up the club mascot and symbol — a stuffed corduroy whale — and people gleefully chanted, "Hail the whale! Hail the whale!" which could also, naturally, be interpreted as "Hail the wale!" He spoke of starting to make plans for the November 11, 2011, meeting, which caused there to be more chants of "Hail the whale!" Then there was a vote on a secret club handshake — a handshake that is designed to simulate the sound corduroy makes when you walk. The handshake received the necessary votes, and I recalled that at Gorilla Mr. Rohan had told me of his fondness for the "zip-zip" sound that corduroy pants make, though I have never been aware of this sound myself, despite wearing corduroy for many years. Then there was a break for more drinking, and after the break I gave my speech. I took a somewhat easy route and read an old essay

долларов за штуку, но мне как основному выступающему галстук достался бесплатно.

В клубе собралось около двухсот людей — это были привлекательные двадцати- и тридцатилетние мужчины и женщины, конечно же, одетые с головы до ног в вельвет. В течение часа перед началом собрания работал бесплатный бар, играла музыка, а на экране мелькали изображения звезд в вельветовой одежде: Гейба Каплана, Тома Круза, Роберта Редфорда, Джона Риттера и других.

На входе в клуб стоял один из членов, который записывал виды рубчика — рельефной бороздки, отличающей вельвет от других материалов, — на одежде всех приглашенных. После подсчета получилось 47 процентов одежды с рубчиком средней ширины, 31 процент с узким рубчиком, 20 процентов с широким рубчиком и 2 процента со смешанным рубчиком — сочетанием широкого рубчика и рубчика средней длины.

В 20:11 собрание началось. Секретарь зачитал протокол предыдущего собрания, после чего Майлз Роган выступил с воодушевляющей речью, по окончании которой он поднял талисман и символ клуба — игрушечного кита из вельвета — и все стали радостно кричать: «Да здравствует кит! Да здравствует кит!», потому что неофициальным названием клуба было «Кавалеры изящной ткани», или сокращенно «КИТ». Роган рассказал о приготовлениях к 11 ноября 2011 года, что снова вызвало крики «Да здравствует кит!» Потом началось голосование по вопросу секретного рукопожатия для членов клуба — оно должно было имитировать звук, который издает вельвет при движении. Рукопожатие было утверждено необходимым количеством голосов, а я вспомнил, что во

of mine about an incident of adult incontinence, which I once suffered from. This essay has always been a crowd-pleaser, even for those who don't like bathroom humor, and for this occasion I merely had all the characters in the essay wearing corduroy, including my soiled self, and the crowd seemed to go for it.

After I spoke, Mr. Rohan's older brother, an art historian, gave a speech on "Corduroy in Art and Architecture", focusing in part on the architect Paul Rudolph, whose concrete, modernist buildings sometimes resemble corduroy. Then there were several other speeches and the night was getting rather long and the somewhat inebriated crowd began to thin, and eventually the meeting was over and people could resume just plain old drinking, which I think made them happy. Overall, in my opinion, the meeting was a great success and a complete delight and the goal of fellowship had been achieved. I thanked Mr. Rohan for having me, and then I walked home from Park Slope, happily stroking my new corduroy tie, and all the while I tried to hear the "zip-zip" of my pants, but, alas, I couldn't.

время встречи в кафе Роган рассказал мне, как ему нравится тихое шуршание, издаваемое вельветовыми брюками, а я раньше никогда даже не задумывался об этом, хотя и носил вельвет многие годы. Затем опять был перерыв, во время которого можно было выпить в баре, а после перерыва я выступил со своей речью. Я пошел путем наименьшего сопротивления и прочитал одно из своих старых эссе о недержании кала, которым одно время страдал. Это эссе всегда нравилось публике, даже тем, кто не в восторге от туалетного юмора, а по случаю собрания я просто одел в вельвет всех персонажей, включая и собственную обделавшуюся персону, и мне показалось, что слушатели это оценили.

После моего выступления старший брат Майлза Рогана, историк искусства, сделал доклад на тему «Вельвет в живописи и архитектуре», уделив особое внимание архитектору Полу Рудольфу, чьи модернистские здания из бетона иногда напоминают вельвет. Потом было еще несколько выступлений, но вечеринка уже начинала казаться затянутой, и подвыпившая толпа стала редеть; наконец, собрание завершилось, и присутствующие смогли продолжить просто пить, чему они, я думаю, были рады. В целом, по-моему, собрание удалось на славу и доставило всем удовольствие, а организаторам удалось создать атмосферу братства. Я поблагодарил Рогана за приглашение и отправился из Парк Слоуп домой пешком, довольно поглаживая свой вельветовый галстук; во время ходьбы я все старался услышать тихое шуршание своих вельветовых брюк, но, увы, так ничего и не услышал.

Old Andrey's Experience as a Musician

Thomas Hardy

'I was one of the quire-boys at that time, and we and the players were to appear at the manor-house as usual that Christmas week, to play and sing in the hall to the squire's people and visitors (among 'em being the archdeacon, Lord and Lady Baxby, and I don't know who); afterwards going, as we always did, to have a good supper in the servants' hall. Andrew knew this was the custom, and meeting us when we were starting to go, he said to us: "Lord, how I should like to join in that meal of beef, and turkey, and plum-pudding, and ale, that you happy ones be going to just now! One more or less will make no difference to the squire. I am too old to pass as a singing boy, and too bearded to pass as a singing girl; can ye lend me a fiddle, neighbours, that I may come with ye as a bandsman?"

'Well, we didn't like to be hard upon him, and lent him an old one, though Andrew knew no more of music than the Giant o' Cernel; and armed with the instrument he walked up to the squire's house with the others of us at the time appointed, and went in boldly, his fiddle under his arm. He made himself as natural as he could in opening the music-books and moving the candles to the best points for throwing light upon the notes; and all went well till we had played and sung. "While shepherds watch," and "Star, arise," and "Hark the glad sound." Then the squire's mother, a tall gruff old lady, who was much interested in church-music, said quite unexpectedly to Andrew: "My man, I see you don't

Музыкальный опыт старика Эндрю

Любовь Асташина. Перевод с английского

В то время я был одним из мальчиков-капеллан, и, как было принято, мы с музыкантами должны были явиться в имение в рождественскую неделю, чтобы в зале под аккомпанемент спеть для окружения сквайра и его гостей (среди них бывали архидьякон, лорд и леди Баксби, и я даже не знаю, кто ещё); затем, как всегда, проследовать в комнату для прислуги, чтобы насладиться праздничным ужином. Эндрю знал об этой традиции и, встретив нас, когда мы туда отправлялись, он произнёс: «О, Боже! Мне бы так хотелось присоединиться к этой трапезе с говядиной, и индейкой, и пудингом, и элем, к коей вы, счастливчики, прямо сейчас и направляетесь. Одним больше, одним меньше - сквайрам-то всё равно. Я же староват, чтоб сойти за мальчика из хора, и я слишком бородат, чтоб меня приняли за девочку-хористку - не могли бы вы, соседи, одолжить мне скрипку, чтоб я смог пойти туда с вами как музыкант из ансамбля?»

О-о! Мы не хотели с ним жестоко обходиться, и одолжили ему старый инструмент, хотя в музыке Эндрю понимал не больше, чем горный великан О'Сернел; и он, вооружённый инструментом, в назначенное время проследовал вместе с нами до господского дома и бесстрашно вошёл со скрипкой под мышкой. Раскрывая ноты и устанавливая свечи так, чтобы записи были лучше освещены, он держался настолько естественно, насколько мог; и всё шло хорошо, пока мы не заиграли и не запели: «Пока смотрит пастух...», и «Звезда, взойди!», и «Внимайте звуки радости!». Затем мать сквайра, высокая неприветливая старушка, которая увлекалась церковной музыкой, неожиданно обратилась

play your instrument with the rest. How is that?"

'Every one of the quire was ready to sink into the earth with concern at the fix Andrew was in. We could see that he had fallen into a cold sweat, and how he would get out of it we did not know.

' "I've had a misfortune, mem," he says, bowing as meek as a child. "Coming along the road I fell down and broke my bow."

' "O, I am sorry to hear that," says she. "Can't it be mended?"

' "O no, mem," says Andrew. " 'Twas broke all to splinters."

' "I'll see what I can do for you," says she.

'And then it seemed all over, and we played "Rejoice, ye drowsy mortals all," in D and two sharps. But no sooner had we got through it than she says to Andrew,

' "I've sent up into the attic, where we have some old musical instruments, and found a bow for you." And she hands the bow to poor wretched Andrew, who didn't even know which end to take hold of. "Now we shall have the full accompaniment," says she.

'Andrew's face looked as if it were made of rotten apple as he stood in the circle of players in front of his book; for if there was one person in the parish that everybody was afraid of, 'twas this hook-nosed old lady. However, by keeping a little behind the next man he managed to make pretence of beginning, sawing away with his bow without letting it touch the strings, so that it looked as if he were driving into the tune with heart and soul. 'Tis a question if he wouldn't

к Эндрю: «Душа моя, я вижу, Вы не играете на своём инструменте вместе с остальными. Как же так?»

Все хористы были готовы провалиться сквозь землю от осознания той коллизии, в которую попал Эндрю. Нам было видно, что холодный пот так и закапал с него, и как ему было справиться со всем этим, мы не знали.

«Со мной произошло злоключение, мем, - изрёк он, кланяясь так смиренно, как кланяется ребёнок. - По дороге к Вам я упал и сломал свой смычок».

«Ах, как жаль это слышать, - сказала она. - Разве починить его невозможно?»

«О-о, нет, мем, - ответил Эндрю, - он просто превратился в щепки».

«Сейчас посмотрим, что я смогу для Вас сделать, » - промолвила она.

И, казалось, всё закончилось, и мы сыграли «Возрадуйтесь, все дремлющие смертные» в Ре миноре. Но мы ещё и доиграть не успели, как она провозгласила: «Мой посыльный нашёл для Вас смычок на чердаке, где у нас хранятся некоторые старые инструменты». И она вручила смычок несчастному бедняге-Эндрю, который даже не представлял, с какой стороны его взять. «Теперь у нас будет полноценное музыкальное сопровождение, » — сказала она.

С лицом, напоминающим испорченное яблоко, Эндрю стоял в окружении музыкантов перед своими нотами: ведь если и был кто-либо в приходе, кого все боялись, так это та горбоносая старушенция.

Однако под лёгким прикрытием своего соседа, пиля смычком, но не давая ему касаться струн, ему удалось создать впечатление,

have got through all right if one of the squire's visitors (no other than the archdeacon) hadn't noticed that he held the fiddle upside down, the nut under his chin, and the tail-piece in his hand; and they began to crowd round him, thinking 'twas some new way of performing.

'This revealed everything; the squire's mother had Andrew turned out of the house as a vile impostor, and there was great interruption to the harmony of the proceedings, the squire declaring he should have notice to leave his cottage that day fortnight. However, when we got to the servants' hall there sat Andrew, who had been let in at the back door by the orders of the squire's wife, after being turned out at the front by the orders of the squire, and nothing more was heard about his leaving his cottage: But Andrew never performed in public as a musician after that night; and now he's dead and gone, poor man, as we all shall be!'

'I had quite forgotten the old choir, with their fiddles and bass-verbs, 'said the home-comer, musingly. Are they still going on the same as of old?'

'Bless the man!' said Christopher Twink, the master-thatcher; 'why they've been done away with these twenty year. A young teetotaler plays the organ in church now, and plays it very well; though 'tis not quite such good music as in old times, because the organ is one of them that go with a winch, and the young teetotaler says he can't always throw the proper feeling into the tune without well-nigh working his arms off.'

'Why did they make the change, then?'

'Well, partly because of fashion, partly because the old

что он вступает, и всё выглядело так, будто всем сердцем и душой он устремлялся за музыкальным потоком.

И это ещё вопрос, прошло бы всё благополучно или нет, если бы один из гостей сквайра (ни кто иной, как архидьякон) не заметил, что скрипку он держал вверх ногами: порожек под подбородком, а корпус в руке, все столпились вокруг него, думая, что это какой-то новый способ музицирования.

Так всё раскрылось, и матери сквайра пришлось выпроводить Эндрю из дома как подлого самозванца. Великий переполох нарушил гармонию церемонии, и сквайр обнародовал уведомление об отлучении его от прихода без промедления. Однако, когда мы оказались в комнате для прислуги, там сидел Эндрю, которого впустили через заднюю дверь по указанию жены сквайра, после того, как его выгнали через главный вход по указанию сквайра, а потом не было ни слуху, ни духу об отъезде Эндрю. Но после этого вечера Эндрю никогда больше не участвовал в публичном представлении как музыкант; а теперь он уж умер, и нет его, бедняги, что и нас всех ждёт.

«Я чуть не забыл о старом хоре со всеми его скрипками и басами, - проговорил посетитель задумчиво. - Продолжают ли они своё дело, как в старые добрые времена?»

«Да воздастся Всевышнему, - произнёс мастер-кровельщик Кристофер Твинк. - Неужто уже двадцатый год, как с ними всё кончено? Юный трезвенник теперь играет на органе в церкви, и играет он очень хорошо. Хотя эта музыка не так уж и хороша, как в старые добрые времена, потому что орган — один из тех, что запускают с помощью регистра, а сам юный трезвенник сказал, что не всегда может добиться должного звучания без донастройки вручную»

musicians got into a sort of scrape. A terrible scrape 'twas too – wasn't it, John? I shall never forget it – never! They lost their character as officers of the church as complete as if they'd never had any character at all.'

'That was very bad for them.'

'Yes.' The master-thatcher attentively regarded past times as if they lay about a mile off, and went on.

«И зачем же нужна была замена в таком случае?»

«Ох, частично для фасона, а частично, потому что старые музыканты попадали в подобного рода неприятности. Ужасные неприятности. Это было та-ак...! Не так ли, Джон? Никогда этого не забуду, никогда! Они утратили свой облик служителей церкви так, как если бы у них вообще не было никакого облика».

«Но как же это было скверно для них!»

«Да,» — сказал мастер-кровельщик, трепетно вспоминая о старых добрых временах, как будто они находились лишь в миле отсюда, и продолжил сетовать.

Оригинал: Phase in Space

Paul O'Neill

Phase was lost. There was no question about it. At first, the jungle had seemed a nice enough place - full of interesting birds and animals, and lots of smokeable looking plants growing all around.

Now, four days later, the plants had all been too damp to light, the birds kept him awake at night and Phase had yet to encounter an animal which did not try to attack him. Scratch that. He had yet to encounter an animal which did not succeed in attacking him.

Now he was lost in an uninhabited, alien jungle on a far away planet in a completely parallel universe and those drums were driving him insane.

The impossibility of drumming in an uninhabited jungle hit him about the same time as the spear-butt from out of the bushes to his left.

He awoke to find himself sat in a clearing surrounded by about four dozen young women wearing the sort of fur bikini that would have made Raquel Welch give up and go home.

He very carefully didn't pinch himself in case he was dreaming.

"Hello," he said, still quite dazed from the attack.

Several of the younger ones (aged around 18) took flight across the clearing towards the mud huts that surrounded it. "My God!" he thought "They look almost as good from that angle as they do from this"

Квант во Вселенной

Иван Борщевский. Перевод с английского

Квант* потерялся. В этом можно было не сомневаться! На первый взгляд, в джунглях было не так уж и плохо: полно интересных животных и птиц, множество растений, из которых можно было бы развести костер.

Теперь же, через четыре дня, оказалось, что растения слишком сырые и не горят, птицы мешают спать по ночам, а животные — нет ни одного, которое не попыталось бы напасть на него. Черт их подери! И во всех стычках с животными победа была не Квантом.

Он затерялся в необитаемых, неземных джунглях на далекой планете, где-то в параллельной вселенной, да еще и этот бой барабанов сводил его с ума.

И тут ему в голову стукнуло, что в необитаемых джунглях барабанов быть не может. Но стукнула ему в голову не только мысль — практически одновременно из кустов слева от него в голову ему стукнуло древко копья.

Он очнулся на поляне в окружении четырех десятков девушек. На них было что-то вроде бикини из шкур животных. Увидев их, Наоми Кэмпбелл** была бы вынуждена уйти на пенсию.

А вдруг это сон? Он постарался никоим образом себя не ущипнуть.

— Здравствуйте, — сказал он, весьма ошеломленный нападением.

Несколько девушек помоложе (лет этак восемнадцать) перелетели через поляну к глиняным хижинам, стоявшим вокруг. "Боже мой, — подумал он, — с этого ракурса они почти так же прекрасны!"

---

* Назвав рассказ "Phase in Space", автор обыгрывает физический термин "Phase space", фазовое пространство. В переводе обыгрывается другой термин — «квантовая вселенная».

** Увы, в десятых годах 21 века мало кто вспомнит секс-символа 70-х годов века двадцатого Ракель Уэлч. Подмена фамилии в переводе с этой точки зрения кажется оправданной.

The eldest woman there (23ish) looked him up and down.

"You are male?" She asked.

"You can't tell?" he replied, trying to keep the tremor out of his voice.

"All our men were killed several years ago in a bizarre accident involving a herd of Tortoise. Don't ask. We have spent the last few years searching the jungle for more men to help with the whole 'having children' thing."

Phase quietly resolved never to pinch himself again for as long as this lasted, just in case.

"So, when do I start?"

"Right away, if you like," said the tall brunette to his left.

Phase rubbed his hands with glee.

"The children are over here." Said a redhead.

Phase was confused. "Children?"

"Yes," informed a blonde, "We have more than enough men for the first bit. This jungle was full of tribes whose males were only too willing to volunteer. But we're much too busy having sex to raise the children ourselves, so any other men are assigned the task of looking after them."

The first girl took his arm. "Don't worry, the rest of your life will just fly by if you concentrate on changing nappies and not trying to escape in any way." She looked puzzled. "Why are you pinching yourself like that?"

Старшая из девушек (которой было года 23) оглядела его с ног до головы.

— Ты самец? — спросила она.

— А что, не видно? — ответил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Несколько лет назад, при странных обстоятельствах, в которых каким-то образом было замешано стадо черепах, все наши мужчины погибли. Не спрашивай, как это было! Последние несколько лет мы ищем мужчин в джунглях, чтобы, что называется, помочь нам с детьми.

Квант мысленно дал клятву никогда не щипать себя, так, на всякий случай.

— Итак, когда приступать?

— Прямо сейчас, если пожелаете, — ответила брюнетка слева от него.

Он потер руки в предвкушении.

— Дети здесь, — сказала рыжеволосая.

Квант растерялся.

— Дети?

— Да, — сообщила блондинка. — Мужчин, участвующих в, так сказать, первом этапе, более чем достаточно. В джунглях полно племен, чьи мужчины с большим удовольствием вызвались помочь нам. Но мы так заняты размножением, что у нас совсем не остается времени на воспитание детей. Вот почему нам нужны еще мужчины, чтобы выполнять эту обязанность.

Первая девушка взяла его за руку:

— Не переживай! Остаток твоей жизни пролетит незаметно, если ты сосредоточишься на смене подгузников и не попытаешься сбежать.

— Зачем вы так щиплете себя? — озадаченно спросила она.

むかし夕日の公園で

乙一

小学生の時、近所にこじんまりとした公園があった。高い建物に囲まれており、夕方になると車の音や人のざわめきは消え去る。あとは静かな空間に、だれかの忘れた子供用の小さな靴がひちつこころがっているだけになるような公園だった。

夕飯の時間になっていっしょに遊んでいた友達が家に帰っても、僕は両親が帰ってくるまで公園で時間をつぶしていなければいけなかった。

一人でブランコをこぐのにあきると、まるで何かから呼ばれたように僕は砂場で遊んだ。その公園の隅には砂場があった。しかし普段、子供たちはブランコや滑り台に夢中で、その一画はいつも忘れられていた。

建物と建物の間から差し込む太陽が音もなく世界を赤くにじませる夕方、話し相手もなく砂場で遊んだ。だれが置いていったのかわからないプラスチックの黄色いバケツがあった。靴を脱いで自分の足に砂をのせていく。砂はひやりとして、小さな粒が足の指の隙間に入り込んでいくのが心地よかった。

砂の中に深く手をつっこむという遊びもした。地中のどこまでが砂のだろうかと、確かめたくなったのだ。

砂の中に腕を垂直に差し込むと、どこまでも深くもぐりこみ、最後には肩まで入るのではないか。このことを父に言ったとき、「砂場にも底はあるんだから、そんなはずがあるか」と信じてくれなかった。

父は間違っていると思った。現に、砂場の中に腕をどこまでも入るのだ。僕は何度も砂場の中に腕を差し込んで

Давным-давно в вечернем парке

АВ. Перевод с японского

Когда я еще ходил в начальную школу, у нас в районе был маленький уютный парк. Он был окружен высокими домами, и с наступлением вечера здесь затихал шум машин и смолкал людской гомон. Парк погружался в тишину, и только забытый кем-то детский башмачок напоминал о дневной жизни.

В тот раз уже наступило время ужина, и друзья, с которыми я играл, разбежались по домам, я же остался убивать время в ожидании родителей.

Вдоволь накачавшись в одиночестве на качелях, я, будто что-то позвало меня, пошел играть в песочнице, которая была устроена в углу парка. Обычно дети до упоминания заигрывались на качелях и на горке, а про этот кусочек земли забывали.

В просветы между домами не проникали солнечные лучи, и не доносилось ни звука; всё вокруг было окрашено в красный предзакатный цвет. Поговорить мне было не с кем, и я играл в песочнице один. Тут же валялось неизвестно кем оставленное желтое пластиковое ведро. Сняв обувь, я стал посыпать ноги песком. Он был прохладный, и было приятно ощущать, как песчинки проникают между пальцами.

А еще была у меня такая игра - погружать руку в песок глубоко-глубоко. Я всё хотел понять, где же он кончается.

Если засунуть руку вертикально, до упора, получится ли опустить ее туда по самое плечо? Когда я рассказывал об этом отцу, он мне не верил. «У песочницы же есть дно, как такое может быть?» - говорил он.

それを確かめた。

それは何回目のことだったかすでに忘れてしまった。公園の隅に生えている木が夕日のために真っ黒な影絵のように見える時間、僕は右腕を砂の中に肩まで差し込んでいた。指先に何かの当たる感触がした。

砂の中に何か埋まっているようだった。それはやわらかくて、冷たかった。僕はそれが何なのかを確かめようと、懸命に腕を砂場の奥底へ伸ばした。中指の先端がかろうじて触れるほど深いところに、ふっくらとして弾力のあるものがあった。つかんで引き上げたかったが、なかなか届かない。そのかわい、砂の中で指に何か絡みつくのを感じた。腕を引き抜いて確認すると、それは長い髪の毛だった。指に何本も絡みついていて、砂で汚れて傷んでいたが、それは女の子の髪の毛であるように思えた。

僕は再度、砂の中に腕を入れて、中に埋まっているものに触れようとした。しきし今度はいくら深く腕を入れても指先は何も見つけれられない。僕は残念な気持ちになった。

赤い視界の中、公園のまわりを囲む高い建物は、どれも窓を閉め切っていて、巨大な壁のように僕とその砂場を切り取っていた。

不意に、砂の中へ入れていた右手に何かがつんと触れた触れた気がした。魚くちの先端でつついたような、小さな感触だった。

その直後に、手首をつかまれた。強い力だった。ぎりぎり、手首がしめつけられる。腕を引き抜こうとしたが、右手は固定されたように動かなかった。周囲にはだれもおらず、助けを呼んでも、声はただ建物に囲まれた公園に反響するだけだった。

Я был уверен, что отец ошибается. На самом-то деле руку в песок до упора засунуть можно. И я не раз в этом убедился.

Уже и забыл, на который именно раз это было. Сумерки, казалось, уже поглотили растущие в этом углу парка деревья, оставив лишь угольно-черные силуэты, когда я ковырялся в песке правой рукой, погруженной до самого плеча. Кончиками пальцев я почувствовал, что на что-то наткнулся.

Будто что-то было зарыто в песок. Что-то мягкое и холодное. Пытаясь понять, что же это такое, я вытянул руку еще сильнее, чтобы достать как можно глубже. На самой глубине, куда я еле-еле мог дотянуться кончиком среднего пальца, мне удалось нащупать что-то пушистое и эластичное. Я хотел схватить и вытащить это на поверхность, но ничего у меня не вышло. Тем не менее, было у меня ощущение, словно что-то намоталось мне на пальцы.

Вытащив руку, чтобы изучить свою находку, я увидел длинные волосы. Несколько прядей обвилось вокруг пальцев. Они были все в песке и довольно поврежденные, однако мне показалось, что это волосы девочки.

Я снова сунул руку в песок, чтобы все-таки попытаться наощупь понять, что там закопано, но на этот раз, как бы глубоко я руку ни опускал, больше ничего нащупать мне не удалось. Я очень расстроился.

Красный свет залил всё вокруг; окна домов, окружавших парк со всех сторон, были закрыты, и казалось, что вокруг меня и песочницы выросла высоченная стена, отрезавшая нас от остального мира.

Вдруг в правой руке, все еще погруженной в песок, воз-

砂の中で握り締めていた僕のこうしが、何かの力で無理やり広げさせられた。手のひらに、小さなだれかの指先の感触がした。手のひらに、どうやら文字を書いているらしいと僕は気づいた。

「ここからだして」

砂の中にいるだれかは、僕の手のひらにそう書いた。僕は、地上にあった左腕を砂場の奥深くに差し込み、右手首をつかんでいるだれかの手の甲に指先で文字を書いた。

「だめ」

砂の中のだれかは残念そうに僕の右手首をはなした。僕は両腕を砂場から引き抜いて家に帰った。それ以来、砂場には近寄らなかった。公園が壊されてマンションになる時、砂場の様子見にいったが、中に何か埋まるような深さはなかった。

никло странное ощущение, как будто слегка, еле-еле заметно, ее поклевывает рыба.

В следующий миг что-то ухватило меня за запястье с такой силой, что оно оказалось накрепко зажато. Я попытался освободиться, но правая рука будто онемела и не слушалась. Вокруг не было ни души, а на крики о помощи отзывалось лишь эхо от окружавших парк зданий.

Мой кулак, плененный в песке, помимо моей воли, подчиняясь неведомо чьим усилиям, стал вдруг разжиматься. Я почувствовал, как кто-то едва заметно водит кончиками пальцев мне по ладони. Казалось, он выписывает на моей ладони буквы.

«Вытащи меня отсюда», -

написал мне на руке тот, кто был в песке. Левую руку, которая была на поверхности, я опустил в песок и на тыльной стороне кисти, державшей мой правый кулак, кончиком пальца написал:

«Не могу».

Тогда он печально отпустил меня. Вытащив обе руки из песка, я поспешил домой. С тех пор я к этой песочнице не приближался. Через некоторое время, когда парк сровняли с землей, чтобы на его месте построить многоэтажный дом, я сходил посмотреть, что стало с песочницей, но никакой глубины, где кто-то мог быть захоронен, я там не обнаружил.

Мой дурнаваты старэйшы брат

Юры Станкевіч

«І вось я тут сяджу ўжо паўгадзіны. Тут – гэта ў райаддзеле міліцыі. У памяшканні пуста, лаўка, стол, часам нехта заходзіць, потым выходзіць, і ўсё – моўчкі. Псіхалагічна ціснучь ці як? А можа ім няма калі? Хоць казалі чакаць следчага. Хіба ўстаць і пайсці? Цікава: спыняць ці не? Пэўна, спыняць – павінен жа нехта сачыць, а што калі я які псіх: здыму дзяду ды засілюся, ха-ха... Але ж, не да смеху.

Не патрэбны быў мне яе мабільнік! У тым та і справа, што не. Дый у мяне і свой ёсць, навошта мне два? Але, хіба мне павераць? Тут нікому не вераць... Тым больш, тая сцэрва накатала на мяне заяву. Быццам я напаў на яе з мэтай абрабавання, ударыў і выбіў мабільны тэлефон. Ну і сцэрва... Але, што я скажу следчаму, калі я сапраўды выбіў у яе тую мабільку? Няхай спытае – навошта я гэта зрабіў. А ён спытае?

Але па парадку. Я яму так і скажу: выслухайце па-парадку, пастарайцеся зразумець. Хіба я – вінаваты?

Дык вось, вінаваты мой старэйшы брат. Вядома, ускосна. А ўсё – тая сцэрва, вось дзе асноўная прычына. А брат – ідыёт. Не, ён не ідыёт, але ж пэўна, сапраўды дурнаваты, што запаў на тую сучку. Так, я адказваю за свае словы. Усё пачалося год таму. Брат старэйшы за мяне на тры гады і заканчвае школу. Толькі вось як ён яе скончыць і куды паступіць, калі зусім кінуў вучыцца? З-за яе. Усё з-за яе. Яна – гэта Ксенія, яго аднакласніца, якая год таму прыехала аднекуль разам з бацькамі, вядома. Што за імя, дарэчы? Ніякай арыгінальнасці. Калі дачка – то Ксюша, а калі сын – то Кірыл. Бачыў я яе

Мой придурковатый старший брат

Константин Кучер. Перевод с белорусского

«И вот я уже полчаса здесь сижу. Здесь – это в райотделе милиции. В помещении пусто – скамейка, стол, иногда кто-то заходит, потом выходит, и все – молча. Психологически прессуют или как? А может им некогда? Хотя сказали – «ждать следователя». Может, встать и уйти? Интересно: остановят? Нет?

Наверное, остановят – должен же кто-то следить, а что, если я какой псих, – сниму ремень, да повешусь, ха-ха ... Но, не до смеха.

Да не нужен был мне ее мобильник! В том-то и дело, что нет. Да у меня и свой есть, зачем мне два? Но, разве мне поверят? Здесь никому не верят ... Тем более, та стерва накатала на меня заявление.

Как будто я напал на нее с целью ограбить, ударил и выбил мобильный телефон. Ну и стерва ... Правда, что я скажу следователю, если я действительно выбил у нее ту мобилу? Пусть спросит – зачем я это сделал? А он спросит?

Но по порядку. Я ему так и скажу: выслушайте по порядку, постарайтесь понять. Разве я – виноват?

Так вот, виноват мой старший брат. Конечно, косвенно. А все – та стерва, вот где основная причина. А брат – идиот. Нет, он не идиот, но ведь верно, точно придурковатый, что запал на ту сучку. Да, я отвечаю за свои слова. Все началось год назад. Брат старше меня на три года и заканчивает школу. Только вот как он ее закончит и куда поступит, если совсем бросил учиться? Из-за нее. Все из-за нее. Она – это Ксения,

бацьку, дарэчы. Падвозіў дачку ў школу на шыкоўнай іншамарцы. Нешта акабанелае за рулём. І з твару – сапраўдная свіння, ха-ха... прадпрымальнік, бач ты... Дом купілі, краму адчынілі... Не зайздросчу, не... проста ведаю такіх – думаюць, што будуць жыць... заўсёды, вось і хапаюць дзе спрыяе... Ну а сама Ксенія – яшчэ тая птушка. Праўда, з твару прыгожая, нічога не скажаш, і ўсё астатняе, як мае быць, у балетную школу яе быццам аддавалі... Але з натуры... Урэшце, мяркуюце самі.

Брат мой старэйшы на яе і запаў. Кішэнным для яе зрабіўся, няйкакш. Усе яе сцеровыя заданні і даручэнні, усе выдвары пачаў выконваць. Першае каханне, бач ты... Пра гэта я ў нейкай кніжцы па псіхпаталогіі сярод падлеткаў вычытаў. Быццам яно вельмі моцнае, і кранаць яго нельга, і можа скончыцца неяк не так, небяспечна...

Ну вось брат мой, які быў лепшым вучнем у класе, на залаты медаль цягнуў, кніжак не адзін мех перачытаў, а стаў быццам ад таго кахання дурнаваты. Кніжачкі ўсё, кніжачкі... Вось я, напрыклад. Я жыву проста: вучоба, спартзала, адпачынак. Між іншым, чэмпіён горада па дзю-до ў сваім узросце. Мяне голымі рукамі так, мімаходзь, не возьмеш і прыгожанькім тварыкам не купіш... Так. Але пры чым тут гэта? Следчаму я што скажу? Яму трэба дакладна, з доказамі. А дзе тыя доказы? Сведка ў мяне адзін – брат, але ён супраць яе не пойдзе, не...

Але ж зноў па-парадку.

З вокнаў нашай школы труба гарадской кацельні добра бачная. Не адзін дзесятак метраў у вышыню. На самым версе – чырвона-белая разметка, а ноччу ліхтар гарыць – гэта,

его одноклассница, которая с год назад приехала откуда-то. Вместе с родителями, конечно. Что за имя, кстати? Никакой оригинальности. Если дочь – то Ксюша, а если сын – то Кирилл. Видел я ее отца, кстати. Подвозил дочь в школу на шикарной иномарке. Что-то окабанелое за рулем. И с лица – настоящая свинья, ха-ха... предприниматель, посмотри только... Дом купили, магазин открыли... Да нет, не завидую, нет... просто, знаю таких – думают, что будут жить ... вечно, вот и хватают где только можно ... Ну а сама Ксения – еще та птичка. Правда, с лица хороша, ничего не скажешь, и все остальное, как положено, в балетную школу ее будто отдавали ... Но характер у неё ... Со временем и сами поймете.

Брат мой старший на нее и запал. Карманным для нее стал, не иначе. Все ее стержневые задания и поручения, все причуды начал исполнять. Первая любовь, понимаешь ли ... Об этом я в какой-то книжке по психопатологии среди подростков вычитал. Будто оно, чувство это, очень сильное, и трогать его нельзя, и может закончиться как-то не так, опасно ...

Ну, вот брат мой, – был лучшим учеником в классе, на золотую медаль шел, книжек тех – не один мешок перечитал, а от той любви стал полным придурком. Книжки все, книжечки ... Вот я, например. Живу просто: учеба, спортзал, отдых. Между прочим, чемпион города по дзюдо в своем возрасте. Меня голыми руками так, между прочим, не возьмешь и хорошеньким личиком не купишь ... Да. Но при чем тут это? Следовательно я что скажу? Ему надо четко, с доказательствами.

А где те доказательства? Свидетель у меня один – брат, но он против нее не пойдет, нет...

Но опять, по порядку.

пэўна, каб які самалёт не ўрэзаўся. Якраз апоўдні, пасля заняткаў я ўбачыў свайго брата і Ксенію. Ён яе часта праваджаў, ранец нёс, марозіва купляў... На гэты раз яны ішлі ў іншы бок, якраз у напрамку той трубы. Я чамусьці зацікавіўся і неўпрыкмет следам пакрочыў. І, як аказалася, не дарэмна.

Яны ўрэшце спыніліся, спыніўся і я за клёнам. Што, мяркую, удумала тая Ксюша? І бачу: брат мой кінуў на зямлю сваю сумку і... да трубы. Праз плот бетонны пералез. Няўжо, думаю, на яе палезе? Ён жа і на балкон амаль не выходзіць – боязь вышыні. Але ж самае горшае і спраўдзілася. Бачу – палез. Поручні жалезныя на самы верх вядуць. Хацеў я выбегчы са сваёй схованкі, крыкнуць яму, каб не лез далей, уніз спускаўся, але падумаў – дарэмна ўсё. Пасунуўся я бліжэй да той сцэрвы і бачу: яна мабільнік свой выцягнула і пальцам пстрыкае. А брат, між тым, да першай пляцоўкі далез – стаў там і ўніз глядзіць, потым таксама мабільнік у яго руцэ з’явіўся. Памаліўся я за яго ў думках, а сам вушы наструніў – слухаю.

-- Дык ты мяне сапраўды кахаш? – гэта Ксюша яго пытае.

Паўза.

-- А як моцна? – зноў яна.

Паўза.

-- Тады вышэй узнімайся. Ці -- слабо?

Ну і сцэрва, думаю, а сам у вышыню гляджу. Брат сваю мабілу схаваў і далей палез. Час так марудна пацягнуўся. Урэшце, бачу, ён апошняй пляцоўкі дасягнуў і апынуўся высока-высока, у самых аблоках. Не пазайздросціў я яму, і хоць вышыні не баюся, а там бы, пэўна, сам ледзь не спруцянеў. Ну, думаю, пара спускацца. Аж – не. Ён у кішэню руку

Из окон нашей школы труба городской котельной хорошо видна. Не один десяток метров в высоту. На самом верш — красно-белая разметка, а ночью фонарь горит — это, наверное, чтобы какой самолет не врезался. Как раз в полдень, после занятий я увидел своего брата и Ксеню. Он ее часто провожал, ранец нес, мороженое покупал ... На этот раз они шли в другую сторону, как раз по направлению к той трубе. Я почему-то заинтересовался и незаметно пошел за ними следом. И, как оказалось, не напрасно.

Они, наконец, остановились. Остановился и я за кленом. Что, думаю, надумала та Ксюша? И вижу: брат мой бросил на землю свою сумку и ... к трубе. Через забор бетонный перелез. Неужели, думаю, на нее полезет? Он же и на балкон почти не выходит — высоты боится. Но самое худшее и случилось. Вижу — полез. Железные поручни — на самый верх ведут. Хотел я выбежать из своего укрытия, крикнуть ему, чтобы не лез дальше, вниз спускался, но подумал — зря все. Подвинулся я ближе к той стержню и вижу: она мобильник свой вытасила и пальцем щелкает. А брат, между тем, до первой площадки добрался — стал там и вниз смотрит, потом тоже мобильник в его руке появился. Помолился я за него в мыслях, а сам — уши на макушке — слушаю.

— Так ты меня в самом деле, любишь? — это Ксюша его спрашивает.

Пауза.

— А как сильно? — снова она.

Пауза.

— Тогда выше поднимайся. Или — слабо?

Ну и стержню, думаю, а сам вверх гляжу. Брат свою мобилу

сунуў. Выцягнуў нешта (крэйду, як я здагадаўся) і пачаў на трубе выводзіць. Слова якое – вы і самі б здагадаліся: “КСЮША”.

Доўга ён там крэмзаў, пакуль усё не напісаў. Я ўвесь у напрузе: што далей адбудзецца, як ён на зямлю спусціцца? Аж зноў – не.

Гэта Ксенія зноў свой мабільнік ля вуха прыстасавала. Я яшчэ бліжэй прасунуўся, і раптам чую такое, што мне не на жарт вусцішна стала.

-- А даказаць як моцна мяне кахаеш, ты здолееш?

Паўза. Брат у сваю чаргу па мабіле нешта ёй адказвае. Вядома, што.

-- І ўніз скочыш, калі загадаю?

Паўза. Я знерухомеў. У горле ў мяне перасохла, я хацеў крыкнуць, але голас прапаў.

-- Праўда, скочыш?

Я зірнуў уверх і ўбачыў на самым краі пляцоўкі маленькую і адзінокую постаць свайго старэйшага брата. Адной рукой ён трымаўся за поручні, а другой сціскаў ля твару мабільнік. Д’ябла! Гэтая сцэрва Ксюша аж трымцела ад адчужаньня сваёй улады над ім. Тварык яе пайшоў чырвонымі плямамі, чорныя вочы гарэлі.

Паўза. Яна слухала адказ.

-- Тады..., тады... .

І тут я не вытрымаў. А хто б на маім месцы стрымаўся, скажыце мне, га? Я рынуў наперад і з ходу заехаў ёй у вуха, выбіўшы з рукі мабільнік. Так, я не хацеў яе збіваць і тым больш пляваць мне на яе мабілу, але што іншае я мог зрабіць у тое выключна жahlівае імгненне? Усё ж вісела на валаску.

спрытал і далейше полез. Время медленно так тянется. Наконец, вижу, он до последней площадки добрался и оказался высоко-высоко, в самых облаках. Не позавидовал я ему, и хотя высоты не боюсь, но там, наверное, и сам окошел бы. Ну, думаю, пора спускаться. Ан – нет. Он в карман руку сунул. Вытащил что-то (мел, как я догадался) и стал на трубе выводить. Слово какое – вы и сами бы догадались: "КСЮША". Долго он там чертил, пока все не написал. Я весь в напряжении: что дальше-то будет, как он на землю спустится? Но снова – нет.

Эта Ксения опять свой мобильник к уху поднесла. Я еще ближе подвинулся, и вдруг слышу такое, что мне не на шутку жутко стало.

– А доказать как сильно меня любишь, сможешь?

Пауза.

Брат, в свою очередь, что-то ей по мобиле отвечает. Известно, что...

– И вниз прыгнешь, если прикажу?

Пауза. Я окаменел. В горле у меня пересохло, я хотел крикнуть, но голос пропал.

– Правда, прыгнешь?

Я глянул вверх и увидел на самом краю площадки маленькую и одинокую фигурку своего старшего брата. Одной рукой он держался за поручень, другой сжимал поднесенный к лицу мобильник. Дьявол! Эту стерву Ксюшу аж трясло от ощущения своей власти над ним. Личико ее пошло красными пятнами, черные глаза горели.

Пауза. Она слушала ответ.

– Тогда ..., тогда ... .

Скажи яна брату – скачы, -- і ён бы скочыў, я яго характар ведаю.

Вось так усё і здарылася. Цяпер на мяне ў камісіі па справах непаўнагадовых справу завялі – пэўна, не без яе акабанелага бацькі адбылося, і вось, дастаўлены пад прымусам, сяджу тут, чакаю следчага. Час бяжыць... Але я спакойны, бо маю рацыю. Хіба не так?

...Ага, вось і следчы. Так, кліча мяне ў кабінет. Следчы – жанчына. Гэта нечакана і непажадана. На пагонах – тры зорачкі. Мае справы, як я разумею, цяпер зусім дрэнь. Хіба яна мне паверыць? Яны ж, пэўна, усе заадно. Усё-такі, паверыць ці не?..

И тут я не выдержал. А кто бы на моём месте сдержался, скажите мне, а? Я кинулся вперед и с ходу заехал ей в ухо, выбив из рук мобильник. Да не хотел я ее избивать и, тем более, – плевать мне на ее мобилу, но что другое я мог сделать в той исключительно жуткой ситуации? Все же на волоске висело. Скажи она брату – «прыгай», – и он бы прыгнул, я его характер знаю.

Вот так все и случилось. Сейчас на меня в комиссии по делам несовершеннолетних дело завели – наверное, не без участия ее окабанелого папочки, и вот, принудительно доставлен, чуть ли не под конвоем, сижу здесь, жду следователя. Время бежит ... Но я спокоен, потому что прав. Разве не так?

... Ага, вот и следователь. Зовет меня в кабинет. Следователь – женщина. Это неожиданно. И – нежелательно. На погонах – три звездочки. Мои дела, я так понимаю, сейчас – совсем дрэнь. Разве она мне поверит? Они же, наверное, все – заодно.

И все-таки... Поверит? Или нет?!»

Sylvie and Bruno

Lewis Carroll

Chapter 1.

LESS BREAD! MORE TAXES!

--and then all the people cheered again, and one man, who was more excited than the rest, flung his hat high into the air, and shouted (as well as I could make out) "Who roar for the Sub-Warden?"

Everybody roared, but whether it was for the Sub-Warden, or not, did not clearly appear: some were shouting "Bread!" and some "Taxes!", but no one seemed to know what it was they really wanted.

All this I saw from the open window of the Warden's breakfast-saloon, looking across the shoulder of the Lord Chancellor, who had sprung to his feet the moment the shouting began, almost as if he had been expecting it, and had rushed to the window which commanded the best view of the market-place.

"What can it all mean?" he kept repeating to himself, as, with his hands clasped behind him, and his gown floating in the air, he paced rapidly up and down the room. "I never heard such shouting before -- and at this time of the morning, too! And with such unanimity! Doesn't it strike you as very remarkable?"

I represented, modestly, that to my ears it appeared that they were shouting for different things, but the Chancellor would not listen to my suggestion for a moment. "They all shout the same words, I assure you!" he said: then, leaning well out of the window, he whispered to a man who was standing

Сильвия и Бруно

Андрей Москотельников. Перевод с английского

Глава I

МЕНЬШЕ ХЛЕБА! БОЛЬШЕ ПОШЛИН!

...а затем все эти люди завопили вновь, причём один, возбуждённый больше прочих, запустил свою шляпу высоко в воздух да выкрикнул (если я расслышал его верно):

— Кто это орёт за Под-Правителя?

Да все орали, но за Под-Правителя или за кого-то другого, разобрать было мудрено; некоторые выкрикивали: «Хлеба!», другие: «Пошлин!» — но никто, казалось, не знал точно, чего же все они на самом деле хотят.

Это буйное скопище я увидел из столовой губернаторского дворца, выглянув в раскрытое окно через плечо Лорда-Канцлера, который вскочил на ноги тотчас, как послышались первые крики, словно бы он уже ждал их, и бросился к тому окну, из которого открывался наилучший обзор рыночной площади.

— Как это всё понимать? — то и дело вопрошал он, ни к кому не обращаясь, пока, сцепив руки за спиной, в развевающейся мантии скорым шагом мерил комнату. — Таких громких криков я ещё не слыхивал — тем более в этом часу утра! Да ещё с подобным единодушием! Вот вы — не находите это весьма необыкновенным?

Я сдержанно отвечал — мол, на мой взгляд, требования у людей разные; но Канцлер только руками на меня замахал.

— Да ведь слова-то одинаковые, уверяю вас! — выпалил он, после чего, основательно высунувшись из окна, прошептал какому-то человеку, скрытно стоящему снаружи: — Пусть-ка собьются потеснее. Правитель вот-вот войдёт сюда. Дайте им знак начать движение строем.

close underneath, "Keep'em together, ca'n't you? The Warden will be here directly. Give'em the signal for the march up!"

All this was evidently not meant for my ears, but I could scarcely help hearing it, considering that my chin was almost on the Chancellor's shoulder.

The 'march up' was a very curious sight:

a straggling procession of men, marching two and two, began from the other side of the market-place, and advanced in an irregular zig-zag fashion towards the Palace, wildly tacking from side to side, like a sailing vessel making way against an unfavourable wind so that the head of the procession was often further from us at the end of one tack than it had been at the end of the previous one.

Yet it was evident that all was being done under orders, for I noticed that all eyes were fixed on the man who stood just under the window, and to whom the Chancellor was continually whispering. This man held his hat in one hand and a little green flag in the other: whenever he waved the flag the procession advanced a little nearer, when he dipped it they sidled a little farther off, and whenever he waved his hat they all raised a hoarse cheer. "Hoo-roah!" they cried, carefully keeping time with the hat as it bobbed up and down. "Hoo-roah! Noo! Consti! Tooshun! Less! Bread! More! Taxes!"

"That'll do, that'll do!" the Chancellor whispered. "Let 'em rest a bit till I give you the word. He's not here yet!" But at this moment the great folding-doors of the saloon were flung open, and he turned with a guilty start to receive His High Excellency. However it was only Bruno, and the Chancellor gave a little gasp of relieved anxiety.

Его слова явно не предназначались для моих ушей, но я невольно подслушал, ведь мой подбородок почти что уткнулся в канцлерово плечо.

Забавен был вид этого «движения строем»: беспорядочная процессия мужчин, марширующих по-двое, начиналась у другого конца рыночной площади и необычным, зигзагообразным манером приближалась ко дворцу, нелепо лавируя из стороны в сторону подобно паруснику, прокладываяющему себе путь против неблагоприятного ветра — так что голова процессии была зачастую дальше от нас в конце одного галса, чем когда она завершала предыдущий.

Было, однако, очевидно, что это делалось по команде, ибо я заметил, что все глаза были устремлены на человека, стоящего под нашим окном — того самого, которому Канцлер непрерывно что-то нащёптывал. Этот человек держал в одной руке свою шляпу, а в другой — маленький зелёный флажок, и когда он взмахивал флажком, процессия продвигалась поближе, когда он опускал флажок, люди бочком отодвигались подальше; когда же он взмахивал своей шляпой, все они принимались истошно вопить хором: «Ура! Не-ет! Консти! Туцья! Меньше! Хлеба! Больше! Пошлин!»

— Довольно, довольно, — прошептал Канцлер. — Пусть чуть-чуть подождут, пока я не скажу. Его ещё нет!

Но в этот момент огромные раздвижные двери комнаты рывком растворились, и он, обернувшись, виновато рванулся встретить Его Высокопревосходительство. Однако это был всего лишь Бруно, и Канцлер, округлив уста, с облегчением выдохнул воздух.

— Доброе утро, — сказал малыш, обращаясь, в своей обычной манере, одновременно и к Канцлеру, и к прислуге. — Кто-нибудь видел Сильвию? Я ишу Сильвию.

— Она, я полагаю, у Правителя, вшсство! — ответил Канцлер с низким поклоном. Довольно неуместно, подумал я, применять

"Morning!" said the little fellow, addressing the remark, in a general sort of way, to the Chancellor and the waiters. "Doos oo know where Sylvie is? I's looking for Sylvie!"

"She's with the Warden, I believe, y'reince!" the Chancellor replied with a low bow. There was, no doubt, a certain amount of absurdity in applying this title (which, as of course you see without my telling you, was nothing but 'your Royal Highness' condensed into one syllable) to a small creature whose father was merely the Warden of Outland: still, large excuse must be made for a man who had passed several years at the Court of Fairyland, and had there acquired the almost impossible art of pronouncing five syllables as one.

But the bow was lost upon Bruno, who had run out of the room, even while the great feat of The Unpronounceable Monosyllable was being triumphantly performed.

Just then, a single voice in the distance was understood to shout "A speech from the Chancellor!" "Certainly, my friends!" the Chancellor replied with extraordinary promptitude. "You shall have a speech!"

Here one of the waiters, who had been for some minutes busy making a queer-looking mixture of egg and sherry, respectfully presented it on a large silver salver. The Chancellor took it haughtily, drank it off thoughtfully, smiled benevolently on the happy waiter as he set down the empty glass, and began. To the best of my recollection this is what he said.

"Ahem! Ahem! Ahem! Fellow-sufferers, or rather suffering fellows--" ("Don't call 'em names!" muttered the man under the window. "I didn't say felons!" the Chancellor explained.) "You may be sure that I always sympa--" ("Ear,

подобный титул (а ведь вы и без моего пояснения отлично поняли, что он означал не что иное как «Ваше Королевское Высочество», сжатое до одного слога) к мальчугану-крохе, чей отец являлся всего-навсего Правителем Запределья; однако легко можно подыскать оправдание человеку, который провёл несколько лет при дворе Сказочной страны, где и овладел почти невозможным искусством произнесения одиннадцати слогов как одного-единственного.

Но Бруно не за поклонами сюда пришёл; он выбежал из комнаты ещё до того, как выдающееся исполнение непроизносимого монослога было с триумфом завершено.

А сразу же после этого издали долетел отчётливый возглас:

— Слово Канцлеру!

— Непременно, друзья мои! — отозвался тот с необычайной готовностью. — Я произнесу речь!

Здесь один из слуг, до сего момента занятый приготовлением подозрительно выглядевшей смеси из яиц и шерри, почтительно предложил её на большом серебряном подносе. Канцлер надменно принял, вдумчиво выпил, благосклонно улыбнулся счастливому слуге, ставя пустой стакан назад, и начал. Насколько мне помнится, сказал он вот что.

— Гм! Гм! Гм! Потерпевшие друзья, или, вернее, друзья-терпеливцы... («Зачем вы зовёте их терпеливцами?» — прошептал человек под окном.) Но я вовсе я не зову на них полицию, — ответил Канцлер. («Да говорите же, не стойте как чучело!») Я не чучело, — обиженно произнёс Канцлер, и продолжил громче, чтобы все слышали: — я хочучело... («Верно, верно!» — редела толпа, да так громко, что совершенно заглушала тонкий писклявый голосок говорившего.) Я хочучело... — повторил он ещё громче. («Чего заладили! — прошипел человек под окном. — Что вы несёте?» А над рыночной площадью всё рокотало раскатами грома: «Верно,

'ear!" shouted the crowd, so loudly as quite to drown the orator's thin squeaky voice) "--that I always sympa--" he repeated. ("Don't simper quite so much!" said the man under the window. "It makes yer look a hidiot!" And, all this time, "Ear, 'ear!" went rumbling round the market-place, like a peal of thunder.) "That I always sympathise!" yelled the Chancellor, the first moment there was silence. "But your true friend is the Sub-Warden! Day and night he is brooding on your wrongs-- I should say your rights-- that is to say your wrongs--no, I mean your rights--" ("Don't talk no more!" growled the man under the window. "You're making a mess of it!")

At this moment the Sub-Warden entered the saloon. He was a thin man, with a mean and crafty face, and a greenish-yellow complexion; and he crossed the room very slowly, looking suspiciously about him as if he thought there might be a savage dog hidden somewhere. "Bravo!" he cried, patting the Chancellor on the back. "You did that speech very well indeed. Why, you're a born orator, man!"

"Oh, that's nothing! the Chancellor replied, modestly, with downcast eyes. "Most orators are born, you know."

The Sub-Warden thoughtfully rubbed his chin. "Why, so they are!" he admitted. "I never considered it in that light. Still, you did it very well. A word in your ear!"

The rest of their conversation was all in whispers: so, as I could hear no more, I thought I would go and find Bruno.

I found the little fellow standing in the passage, and being addressed by one of the men in livery, who stood before him, nearly bent double from extreme respectfulness, with his hands hanging in front of him like the fins of a fish. "His High Excellency," this respectful man was saying, "is

верно!») — Я хочу человеческого отношения к вам, друзья мои! — закричал Канцлер, улучив момент тишины. — Но кто ваш истинный друг — так это Под-Правитель. День и ночь он печётся о вашей неправоте... я хотел сказать, о ваших правах... то бишь, о том, что вы не правы... нет... я имел в виду, что вы лишены прав. («Лучше уж молчите, — прорычал человек под окном. — Вы всё испортите!»)

В эту минуту в столовую вошёл Под-Правитель. Это был худой человек со злобным и хитрым лицом изжёлта-зелёного цвета; и комнату он пересекал очень медленно, подозрительно глядя вокруг, как бы высматривая прячущегося где-то свирепого пса.

— Bravo! — вскричал он, похлопав Канцлера по спине. — Ваша речь так и льётся. Будто вы от рождения произносите речи!

— Ни от чего другого! — смиренно заверил Канцлер. — Только от ждения рож, и Вашего Превосходительства тоже...

— Что вы себе... — начал было Под-Правитель, но вдруг осёкся. — Впрочем, ведь вы сказали — речь от ждения? Наподобие того, как мы говорим «мазь от жжения» — а, дружище?

— Скорее наподобие того, как мы говорим «резь от чтения». Под-Правитель задумчиво поскрёб подбородок.

— Да, что-либо одно из этого, — признал он. — Но как бы то ни было, у вас здорово получается. Хочу сказать по секрету...

Тут он перешёл на шёпот, и поскольку я не мог больше ничего слышать, то решил пойти поискать Бруно.

Я нашёл малыша в передней, где перед ним стоял лакей в ливрее, который от чрезвычайной почтительности согнулся едва ли не пополам, оттопырив при этом локти, словно рыба плавники.

— Его Высокопревосходительство, — говорил почтительный лакей, — находятся у себя в кабинете, вшчество! — В искусстве произношения этого слога он и в подмётки Канцлеру не годился.

Бруно засеменял дальше, и я счёл за лучшее последовать за ним.

in his Study, y'reince!" (He didn't pronounce this quite so well as the Chancellor.) Thither Bruno trotted, and I thought it well to follow him.

The Warden, a tall dignified man with a grave but very pleasant face, was seated before a writing-table, which was covered with papers, and holding on his knee one of the sweetest and loveliest little maidens it has ever been my lot to see. She looked four or five years older than Bruno, but she had the same rosy cheeks and sparkling eyes, and the same wealth of curly brown hair. Her eager smiling face was turned upwards towards her father's, and it was a pretty sight to see the mutual love with which the two faces--one in the Spring of Life, the other in its late Autumn--were gazing on each other.

"No, you've never seen him," the old man was saying: "you couldn't, you know, he's been away so long--traveling from land to land, and seeking for health, more years than you've been alive, little Sylvie!"

Here Bruno climbed upon his other knee, and a good deal of kissing, on a rather complicated system, was the result.

"He only came back last night," said the Warden, when the kissing was over: "he's been traveling post-haste, for the last thousand miles or so, in order to be here on Sylvie's birthday. But he's a very early riser, and I dare say he's in the Library already. Come with me and see him. He's always kind to children. You'll be sure to like him."

"Has the Other Professor come too?" Bruno asked in an awe-struck voice.

"Yes, they arrived together. The Other Professor is--well, you won't like him quite so much, perhaps. He's a little more dreamy, you know."

Правитель, высокий и величественный человек с важным выражением на очень приятном лице, сидел за письменным столом, сплошь покрытым бумагами, а на колене у него примостилась одна из самых миловидных и привлекательных девчушек, каких мне только доводилось видеть.

Выглядела она на четыре-пять лет старше Бруно, но имела такие же розовенькие щёчки и искрящиеся глазки, такой же богатый чёрный волос, весь в завитках. Её живое улыбающееся личико было обращено вверх, к лицу отца, и восхищённому взору открывалась та взаимная любовь, с которой оба они — девочка, переживающая весну жизни, и её отец, находящийся в поре поздней осени, — созерцали друг друга.

— Нет, с ним вы ещё не встречались, — говорил старик, — да и как: он покинул нас очень давно и всё странствовал по дальним странам в поисках утраченного здоровья — дольше, чем ты, моя маленькая Сильвия, живёшь на свете!

Тут Бруно взобрался на другое его колено, результатом чего явились обильные поцелуи, весьма замысловатые по исполнению.

— Он вернулся только этой ночью, — продолжал Правитель, когда поцелуи иссякли. — Последнюю тысячу миль или около того он двигался с особенной поспешностью, чтобы успеть ко дню рождения Сильвии. Зато он рано встаёт, и к этому часу, я полагаю, уже засел в библиотеке. Пойдёмте-ка навестим его. Он всегда добр к детям. Вы наверняка его полюбите.

— А другой Профессор тоже приехал? — спросил Бруно. В его голосе слышался благоговейный страх.

— Да, они прибыли вместе. Другой Профессор, он, знаете ли... Пожалуй, он не приглянётся вам поначалу. Он, как бы это сказать, немного мечтательный.

— Вот бы Сильвия была немного мечтательной, — сказал Бруно.

"I wiss Sylvie was a little more dreamy," said Bruno.
"What do you mean, Bruno?" said Sylvie.
Bruno went on addressing his father. "She says she ca'n't, oo know. But I thinks it isn't ca'n't, it's wo'n't."
"Says she ca'n't dream!" the puzzled Warden repeated.
"She do say it," Bruno persisted. "When I says to her 'Let's stop lessons!', she says 'Oh, I ca'n't dream of letting oo stop yet!'"
"He always wants to stop lessons," Sylvie explained, "five minutes after we begin!"
"Five minutes' lessons a day!" said the Warden. "You won't learn much at that rate, little man!"
"That's just what Sylvie says," Bruno rejoined. "She says I wo'n't learn my lessons. And I tells her, over and over, I ca'n't learn 'em. And what doos oo think she says? She says 'It isn't ca'n't, it's wo'n't!'"
"Let's go and see the Professor," the Warden said, wisely avoiding further discussion. The children got down off his knees, each secured a hand, and the happy trio set off for the Library--followed by me. I had come to the conclusion by this time that none of the party (except, for a few moments, the Lord Chancellor) was in the least able to see me.
"What's the matter with him?" Sylvie asked, walking with a little extra sedateness, by way of example to Bruno at the other side, who never ceased jumping up and down.

— Что-что? — изумилась Сильвия.
Но Бруно обращался к отцу, а не к ней.
— Она сказала, что не может, понимаешь, папочка? А на самом деле она просто не хочет.
— Сказала, что не может мечтать? — озадаченно повторил Правитель.
— Да, сказала! — настаивал Бруно. — Когда я сказал ей: «Прекратим уроки!», она сказала: «И мечтать не могу, чтобы урок уже окончился!»
— И пяти минут не проходит с начала урока, а ему уже хочется, чтобы урок закончился! — пожаловалась Сильвия.
— Пять минут уроков в день! — сказал Правитель. — Немногого же, малыш, можно выучить за такое время.
— Но это же Сильвия так говорит, — оправдывался Бруно. — Она говорит, что я не хочу учить уроки. А я ей говорю, что я не могу учить их. На это она мне отвечает, что я просто не хочу учить уроки, а я говорю...
— Пойдёмте же повидаем Профессора, — сказал Правитель, мудро избегая дальнейшего разговора. Дети, поддерживаемые за руки, спрыгнули с его колен, и счастливая троица — а следом и я — направилась в библиотеку. По дороге я нехотя признался самому себе, что никто из всей компании (за исключением Лорда-Канцлера, и то всего один раз) даже не взглянул в мою сторону. Кажется, моего присутствия вовсе не замечали!
— А что у него со здоровьем, папочка? — спросила Сильвия, двигаясь с несколько преувеличенной степенностью, чтобы подать пример Бруно, который шествовал с другого боку вприпрыжку.

来客
萧红

打过门，随后进来一个胖子，穿的绸大衫，他也说他来念书，这使我很诧异。他四五十岁的样子，又是个买卖人，怎么要念书呢？过了好些时候，他说要念庄子。白话文他说不用念，一看就明白，那不算学问。

郎华该怎么办呢？郎华说：“念庄子也可以。”

那胖子又说，每一星期要做一篇文章，要请先生改。郎华说，也可以。郎华为了钱，为了一点点的学费，这都可以。

另一天早晨，又来一个年轻人，郎华不在家，他就坐在草褥上等着，他好象有肺病，一面看床上的旧报纸，一面问我：

“门外那张纸贴上写着教武术，每月五元，不能少点吗？”

“等一等再讲吧！”我说。

他规规矩矩，很无聊地坐着。大约10分钟又过去了！郎华怎么还不回来，我很着急。得一点教书钱，好象做一笔买卖似的。我想这笔买卖是作不成了，那人直要走。

“你等一等，就回来的，就回来的。”

Посетители

Leonid Ivlev. Перевод с китайского

Раздался стук в дверь, и почти сразу кто-то дернул дверь на себя. Посетителем оказался толстый мужчина лет сорока. Судя по внешнему виду — успешный торговец, и своим вопросом о том, преподают ли здесь китайский, он меня немало удивил. Как оказалось, он хочет читать Чжуан-цзы.

— Только никакого мандарина. Научусь читать канон, и хватит с меня, — сказал мужчина.

— Ну, Чжуан-цзы так Чжуан-цзы... — пробормотал Лан Хуа.

— И чтобы не меньше одной главы в неделю!

— Тоже возможно...

— И будете приходить ко мне!

— Хорошо...

Положение наше было тогда отчаянное: кругом мы были должны, и никакого заработка. Лан Хуа и я хватались за любую работу, на любых условиях.

***

В то утро, когда к нам пришел молодой человек, Лан Хуа не было дома. Вид у раннего гостя был крайне болезненный: большие глаза с синяками вокруг, желтоватый цвет лица и неестественная худоба — все говорило о том, что его уже долгое время мучает какой-то тяжелый недуг. Он едва успел войти и сразу опустился на нашу койку, застеленную травяной циновкой. В руке его подрагивал старый посеревший лист бумаги, и только после того, как он начал говорить, я поняла, что это объявление с нашей двери.

— Вот тут объявление... На двери висело... Тут написано... Вы преподаете ушу?..

— Да, но мужа сейчас нет — подождите немного.

— Тут написано... Пять юаней в месяц... А можно дешевле?

结果不能等，临走时向我告诉：

“我有肺病，我是从‘大罗新’（商店）下来的，一年了，病也不好，医生叫我运动运动。吃药花钱太多，也不能吃了！运动总比挺着强。昨天我看报上有广告，才知道这里教武术。先生回来，请向先生说说，学费少一点。”

从家庭教师广告登出去，就有人到这里治病，念庄子，还有人要练“飞檐走壁”，问先生会不会“飞檐走壁”。

那天，又是郎华不在家，来一个人，还没有坐定，他就走了。他看一看床上就是一张光身的草褥，被子卷在床头，灰色的棉花从破孔流出来，我想去折一下，又来不及。那人对准地下两只破鞋打量着。他的手杖和眼镜都闪着光，在他看来，教武术的先生不用问是个讨饭的家伙。

— Посидите немного. Муж скоро подойдет, и вы с ним все обсудите.

Молодой человек вытерпел минут десять, а Лан Хуа все не шел. Гость то и дело порывался встать и уйти, но в доме не было ни гроша, и несколько раз я удерживала его за руку:

— Посидите еще немного. Пару минут...

— Знаете, — вдруг сказал он. — Я тут недалеко работаю... В магазине "Далоусинь". Уже год... И болею тоже... Почти год ... Врачи давали лекарство... Спортом меня заставляли заниматься. Не помогло... Ни лекарства, ни спорт. Вот вчера мимо шел. Увидел объявление... Подумал, может быть, ушу поможет. Вы попросите за меня учителя позаниматься подешевле. А я попозже зайду...

***

Много кто заходил к нам по этому объявлению, каждый со своей целью... Кто-то лечиться, кто-то изучать ушу, кто-то читать Чжуан-цзы. Был и один странный посетитель: все пытался выспросить, владеет ли Лао Хуа секретом "Фэйян-цзоуби".

Лан Хуа в очередной раз не было дома, когда зашел еще один человек. В руках его была изящная трость, глаза прикрывали темные очки. Он даже не переступил порога, только оглядел комнату: старое покрывало, набитое травой, замазанные стекла и серые стены. Ни слова не говоря, он развернулся и ушел.

Конечно, мастер ушу не может быть бедным... Иначе, какой он мастер?..

Gli amici (inizio)

Dino Buzzati

Il liutaio Amedeo Torti e la moglie stavano prendendo il caffè. I bambini erano già andati a letto. I due tacevano, come succedeva spesso. A un tratto lei:

“Vuoi che ti dica una cosa...? E' tutto il giorno che una sensazione strana... Come se questa sera dovesse venire a trovarci Appacher.”

“Ma non dirle neanche per scherzo queste cose!” fece il marito con un gesto di fastidio. Infatti Toni Appacher, violinista, suo vecchio intimo amico, era morto venti giorni prima.

“Lo so, lo so che e' orribile” disse lei “ma e' un'idea da cui non riesco a liberarmi.”

“Eh, magari...” mormorò il Torti con una vaga contrizione ma senza voler approfondire l'argomento. E scosse il capo.

Tacquero ancora. Erano le dieci meno un quarto. Poi suonò il campanello della porta. Piuttosto lungo, perntorio. Entrambi ebbero un sussulto.

“Chi sarà a quest'ora?” disse lei. Si udì in anticamera il passo strascicato della Ines, la portiera che veniva aperta, poi un sommesso parlottare. La ragazza si affacciò in tinello, pallidissima.

“Ines, chi c'è?” domandò la signora.

La cameriera si rivolse al padrone, balbettando: “Signor Torti, venga lei, un momento, di là... Se sapesse!”

“Ma chi c'è? chi c'è?” chiese rabbiosa la padrona, pur sapendo già benissimo chi fosse.

Друзья (начало)

Фёдор Каузов. Перевод с итальянского

Скрипичный мастер Амедео Торти, как обычно, пил кофе со своей женой. Их дети уже давно отправились в свои кровати. Супруги молчали, как это часто бывало. Вдруг она произнесла:

— Хочешь, я скажу тебе одну вещь...? Целый день у меня странное чувство... Будто этим вечером к нам должен зайти Аппакер.

— Что ты такое говоришь?! Нечего шутить такими вещами! — ответил супруг с явным беспокойством, ведь скрипач Тони Аппакер, его давний близкий друг умер двадцать дней назад.

— Я знаю это, я знаю, что это ужасно, — заговорила жена, — но от этого ощущения я никак не могу избавиться.

— Эх, ладно... — проговорил Торти печальным голосом, не желая продолжать разговор. И покачал головой.

Они снова замолчали. Было без четверти десять. Вдруг раздался дверной звонок. Довольно-таки долгий и сильный. Оба вздрогнули.

— Кто это может быть в такой час? — промолвила жена Торти. Из прихожей донесся звук шлёпающих шагов служанки Инес, которая отпирала дверь, а затем послышался негромкий разговор. Через минуту девушка появилась в столовой. Её лицо было бледным от страха.

— Инес, кто там пришёл? — спросила супруга Торти.

Горничная развернулась к хозяину и, запинаясь, проговорила: «Синьор Торти, выйдите на минуту, там...О, если бы вы знали!»

— Да кто там? Кто? — в ярости спросила хозяйка, хотя она уже хорошо понимала, кто же это мог быть.

Инес склонилась так, как будто собиралась раскрыть важную тайну. Слова получались у неё едва различимыми: «Там... там... Синьор Торти, выйдите...Пришел маэстро Аппакер!».

La Ines si curvo' come chi ha da dire cose segretissime. Le parole le uscirono in un soffio: "C'e'...c'e'...Signor Torti, venga lei...E' tornato il maestro Appacher!".

"Che storie!" disse il Torti, irritato da tutti questi misteri, e alla moglie: "Vado io...Tu resta qui".

Usci' nel corridoio buio, urto' nello spigolo di un mobile, d'impeto apri' la porta che dava in anticamera.

Qui, in piedi, con la sua aria un poco timida, c'era Appacher. Non proprio uguale al solito Appacher, bensì alquanto meno sostanzioso, per una specie di indecisione nei contorni. Era un fantasma? Forse non ancora. Forse non si era completamente liberato di ciò che gli uomini definiscono materia. Un fantasma, ma con una certa residua consistenza. Vestito come era sua abitudine di grigio, la camicia a righe azzurre, una cravatta rossa e blu e il cappello di feltro molto floscio ch'egli cincischiava nervosamente tra le mani. (Si intende: un fantasma di vestito, un fantasma di cravatta e così via.)

Il Torti non era un uomo impressionabile. Tutt'altro. Eppure resto' lì senza fiato. Non e' uno scherzo vedersi ricomparire in casa il più caro e vecchio amico da venti giorni accompagnato al cimitero.

"Amedeo!" fece il povero Appacher, come per tastare il terreno, sorridendo.

"Tu qui? tu qui?" invei quasi il Torti perché dagli opposti e tumultuosi sentimenti nasceva in lui, chissà come, soltanto una carica di collera. Non doveva essere una consolazione immense rivedere il perduto amico? Per realizzare un tale incontro Torti non avrebbe dato volentieri i suoi millio-

— Что за вздор! — произнес Торти, разозлившийся из-за всех этих загадок. «Я схожу...Ты оставайся здесь», — бросил он жене.

Он вышел в темный коридор, ударившись об угол какого-то шкафа, и с силой открыл дверь, которая вела в прихожую.

Там, с немного застенчивым видом стоял Аппакер. Он выглядел вовсе не так, как обычно: Аппакер предстал совсем тусклым, а контуры его тела казались размытыми. Был ли он призраком? Наверно еще нет. Скорее всего, он просто еще не освободился полностью от того, что люди называют материей. Привидение, но с определенной остаточной телесностью. На нём был привычный серый костюм, рубашка в голубую полоску, красно-синий галстук и довольно-таки помятая фетровая шляпа, которую он нервно теребил в руках. (Имеется в виду: призрачный костюм, призрачный галстук и так далее.)

Торти не был впечатлительным человеком. Совсем наоборот. Однако и у него сбилось дыхание. Шутка ли снова увидеть у себя дома самого близкого и старинного друга, которого двадцать дней назад проводил в могилу.

— Аmedeo! — произнес бедняга Аппакер, улыбаясь, будто хотел нащупать почву.

— Ты здесь? Ты здесь? — Торти был практически в бешенстве из-за переполнявших его, кто знает каких, противоположных и бурных эмоций, вылившихся в сплошную вспышку гнева. Разве он не должен был быть безмерно рад снова увидеть утраченного друга? Разве не отдал бы Торти с радостью свои миллионы, чтобы осуществить подобную встречу? Да, конечно, он сделал бы это не задумываясь. Он заплатил бы любую цену. И тогда почему же теперь не появилась эта радость? Напротив, откуда это злобное раздражение? Неужели после стольких горестей, стольких слёз и перенесенных неприятностей нужно было всё начинать заново только из-за так

ni? Sì, certo, lo avrebbe fatto senza pensarci su. Qualsiasi sacrificio. E allora perché adesso questa felicità non la provava? Perché anzi una sordida irritazione? Dopo tante angosce, tanti pianti, tante seccature imposte dalle cosiddette convenienze, bisognava ricominciare da capo? Nei giorni del distacco, la carica di affetto per l'amico era stata smaltita fino in fondo, e ora non ne restava più di disponibile.

“Eh sì, sono qui” rispose Appacher, cincischiando più che mai le falde del cappello. “Ma io...lo sai bene, tra di noi, non è il caso di fare complimenti...Forse disturbo...”

“Disturbo? E lo chiami disturbo?” incalzò il Torti, trasportato ormai dalla rabbia. “Torni non voglio sapere neanche da dove, e in queste condizioni...E poi parli di disturbo! Un bel coraggio, hai!” Quindi a se stesso, del tutto esasperato: “Che faccio io adesso?”

“Senti, Amedeo” disse Appacher “non arrabiarti... Dopo tutto non è colpa mia...Anche di là (fece un gesto vago) c'è una certa confusione...Insomma dovrei starmene qui ancora circa un mese...Un mese, se non sarà di più...E tu sai che la mia casa è già stata smontata, ci sono dentro i nuovi inquilini...”

“E allora, tu vuoi dire, ti fermeresti qui da me a dormire?”

“Dormire? Ormai non dormo più...Non si tratta di dormire...Mi basterebbe un angolino...Non darò noia, io non mangio, non bevo e non...insomma il gabinetto non mi occorre...Sai? Solo per non dover girare tutta la notte, magari con la pioggia.”

“Ma la pioggia...ti bagna?”

“Bagnarmi no, naturalmente” e fece una sottile risatina

chiamati? За дни разлуки чувство крепкой дружбы постепенно растворялось, и теперь его и вовсе больше не оставалось в наличии.

— Ах да, я здесь, — ответил Аппакер, еще сильнее прежнего начав теревить поля шляпы. — Но я...ты хорошо знаешь об этом, нам незачем отвешивать друг другу комплименты...Разве беспокойство...

— Беспокойство? И ты называешь это беспокойством? — перебил Торти, вновь поддавшись приступу ярости. — Ты возвращаешься, даже знать не хочу откуда, да еще и в таком состоянии... И после говоришь о беспокойстве! Хватает же у тебя наглости!

Затем, вне себя от раздражения, не вслух Торти добавил: «Что мне делать теперь?».

— Послушай, Аmedeo, — сказал Аппакер, — не злись...После всего, что случилось, не моя вина... Даже там (он сделал неопределенный жест) существует некоторый беспорядок...Вообщем, я должен пробыть здесь еще около месяца...Один месяц, если не больше...А ты знаешь, что мои вещи уже вынесены из моего дома, и туда въехали новые жильцы...

— И теперь, ты хочешь сказать, что остаешься спать здесь у меня?

— Спать? Увы, я больше не сплю...Не приходится спать...Мне бы хватило уголка...Я не буду шуметь, не ем, не пью и не...вообщем уборная мне также не нужна...Поможешь? Лишь бы не бродить всю ночь, да еще и под дождем.

— Но дождь...ты разве промок?

— Конечно, не промок, — сказал Аппакер и, с едва заметной усмешкой, добавил, — дождь всегда вызывает у меня проклятое беспокойство.

— Итак, значит, ты хочешь проводить ночи здесь?

“mi da’ sempre un fastidio maledetto.” “E cosí’ passeresti qui le notti?” “Se tu me lo permetti...” “Se lo permetto! ... Io non capisco... Una persona intelligente, un vecchio amico... uno che oramai ha tutta la vita dietro a se’ ... come fa a non rendersi conto? Gia’, tu non hai mai avuto una famiglia!”

L’altro, confuse, retrocedeva in direzione della porta. “Scusami sai, io credevo... Si tratta poi di un mese solo...”

“Ma non mi vuoi capire allora!” fece il Torti, quasi offeso. “Non e’ per me che mi preoccupo... I bambini!... I bambini! Ti parebbe niente a te farti vedere da due innocenti che non hanno ancora dieci anni. Dopo tutto, dovresti renderti conto dello stato in cui ti trovi. Perdonami la brutalita’ ma tu, tu sei uno spettro... e dove ci sono i miei bambini, io uno spettro non ce lo lascio, caro mio...”

“E allora niente?”

“E allora, caro mio, non so cosa dir...” Resto’ la’ con la parola monca. Di colpo Appacher era svantito. Solo si udivano dei passi giu’ per la scala a precipizio.

Suonava mezzanotte e mezzo quando il maestro Mario Tamburlani, direttore del Conservatorio, dove aveva anche l’alloggio, torno’ a casa da un concerto. Giunto alla porta del suo appartamento, aveva gia’ fatto girare la chiave nella toppa quando senti’ un bisbiglio dietro a se’: “Maestro, Maestro!”. Voltandosi di scatto, scores Appacher.

Tamburlani era famoso per la diplomazia, il savoir faire, l’avvedutezza, la capacita’ di destreggiarsi nella vita: doti, o difetti, che lo avevano portato molto piu’ in su di quanto i suoi modesti meriti potessero. In un baleno egli valuto’ la

— Ну, если ты разрешишь мне это...

— Если я разрешу!... Я не понимаю... Интеллигентный человек, старый друг... тот, у кого теперь вся жизнь, увы, позади... как ты не отдаешь себе отчёта? Вот-вот, ты же никогда не имел семьи!

Аппакер, сконфузившись, направился в сторону выхода: «Прости меня, понимаешь, я считал... Остаться только на один месяц...»

— Но теперь ты не хочешь меня понять! — произнес Торти почти в бешенстве. — Я не за себя беспокоюсь... Дети!... Мои дети! Тебе кажется нормальным, что два невинных малыша, которым нет еще и десяти лет, будут вынуждены видеть тебя. После всего, что произошло, ты должен отдавать себе отчет, в каком положении находишься. Прости меня за грубость, но ты, ты — призрак... и куда деваться моим детям, я не оставлю призрака здесь, у нас, мой дорогой...

— И что же теперь?

— А теперь, мой дорогой, я не знаю, что ска... — остановился на полуслове Торти. Неожиданно Аппакер растворился. Послышались только стремительные шаги, спускающиеся вниз по лестнице.

Пробила половина первого ночи, когда маэстро Марио Тамбулрани, директор Консерватории, где он также имел жилье, вернулся домой с концерта. Подойдя к входной двери своей квартиры, он уже собирался повернуть ключ в замке, когда услышал позади себя шёпот: «Маэстро, маэстро!». Мигом обернувшись, Марио увидел Аппакера.

Тамбулрани был известен своей дипломатичностью, сметливостью, благоразумием, способностью устраиваться в жизни: качества или привычки, которые приносили ему куда больше выгоды, чем он мог рассчитывать при своих скромных достоинствах. За одно мгновение он сориентировался в ситуации.

situazione.

“Oh caro, caro” mormorò in tono affettuosissimo e patetico, e tendeva le mani al violonista fermandosi però a un metro buono di distanza. “O caro, caro...Se tu sapessi il vuoto che...”

“Come? Come?” fece l’altro ch’era alquanto sordo poiché nei fantasmi l’acutezza dei sensi è attenuata. “Abbi pazienza, adesso non ci sento più come una volta...”

“Oh, lo capisco, caro...Ma non posso mica urlare. C’è di là Ad ache dorme e poi...”

“Scusa, non potresti per un momento farmi entrare? Sono parecchie ore che cammino...”

“No, no, per carità, guai se Blitz si accorgesse.” “Come? Come hai detto?” “Blitzh, il mio cane lupo, lo conosci, no?...farebbe un tale chiasso...Si sveglierebbe subito il custode...e poi chissà...” “E allora, non potrei per qualche giorno...” “Venire a stare qui da me? O caro Appacher, certo certo!...Figurati se per un amico come te...Però, scusami sai, ma come facciamo con il cane?”

L’obiezione lasciò Appacher interdetto. Tentò allora la mozione degli affetti: “Piangevi, maestro, piangevi un mese fa, al cimitero, quando hai tenuto il discorso, prima che mi coprissero di terra...ti ricordi? Io sentivo i tuoi singhiozzi, cosa credi?”

“O caro, caro, non dirmelo...mi viene un tale affanno qui (e si porto una mano al petto)...Dio mio, mi pare che Blitz...”

Infatti dall’interno dell’appartamento veniva un sordo brontolio premonitore.

— О, дружище, дружище. — слезливо проговорил Тамбурлани дружеским тоном. При этом он протянул руки в сторону скрипача, остановившись, однако, в целом метре от него. — О, дружище, дружище...Если бы ты знал о той пустоте, которая...

— Что? Что? — не расслышал Аппакер, который стал немного глуховат, так как у привидений острота чувств приглушена. — Наберись терпения, ведь я теперь не слышу так же хорошо, как прежде...

— Ох, я понимаю это, дружище...Но я не могу кричать даже чуть-чуть. Ада там уже спит, и потом...

— Прости, ты не мог бы разрешить мне войти ненадолго? Я уже несколько часов в пути...

— Нет, нет, Боже упаси, вот напасть, если Блиц тебя почуял.

— Как? Как ты сказал?

— Блиц, моя овчарка, ты разве не помнишь его?...кажется какой-то шум...Настоящий сторож, тут же просыпается...и потом, кто знает...

— Значит мне нельзя как-нибудь...

— Прийти остаться здесь у меня? О дорогой Аппакер, конечно, конечно! Еще бы, для такого друга, как ты...Однако, прости меня, но, что мы будем делать с собакой?

Вопрос поставил Аппакера в тупик. Тогда он попробовал надавить на чувства Тамбурлани: «Ты рыдал, maestro, рыдал всего месяц назад на кладбище, когда произносил свою речь перед моим погребением...ты помнишь? Я слышал твои рыдания, так что ты считаешь?»

« О дружище, дружище, не напоминай мне об этом...меня охватывает такая печаль вот здесь (и он поднес руку к груди)... О Боже, мне кажется, что Блиц...»

И действительно, из глубины квартиры донеслось глухое угро-

“Aspetta caro, entro un momento a far star quieta quella bestia insopportabile...Caro, un momento solo.”

Lesto come un'anguilla sguscio' dentro e chiuse il battente dietro a se', sprangandolo ben bene. Poi silenzio.

Appacher aspetto' qualche minute. Poi bisbiglio': “Tamburlani, Tamburlani”. Dall'altra parte non ci fu risposta. Allora egli batte' debolmente con le nocche. Ma il silenzio era assoluto.

<...>

жающее рычание.

«Подожди, дружище, я на минуту зайду успокоить эту несносную зверюгу...Дружище, всего лишь на минутку».

Ловко, как угорь, он проскользнул внутрь квартиры и закрыл за собой дверь, хорошенько заперев её на замок. Затем наступила тишина.

Аппакер прождал пару минут. Затем он начал звать шёпотом: «Тамбурлани, Тамбурлани». С той стороны ответ так и не прозвучал. Тогда Аппакер стал чуть слышно стучать в дверь костяшками пальцев. Но молчание было абсолютным.

<...>

How it Happened

Arthur Conan Doyle

I can remember some things upon that evening most distinctly, and others are like some vague, broken dreams. That is what makes it so difficult to tell a connected story. I have no idea now what it was that had taken me to London and brought me back so late. It just merges into all my other visits to London. But from the time that I got out at the little country station everything is extraordinarily clear. I can live it again—every instant of it.

I remember so well walking down the platform and looking at the illuminated clock at the end which told me that it was half-past eleven. I remember also my wondering whether I could get home before midnight. Then I remember the big motor, with its alarms headlights and slitter of polished brass, waiting for me outside. It was my new thirty-horse-power Robur, which had only been delivered that day. I remember also asking Perkins, my chauffeur, how she had gone, and his saying that he thought she was excellent.

'I'll try her myself,' said I and I climbed into the driver's seat.

'The gears are not the same,' said he. 'Perhaps, sir, I had better drive.'

'No; I should like to try her,' said I.

And so we started on the five-mile drive for home.

My old car had the gears as they used always to be in notches on a bar. In this car you passed the gear-lever through a gate to get on the higher ones. It was not difficult to master, and soon I thought that I understood it. It was foolish, no doubt, to begin to learn a new system in the dark, but one often does foolish things, and one has not always to pay the full price for them. I got along

Несчастный случай

Ксения. Перевод с английского

Некоторые события того вечера я вспоминаю без труда, другие расплываются в памяти, как неожиданно прерванный сон. Вот почему так трудно рассказывать все по порядку. Сейчас я даже не объясню, почему в тот раз вернулся из Лондона так поздно, ведь похожих поездок было немало. Но я отчетливо и ясно помню каждое мгновение, после того, как вышел из вагона на маленькой лондонской станции.

Я снова и снова возвращаюсь мысленно на ту самую платформу. Помню, как обратил внимание на освещенные часы в конце перрона, показывающие пол двенадцатого, помню, что ещё сомневался тогда, успею ли домой к полуночи. Потом вышел на улицу, где меня уже ждал новенький «Робур», мощностью в тридцать лошадиных сил, сверкающий полированной медью в свете ярких фар. Расспросил своего шофера Перкинса, как прошла первая поездка, тот похвалил машину.

— Сам поведу — сказал я и уселся на водительское кресло.

— Управлять этой машиной не так-то просто, сэр. Позвольте, все же, мне сесть за руль.

— Нет, я хочу попробовать, — не согласился я.

И вот мы отправились в путь — до дома было пять миль.

В моем прежнем автомобиле был обычный рычаг переключения передач, закрепленный в углублении на панели. А здесь, чтобы увеличить скорость, нужно было повернуть рычаг на щите. Вскоре я решил, что это не так уж сложно. Конечно, глупо было осваивать новую машину ночью, в темноте, но ведь не всегда человеку приходится расплачиваться за свои ошибки.

very well until I came to Claystall Hill. It is one of the worst hills in England, a mile and a half long and one in six in places, with three fairly sharp curves. My park gates stand at the very foot of it upon the main London road.

We were just over the brow of this hill, where the grade is steepest, when the trouble began. I had been on the top speed, and wanted to get her on the free; but she stuck between gears, and I had to get her back on the top again. By this time she was going at a great rate, so I clapped on both brakes, and one after the other they gave way. I didn't mind so much when I felt my foot-brake snap, but when I put all my weight on my side-brake, and the lever clanged to its full limit without a catch, it brought a cold sweat out of me. By this time we were fairly tearing down the slope. The lights were brilliant, and I brought her round the first curve all right. Then we did the second one, though it was a close shave for the ditch. There was a mile of straight then with the third curve beneath it, and after that the gate of the park. If I could shoot into that harbour all would be well, for the slope up to the house would bring her to a stand.

Perkins behaved splendidly. I should like that to be known. He was perfectly cool and alert. I had thought at the very beginning of taking the bank, and he read my intention.

'I wouldn't do it, sir,' said he. 'At this place it must go over and we should have it on the top of us.'

Of course he was right. He got to the electric switch and had it off, so we were in the free; but we were still running at a fearful pace. He laid his hands on the wheel.

'I'll keep her steady,' said he, 'if you care to jump and chance it. We can never get round that curve. Better jump, sir.'

Я спокойно ехал, пока мы не добрались до холма Клэйстолл. Этот холм — один из самых крутых во всей Англии, его длина составляет полторы мили, и в трех местах склоны особенно обрывисты. Дорога, ведущая из Лондона, упирается прямо в ворота моего парка, расположенные на подножье этого холма.

Мы миновали самый крутой подъем, вот тут-то все и началось. Я сильно разогнал машину и решил замедлить ход, но передачу заклинило, поэтому пришлось мчаться на предельной скорости. Я быстро дал по тормозам, но оба колеса отказали один за другим. Паниковать пока было рано: да, ножной тормоз не работает, но есть же ещё ручной. Я рванул его изо всех сил, но ничего не изменилось. У меня все похолодело внутри. Машина просто летела вниз по склону, но ослепительно горели фары, и нам удалось-таки проскочить его. Потом миновали и второй склон, хотя нас чуть не занесло в сторону. Оставалась ещё миля прямой дороги, потом третий склон и, наконец, ворота парка. «Если удастся попасть напрямиком в ворота, мы спасены, — подумал я, — ведь дорога к дому ведет вверх, машина остановится сама».

Перкинс был на высоте. Он спокойно следил за дорогой, и, когда я решил, было, резко свернуть на насыпь, он будто прочел мои мысли:

— Лучше не стоит, сэр, — предупредил он. На такой скорости машина может перевернуться и придавить нас.

Он, конечно, был прав. Ему удалось повернуть ключ зажигания, но машина продолжала мчаться на бешеной скорости. Он схватился за руль.

— Я удержу её, — сказал он, — если вы выпрыгнете из машины, сэр. Нам ни за что не преодолеть этот склон.

'No,' said I; 'I'll stick it out. You can jump if you like.'

'I'll stick it with you, sir,' said he.

If it had been the old car I should have jammed the gear-lever into the reverse, and seen what would happen. I expect she would have snipped her gears or smashed up somehow, but it would have been a chance. As it was, I was helpless. Perkins tried to climb across, but you couldn't do it going at that pace. The wheels were whirring like a high wind and the big body creaking and groaning with the strain. But the lights were brilliant, and one could steer to an inch. I remember thinking what an awful and yet majestic sight we should appear to anyone who met us. It was a narrow road, and we were just a great, roaring, golden death to anyone who came in our path.

We got round the corner with one wheel three feet high upon the bank. I thought we were surely over, but after staggering for a moment she righted and darted onwards. That was the third corner and the last one. There was only the park gate now. It was facing us, but, as luck would have it, not facing us directly. It was about twenty yards to the left up the main road into which we ran. Perhaps I could have done it, but I expect that the steering-gear had been jarred when we ran on the bank. The wheel did not turn easily. We shot out of the lane. I saw the open gate on the left. I whirled round my wheel with all the strength of my wrists. Perkins and I threw our bodies across, and then the next instant, going at fifty miles an hour, my right front wheel struck full on the right-hand pillar of my own gate. I heard the crash. I was conscious of flying through the air, and then—and then—!

When I became aware of my own existence once more I was among some brushwood in the shadow of the oaks upon the lodge

— Нет, я не могу, — ответил я, — Но ты сам можешь прыгать, если хочешь.

— Я тоже останусь, — храбро решил он.

В старом автомобиле я бы рванул рычаг до отказа и, скорее всего, сломанная передача или ещё какие-то повреждения механизма дали бы нам возможность спастись. Но в этой ситуации мы были беспомощны. Перкинс попытался пересечь ко мне, но не смог из-за скорости. Металлический корпус скрежетал и скрипел от небывалого напряжения, а визг колес напоминал стоны сильного ветра. Пронзительный свет фар позволял увидеть каждый камешек на дороге. Помню, как представил себе, какое жуткое, но, вместе с тем завораживающее зрелище могло открыться перед глазами тех, кого судьба занесла бы на нашу узкую дорогу, навстречу громадной, ревущей, ослепительно яркой смерти.

Мы резко повернули, и тут одно колесо на три фута поднялось над насыпью. Я замер от ужаса, но спустя мгновение, колесо опустилось назад, и мы помчались дальше. Так мы миновали последний, третий склон. Оставалось только добраться до гаража. Метра два левее — и мы попали бы прямо в ворота парка, но удача явно была не на нашей стороне. Я, пожалуй, сумел бы повернуть, но, когда мы летели по насыпи, повредился рулевой механизм, и колеса поворачивались с трудом. Нас вынесло на узкую дорожку, и слева я увидел въездные ворота. Я крутанул руль что было сил, и мы с Перкинсом свалились друг на друга. В следующее мгновение на скорости в 80 километров в час, правое колесо автомобиля со всего размаху влетело в ворота. Раздался оглушительный треск, я почувствовал, что лечу по воздуху, а потом... Потом случилось такое!..

side of the drive. A man was standing beside me. I imagined at first that it was Perkins, but when I looked again I saw that it was Stanley, a man whom I had known at college some years before, and for whom I had a really genuine affection. There was always something peculiarly sympathetic to me in Stanley's personality, and I was proud to think that I had some similar influence upon him. At the present moment I was surprised to see him, but I was like a man in a dream, giddy and shaken and quite prepared to take things as I found them without questioning them.

'What a smash!' I said. 'Good Lord, what an awful smash!'

He nodded his head, and even in the gloom I could see that he was smiling the gentle, wistful smile which I connected with him.

I was quite unable to move. Indeed, I had not any desire to try to move. But my senses were exceedingly alert. I saw the wreck of the motor lit up by the moving lanterns. I saw the little group of people and heard the hushed voices. There were the lodge-keeper and his wife, and one or two more. They were taking no notice of me, but were very busy round the car. Then suddenly I heard a cry of pain.

'The weight is on him. Lift it easy.' cried a voice.

'It's only my leg,' said another one, which I recognized as Perkins's. 'Where's master?' he cried.

'Here I am,' I answered, but they did not seem to hear me. They were all bending over something which lay in front of the car.

Stanley laid his hand upon my shoulder, and his touch was inexpressibly soothing. I felt light and happy, in spite of all.

'No pain, of course?' said he.

'None,' said I.

Когда я, наконец, пришел в себя, то увидел, что лежу в кустах неподалеку от домика сторожа. Над головой шумела листва дубов. Рядом стоял человек и сначала я подумал, что это Перкинс, но, взглянув на него внимательнее, узнал Стэнли, моего давнего приятеля. Мы учились вместе в колледже пару лет назад, и он мне всегда нравился. Меня всегда привлекало что-то в его характере, и было очень приятно думать, что он тоже считает меня своим другом. Сразу я очень удивился, увидев его здесь, но все вокруг было похоже на сон, кружилась голова и тряслись руки, и я готов был все принять, как должное, не задавая лишних вопросов.

— Вот это авария!— выдавил я из себя. — Боже, какая ужасная авария!

Он кивнул, и даже в темноте я разглядел его обычную, мягкую и задумчивую улыбку.

Я не мог пошевелиться, хотя, по правде говоря, ни малейшего желания двигаться не было. Однако все мои чувства были удивительно обострены. В свете движущихся фонарей я увидел то, что осталось от автомобиля. До меня доносились чьи-то приглушенные голоса. Возле машины суетились сторож с женой и ещё пару человек, не замечая меня. Вдруг я услышал чей-то стон.

— Осторожно, его придавило! — раздался крик.

— Нет, только ногу зажало, — произнес ещё кто-то, и я узнал голос Перкинса. — Где же хозяин?

— Я здесь, — воскликнул я, но, похоже, меня никто не услышал. Все склонились над кем-то лежащим перед машиной.

Стэнли дотронулся до моего плеча, его прикосновение принесло мне странное облегчение. Несмотря ни на что, на

'There never is, ' said he.

And then suddenly a wave of amazement passed over me. Stanley! Stanley! Why, Stanley had surely died of enteric at Bloemfontein in the Boer War!

'Stanley!' I cried, and the words seemed to choke my throat—

'Stanley, you are dead.'

He looked at me with the same old gentle, wistful smile.

'So are you, ' he answered.

душе у меня стало легко и ясно.

— Ничего не болит, верно? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Боли уже никогда не будет, — проговорил он.

И вдруг меня осенила невероятная догадка. Стэнли! Стэнли! Так ведь Стэнли погиб от брюшного тифа в Африке во время бурской войны!

— Стэнли, — хрипло закричал я, боясь выразить вслух страшную мысль. — Стэнли, ты же умер.

Он снова посмотрел на меня, мягко и задумчиво улыбаясь.

— Ты тоже.

Death by Scrabble

Charlie Fish

It's a hot day and I hate my wife.

We're playing Scrabble. That's how bad it is. I'm 42 years old, it's a blistering hot Sunday afternoon and all I can think of to do with my life is to play Scrabble.

I should be out, doing exercise, spending money, meeting people. I don't think I've spoken to anyone except my wife since Thursday morning. On Thursday morning I spoke to the milkman.

My letters are crap.

I play, appropriately, BEGIN. With the N on the little pink star. Twenty-two points.

I watch my wife's smug expression as she rearranges her letters. Clack, clack, clack. I hate her. If she wasn't around, I'd be doing something interesting right now. I'd be climbing Mount Kilimanjaro. I'd be starring in the latest Hollywood blockbuster. I'd be sailing the Vendee Globe on a 60-foot clipper called the New Horizons - I don't know, but I'd be doing something.

She plays JINXED, with the J on a double-letter score. 30 points. She's beating me already. Maybe I should kill her.

If only I had a D, then I could play MURDER. That would be a sign. That would be permission.

I start chewing on my U. It's a bad habit, I know. All the letters are frayed. I play WARMER for 22 points, mainly so I can keep chewing on my U.

As I'm picking new letters from the bag, I find myself thinking - the letters will tell me what to do. If they spell out KILL, or STAB, or her name, or anything, I'll do it right now. I'll finish her

Умереть от Скрэббл

Милена. Перевод с английского

Сегодня жаркий день и я ненавижу свою жену. Мы играем в "Скрэббл". Да, всё настолько плохо. Мне стукнуло 42, стоит ослепительно жаркий воскресный полдень, и всё, чем я додумался заняться в жизни это поиграть в "Скрэббл".

Я должен пойти куда-нибудь, заняться физкультурой, потратить деньги, пообщаться с людьми. Думаю, вряд ли я даже говорил с кем-то кроме своей жены с утра четверга. В четверг утром я разговаривал с молочником.

Мне попались не буквы, а фигня.

Я составляю вполне подходящее слово НАЧАЛО. Буква Л выпадает на клетку с розовой звездочкой. 22 очка.

Я смотрю, как жена перебирает свои буквы с самодовольным видом. Кляц, кляц, кляц. Я ненавижу её. Если бы не она, я бы занимался сейчас чем-нибудь интересным. Взбирался бы на гору Килиманджаро. Исполнял бы главную роль в голливудском блокбастере. Я бы участвовал в кругосветной гонке "Венди Глоуб" на 60-футовом клипере под названием "Новые Горизонты" — да что угодно, но я чем-то бы занимался.

Она составляет слово ЧАРЫ, буква Р попадает на удваивающую её клетку. 30 очков. Она уже обыгрывает меня. Может, убить её.

Если бы у меня была буква Б, я бы смог составить слово КАЗНЬ. Это было бы знаком. Это было бы разрешением.

Я грызу свою букву А. Плохая привычка, я знаю. Все буквы уже потертые. Я составляю слово ЗНОЙ за 22 очка. В основном только затем, чтобы продолжить грызть свою А.

off.

My rack spells MIHZPA. Plus the U in my mouth. Damn.

The heat of the sun is pushing at me through the window. I can hear buzzing insects outside. I hope they're not bees. My cousin Harold swallowed a bee when he was nine, his throat swelled up and he died. I hope that if they are bees, they fly into my wife's throat.

She plays SWEATIER, using all her letters. 24 points plus a 50 point bonus. If it wasn't too hot to move I would strangle her right now.

I am getting sweatier. It needs to rain, to clear the air. As soon as that thought crosses my mind, I find a good word. HUMID on a double-word score, using the D of JINXED. The U makes a little splash of saliva when I put it down. Another 22 points. I hope she has lousy letters.

She tells me she has lousy letters. For some reason, I hate her more.

She plays FAN, with the F on a double-letter, and gets up to fill the kettle and turn on the air conditioning.

It's the hottest day for ten years and my wife is turning on the kettle. This is why I hate my wife. I play ZAPS, with the Z doubled, and she gets a static shock off the air conditioning unit. I find this remarkably satisfying.

She sits back down with a heavy sigh and starts fiddling with her letters again. Clack clack. Clack clack. I feel a terrible rage build up inside me. Some inner poison slowly spreading through my limbs, and when it gets to my fingertips I am going to jump out of my chair, spilling the Scrabble tiles over the floor, and I am going to start hitting her again and again and again.

Пока я достаю буквы из мешочка, мне приходит в голову — буквы сами скажут мне, что делать. Если я составлю слово УБИТЬ или УДАРИТЬ, или её имя, или что-то такое, я сделаю это прямо сейчас. Я прикончу её.

Мои буквы — ВКЛЫВГ. Плюс А во рту. Чёрт.

Солнечный жар словно давит на меня сквозь окно. Слышно жужжание насекомых снаружи. Надеюсь, это не пчёлы. Мой двоюродный брат Гарольд проглотил пчелу в девять лет, его горло опухло и он умер. Надеюсь, что, если это пчёлы, то они залетят в горло моей жене.

Она составляет слово ИСПАРИНА и получает 24 очка плюс 50-очковый бонус. Если бы не было так жарко, я бы придушил её прямо сейчас.

Я вспотел. Нужен дождь, чтобы воздух стал чище. Как только эта мысль пронесется в моей голове, я нахожу хорошее слово. Я пишу слово ВЛАГА, используя букву А от "испарины" и попадая на клетку, удваивающую слово. Буква А оставляет небольшой след от слюны, когда я её добавляю.

Ещё 22 очка. Надеюсь, у неё дурацкие буквы.

Она говорит мне, что у неё дурацкие буквы. Почему-то я начинаю ненавидеть её ещё больше.

Она составляет слово БРИЗ с удвоенной буквой Б и встаёт, чтобы наполнить чайник и включить кондиционирование воздуха.

Сегодня самый жаркий день за последний десять лет, а моя жена включает чайник. Вот почему я её ненавижу. Я составляю слово РАЗРЯД с удвоенной Д и она получает удар статического электричества от кондиционера. Меня это весьма радует.

The rage gets to my fingertips and passes. My heart is beating. I'm sweating. I think my face actually twitches. Then I sigh, deeply, and sit back into my chair. The kettle starts whistling. As the whistle builds it makes me feel hotter.

She plays READY on a double-word for 18 points, then goes to pour herself a cup of tea. No I do not want one.

I steal a blank tile from the letter bag when she's not looking, and throw back a V from my rack. She gives me a suspicious look. She sits back down with her cup of tea, making a cup-ring on the table, as I play an 8-letter word: CHEATING, using the A of READY. 64 points, including the 50-point bonus, which means I'm beating her now.

She asks me if I cheated.

I really, really hate her.

She plays IGNORE on the triple-word for 21 points. The score is 153 to her, 155 to me.

The steam rising from her cup of tea makes me feel hotter. I try to make murderous words with the letters on my rack, but the best I can do is SLEEP.

My wife sleeps all the time. She slept through an argument our next-door neighbours had that resulted in a broken door, a smashed TV and a Teletubby Lala doll with all the stuffing coming out. And then she bitched at me for being moody the next day from lack of sleep.

If only there was some way for me to get rid of her.

I spot a chance to use all my letters. EXPLODES, using the X of JINXED. 72 points. That'll show her.

As I put the last letter down, there is a deafening bang and the air conditioning unit fails.

Она садится обратно с тяжёлым вздохом и снова начинает перебирать свои буквы. Кляц кляц. Кляц кляц. Я чувствую, как во мне просыпается ужасная ярость. Какой-то внутренний яд медленно растекается по моим конечностям, и, когда он дойдет до кончиков пальцев, я вскочу из кресла, опрокину "Скрэббл" на пол, и я начну бить её снова и снова и снова.

Ярость доходит до кончиков пальцев и проходит. Моё сердце колотится. Я весь вспотел. Думаю, у меня лицо дёргается. Я делаю глубокий вдох и сажусь обратно в кресло. Чайник начинает свистеть.

По мере усиления свиста мне становится всё жарче.

Она пишет слово СОГЛАСИЕ и получает 18 очков, затем идёт налить себе чашечку чая. Нет, мне не надо.

Я тайком беру пустую букву из мешочка, пока она не смотрит и кладу туда Ж, которая мне не нужна. Она смотрит на меня с подозрением. Затем садится обратно со своей чашечкой чая, которая оставляет мокрый круг на столе, в то время как я составляю 8-буквенное слово ОБМАНУТЬ, используя А из "согласия". 64 очка, включая 50-очковый бонус, что означает, что теперь я выигрываю.

Она спрашивает, жульничал ли я.

Я её очень, очень ненавижу.

Она составляет слово НЕВАЖНО, попав на утраивающую слово клетку и получает 21 очко. Теперь у неё 153, а у меня 155 очков.

От вида пара, поднимающегося от её чашки, мне становится ещё жарче. Я пытаюсь составить убийственные слова из своих букв, но лучшее, что я смог придумать, это СОН.

My heart is racing, but not from the shock of the bang. I don't believe it - but it can't be a coincidence. The letters made it happen. I played the word EXPLODES, and it happened - the air conditioning unit exploded. And before, I played the word CHEATING when I cheated. And ZAP when my wife got the electric shock. The words are coming true. The letters are choosing their future. The whole game is - JINXED.

My wife plays SIGN, with the N on a triple-letter, for 10 points.

I have to test this.

I have to play something and see if it happens. Something unlikely, to prove that the letters are making it happen. My rack is ABQYFWE. That doesn't leave me with a lot of options. I start frantically chewing on the B.

I play FLY, using the L of EXPLODES. I sit back in my chair and close my eyes, waiting for the sensation of rising up from my chair. Waiting to fly.

Stupid. I open my eyes, and there's a fly. An insect, buzzing around above the Scrabble board, surfing the thermals from the tepid cup of tea. That proves nothing. The fly could have been there anyway.

I need to play something unambiguous. Something that cannot be misinterpreted. Something absolute and final. Something terminal. Something murderous.

My wife plays CAUTION, using a blank tile for the N. 18 points.

My rack is AQWEUK, plus the B in my mouth. I am awed by the power of the letters, and frustrated that I cannot wield it. Maybe I should cheat again, and pick out the letters I need to spell

Моя жена постоянно спит. Она проспала ссору наших соседей, которая закончилась выброшенными из окна телевизором и выпотрошенной игрушкой в виде телепузика Ляли.

А потом она достала меня своим нытьём по поводу того, что я был на следующий день хмурый из-за недосыпания.

Если бы только был какой-то способ от неё избавиться.

Я замечаю возможность написать хорошее слово. ВЗРЫВ, используя З от "разряда". 72 очка. Я ей покажу.

Как только я добавляю последнюю букву, я слышу оглушительный хлопок и кондиционер перестаёт работать.

Моё сердце колотится, но не от шока от услышанного взрыва. Я не могу поверить, но это не может быть совпадением. Буквы сделали это. Я составил слово ВЗРЫВ и он произошёл — взорвался кондиционер. И до этого, я сделал слово ОБМАНУТЬ, когда жульничал. И РАЗРЯД, когда жену ударило статическим током. Слова превращаются в реальность. Буквы выбирают своё будущее. И вся игра — ЧАРЫ.

Моя жена составляет слово ЗНАК и получает 10 очков.

Надо это проверить.

Надо составить что-нибудь и посмотреть, случится ли это. Мои буквы — АТЛЗИВВ. Не очень уж большой выбор у меня. Я начинаю лихорадочно грызть букву И.

Я пишу слово ВЗЛЕТ, используя Е из "согласия". Откидываюсь в кресле и закрываю глаза, ожидая ощутить подъём с кресла. Ожидая взлететь.

Глупо. Я открываю глаза и вижу муху. Насекомое, которое взлетает с доски для игры в "Скрэббл", и пролетает сквозь пар над тёплой чашкой чая. Это ничего не доказывает. Муха и сама могла взлететь в этот момент.

SLASH or SLAY.

Then it hits me. The perfect word. A powerful, dangerous, terrible word.

I play QUAKE for 19 points.

I wonder if the strength of the quake will be proportionate to how many points it scored. I can feel the trembling energy of potential in my veins. I am commanding fate. I am manipulating destiny.

My wife plays DEATH for 34 points, just as the room starts to shake.

I gasp with surprise and vindication - and the B that I was chewing on gets lodged in my throat. I try to cough. My face goes red, then blue. My throat swells. I draw blood clawing at my neck. The earthquake builds to a climax.

I fall to the floor. My wife just sits there, watching.

Мне нужно составить что-то недвусмысленное. Что-то, что нельзя неправильно истолковать. Что-то безусловное и решающее. Что-то смертельное. Что-то убийственное. Жена составляет слово ОПАСНО, используя пустую букву вместо П. 18 очков.

Мои буквы — АВКЛОБ, плюс И, которую я грызу. Я потрясён силой букв и раздражён тем, что не могу использовать её. Может, надо опять сжульничать и достать буквы, необходимые для слов УБИТЬ или РАНИТЬ.

И тут я понимаю. Отличное слово. Сильное, опасное, ужасное слово.

Я пишу слово ОБВАЛ и получаю 19 очков.

Интересно, будет ли сила обвала пропорциональна количеству очков. Я чувствую вибрацию энергии мощи в своих венах. Я распоряжаюсь судьбой. Я управляю ходом событий.

Жена составляет слово СМЕРТЬ и получает 34 очка в тот момент, когда комната начинает сотрясаться.

Я хватаю ртом воздух, поражаясь подтверждению своих мыслей, и буква И, которую я грыз, застревает у меня в горле. Я пытаюсь откашляться. Моё лицо краснеет, затем синееет. Моё горло опухает. Я чувствую кровь, хватаясь за шею. Обвал заканчивается.

Я падаю на пол. Моя жена просто сидит и смотрит.

El miedo

Wenceslao Fernández Flórez

Al sonar las once en el reloj encerrado en la larga caja de nogal, como en un ataúd, Felipe dejó el periódico sobre la mesa, subió hasta la frente las antiparras y se frotó los cansados ojos, en los que la vejez había ensangrentado los bordes. Doña Mariana bostezo, sacudida de su sopor por los once sonidos agudos de la campana. Hizo el signo de la cruz sobre la oquedad negra de la boca, donde amarilleaban aun algunos dientes; después suspiro:

- ¡Ay, Jesús!

Y miró al reloj, donde el disco dorado del péndulo iba y venía, centelleando al mostrarse plenamente en el centro de la larga caja.

- Las once ya, Felipe.

La viejecita se levantó y salió. Se arrastraron sus pisadas por un corredor; se sintió, un poco lejos, el ruidillo de una cerilla que se enciende. Felipe volvió a encorvarse sobre su periódico, reanudando la truncada lectura de un suelto. Bajo la luz, su calva tenía un matiz rosado y un puntito brillante sobre la prieta piel.

Desde el fondo del pasillo llegó la voz de dona mariana, un poco impaciente:

- ¡Pero, Felipe!...

- ¡Voy, mujer!

Alzóse, y llevó su mano enflaquecida hasta la llave de la luz. Antes de hacerla girar, devoro aun las últimas líneas del suelto, moviendo los labios, como si modulase las palabras leídas, con las cejas enarcanadas hasta lo sumo de la frente rugosa. Luego arrojó el periódico, apago la luz; marchó hacia el pasillo advirtiendo:

Страх

Olga. Перевод с испанского

Часы, заключенные в длинный, похожий на гроб, деревянный короб пробили одиннадцать. Фелипе положил газету на стол, сдвинул на лоб очки и потер уставшие, обведенные старческой краснотой глаза. Гулкий бой часов вывел из сонного оцепенения донью Мариану. Она зевнула, перекрестив черный провал рта, в котором еще желтело несколько зубов, и вздохнула:

— Господи Иисусе!

Потом поглядела на часы. Золоченый диск маятника двигался взад-вперед и посверкивал каждый раз, когда пересекал середину длинного короба.

— Уже одиннадцать, Фелипе.

Старушка поднялась и вышла. Звук ее шаркающих шагов удалился по коридору; было слышно, как где-то в глубине дома чиркнула спичка. Фелипе снова склонился над газетой и продолжил прерванное чтение. В свете лампы его лысина казалась розовой и блестящей на фоне смуглой кожи.

Из глубины коридора голос доньи Марианы прозвучал немного нетерпеливо:

— Фелипе!

— Уже иду!

Фелипе встал и протянул худую руку к выключателю. Прежде чем погасить свет, он быстро пробежал глазами последние строчки, шевеля губами, как бы проговаривая каждое прочитанное слово, и вздергивая брови до середины морщинистого лба. Потом сложил газету, погасил свет и

- ¡Voy, voy!

Los filamentos de la bombilla quedaron luciendo como rayitas rojas en la oscuridad del comedor. Después fue amortiguándose su tono; después se desvanecieron en la negrura. Por una contraventa mal ajustada entro entonces, en una estrecha faja, la difusa claridad de la noche.

Doña Mariana se incorporo bruscamente en el lecho. Salía su garganta descarnada, como manojo de cuerdas retorcidas, de entre la albura de la comisa amplia. Escucho atentamente, quieta, sin respirar, con los grandes ojos sin parpados, dilatados por el sobresalto. Pregunto al fin, en voz baja;

- ¿Oíste?

Felipe, a su lado, parecía mirar al vacío, también en actitud de escuchar. No se había movido. Al hablar su mujer, se solivio un poco, haciendo un gesto de afirmación.

Si; había oído. En alguna estancia de la casa sonó distantemente el ruido de un cristal al romperse. Primero, un golpe que se advirtió sordamente, y luego, el tintineo del cristal. Ahora había un silencio denso, profundo, con ese misterio del callar de la noche, que a veces impresiona los nervios con un sentimiento de miedo.

Volvieron a escuchar los ancianos. Doña Mariana inquirió con voz de susurro, crispada su mano sobre el brazo varonil:

- ¿Que pudo ser?

La lamparilla hacia danzar por las paredes sombras extrañas; sobre la cabecera del lecho, un Cristo amarillento, copiosamente ensangrentado en el rostro, en el pecho, en las manos, sugería en aquel instante una impresión de horror, como la visión de un ase-

вышел, крикнув на ходу:

— Иду, иду!

Металлическая нить в погашенной лампочке еще некоторое время тлела красноватыми искорками во тьме столовой. Потом постепенно поблекла и, наконец, слилась с полной чернотой. И тогда через узкую щель в неплотно прилегающей ставне в столовую проник бледный свет ночи.

Донья Мариана резко приподнялась на кровати. Ее тощая шея выступала из белой широкой сорочки, как пучок перекрученных канатов. Она внимательно вслушивалась, замерев, не дыша, вытаращив круглые от испуга, словно лишенные век, глаза. Наконец она прошептала:

— Слышал?

Рядом с ней Фелипе неподвижно глядел в пустоту, прислушиваясь. В ответ он чуть приподнялся и кивнул.

Да, он слышал. В какой-то отдаленной части дома раздался звук разбитого стекла. Сначала послышался глухой удар, а потом — звон стекла. Но теперь стояла плотная, глубокая тишина — таинственное молчание ночи, которое порой заставляет нервы вибрировать от страха.

Старики снова прислушались. Донья Мариана прошептала, вцепившись в руку мужа:

— Что это могло быть?

Лампадка отбрасывала на стены причудливые пляшущие тени; над изголовьем кровати Иисус, пожелтевший, с залитыми кровью лицом, грудью и руками, навевал сейчас такой же ужас, как видение убийства. Донья Мариана быстро обвела глазами все вокруг; пальто, висевшее возле стены,

sinato. Doña Marian recorrió con los ojos toda la estancia; un abrigo colgado en la percha cerca de la pared, exalto su miedo; estuvo a punto de gritar. Temblaba toda ella. En aquel silencio se oyeron entonces ligeros rumores: la carrera de un ratón entre los tabiques, el rac-rac de una polilla mordiendo en la madera, un chisporroteo de la luz...

Dona Marian pensó estremecida: “Acaso fue un alma en pena...”

Recordó unos golpes misteriosos que oyó la noche de la muerte de su hijo; entonces también medio en sueños, había oído como una voz lejana que la llamase... ¡Hay tantos arcanos mas allá de la vida!...

Felipe salió de entre las sabanas, un poco animado por el duro silencio, se acercó a la puerta, la entreabrió. Por el pasillo vino el tictaqueo de reloj. Escucho un minuto. De pronto cerró la puerta con mano temblona, sobrecogido, yerto: había oído claramente un rumor de pisadas cautelosas, y así como un rechinar; quizá una puerta de goznes recios o el gemido de un cajón que se abre... Se quedó encorvado junto a la puerta, reteniéndola con sus dedos agitados. Estaba lavadísimo; los escasos mechones blancos, revueltos por la almohada parecían erizados de un supremo terror. Temblaba fuertemente bajo su chaleco de bayeta amarilla. Dona Mariana cruzó las manos, contagiada por aquel mudo pánico. Felipe susurro apenas, tan despacio, que ella adivino más que oyó:

-Hay ladrones!

Se frunció en mil arrugas toda la cara de ella, en un sollozo de espanto; alzó los brazos como pidiendo ayuda; se sintió sin voz, con un sudor frío por todo el cuerpo. Se arrastró hasta el borde del

napugalo ee еще больше; она чуть не вскрикнула и вся затряслась. И в этой тишине послышались какие-то слабые звуки: мышь пробежала за перегородкой, древоточцы пожирали дерево, шипела лампадка...

Донья Мариана подумала в тоске: «А что, если это — неприкаянная душа?...»*

Она вспомнила таинственные удары, которые слышала в ночь смерти своего сына; тогда в полусне ей почудилось, будто далекий голос звал ее... Сколько тайн хранит потусторонний мир...

Фелипе встал с постели, немного ободренный долгой тишиной, подошел к двери и приоткрыл ее. Из коридора донеслось тиканье часов. Минуту он прислушивался. И вдруг резко захлопнул дверь трясущейся рукой, захваченный врасплох, оцепеневший. Он совершенно явственно услышал звук крадущихся шагов и какой-то скрип: то ли дверь повернулась на массивных петлях, то ли простонал выдвигаемый ящик... Фелипе замер, скорчился возле двери, прижимая ее трясущимися пальцами. Он был бледен, как полотно, редкие седые волосы, разлохмаченные подушкой, казалось, встали дыбом от страха. Он весь дрожал под желтой тканью шерстяного жилета. Донья Мариана, заразившись его паническим страхом, стиснула руки на груди. Фелипе прошептал едва слышно и так медленно, что она скорее угадала, чем услышала:

— Грабители!

---

* Дух, душа умершего, которая не может подняться на небо и бродит, тоскуя, по ночам. Существует в мифологиях многих народов, в том числе, в галисийских народных сказках.

lecho; se arrastro hasta el suelo; la comisa arremolinada dejaba ver las pobres piernas nudosas y flacas, los senos flácidos y terrosos, pendientes como vejigas desinfladas. Se acercó a su marido. Busco un sitio para ocultarse, para huir; tropezó en la mesilla. Entonces el alzo el brazo temblón para pegarle:

-Quieta!

Y la anciana se enovilló junto al lecho. Se oía claramente en la estancia el castañeteo de sus dientes; fijaba los espantados ojos en la puerta, esperando ver surgir silenciosamente al ladrón, mirándolos con ojos brilladores, con el puñal desnudo en la mano, pronto a herir.

La puerta no tenía otra defensa que un débil pestillo. La mano de Felipe temblaba sobre él. El latir de los dos corazones angustiados los ensordecía, ¿Qué tiempo paso? ... ¿Un minuto?... ¿Una hora?... La campana del reloj dio un cuarto. Felipe escuchó por la ranura de la puerta. Llamo a su mujer; la anciana se acercó lentamente. Modulo él a su oído:

-Está en la sala.

Tenía en el rostro un gesto de máximo espanto.

- Es preciso avisar a Julián.

Añadió, asiendo un brazo de Mariana:

- Baja a buscarle.

Se abrieron más aun con el terror los ojos delatados de la mujer. Intento desasirse.

-Baja, te digo!

Brillaba en las pupilas de él, junto al pánico, aquel puntito de ferocidad que la vieja había visto más veces; pero se resistió ella enloquecida ante la idea de recorrer el largo pasillo y bajar la escalera de peldaños crujientes para llegar junto al dormido cria-

Лицо доньи Марианы собралось в тысячу морщинок и, всхлипнув от страха, она протянула руки, словно моля о помощи, вся в холодном поту, не в состоянии произнести ни слова. Она дотянулась до края постели, сползла на пол; завернувшаяся сорочка открыла жалкие узловатые ноги и плоские землястые груди, похожие на пустые мешки. Она потянулась к мужу, ища, где спрятаться, куда убежать, и наткнулась на столик. Фелипе замахнулся на нее трясущейся рукой:

— Тихо!

Старуха сжалась возле постели. Было слышно, как у нее стучат зубы. Она, не отрываясь, смотрела испуганными глазами на дверь и ждала, что вот-вот в ней беззвучно появится грабитель с обнаженным кинжалом в руке и уставится на них блестящими глазами, скорый на расправу.

На двери не было никакого замка, кроме хлипкой задвижки. Фелипе прижимал ее дрожащей рукой. Стук их собственных перепуганных сердец оглушал. Сколько прошло времени?... Минута?... Час?... Пробило четверть часа. Фелипе приник ухом к дверной щели. Подозвал жену; та медленно придвинулась. Фелипе проговорил ей в ухо:

— Он в гостиной.

На его лице застыл отчаянный испуг.

— Нужно предупредить Хулиана.

И добавил, хватая Мариану за руку:

— Спустись за ним!

Глаза женщины распахнулись от ужаса еще шире. Она попробовала вырваться.

— Иди, тебе говорю!

В глазах Фелипе вместе с паникой метались искорки зве-

do. Unió las manos, suplicante, sacudida convulsivamente por el temblor. El la atrajo hacia sí; entreabrió la puerta. Gimió la anciana:

-¡Por Dios..., por Dios!...

El viejo le clavaba las uñas en la pobre carne estremecida, sin que ella sintiese el dolor.

-¡Por Dios!...!No podre, no podre!

Se doblaron sus piernas; fue sentándose en el suelo lentamente; y sentada, la empujó el hacia el pasillo. Quedo allí como un montoncito blanco. Felipe torno a cerrar, precipitado, con un rápido jadeo. Empujo todo su cuerpo contra las tablas, entrelazo sobre el pestillo los garfios de sus dedos contraídos...Quedo escuchando, con toda el alma en sus oídos, creyendo sentir acercarse al ladrón, aturdido por aquel tumulto de su sangre, que daba un grueso relieve a las venas sobre la piel rugosa.

Y por la juntura de la puerta entraba, débil, como un maullido casi imperceptible, la vocecita de la anciana, ahogada en terror:

- ¡Felipe! ¡Felipe!

No decía más: era como un chillido de ratón. Se sentía a veces temblar sus dedos contra las tablas...

риной жестокости, которые старухе доводилось видеть и прежде; но она сопротивлялась, обезумев от одной мысли, что нужно пройти длинный коридор и спуститься вниз по скрипучей лестнице, чтобы добраться до спальни слуги. Она сцепила в мольбе руки, сотрясаясь в конвульсиях страха. Фелипе рванул ее к себе, приоткрыл дверь. Старуха стонала:

— Ради бога!..Ради бога!..

Ногти старика вонзались в трясущуюся плоть бедняги, но боли она не чувствовала.

— Ради бога!.. Я не смогу! Не смогу!

У Марианы подкосились ноги, и она начала медленно оседать на пол; сидящую, он выпихнул ее в коридор, где она осталась лежать белой бесформенной массой. Фелипе, задыхаясь, быстро захлопнул дверь и навалился на нее всем телом, накрыв скрюченными пальцами задвижку...Замер, прислушиваясь, весь обратившись в слух, уверенный, что чувствует приближение грабителя, оглохший от пульсирующей крови, туго натянувшей каждую вену под его морщинистой кожей.

В дверную щель проникал слабый, задушенный ужасом, похожий на еле уловимое мяуканье голосок старухи:

— Фелипе! Фелипе!

И больше ничего: словно писк мыши. Временами он чувствовал дрожь пальцев на дверных досках....

**Travels with the Flea. Glasgo, 2003. Taxi Driver,
Easy Rider**
Jim Perrin

Nerves don't come into it. First there was the cab ride from Oakland Airport. 'Eight dollars,' Felix, the Swiss manager of the bike depot, had barked over the phone. 'Pay no more. Beware the cabs of San Francisco!' At 30 dollars with the meter still running, Iqbal pulled into a Chicken Shack. He ordered chicken pieces fried crisp, told the attendant I'd pay: 'An advance on the fare,' he confided to no-one in particular, and put the box on the seat beside him. A hundred yards down the road there was an explosion.

Shredded chicken and batter sprayed from between his teeth across the windscreen. He made a U-turn, raced back. A box of chicken hurtled into the kiosk, followed by the open palm that had propelled it: 'This chicken ... frozen ... I tell you crispy how I like ... my money!' Dollars were passed across and pocketed. We drove out.

'So, Iqbal,' I simpered from the back after a safe interval, 'where are you from?'

'I am Afghani. I fight in the war, kill many Russians.' 'How many?' I quailed.

'Maybe 50, maybe more. I don't know. In this country I should be hero, but in United States the professional has no place. This is why it is time to bring in socialism here, my friend, like they had in Russia. Now, where are you going..?'

**Путешествие с блохой. Глазго, 2003.
"Эх, прокачу!..."**

Целовальникова Дарья. Перевод с английского

Нервы здесь ни при чем. Сперва эта поездка на такси из Оклендского аэропорта. «Восемь долларов!», — пролаял в трубку Феликс, менеджер по прокату мотоциклов. Феликс — швейцарец, и как истинный швейцарец он добавляет: «Не дай себя развести. Берегись таксистов в Сан-Франциско!» Счетчик показывает тридцать долларов и продолжает мотать, Икбал въезжает в закусочную «Чикен-Шек». Он заказывает курицу в панировке, заявляя продавцу, что плачу я. «Аванс в счет плата за проезд», — не обращая ни к кому конкретному, ставит коробку с едой на соседнее сиденье. Спустя сто ярдов раздается взрыв.

Недожеванный цыпленок и тесто размазаны ровным слоем по всему лобовому стеклу. Разворот на сто восемьдесят, мчимся назад. Коробка с курицей летит в кiosk, вслед за ней высовывается и рука, забросившая «бомбу»: «Этот цыпленок... замёрзлый... Я говорить вам — хрустящий, как мне нравятся... отдавать мои деньги!» Продавец поспешно сует ему доллары, мы уезжаем.

— Итак, Икбал, — медленно сосчитав до ста вопрошаю я, глупо улыбаясь с заднего сиденья, — откуда же Вы?

— Я афганец. Я борюсь в войне, убивать много русский.

— Сколько? — Я похолодел.

— Может пятьдесят, может больше. Не знаю. В этой стране я должен быть герой, но в Штатах настоящий профессионал нет места. Пора, друг, здесь устроить социализм, как они сделали в России. Эй, куда соберётся?..

Работа заняла первое место в номинации «Проза».

Felix rescued me. He was five feet five inches in all directions, biceps included. Beneath a smiling, world-weary efficiency that had seen every scam, foible and vanity of the human race and come through unmoved, he was cold steel. I'd rather have crossed Iqbal, whom Felix gave ten dollars for his fare and ordered out of the yard, or a psychotic grizzly bear.

Iqbal went quietly, the Swiss not being Russians or socialists.

Then I was shown the bike. It was a chromium dream. It had running boards and panniers, a screen, top box and sound system, an armchair on the back, an engine bigger than your average car's. It was painted in glitter-fleck metallic crimson. For three weeks, this was my Electra-glide in scarlet, my own pet hog (all Harley Davidson motorcycles are known by the affectionate generic of'hogs'). 'Guys on real Harleys won't speak to you, Dad,' my son, who is subtle and had just come back from California, had told me. Weekenders they call them, or bankers - something like that.'

The first two hours were nightmarish. I'd borrowed some fluorescent zippy thing from a friend for ten minutes' practise before I left. That was the sum total of my riding experience in the last five years. It's not good preparation for six-lane freeways in the San Francisco rush hour.

When Stevenson buys his donkey, he tells how 'one child after another was set upon her back to ride, and one after another went head over heels into the air; until a

Спас меня Феликс. Вот уж хоть поставь хоть положи — пять футов и пять дюймов, что в длину, что в ширину, включая бицепсы. Под маской улыбчивого, пресыщенного дельца, повидавшего на своем веку все аферы, слабости и амбиции человеческого рода и при этом ничем себя не запятнавшего, проглядывала закаленная сталь. Я бы скорее рискнул рассердить Икбала, которому Феликс выдал десять долларов в оплату проезда и выставил вон, или свирепого гризли-людоеда. Икбал, кстати, тихо ушел, ведь швейцарцы это вам не какие-нибудь русские или даже социалисты.

И тогда мы пошли смотреть байк. Это была хромовая мечта... Центральные и боковые подножки и встроенный комплект из двух боковых и одного верхнего кофра, лобовое стекло и музыкальная установка, удобное сиденье и двигатель куда мощнее, чем у обычной легковушки. Цвета багровый металлик в крапинку. На целых три недели это мой «Электра Глайд» в ярко-алом исполнении, мой верный конь (все мотоциклы Харлей Дэвидсон ласково называют «конями»). «Парни на реальных Харлеях даже разговаривать с тобой не станут, пап, — заявил мой тактичный сын, только что вернувшийся из Калифорнии. — Таких как ты они называют то ли дачниками, то ли клерками, как-то так».

Первые два часа были кошмаром. Перед поездкой я одолжил у одного приятеля флуоресцентное нечто о двух колесах. Эта десятиминутная практика и есть весь мой опыт езды на мотоцикле за последние пять лет. Не совсем то, что надо для гонок по шестиполосным автострадам в Сан-Франциско, да еще в час пик.

Помнится, когда Стивенсон покупал осла, то продавец «усаживал одного ребенка за другим на спину ослу, чтобы прокатить, и один за другим летели они кубарем вниз, пока не уверились в тщете своих усилий».

want of confidence began to reign.' I didn't have such liberty, buffeted in the slipstreams of 50-ton Kenworth rigs - the kind that look like mesozoic wart-hogs - that juddered past, twin vertical chrome exhausts roaring, at 60 mph on either side. Six lanes of those things on either carriageway create turbulence. San Francisco earthquakes, collapsing freeways? It's the trucks, and there I was among them, wrestling with every muscle as The Hog veered this way and that, blasted by contrary winds. You call this the menopausal male's dream?

Я не мог себе позволить такой роскоши, борясь с воздушными потоками между пятидесятитонными грузовиками — теми, что похожи на мезозойских бородавочников, — которые проносились мимо меня с обеих сторон на скорости шестьдесят миль в час, рыча парными хромированными выхлопными трубами и раскачиваясь из стороны в сторону. Шесть полос этих махин на обеих сторонах проезжей части создают бурю. Землетрясения в Сан-Франциско, разрушающие автострады? Да это же про грузовики, и я мчался среди них — каждый мускул и каждая жила напряжены до предела, — пока мой верный конь выписывал виражи, раздираемый встречными ветрами. И это называется мечта любого нормального мужика предпенсионного возраста?!?

Cinnamon
Neil Gaiman

Cinnamon was a princess, a long time ago, in a small hot country, where everything was very old. Her eyes were pearls, which gave her great beauty, but meant she was blind. Her world was the colour of pearls: pale white and pink, and softly glowing.

Cinnamon did not talk.

Her father and her mother -- the Rajah and Rani -- offered a room in the palace, a field of stunted mango trees, a portrait of the Rani's aunt executed on hardwood in enamels, and a green parrot, to any person who could get Cinnamon to talk.

The mountains ringed the country on one side, the jungle on the other; and few and far came the people to try to teach Cinnamon to speak. But come they did: and they stayed in the room in the palace, and cultivated the field of mango trees, and fed the parrot, and admired the portrait of the Rani's aunt (who was quite a celebrated beauty in her day, although she was now old and crabbed and pinched with age and disappointment), and, eventually, they went away, frustrated, and cursing the silent little girl.

One day a tiger came to the palace. He was huge and fierce, a nightmare in black and orange, and he moved like a god through the world; which is how tigers move. The people were afraid.

"There is nothing to be frightened of," said the Rajah. "Very few tigers are man-eaters."

"But I am," said the tiger.

The people were much amazed at this, although it did nothing whatsoever to quell their fear.

Корица

Ксения. Перевод с английского

Давным-давно в крохотной жаркой стране, где все было очень-очень старинное, жила-была принцесса Корица. Глаза ее были как две жемчужины удивительной красоты, но это означало, что она слепа. Весь мир для нее был похож на жемчуг, светящийся мягким бледно-розовым цветом.

Корица не умела разговаривать.

Мама и папа девочки, раджа и рани, предлагали отдать в безраздельное владение любому, кто сможет научить их дочку говорить, комнату во дворце, сад из чахлах деревьев манго, эмалевый портрет тетушки рани и зеленого попугая.

С одной стороны страну окружали горы, с другой — дикие джунгли, так что желающие находились не так уж часто. И все же случалось, что они приходили, ночевали в комнате во дворце, заботились о манговых деревьях в саду, кормили попугая, любовались портретом тетушки рани (в свое время она была признанной красавицей, но в старости вся скрючилась и высохла от возраста и разочарования в жизни), и в конце концов, раздосадованные, покидали дворец, проклиная молчаливую маленькую девочку.

Однажды во дворец пришел тигр. Он был огромный и свирепый, настоящий ужас черно-оранжевого цвета, и двигался он так, будто был богом, сошедшим с небес — так двигаются все тигры. Все вокруг страшно напугались.

Работа заняла второе место в номинации «Проза».

"You might be lying," said the Rajah.

"I might be," said the tiger. "But I'm not. Now: I am here to teach the girl-cub to talk."

The Rajah consulted with the Rani, and, despite the urgings of the Rani's aunt, who was of the opinion that the tiger should be driven out from the city with brooms and sharp sticks, the tiger was shown to the room in the palace, and given the enamel painting, and the deeds to the mango field, and he would also have been given the parrot, had it not squawked and flown to the rafters, where it stayed and refused to come down.

Cinnamon was shown into the tiger's room.

"There was a young lady from Riga," squawked the parrot, from high in the rafters, "who went for a ride on a tiger. They came back from the ride with the lady inside and a smile on the face of the tiger." (Although, in the interests of historical and literary accuracy, I am obliged to point out here that the parrot actually quoted another poem, much older, and a little longer, with, ultimately, a similar message.)

"There," said the Rani's aunt. "Even the bird knows."

"Leave me with the girl," said the tiger.

And, reluctantly, the Rajah and the Rani and the Rani's aunt and the palace staff left the beast with Cinnamon. She pushed her fingers into its fur, and felt its hot breath on her face.

The tiger put Cinnamon's hand into his.

"Pain," said the tiger, and it extended one needle-sharp claw into Cinnamon's palm. It pierced her soft brown skin, and a bead of bright blood welled up.

Cinnamon whimpered.

"Fear," said the tiger, and it began to roar, starting so quietly

— Не надо бояться, — сказал раджа, — не все тигры едят людей.

— Я — ем, — ответил тигр.

Люди подивились такому заявлению, и все же оно не особенно их успокоило.

— Ты можешь врать, — сказал раджа.

— Да, могу, — ответил тигр. Но я не вру. Давайте же перейдем к делу: я здесь, чтобы научить детеныша говорить.

Раджа посоветовался с рани, и, несмотря на увещевания тетушки, которая считала, что тигра необходимо срочно прогнать из города метлами и кольями, дикого зверя отвели в его комнату, отдали ему эмалевый портрет и документы на манговый сад. Ему бы выдали и попугая, но тот с криком взлетел к потолку и не изъявлял никакого желания спускаться.

Корицу ввели в комнату тигра.

— Одна юная леди из Риги, — прокричал попугай со стропил, — прокатиться решила на тигре. А вернулись они с юной леди внутри и улыбкой снаружи у тигра! (Конечно, в интересах исторической и литературной точности я обязан подчеркнуть, что на самом деле попугай прочитал другое стихотворение, гораздо более древнее, немного подлиннее, но, в общем, смысл был такой же).

— Вот видите, — воскликнула тетушка рани, — даже птица все понимает!

— Оставьте нас одних, — сказал тигр.

Нехотя раджа, рани, тетушка рани и прислуга вышли из комнаты. Девочка погрузила пальцы в шерсть тигра и почувствовала его горячее дыхание на своем лице.

Тигр вложил руку Корицы в свою лапу.

you could scarcely hear it, working its way up to a purr, then a quiet roar, like a distant volcano, then to a roar so loud that the palace walls shook.

Cinnamon trembled.

"Love," said the tiger, and with its rough red tongue it licked the blood from Cinnamon's palm, and licked her soft brown face.

"Love?" whispered Cinnamon, in a voice wild and dark from disuse.

And the tiger opened its mouth and grinned like a hungry god; which is how tigers grin.

The moon was full that night.

It was bright morning when the child and the tiger walked out of the room together. Cymbals crashed, and bright birds sang, and Cinnamon and the tiger walked towards the Rani and the Rajah, who sat at one end of the throne room, being fanned with palm fronds by elderly retainers. The Rani's aunt sat in a corner of the room, drinking tea disapprovingly.

"Can she talk yet?" asked the Rani.

"Why don't you ask her?" growled the tiger.

"Can you talk?" the Rajah asked Cinnamon.

The girl nodded

"Hah!" cackled the Rani's aunt. "She can no more talk than she can lick her own backbone!"

"Hush," said the Rajah to the Rani's aunt.

"I can talk," said Cinnamon. "I think I always could."

"Then why didn't you?" asked her mother.

"She's not talking now," muttered the Rani's aunt, wagging one stick-like finger. "That tiger is throwing his voice."

"Can no-one get that woman to stop talking?" asked the Rajah

— Боль, — сказал он и выпустил свой острый, как игла, коготь, в ладонь девочки. Коготь пронзил ее мягкую темную кожу, и показалась капля алой крови.

Корица всхлипнула.

— Страх, — сказал тигр, и начал рычать. Сначала его голос был почти неслышным, потом превратился в негромкое урчание, потом стал тихим рыком, похожим на звук извергающегося вдали вулкана, и, наконец, раздался рёв настолько громкий, что стены дворца содрогнулись.

Корица задрожала.

— Любовь, — сказал тигр, и, стерев с ладони девочки кровь своим красным жестким языком, лизнул ее в смуглое лицо.

— Любовь? — прошептала Корица странным, печальным от молчания голосом.

И тогда тигр открыл пасть и ухмыльнулся, как голодный бог — так улыбаются все тигры.

В ту ночь стояла полная луна.

Когда ребенок и тигр вышли из комнаты, было ясное утро. Музыканты ударили по тарелкам, и Корица и тигр подошли к радже и рани, сидящим в дальнем конце тронного зала под опахалами из пальмовых листьев. Тетушка рани сидела в углу неподалеку и с весьма неодобительным видом пила чай.

— Она уже может говорить? — спросила рани.

— Почему бы вам не спросить у нее самой? — прорычал тигр.

— Ты можешь говорить? — спросил раджа у дочери.

Девочка кивнула.

— Ха! — фыркнула тетюшка рани. — Да точно также она может и укусить себя за локоть!

of the room.

"Easier to stop 'em than start 'em," said the tiger, and he dealt with the matter.

And Cinnamon said, "Why not? Because I had nothing to say."

"And now?" asked her father.

"And now the tiger has told me of the jungle, of the chattering of the monkeys and the smell of the dawn and the taste of the moonlight and the noise a lakeful of flamingoes makes when it takes to the air," she said. "And what I have to say is this: I am going with the tiger."

"You cannot do this thing," said the Rajah. "I forbid it."

"It is difficult," said Cinnamon, "to forbid a tiger anything it wants."

And the Rajah and the Rani, after giving the matter a little consideration, agreed that this was so.

"And besides," said the Rani, "she'll certainly be happier there."

"But what about the room in the palace? And the mango grove? And the parrot? And the picture of the Rani's late aunt?" asked the Rajah, who felt that there was a place for practicality in the world.

"Give them to the people," said the tiger.

And so an announcement was made to the people of the city that they were now the proud owners of a parrot, a portrait, and a mango grove, and that the Princess Cinnamon could speak, but would be leaving them for a while to further her education.

A crowd gathered in the town square, and soon the door of the palace opened, and the tiger and the child came out. The tiger

— Тсс, — сказал Раджа тетушке рани.

— Я могу, — произнесла Қорица. — Мне кажется, я всегда умела говорить.

— Тогда почему же ты молчала? — спросила ее мать.

— Это не она говорит, — пробурчала тетушка рани, — этот тигр выдает свой голос за ее!

— Кто-нибудь может заставить эту женщину замолчать? — обратился Раджа ко всем присутствующим.

— Проще заставить их замолчать, чем заговорить, — ответил тигр и довольно быстро разобрался с этой проблемой.

А Қорица сказала:

— Я молчала, потому что мне нечего было сказать.

— А теперь? — спросил ее отец.

— А теперь тигр рассказал мне о джунглях, о болтовне обезьян, о запахе рассвета и вкусе лунной ночи, о звуке, с которым стая фламинго взмывает в воздух с поверхности озера, — сказала она. — И теперь я хочу сказать вот что: я ухожу вместе с тигром.

— Нет, ты не можешь так поступить! — возмутился раджа. — Я запрещаю это.

— Сложно запретить тигру сделать то, что он хочет, — ответила на это Қорица.

И тогда раджа и рани, немного посоветовавшись, согласились.

— К тому же, — сказала рани, — она будет там счастлива.

— Но что теперь делать с комнатой во дворце? С манговым садом, с попугаем, и с портретом тетушки рани? — спросил раджа. Практичность явно была одной из его сильных сторон.

— Отдайте их народу, — сказал тигр.

walked slowly through the crowd with the little girl on his back, holding tightly to his fur, and soon they both were swallowed by the jungle; which is how a tiger leaves.

So, in the end, nobody was eaten, save only the Rani's elderly aunt, who was gradually replaced in the popular mind by the portrait of her, which hung in the town square, and was thus forever beautiful and young.

Гражданам города тотчас же было объявлено, что отныне они — гордые владельцы попугая, портрета и мангового сада, и что принцесса Корица научилась говорить и собирается на некоторое время покинуть дворец для получения дальнейшего образования.

На городской площади собралась толпа, и, как только ворота дворца распахнулись, из них вышел тигр с девочкой на спине. Он медленно прошествовал через толпу, а девочка крепко держалась за его шерсть, и скоро они растворились в джунглях. Так уходят все тигры.

В общем, так никого в этой истории и не съели, кроме, конечно, пожилой тетушки рани, которую в народном сознании постепенно заменил ее портрет, висевший на главной площади и улаждавший взоры людей своей вечной красотой и молодостью.

The Stone Angel

Margaret Laurence

After supper they baggage me into the car and off we go...

All would be lovely, all would be calm, except for Doris's voice squeaking like a breathless mouse. She has to explain the sights. Perhaps she believes me blind.

"My, doesn't everything look green?" she says, as though it were a marvel that the fields were not scarlet and the alders aquamarine. Marvin says nothing. Nor do I. Who could make a sensible reply?

"The crops looks good, don't they?" she goes on. She has lived all her life in the city, and would not know oats from sow-thistle. "Oh, look at the blackberries all along the ditch. There'll be tons of them this year. We should come out when they're ripe, Marv, and get some for jam."

"The seeds will get under your plate." I can't resist saying it. She has false teeth, whereas I, through some miracle, still possess my own. "They're better for wine, blackberries."

"For those that use it," Doris sniffs.

She always speaks of "using" wine or tobacco, giving them a faintly obscene sound, as though they were paper handkerchiefs or toilet paper.

But soon she's back to her cheery commentary. "Oh, look—those black calves. Aren't they sweet?"

If she'd ever had to take their wet half-born heads and help draw them out of the mother, she might call them by

Каменный ангел (отрывок)

Екатерина. Перевод с английского

После ужина меня загружают в машину, и вот мы уже катим по дороге...

Все было бы просто замечательно, если бы спокойствие не нарушал резкий голос Дорис, напоминающий писк запыхавшейся мыши. Она считает своим долгом объяснять мне все, что видно из окна. Наверное, держит меня за слепую.

— Ну надо же, как все зелено вокруг! — говорит она, как будто поражаясь тому, что поле не алого цвета, а ольха почему-то не цвета морской волны. Марвин молчит. Равно как и я. Разумному человеку просто нечего на это сказать.

— Урожай вроде бы будет хороший, — продолжает она. И это я слышу от человека, который всю жизнь прожил в городе и не отличит овса от отота. — Ой, глядите, сколько черники вдоль канавы! В этом году ее просто пруд пруди. Как созреет, надо будет собирать ягод на варенье — как думаешь, Марв?

— Косточки будут застревать в протезе, — говорю я, не в силах удержаться. Она носит зубные протезы, в то время как я каким-то чудом до сих пор сохранила собственные зубы. — Из черники лучше делать вино.

— Тем, кто его употребляет, — обиженно фыркает она.

Она всегда использует глагол «употреблять» в отношении вина и табака, подчеркивая некую непристойность этого занятия.

Но через какое-то мгновение она уже снова в образе задорного экскурсовода.

Работа заняла третье место в номинации «Проза».

many words, but sweet would almost certainly not be one of them. And yet it's true I always had some feeling for any creature struggling awkward and unknowing into life. What I don't care for is her liking them when she doesn't understand the first thing about it. But why do I think she doesn't? She's borne two children, just as I have.

"Dry up, Doris, can't you?" Marvin says, and she gapes at him like a flounder.

"Now, Marvin, there's no call to be rude." Strangely, I find myself taking her part, not that she'll thank me for it.

We fall silent, and then I see the black iron gate and still I do not understand. Why is Marvin turning and driving through this open gate? The wrought iron letters, fanciful and curlicued, all at once form into meaning before my eyes.

SILVERTHEADS

I push aside my shroud of pillows, and my hands clutch at the back of the seat. My heart is pulsing too fast, beating like a berserk bird. I try to calm it. I must, I must, or it will damage itself against the cage of bones. But still it lurches and flutters, in a frenzy to get out.

"Marvin—where are we going? Where are we?"

"It's all right," he says. "We're only—"

I reach for the car door, fumble with the handle, try to release the catch.

"I'm not coming here. I'm not—do you hear me? I want out. Right now, this minute. Let me out!"

"Mother!" Doris grabs my hand, pulls it away from the bright and beckoning metal. "What on earth are you

— Глядите скорей, черные телята! Какая прелесть!

Если бы ей хоть раз в жизни довелось брать их за только что высушенные головы и вытаскивать из чрева матери, она бы называла их какими угодно словами, но только не прелестью. Правда, должна признать, что я сама всегда симпатизировала существам, с трудом появляющимся на свет и не знающим, что их здесь ждет. Но Дорис — та в этом ничего не смыслит, зато бурно восторгается при виде телят, вот что меня раздражает. Впрочем, почему эту я решила, что она в этом ничего не смыслит? Она ведь родила двоих детей, как и я.

— Дорис, ты закроешь когда-нибудь рот? — говорит Марвин, и, возмущенная, она лишь беззвучно шлепает губами, словно камбала.

— Марвин, ну зачем же так грубить? — Странно, но я на ее стороне, хоть никто и не скажет мне за это спасибо.

Дальше мы едем в молчании, и вдруг я вижу черные железные ворота, однако по-прежнему ни о чем не догадываюсь. Почему Марвин сворачивает с дороги и заезжает в открытые ворота? Причудливые завитушки кованых букв складываются в знакомое мне слово: СИЛЬВЕРТРЕДЗ.

Я высвобождаюсь из моего подушечного футляра и вцепляюсь в сиденье. Пульс зашкаливает, сердце стучит, как у обезумевшей от страха птицы. Я пытаюсь взять себя в руки. Надо как-то успокоить сердце, иначе оно разобьется о грудную клетку. Но оно продолжает буйствовать, пытаюсь вырваться на волю.

— Марвин, куда мы едем? Скажи, куда?

— Не волнуйся, — говорит он. — Мы просто...

Я тянусь к двери, пытаюсь совладать с ручкой и поднять кнопку.

— Я туда не пойду. Слышите? Не пойду! Я выхожу. Сейчас же, сию минуту. Выпустите меня!

— Мама! — Дорис хватает мою руку, снимая ее с блестящего и

trying to do? You might fall out and kill yourself."

"A fat lot you'd care. I want to go home—" I am barely aware of the words that issue from my mouth. I am overcome with fear, the feeling one has when the ether mask goes on, when the mind cries out to the limbs, "flail against the thing" but the limbs are already touched with lethargy, bound and lost.

Can they force me? If I fuss and fume, will they simply ask a brawny nurse to restrain me? Strap me into harness, will they? Make a madwoman of me? I fear this place exceedingly. I cannot even look. I don't dare. Has it walls and windows, doors and closets, like a dwelling? Or only walls? Is it a mausoleum, and I, the Egyptian, mummified with pillows and my own flesh, through some oversight embalmed alive? There must be some mistake.

"It's mean, mean of you," I hear my disgusting cringe. "I've not even any of my things with me—"

"Oh, for God's sake," Marvin says in a stricken and apologetic voice. "You don't think we were bringing you here to stay, did you? We only wanted you to have a look at the place, Mother, that's all. We should have said. I told you, Doris, we'd have been better to explain."

"That's right," she parries. "Blame it all on me. I only thought if we did, she'd never agree to even have a look at it, and what's more, you know that's so."

"The matron said we could come and have a cup of tea," Marvin says over his shoulder, in my direction.

"Look around, you know. Have a look at the place, and

манящего металла. — Ну что вы делаете? Вы же выпадете из машины и убьетесь.

— Тебе-то какое дело? Я хочу домой...

Я даже не вполне понимаю, какие именно слова слетают с моих уст. Мною овладел страх — примерно то же чувство мы испытываем, когда на нас надевают эфирную маску и мозг приказывает телу бороться и не сдаваться, но тело уже наполовину спит, скованное и обездвиженное наркозом.

Могут ли они меня заставить? Если я буду сопротивляться, не попросят ли они какую-нибудь крепенькую нянечку меня утихомирить? А может, свяжут по рукам и ногам? Выдадут за буйно помешанную? Боже, как я боюсь этого места. Я даже не могу на него смотреть. Просто не могу. Есть ли там стены и окна, двери и комнаты, как в любом жилом здании? Или одни стены? Может, это мой мавзолей, куда меня положат, как египетскую мумию, завернутую в подушки и свою собственную плоть и по недосмотру забальзамированную живо? Нет, не может этого быть.

— Как это подло, — слышу я свой отвратительный жалкий стон. — Я даже вещей своих не взяла...

— О Боже, — ошеломленный и извиняющийся возглас Марвина. — Ты что, подумала, что мы тебя здесь оставляем жить? Мы только хотели, чтобы ты взглянула на это место, мама, вот и все. Надо было сказать. Говорил же тебе, Doris, надо было все объяснить.

— Ну конечно, — парирует она. — Doris во всем виноватая. Да если б мы ей сказали, ни за что б она не поехала, и ты это знаешь не хуже меня.

— Заведующая пригласила нас на чашку чая, — говорит Марвин через плечо в мою сторону. — Вроде как на экскурсию. Посмотреть, как тебе тут понравится. Она говорит, многие так же себя ведут:

see how you felt about it. There's lots like you, she said, who're kind of nervous until they see how nice it is—"

There is such hopeful desperation in his voice that I am silenced utterly. And now it comes to my mind to wonder about my house again. Has he come to regard it as his, by right of tenancy? Can it actually be his? He's painted the rooms time and again, it's true, repaired the furnace, built the back porch and goodness knows what-all. Has he purchased it, without my knowledge, with time and work, his stealthy currency? Impossible. I won't countenance it. Yet the doubt remains.

The matron is a stoutish woman, pressing sixty,

I'd say, clad in a blue uniform and a professional benevolence. She has that look of overpowering competence that one always dreads, but I perceive that some small black hairs sprout like slivers from her chin, so she's doubtless had her own troubles—jilted, probably, long ago, by some rabbit man who feared she'd devour him. Having thus snubbed the creature in my head, I feel quite kindly disposed toward her, in a distant way, until she grips my arm and steers me along as one would a drunk or a poodle.

Briskly we navigate a brown linoleum corridor, round a corner, linger while she flings wide a door as though she were about to display the treasure of some Persian potentate.

"This is our main lounge," she purrs. "Very comfy, don't you think? Now that the evenings are fine, there aren't so many here, but you should see it in the winter.

сначала бояться, а потом им здесь нравится...

В его голосе столько надежды и отчаяния, что я больше не могу возражать и замолкаю. Теперь я вдруг снова начинаю волноваться о судьбе моего дома. Неужели он думает, что после стольких лет проживания дом перешел в его владение? А может, он и правда теперь его? Да, он красил время от времени стены в комнатах, а еще он починил обогреватель, построил заднее крыльцо и много чего еще понаделал — ну и что? Означает ли это, что он купил его без моего ведома, вместо денег заплатив поддельной валютой — временем и трудом? Нет, это невозможно. Я не признаю этой сделки. И все же сомнения остаются.

Заведующая оказывается тучноватой женщиной, разменивающей, по моей оценке, шестой десяток и облаченной в синюю униформу и маску профессиональной благожелательности. На лице ее — то самое выражение абсолютного всеведения, которое неизменно внушает благоговейный ужас всем и каждому, но я замечаю, что на ее подбородке пучками торчат маленькие черные волосики, и понимаю, что и у нее не все гладко — скорее всего, давным-давно какой-нибудь ухажер струхнул от ее напора и позорно бежал. Мысленно разделавшись таким образом с врагом, я уже отношусь к ней вполне дружелюбно, хоть и по-прежнему холодновато, но она вмиг все портит, когда хватает меня под руку и ведет меня куда-то, как водят пьяных или пуделей на поводке.

Мы довольно быстрым шагом преодолеваем коридор, устланный коричневым линолеумом, затем поворачиваем и задерживаемся у двери, которую она распаивает передо мной с таким видом, будто за ней находятся сокровища древних персидских царей.

— Это наш главный зал, — мурлычет она. — Уютно, правда? Сейчас стоят теплые деньки, поэтому здесь народу немного, но вот

Our old people just love to gather here, around the fireplace. Sometimes we toast marshmallows."

I'd marshallow her, the counterfeit coin. I won't look at a thing, not one, on the conducted tour of this pyramid. I'm blind. I'm deaf. There—I've shut my eyes. But the betrayers open a slit despite me, and I see around the big fireplace, here and there, in armchairs larger than themselves, several small ancient women, white-topped and frail as dandelions gone to seed.

On we plod. "This is our dining hall," the matron says. "Spacious, don't you know? Very light and airy. The large windows catch the afternoon light. It's bright in here ever so late, way past nine in summer. The tables are solid oak."

"Really, it's lovely," Doris says. "It really is. Don't you think so, Mother?"

"I never cared for barracks," I reply.

Then I'm ashamed. I used to pride myself on my manners. How have I descended to this snarl?

"The leaded panes are nice," I remark, by way of grudging apology.

"Yes, aren't they?" Matron seizes the remark. "Quite recent, they are. We used to have picture windows. But older people don't care for picture windows, don't you know? They like the more traditional. So we had these put in."

She turns to Doris, a stage aside. "They cost the earth, I may say."

Now I'm sorry I praised them. This puts me with the rest, does it, unanimous old ewes?

видели бы вы этот зал зимой! Наши старички обожают сидеть здесь у камина. Иногда мы жарим на огне хлеб.

Я бы зажарила на огне самую сладкоречивую обманщицу. Я не взгляну ни на один экспонат во время этой увлекательной экскурсии по египетской пирамиде. Я слепа. Я глуха. Вот так — я закрыла глаза. Но эти предатели приоткрываются против моей воли, и я вижу, что у большого камина в огромных креслах сидят несколько дряхлых седовласых старушек, напоминающих отцветшие одуванчики.

Мы идем дальше.

— Это наша столовая. Правда же здесь просторно? Помещение хорошо освещается и проветривается. Большие окна дают много света. Здесь светло до самого вечера, летом — чуть ли не до десяти. Столы у нас дубовые.

— Здесь и правда здорово, — говорит Дорис. — Мне нравится. А вам, мама?

— Я не любитель казарм, — отвечаю я.

Мне становится стыдно. Я всегда гордилась своими манерами. Как же я опустилась до такой резкости?

— Красивые витражи, — отмечаю я вместо извинений.

— Это вы верно подметили, — тут же подхватывает заведующая. — Мы их поставили буквально на днях. Раньше у нас были венецианские окна. Но пожилым людям они, знаете ли, не по душе. У них более традиционные вкусы. Вот и пришлось заказать витражи.

Она поворачивается к Дорис, стоящей чуть поодаль.

— Стоили они, кстати, целое состояние.

Теперь я жалею, что выразила свое одобрение. Этим я причислила себя к стаду единоплеменных старых овец.

— У нас есть двухместные и одноместные комнаты, — повествует заведующая, пока мы поднимаемся по голым ступенькам лестни-

"We've double and single rooms," the matron says, as we mount the uncarpeted stairs. "Of course the singles run a little more."

"Of course," Doris agrees reverently.

The little cells look unlived-in and they smell of creosote. An iron cot, a dresser, a bedspread of that cheap homespun sold by the mail-order houses.

We descend, matron and Doris gabbling reassuringly to one another. All this while, Marvin has not spoken. Now he raises his voice.

"I'd like to have a word with you in your office, if that's okay."

"By all means. Would Mrs. Shipley—senior, I mean—care for a cup of tea on the veranda, while we chat in here? I'm sure she'd enjoy meeting some of our old people."

"Oh, thanks, that would be just lovely, wouldn't it, Mother?" Doris palpitates.

They look at me expectantly, assuming I'll be overjoyed to talk with strangers just because they happen to be old. Now I feel tired. What use to argue? I nod and nod. Ill agree to anything. Like two hens with a single chick, they fuss me into a chair. Into my hands is pushed a cup of tea. It tastes like hemlock. Even if it didn't, though, I'd have to feel it did. Doris is right. I'm unreasonable. Who could get along with me? No wonder they want me here. Remorsefully, I force the hot tea down my gullet, draining the cup to the dregs. Nothing is gained. It merely makes me belch.

цы. — Одноместные, конечно, дороже.

— Ясное дело, — почтительно соглашается Дорис.

Камеры, что они зовут комнатами, совсем маленькие и необжитые и пахнут креозотом. Железная койка, шкаф, покрывало из дешевой грубой материи, какие обычно заказывают по почте.

Пока мы спускаемся, Дорис и заведующая весело щебечут о чем-то. За все это время Марвин не раскрыл рта. Теперь он подает голос.

— Я бы хотел с вами переговорить в вашем кабинете, если можно.

- Ну конечно. Может быть, миссис Шипли... старшая миссис Шипли выпьет чашечку чая на веранде, пока мы беседуем? Ей наверняка интересно будет познакомиться с нашими пожилыми людьми.

— Это было бы чудесно, да, мама? — спешно соглашается Дорис.

Они выжидающе смотрят на меня, полагая, что я должна возрадоваться представившемуся мне случаю поговорить с чужими людьми исключительно потому, что они тоже имели несчастье оказаться стариками. Я устала. Что толку спорить? Я киваю и киваю. Я согласна на все. Усаживая меня в кресло, они возятся со мной, как две курицы с одним цыпленком. Всовывают мне в руки чашку чая. На вкус он омерзителен. Даже будь он вкусным, он все равно показался бы мне отравой. Дорис права. Я несносна. Со мной невозможно. Неудивительно, что они хотят меня сдать. Переполнившись раскаянием, я вливаю горячий чай в пищевод, допивая все до последней капли. Ну и чего я добилась? Разве что отрыжки.

На веранде царит тень...

Молоденькая нянечка с высокой грудью открывает дверь, не глядя кивает мне, пересекает веранду и спускается по лестнице. Одиночество в незнакомом месте, невидящий взгляд нянечки, спа-

The veranda is shadowy...

A young high-bosomed nurse flips open the main door, nods without seeing me, crosses the porch, goes out and down the steps. Being alone in a strange place, the nurse's unseeing stare, the receding heat of the day—all bring to mind the time I was first in a hospital, when Marvin was born.

The Manawaka hospital was new then and Doctor Tappen was anxious to show it off, the shiny enameled walls and the white iron cots, the deathly aroma of ether and Lysol.

I'd rather have had my child at home, a cat in a corner, licking herself clean afterward, with no one to ask who the torn had been. I didn't think there would be an afterward, anyway. I was convinced it would be the finish of me.

дающая жара — все это вызывает в моей памяти то время, когда я впервые оказалась в больнице, рожая Марвина.

Манавакскую больницу тогда только построили, и доктора Тэппена так и распирали гордость за блестящие новенькой краской стены, белые железные койки и смертельный запах эфира и лизола.

Я бы предпочла разродиться дома, как кошка, которая приносит котят в укромном уголке, а после вылизывает себя до чистоты, и никто не спрашивает ее, от кого она нагуляла потомство. Кроме того, я была уверена, что никакого «после» для меня не будет. Я не сомневалась, что это конец.

Kau und Friss oder die Reise zu der zauberhaften Bucht

James Krüss

"Lieber Freund", sagte der kugelige Herr Kau zu dem dünnen Herrn Friss, "denk dir, was ich in unserer alten Kommode gefunden habe: eine Landkarte."

"Na und?", fragte Herr Friss.

"Auf dieser Landkarte ist eine Bucht eingezeichnet, in der es Delfine im Meer, Seeschwalben in der Luft und Eidechsen und Schlangen auf dem Lande gibt", rief Kau begeistert.

"Was geht uns das an?", fragte Friss.

"Nun, lieber Freund, hast du schon einmal eine Bucht mit Delfinen, Seeschwalben, Eidechsen und Schlangen gesehen?"

"Nein", antwortete Friss.

"Also fahren wir hin", entschied Kau. "Wir haben ja Urlaub. Am besten nehmen wir den Morgenzug. Dann sind wir abends in der Hafencity. Am nächsten Morgen bringt uns dann ein Schiff zur Bucht. Ich denke, sonntags fährt man am günstigsten. Ist dein Pass in Ordnung? Sind deine Oberhemden gebügelt? Ausländisches Geld benötigen wir auch. Wir wollen uns gleich hinsetzen und einen Plan machen."

"Nicht vor dem Essen", brummte Friss. "Das verdirbt mir den Spaß am Kartoffelsalat."

"Also dann nach dem Essen", seufzte Kau und kugelte zur Tür hinaus, um hundert Dinge auf einmal zu erledigen. Aber weil er sich so viel auf einmal vorgenommen hatte, erledigte er überhaupt nichts, während Friss in Ruhe das Mittagessen zubereitete.

Кау и Фрисс или поездка к удивительному заливу 1

Ирина Позднякова. Перевод с немецкого

— Дорогой мой друг, — сказал кругленький господин Кау тоненькому господину Фриссу, — знаешь ли ты, что я разыскал в нашем старом комодe? Географическую карту!

— И что же? — Спросил Фрисс.

— На этой карте отмечен залив, где в море резвятся дельфины, в воздухе летают чайки, а по земле снуют ящерицы и змеи.

— А к нам это как относится? — не унимался Фрисс.

— Да разве ты не хотел бы, друг мой, увидеть хоть раз залив со всеми этими чайками, дельфинами и ящерицами?

— Нет, — спокойно ответил господин Фрисс.

— И, тем не менее, мы поедem, — решил Кау. — Мы оба в отпуске и утренним поездом можем отправиться к морю. В этом случае уже вечером мы будем в порту, и на следующее утро пароход доставит нас к заливу. Я полагаю, разумнее всего выехать в воскресенье. Паспорт у тебя в порядке? А рубашки ты погладил? И еще нам нужна иностранная валюта. Слушай, давай прямо сейчас усядемся и составим план.

— Нет, только не перед обедом, — проворчал Фрисс. — Ты мне испортишь вкус картофельного салата.

— Ладно, тогда после обеда, — вздохнув, согласился Кау. И бодро засеменял из комнаты, чтобы сделать одновременно сто приготовлений. Впрочем, ни в одном из ста дел он не преуспел, так как пытался делать все разом, тогда как Фрисс спокойно занимался обедом.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Проза».

Punkt zwölf aßen die beiden Frankfurter Würstchen und Kartoffelsalat. Friss aß doppelt so viel wie Kau, aber auch doppelt so schnell. Daher waren sie zur gleichen Zeit fertig. Jetzt entwarf Kau gewaltige Reisepläne, während Friss die beiden Pässe herausuchte, Oberhemden bügelte und sich auf einem Zettel alles aufschrieb, was er noch einkaufen musste.

Dann kaufte er ein. Kau aber setzte sich hin und schrieb sechsdreißig Postkarten. Darauf stand immer das Gleiche: "Liebe Clara, lieber Anton, liebe Tante, lieber Neffe, wir verreisen zu einer zauberhaften Bucht, die wir in unserer Kommode gefunden haben. Bitte, Rückkehr abwarten. Gruß von Friss. Kuss von Kau."

Eine Karte schrieb Kau auch an den Präsidenten der Musik-Gesellschaft "Harmonie"; denn Kau und Friss waren Musiker. Friss spielte Bass und Kau die Flöte.

Sonntagmorgen um sechs Uhr weckte Friss den Kau und sagte: "Aufstehen, gleich fährt der Zug."

"Aber wieso denn? Der Zug fährt doch erst um neun", maulte Kau verschlafen. "Wir haben doch alles gepackt und der Gang zum Bahnhof dauert fünf Minuten."

"Wir müssen frühstücken, das Haus abschließen, früh da sein und ein Abteil suchen", sagte Friss sehr bestimmt. "Dafür reichen drei Stunden mit knapper Not." Dann zog er Kau die Decke weg, schüttete ihm eine Tasse voll Wasser ins Gesicht und wiederholte: "Aufstehen."

Kau wälzte sich mit halb zugekniffenen Augen aus dem Bett, stolperte über den Koffer, hielt sich an der Tischdecke fest, riss das Frühstücksgeschirr zu Boden, das in Scherben ging, und sagte: "Guten Morgen!"

Rovno в полдень они съели сосиски с картошкой. Фрисс съел в два раза больше Кау, но он и ел в два раза быстрее, так что оба покончили с едой одновременно. Тогда Кау принялся составлять планы путешествия, в то время как Фрисс проверял их паспорта, гладил одежду и записывал на бумажке все, что нужно было купить в дорогу.

После этого он отправился за покупками, а Кау уселся писать открытки. Значилось на них примерно одно и то же: «Дорогая Клара... Дорогой Антон... Дорогая тетя... Дорогой племянник... Мы уезжаем к удивительному заливу, который нашли в нашем старом комодке. Ждите нашего возвращения. Привет от Фрисса, поцелуй от Кау.»

Одну из открыток Кау отправил президенту музыкального общества «Гармония», где они оба работали. Фрисс играл на контрабасе, а Кау — на флейте.

В воскресенье утром будильник зазвонил в шесть.

— Вставай, — сказал Фрисс своему другу, — поезд нас ждать не будет.

— Зачем? — Рассердился Кау, который хотел еще чуточку поспать. — Ведь наш поезд только в девять! Мы уже собрали вещи, и идти до вокзала нам всего минут пять.

— Мы должны еще успеть позавтракать, запереть дом, добраться до вокзала, найти наш поезд и занять места, — очень твердо сказал Фрисс. — Уверяю тебя, на это едва хватит трех часов.

После чего он сдернул с Кау одеяло и плеснул в него водой из стакана.

— Подъем!

Кау вылез из постели, споткнулся спросонья о чемодан, ухватился за скатерть и в минуту свалил весь завтрак со стола на пол.

Friss antwortete darauf nichts, fegte die Scherben zusammen, deckte zum zweiten Mal, kochte Kaffee, röstete Brot, setzte sich an den Tisch und sagte: "Es wird gefrühstückt."

"Aber wieso denn?", schrie Kau aus dem Badezimmer. "Ich hab noch nichts am Leib und bin gerade dabei, mir die Nägel zu machen."

"Zieh den Bademantel an. Jetzt wird gefrühstückt", befahl Friss abermals.

Da kam Kau nach einer Weile seufzend im Bademantel herein und setzte sich ebenfalls an den Tisch. Aber er hatte das zweite Ei noch nicht aufgeschlagen, da war Friss schon fertig mit dem Frühstück und fing an abzuwaschen. Kau ließ sich dadurch nicht stören. Er frühstückte in aller Gemütsruhe, ging wieder ins Badezimmer und zog sich dort langsam an.

"Bist du endlich fertig?", schrie Friss.

"Gleich, gleich", sagte Kau.

Eine halbe Stunde später kam er mit einem Schuh, einem Manschettenknopf und einer völlig verwurstelten Krawatte ins Zimmer.

"Deinen linken Schuh hast du in den Speiseschrank gestellt, dein Manschettenknopf liegt unter dem Gummibaum", sagte Friss. Dann band er die Krawatte von Kau, während der kleine Dicke hin und her lief, um Schuh und Manschettenknopf zu suchen.

Punkt acht Uhr waren sie reisefertig. Kau fand, es sei noch zu früh für den Zug, aber Friss schob ihn samt zwei Koffern auf die Straße, folgte mit drei anderen Koffern nach, schloss die Wohnungstür ab und setzte sich zum Bahnhof in Marsch. Kau folgte stöhnend. "Müssen wir so schnell gehen?", brummte er.

— Доброе утро! — сказал он.

Фрисс ничего не ответил, он просто подмел осколки, второй раз поджарил гренки, сварил кофе, и только тогда крикнул: — Завтракать!

— Я не могу, — отвечал из ванной Кау. — Я еще не одет и делаю педикюр.

— Надевай купальный халат. Пора завтракать, — приказал Фрисс.

Кау вышел в купальном халате и со вздохом уселся за стол. Не успел он почистить второе яйцо, как Фрисс уже покончил с завтраком и стал быстро мыть посуду. Поэтому Кау смог в тишине и покое доесть свою порцию, после чего он пошел в ванную и там, не спеша, стал одеваться.

— Ты готов наконец? — Закричал ему Фрисс.

— Сейчас, сейчас, — ответил Кау.

Через полчаса он вышел в гостиную с ботинком и запонкой, а также с галстуком, который почему-то невообразимо запутался.

— Твой левый ботинок в кладовой, — информировал его Фрисс, — а запонка в цветочном горшке.

Пока Кау бегал туда-сюда, разыскивая свои вещи, Фрисс взял его галстук и завязал узел как полагается.

Одним словом, к восьми утра они были готовы к выходу. Кау заметил было, что это слишком рано, но Фрисс выставил его на улицу вместе с двумя чемоданами, потом вынес еще три, аккуратно запер квартиру и зашагал к вокзалу. Кау со стоном последовал за ним.

— Разве нужно идти так быстро? — Ворчал Кау.

— Конечно нужно, — невозмутимо отвечал Фрисс.

Через десять минут они уже стояли на платформе под холодным ветром, где никакого поезда еще не было.

"Jawohl, wir müssen. Basta."

Zehn Minuten später standen sie auf dem kalten windigen Bahnsteig, wo noch kein Zug zu sehen war.

"Siehst du!", rief Kau triumphierend.

Aber Friss ging darauf gar nicht ein. Er zündete sich eine Zigarette an und rauchte sie mit großem Genuss mitten auf dem kalten windigen Bahnsteig.

Der Zug kam mit einer Stunde Verspätung. Kau war in dieser Zeit vor Zorn und Ungeduld beinahe geplatzt. Friss war vergnügt, weil sie zeitig genug gekommen waren. Als sie endlich in einem Abteil am Fenster saßen, einer dem anderen gegenüber, seufzte Kau erleichtert auf. Aber jetzt machte Friss eine finstere Miene. "Zwölf Stunden auf einem Platz sitzen", murrte er. "Grausam."

"Aber, lieber Freund", rief Kau, "stell dir vor, was du während dieser zwölf Stunden alles sehen wirst: Bauerndörfer, Flüsse, Brücken, Berge, Wiesen, Kühe und am Ende das Ufer des Meeres."

"Aber der Sitz bleibt immer derselbe", sagte Friss.

Gleich darauf fuhr der Zug los.

Als die ersten Berge in Sicht kamen, schrie Kau: "Es liegt noch Schnee auf den Gipfeln, Friss."

Aber Friss löste gerade ein Kreuzworträtsel und fragte nach einer indischen Stadt mit B und sechs Buchstaben.

"Weiß ich nicht", murmelte Kau und blickte träumerisch auf die Berge, zwischen denen Fetzen von Morgennebeln brauten.

Mittags kam ein Kellner mit einer Bimmel ins Abteil und lud Kau und Friss in den Speisewagen ein.

— Вот видишь! — с торжеством вскричал Кау.

Однако Фрисса это не тронуло. Он с удовольствием закурил, и это согрело его на холодном ветру.

Поезд опоздал на целый час. Кау от гнева и нетерпения не знал куда себя девать, а Фрисс был доволен, что они так рано успели на вокзал. Когда они, наконец, заняли свое купе, Кау вздохнул с облегчением, в то время как Фрисс помрачнел.

— Двенадцать часов сидеть сиднем, — проворчал он.

— Но дорогой друг, за эти часы ты увидишь столько всего, — возразил Кау, — фермы, реки, мосты, горы, луга и коровы на лугах. А в конце пути — море!

— Но сидеть — всегда означает ничего не делать, — ответил Фрисс.

И поезд отправился к морю.

Когда вдаль показались горы, Кау восторженно закричал: — Смотри, еще снег остался на вершинах!

Но Фрисс решал кроссворд и рассеянно спросил, не знает ли Кау индийский город из шести букв, который начинается с «Б».

— Каб я знал! — Досадовал Кау и снова мечтательно смотрел на горы, между которыми еще не растаял утренний туман.

В полдень в купе заглянул официант и пригласил их в вагон-ресторан.

— Слушай, давай сэкономим денег на обеде и купим что-нибудь миленькое в порту, — предложил Кау. Фрисс кивнул, но при этом так рассердился, что Кау мгновенно передумал и сказал:

— Нет, давай все-таки сходим в вагон-ресторан.

В вагоне-ресторане предлагали суп, говядину с бобами пудинг. Кау отдал свой суп Фриссу. Тот отдал ему свое мясо. После пудинга Кау неожиданно закричал:

"Lass uns das Geld für das Mittagessen sparen; dafür kaufen wir uns etwas Hübsches in der Hafenstadt", schlug Kau vor. Friss nickte, machte dabei aber ein so finsternes Gesicht, dass Kau sich anders besann. "Ich glaube, wir gehen doch in den Speisewagen", sagte er.

Und sie gingen.

Es gab Suppe, Rindfleisch mit Bohnen und Pudding. Kau gab seine Suppe dem Friss. Dafür gab Friss dem Kau seinen Pudding. Als das Mittagessen zu Ende war, sprang Kau plötzlich auf und schrie: "Das Meer! Das Meer!" Dabei riss er eine Flasche Sekt vom Tisch, die schäumend in Scherben ging und zweimal so viel kostete wie das ganze Mittagessen zu zweit. Das ärgerte den Friss bis zum Blasswerden. Er zog den Vorhang vor das Fenster und wollte das Meer nicht sehen.

Auch als sie bezahlt hatten und in ihr Abteil zurückgegangen waren, schaute Friss nicht ein einziges Mal aus dem Fenster. Er sprach kein Wort, vertiefte sich in sein Kreuzworträtsel und rauchte.

Kau seufzte, betrachtete traurig das schöne Meer und kaute manchmal an einem Stück Schokolade.

Kurz vor der Hafenstadt, in der sie aussteigen mussten, sagte Kau leise: "Die indische Stadt mit B und sechs Buchstaben heißt Bombay."

"Stimmt!", rief Friss entzückt. "Jetzt habe ich alles gelöst." Aber plötzlich fiel ihm ein, dass er mit Kau ja erzürnt war, und so schwieg er wieder.

In der Hafenstadt gab es vor dem Bahnhof einen kleinen Park. Hier setzte Friss sich mit dem ganzen Gepäck auf eine Bank und sagte zu Kau: "Besorg die Schiffskarten für morgen

— Смотри, там море! — вскочил и разбил бутылку шампанского, которая стоила дороже, чем два обеда вместе взятые. Фрисс побелел от злости, задернул занавеску и не желал больше смотреть на море — даже когда они вернулись в свое купе. Он не говорил ни слова, только разгадывал свой кроссворд и курил. А Кау печально поглядывал на море и жевал шоколадку.

Когда они подъезжали к портовому городу, Кау тихонько сказал:

— Индийский город на «Б» — это Бомбей.

— Точно! — обрадовался Фрисс. — Теперь я разгадал все! — Но он тут же вспомнил, что обижен на Кау, и снова замолчал.

Они вышли в портовом городе, присели в маленьком сквере у вокзала, и Фрисс сказал Кау:

— Теперь или и купи на завтра билеты на корабль. Оплати каюты, пожалуйста. И позаботься, чтобы было где переночевать сегодня. Только плати за одни сутки. Я тебя здесь подожду. Лети.

Кау упорхнул, и Фрисс ждал его целых три часа. И все больше каменел лицом. Под конец он выглядел как статуя, на которой можно было ставить подпись «Памятник недовольному». Ко всему прочему, у него закончились сигареты.

Кау потратил много времени зря, так как никто здесь его не понимал, и сам тоже не знал языка и не мог ни с кем объясниться. Наконец он повстречал местного жителя, который знал его язык и вызвался помочь. К сожалению, этот человек запросил большие деньги за свои услуги. И Кау смог снять только дешевую комнатку в верхнем городе. Полтора часа карабкались Кау и Фрисс по лестницам, поднимаясь в верхний город. Кау нес два тяжелых чемодана. Фрисс нес еще три. Когда Кау начинал ныть, Фрисс одергивал его: — Ты отдал так много денег своему провожатому,

früh. Mit Kabine. Und sieh zu, dass wir ein Zimmer für die Nacht kriegen. Aber bedenke, was wir an einem Tage ausgeben dürfen. Mehr zahl ich nicht. Und jetzt saus los. Ich warte."

Kau purzelte los und Friss wartete drei volle Stunden lang. Sein Gesicht wurde dabei immer steinerter. Er sah aus wie ein Denkmal mit der Unterschrift: Bildnis eines Missmutigen. Außerdem gingen ihm die Zigaretten aus.

Kau brauchte sehr viel Zeit, weil er niemanden in dieser Stadt verstehen konnte und weil umgekehrt auch niemand ihn verstand. Am Ende aber traf er einen Mann, der seine Sprache redete und ihm behilflich war. Leider verlangte dieser Mann für seine Hilfe aber so viel Geld, dass Kau nur noch ein billiges Zimmer mieten konnte. Und billige Zimmer gab es nur in der Oberstadt.

Anderthalb Stunden lang mussten sich Kau und Friss über viele Stufen zur Oberstadt hinaufbemühen. Kau trug zwei schwere Koffer, Friss trug drei. Wenn Kau dabei zu stöhnen wagte, sagte Friss: "Du hast dem Mann, der dir abgeraten hat, in der Unterstadt zu wohnen, so viel Geld gegeben, dass es für ein teures Hotel in der Unterstadt gereicht hätte. Beklag dich also nicht."

Als sie endlich oben ankamen, fanden sie kein Zimmer; denn es war Urlaubszeit und alles war belegt. Friss sah jetzt aus wie ein Denkmal mit der Unterschrift: Napoleon nach dem Brand von Moskau. Er knurrte, ohne Kau anzugucken: "Ich leg mich in das Wäldchen dort." Und tat es auch. Als Kau ihn überreden wollte, wieder hinunter in die Stadt zu wandern, lag Friss schon auf drei Koffern, seinen Mantel über sich, und schlief.

"Was für ein roher und gefühlloser Mensch", sagte Kau.

что лишился нормальной гостиницы в нижнем городе. Так что не жалуйся, сам виноват.

Когда они, наконец, поднялись наверх, оказалось, что снятую комнату разыскать невозможно. Был сезон отпусков, и даже в верхнем городе все было забито туристами. Фрисс теперь выглядел как памятник «Наполен во время московского пожара». Не глядя на Кау, он прорычал:

— Ты как знаешь, а я пойду спать в парк.

Когда Кау решил пойти за ним чтобы попробовать уговорить его спуститься в нижний город, Фрисс уже спал на чемоданах, укрывшись своим пальто.

— Вот воистину жестокий и бесчувственный человек, — вздохнул Кау и тоже попытался соорудить себе ночлег на чемоданах. Однако на двух он не поместился, и решил спать на траве. Но и глаз не смог сомкнуть той ночью. Вокруг что-то свистело и ползало, так что Кау все время вскакивал и стряхивал с себя воображаемых насекомых. На другое утро Фрисс был свежим и отдохнувшим, а не выспавшийся Кау выглядел ужасно.

— Подъем, подъем! — воскликнул Фрисс. — Хватай чемоданы и бегом на корабль.

— Как, без завтрака? — обалдело спросил Кау.

— Если хочешь, пожуй балясины на лестнице, — невозмутимо ответил Фрисс, — а я иду в гавань, — и он припустил вниз с тремя чемоданами.

Кау застонал, схватил свои два чемодана и последовал за ним. Услышав стон, Фрисс заметил:

— Между прочим, морское путешествие запланировал ты, Кау, а не я.

— Если бы мы были уже там, — охнул Кау. Он на минутку

Dann legte er sich unter einer Pinie gleichfalls auf seine Koffer, rollte aber wieder herunter und versuchte im Grase zu schlafen. Jedoch er tat kein Auge zu in dieser Nacht. Wenn es irgendwo raschelte, fuhr er in die Höhe. Wenn irgendetwas auf seiner Hand krabbelte, zuckte er zusammen, stand auf und schüttelte sich.

Am nächsten Morgen war Friss ausgeruht und rosig wie der junge Tag, während der jämmerlich unausgeschlafene Kau zum Fürchten aussah.

"Auf, auf", rief Friss in bester Laune. "Die Koffer gefasst, und dann an Bord!"

"Ohne Frühstück?", fragte Kau entgeistert.

"Iss dich an Pinienzapfen satt", antwortete Friss. "Ich geh zum Hafen." Und wirklich zog er mit drei Koffern los.

Kau sah ihm nach, verdrehte die Augen, stöhnte, ergriff zwei Koffer und folgte ihm.

Unterwegs bemerkte Friss: "Die Reise zu der zauberhaften Bucht, Freund Kau, hast du geplant, nicht ich."

"Wären wir bloß erst da", ächzte Kau. Dann setzte er seine beiden Koffer einen Augenblick ab, blickte schwärmerisch aufs Meer und seufzte: "Eidechsen, Seeschwalben und Delfine. Es wird herrlich, Friss."

"Abwarten", sagte Friss.

postavil na zemlju oba čemodana, s vostorgom posmotrel na more i vzdohnul: — Ящерицы, чайки и дельфины. Это же прекрасно, друг мой!

— Терпение, — ответил на это Фрисс.

Они прибежали на свой пароход в последний момент. Сходили из-за них снова спустили на берег, и Фрисс поднялся на борт величественно, словно князь Игорь, завоевавший Клямыкистан. Кау, затащив на палубу свои чемоданы, споткнулся о бухту каната.

— Как скверно, — застонал он. — В поездках так много трудностей.

— Трудности воспитывают характер, — ехидно заметил Фрисс.

Их путешествие должно было продлиться два дня, но кают на пароходе они не получили. Портовый знакомый Кау присвоил деньги, так что Кау и Фриссу пришлось искать место для ночевки на палубе.

В восемь вечера оба легли в шезлонги и укрылись своими пальто. В десять оба достали купальные халаты и надели их поверх одежды. В полночь они сходили попросить еще парочку пледов. К двум часам ночи они так замерзли, что стали бегать по палубе, чтобы согреться. И, наконец, укрылись в прокуренной кают-компании со своими чемоданами. Кау, кашляя и чихая, упал на мягкий диванчик и уснул. Фрисс устроился перед стойкой ипил горячий кофе.

Весь день пароход проплывал совсем рядом с красивым побережьем — там были белые дома, яркие отели и оживленные пляжи. Но Кау и Фрисс ничего этого не видели. Оба спали каменным сном в своих шезлонгах. К вечеру их разбудила пароходная сирена.

Rabenliebe

Peter Wawerzinek

Die Mutterfindung

SCHNEE IST DAS ERSTE, woran ich mich erinnere. Verschneit liegt rings die ganze Welt, ich hab nichts, was mich freuet, verlassen steht der Baum im Feld, hat längst sein Laub verstreuet, der Wind nur geht bei stiller Nacht und rüttelt an dem Baume, da rührt er seinen Wipfel sacht und redet wie im Traume. Es schneit sanft in den Ort hinein. Danach gewinnt der Schneefall an Stärke. Es ist so oft Winter in meinem Kopf. Es schneit so häufig, dass ich denke, in meinen Kinderheimjahren hat es nur Schnee und Winter, Frost und Eiseskälte gegeben. Ich sehe mich eingemummelt. Frost und Rotz klebt an der Nase. Ich bin das ewige Winterkind unter Winterkindern beim täglichen Schneemannbauen. Es ist früh dunkel. Die Nacht hält lange aus. Die Sonne steigt nicht über den Horizont. Es schneit auf all meinen Wegen. Aus Schnee besteht der Sommer. Schnee ist nur ein anderer Name für die Sonne. Es ist November. Es ist Februar. Ich sitze in einem großräumigen Automobil, einer schwarzen Limousine. Ich bin vier Jahre jung und in dem riesigen Automobil. Schneeweiß ist die Landschaft, die ich in Erinnerung habe. Der Fahrer ist ein dunkler Schattenriss. Es ist der Tag, den ich als ersten Tag meines Lebens erinnere. Ein tiefgrauer Tag, der morgens rötlich aufzog und schön zu werden schien, sich dann aber verdunkelte. Ein Tag, der sich hinter einer Wolkendecke verkriecht, sich den Tag über als Tag nicht sehen lassen mag und dem Schnee das Terrain überlässt, der aus diesem grauen Himmel wie aus einer alten Pferdedecke

Кукушкина любовь (отрывок)

drulic. Перевод с немецкого

Часть первая. Обретение матери

Снег — это первое, что мне вспоминается. Заснежен целый мир вокруг, ничто мне больше не в отраду, и в поле одинокий бук уж сбросил летние наряды, лишь ветерок в ночной тиши в ветвях заснеженных трепещет^[1], верхушку треплет и шуршит, как будто сонно что-то шепчет. Снег застилает городок. Потом снегопад набирает силу. Мне постоянно вспоминается зима. Снег идёт так часто, что мне кажется, что в годы моей приютской жизни был только снег, только зима, мороз и ледяная стужа. Вижу себя полностью закутанным. К носу липнут обледеневшие сопли. Я вечный зимний ребёнок среди зимних детей, каждый день лепящих снеговика. Темнеет рано. Ночь длится долго. Солнце не поднимается над горизонтом. Снег идёт, куда бы я ни шёл. Лето тоже в снегу. Солнце — это тот же снег. Вот ноябрь. Вот февраль. Я сижу в просторной машине, в чёрном лимузине. Мне всего четыре года, и я в этой громадной машине. Весь пейзаж в моих воспоминаниях занесён снегом. Водитель — тёмный силуэт. Вот тот день, который я помню как первый день своей жизни. Тёмно-серый день, который своим красноватым рассветом обещал быть приятным, но потом нахмурился. День, заползающий за покров облаков, день, который целый день не желает показаться на глаза и уступает место снегу, который кружась летит из этого серого неба, как пыль, которую вытряхивают из старой попоны. Как в сказке про того зайца, кото-

---

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Проза».

geklopfter Staub umherwirbelt. Wie beim Hasen, der bei seinem Lauf über den Acker den Igel nicht davonlaufen kann, ruft der Schnee mir zu: Bin schon da. Ach bitterer Winter, wie bist du kalt, hast entlaubet den grünen Wald, hast verblüht die Blümlein, die bunten Blümlein sind worden fahl, entfliegen ist uns die Nachtigall, entfliegen, wird je sie wieder singen.

In der vergangenen Woche starb in Schwerin die fünf Jahre alte Lea-Sophie. Ihre Eltern hatten sie verhungern lassen. Eine Woche vor ihrem Tod hatte der zuständige Sozialarbeiter nicht darauf bestanden, das Kind zu sehen. Gegen das Jugendamt laufen Anzeigen wegen unterlassener Hilfeleistung.

ICH BEFINDE MICH auf dem Weg zu einem Kinderheim. Ich habe keine Ahnung, wohin es mit mir geht. Ich weiß nicht, was mich am Ende der Fahrt erwartet. Ich sitze in einer Limousine. Der Frühnebel beherrscht die Landschaft. Im Nebel löst sich der ruhende Ackerstein auf. Im Nebel erscheinen all die Dinge in der Natur wie in eine milchige Glasschale hineingelegt. Im Nebel wird das Schwere leichter. Die Welt ist mir näher als unter der Sonnenbestrahlung. Das plan liegende, nur zu ahnende, weite Feld tritt geballt aus der Nebelmasse hervor, um sich betrachten zu lassen und wieder zu verschwinden. Das Unscheinbare ist erst in all seiner nebulösen Unklarheit innig zu erleben. Der an einem gewöhnlichen Tag ignorierte, große, stumme, unscheinbar am Wegrand schlafende Ackerstein tritt wacher aus dem Nebel hervor, gewinnt an Würde und Wichtigkeit. Im Nebel ruhet noch die Welt, noch träumen Wald und Wiesen: Bald siehst du, wenn der Schleier fällt, den blauen Himmel unverstellt, herbstkräftig die gedämpfte Welt, im kalten Golde fließen. Leben ist Nebel und Nebel ist Leben. Rückwärts wie vorwärts gelesen

рый бегал с ёжиками наперегонки через поле и не мог их догнать, снег окликает меня: «А я уже тут». Ох, зима ты, зима, до чего ж ты холодна, у зелёных у деревьев ты их листья забрала, все цветы в саду поблекли, и уж больше не цветут, соловьи в лесу исчезли, скоро ль снова запоют^[2].

На прошлой неделе в Шверине умерла от истощения пятилетняя Леа София. Её родители не кормили её. За неделю до её смерти ответственный социальный работник не настоял на визите к ребёнку. Ведомству по делам несовершеннолетних предъявлено обвинение в непредоставлении помощи.

Я на пути в приют. Не представляю, что со мной будет дальше. Не знаю, что меня ждёт в конце поездки. Я сижу в лимузине. Всё вокруг покрыто утренним туманом. В тумане растворяется неподвижный Акерштайн. В тумане кажется, будто бы весь мир лежит в чаше молочного цвета. В тумане тяжёлое становится легче. Мир кажется мне ближе, чем при солнечном свете. Ровное, широкое, едва различимое поле вырисовывается, выплывая из массы тумана, чтобы показаться на глаза и снова исчезнуть. Только теперь можно прочувствовать малозаметное во всей его облачной неясности. Тот Акерштайн, который не замечают в обычные дни, — крупный, безмолвный, неприметно спящий на обочине дороги, — выплывает из тумана более оживлённым, с новой важностью и достоинством. Весь мир ещё в тумане спит, луга и лес ещё в дремоте: Но скоро пелена слетит, взгляд небо чистое узрит и мир осенний, что парит, стекая в хладной позолоте^[3]. Жизнь и туман, туман и жизнь. «Туманность жизни» и «Жизненность тумана» — эти две фразы можно золотом написать на моей могиле, одну над другой^[4]. Любить туман — значит уметь видеть увеличение в убывании. Считать туман основой

mögen die zwei Worte Nebeleben und Lebenebel in Gold gefasst untereinander aufgeschrieben auf meinem Grabstein stehen. Nebel mögen, heißt Zuwachs durch Schwinden anerkennen. Nebel als Grundlage allen Seins zu werten heißt, Nebel als Dauerausstellung und Fingerzeig annehmen; das unerhörte Flüstern. Nebel weiß ich um mich, der es gut mit mir meint.

DAS FELD LIEGT wie ein gestärktes Nachthemd da. Mir ist, als hörte ich eine Krähe rufen. Ich verehere seither Krähen. Ich bewahre mir von diesem ersten mir bewusst werdenden Tage an Hochachtung vor Krähen und Nebelschwaden. Ich rede von Nebel und Krähen, wenn von Leichtigkeit und Erdschwere die Rede ist, vom Verschwinden der Dinge. Am schönsten ist mir im Nebel, wenn Krähen schreien, die nicht zu sehen sind und im Nebel gar nie nach wem rufen. Nebelkrähen sah ich zuerst. Nebelkrähen sollen also bis an mein Lebensende meine Schicksalsvögel bleiben. Nebelkrähen begleiten mich durchs Leben. Ich werde im Nebel befruchtet, durch Nebel gezeugt. Nebelschwaden sind die Fruchtblase, in der ich geworden bin. Im Nebel weiß ich den Vater geborgen, von dem niemand weiß. Im Nebel weiß ich die Mutter hinterlegt, die vergessen hat, wer ich bin. Ein aus dem Nebel gekrochener, nicht aus dem Gebärtakt der Mutter gepresster Erdenbürger bin ich.

Im März dieses Jahres wurde im hessischen Bromskirchen der Hungertod der vierzehn Monate alten Jacqueline bekannt. Das Mädchen wog mit sechs Kilo nur noch halb so viel wie andere Kinder in ihrem Alter. Das Kind hatte seit Monaten keinen Arzt gesehen.

ES IST SPÄTER HERBST. November. Es kann Januar,

alles Daseienden — значит принимать его в качестве постоянной экспозиции, как знак, как неслышимый шёпот. Я чувствую вокруг себя туман, который желает мне добра.

Поле раскинулось накрахмаленной сорочкой. Мне послышалось кукование. С тех пор я с уважением отношусь к кукушкам. С этого первого своего сознательного дня я сохранил почтение к кукушкам и пелене тумана. Я говорю о тумане и о кукушках, когда речь идёт о лёгкости и земном тяготении, об исчезновении. Больше всего мне нравится, когда в тумане кукуют кукушки, которых не видно, и которые зовут в тумане неизвестно кого. Именно кукушек в тумане я увидел первыми. Так кукушки в тумане до конца жизни и останутся моим талисманом. Кукушки в тумане сопровождают меня всю жизнь. Я родился в тумане, был зачат туманом. Пелена тумана — утроба, в которой я созрел. Я знаю, что в тумане скрывается мой отец, о котором никто ничего не знает. Я знаю, что в тумане осталась моя мать, которая забыла, кто я. Я — новорожденный, выползший из тумана, а не извлечённый из чрева матери. Я человек, живущий на Земле.

В марте этого года в Бромзенкирхене, земля Гессен, сообщили о голодной смерти Жаклин, девочки в возрасте четырнадцати месяцев. Она весила шесть килограммов, что составляет лишь половину нормы для детей в её возрасте. В течение многих месяцев ребёнку не оказывалась медицинская помощь.

Поздняя осень. Ноябрь. А может быть, и январь, февраль, июнь, июль, август. Только в воспоминаниях идёт по-матерински нежный снег. На дворе 1954 год. Девять лет как кончилась война. Сознание говорит, что война никогда не кончается. Мусор по

Februar, Juni, Juli, August sein. Es schneit nur in der Erinnerung so mütterlich sanft. Wir schreiben das Jahr 1954. Der Krieg ist neun Jahre vorbei. Der Krieg ist nie vorbei, sagt der Verstand. Der Schutt ist größtenteils beiseitegeschafft worden. Hinterm Dorf, hinter der Stadt, hinter den Metropolen, wo Kuhlen ausgehoben werden konnten, Schutt zu Bergen aufgeschüttet worden ist. Berge, die zum Landschaftsbild dazugehören wie all die Kriege, die in der Welt geführt werden, ununterbrochen, seit ich in diese Welt hineingeraten bin. Warschauer Pakt. Nationale Volksarmee. Aus Einheiten bestehender Bauch meiner Mutter. Eben war ich noch in ihm kaserniert. Im Bauch der Sowjetunion, die meiner Mutter weitreichende Souveränitätsrechte gewährt. Kurzzeitiger Berufswunsch: Volkspolizist. Im Alter dann von zwei Jahren von der Mutter Richtung Westen verlassen, im Kleinkinderheim verblieben, mitten hinein in die Entstalinisierung, auf den zwanzigsten Parteitag der KPdSU zu, in die Dekade der friedlichen Koexistenz geworfen wie in einen Würfelbecher mit nur einem roten Würfel ohne Zahlen versehen und lauter Hammersichelsymbole. Höfliche Begrüßungen werden Kampfansage. Schlagworte. Schlagbäume. Erlass. Reparation. Zahlungen. Schulden. Rückgabe. Aktien. Anhebung unterer Industrielohngruppen. Preise. Senkungen.

Der Wagen heißt Tschaika wie Möwe. Gesamtproduktion dreitausendeinhundertneunundsiebzig Stück. Viertürig oder fünftürig. Ich kann es nicht mehr sagen. Auf jeden Fall innen mit sieben Sitzplätzen versehen. Hat an die zweihundert Pferdestärken unter der Haube, prahlt der Fahrzeuglenker. Acht Zylinder. V-Motor. Dreiganggetriebe. Hydraulischer Drehmomentwandler. Klimaanlage. Servolenkung.

большой части убрали. За деревней, на окраинах городов, маленьких и больших, там, где можно было выкопать ямы, мусор ссыпан в мусорные горы. Горы, которые так же неразрывно связаны с ландшафтом, как и все войны в мире, которые ведутся без прерыва с тех пор, как я попал в этот мир. Варшавский договор. Национальная народная армия. Состоящее из подразделений чрево моей матери. Я тогда ещё был в нем на казарменном положении. В чреве Советского Союза, который обеспечивал моей матери широкий суверенитет. Ненадолго ставшая желанной профессия: работник народной полиции. Потом, в двухлетнем возрасте, был брошен матерью, уехавшей на Запад, оставлен в приюте для малолетних, кинут в разгар десталинизации, к двадцатому съезду КПСС, в десятилетие мирного сосуществования, будто бы выброшен из стаканчика с игральными костями, где на красных костях вместо точек только серпы и молоты. Вежливые приветствия превращаются в боевой клич. Лозунги вдоль улиц. Шлагбаумы поперёк улиц. Указ Аденауэра. Ремонт. Выплаты. Долги. Отдача. Акции. Повышение минимальных тарифных разрядов в промышленности. Цены. Понижения.

Машина называется русским словом «Чайка», морская птица чайка. Общий выпуск — три тысячи сто семьдесят девять штук. Четырёхдверная или пятидверная. Уже не помню. Помню только, семь посадочных мест. Около двухсот лошадиных сил под капотом, хвастается водитель. Восемь цилиндров. V-образный двигатель. Трёхступенчатая коробка передач. Гидравлический редуктор. Кондиционер. Рулевой механизм с усилителем. Максимальная скорость — сто шестьдесят километров в час, её машина пару раз полностью выжала на лётном поле. Вот это ощущение, скажу я вам, говорит шофёр, и чуть ли не целует своё отражение в зерка-

Höchstgeschwindigkeit hundertsechzig Kilometer die Stunde, die ist er auf einem Fluggelände ein-, zweimal voll ausgefahren. Ein Gefühl, kann er sagen, sagt der Kraftfahrer und knutscht sich im Spiegelbild, dass es laut schmatzt. Durchs ganze Land würde er mich am liebsten chauffieren, abheben, aufsteigen und die überall Ruh über den Wipfeln stören, den Krähen es zeigen, ihnen den Fliegermarsch blasen: Kerzengrad steig ich zum Himmel, flieg ich zur Sonn direkt, unter mir auf das Gewimmel, da pfeif ich mit Respekt, wenn wir dann so oben schweben, mein Freund, das ist ein Leben, da fühl ich mich wie ein junger Gott, Kreuz Himmeldonnerwetter sapperlot, in der Luft gibts keine Räuber, kein Bezirksgericht und auch keine alten Weiber, sieht man oben nicht, da oben gibts kein Hundefutter und keine Schwiegermutter, in der Luft gibts keine Steuer, keine Kaution, auch der Zins ist nicht so teuer, und kommt der Schneider mit der Rechnung, fliegt man bitte ganz gemütlich ihm davon, Freunderl, drum sei nicht dumm, drum drum drum, sei nicht dumm / komm und sei mein Passagier, fliege fliege flieg mit mir, droben, wo die Sterne stehn, wollen wir spazieren gehn, schmeiß hin all Dein Gut und Geld, einen Fußtritt dieser Welt, in der Luft, in der Luft fliegt der Paprika, auf zum Himmel, Himmel, Himmel, Hipp, hipp, hurra.

Luxuriöses Fahrzeug, Staatskarosse. In der Sowjetunion hergestellt, Privatpersonen zudedacht, höheren Behörden, Funktionären. Automatikgetriebe, Antrieb auf die Hinterräder übertragen, Hydraulikwandler, kinderleicht über einen Wahltaster am Armaturenbrett zu schalten. Schon schwebt man in der zweieinhalb Tonnen schweren Limousine, die schwarz und geheimnisvoll glänzt. Ein Hingucker, ein Augenschmaus,

ле. Вот если бы провезти меня через всю страну, оторваться от земли, взлететь и разбудить спящие во тьме ночной вершины, распугать птиц, прогудеть им клаксоном марш авиаторов¹⁵: Прямо в небо быстрой птицей взмою, к солнцу высоко я полечу, и на суету, что подо мною, откровенно я плевать хочу, свободно в облаках лететь — чего ещё, мой друг, хотеть, в небе всемогущий я и молодой, дьявол с нею, с этой чёртовой землёй, на небе нету ни злодеев, ни участкового суда, и не забраться старым девам сюда занудным никогда, наверху, на небе нам всё намного проще, нет еды собачей там, нету вредной тещи, нет на небе ни налогов, ни свидетельств и залогов, и проценты тут не высоки, а когда портной придёт, и тебе предъявит счёт — от него ты просто улети, так что так вот, друг, смотри, не дури, не дури, раз-два-три, раз-два-три, / заходи ко мне на борт, не выдаст нас ни бог, ни чёрт, полетели, полетели, и по млечному пути сможем запросто с тобою между звёзд гулять пойти, мы свои пожитки бросим, этот мир оставим с носом, прямо ввысь, прямо ввысь нам взлетать пора, прямо в небо, в небо, в небо — и ура!

Роскошный автомобиль, государственный представительский экипаж. Сделан в Советском Союзе, предназначен для частных лиц, высших органов власти, функционеров. Автоматическая коробка передач, привод на задние колёса, гидравлический преобразователь легко переключается на приборной панели. Вот ты уже покачиваешься в двухсполовинотонном лимузине, который завораживает загадочным чёрным блеском. Просто картинка, глаз не оторвать, тут не возникает вопросов типа «Правду ли говорят, что рабочий-стахановец Иван Иванович Иванов на всесоюзной выставке в Москве выиграл автомобиль высшего класса «Чайка»?», с ответом «В общем, да, только не рабочий-стахановец

ohne Frage: Stimmt es, dass der Stachanow-Arbeiter Iwan Iwanowitsch Iwanow auf der Allunionsausstellung in Moskau ein Automobil der Luxusklasse Seemöwe gewonnen hat? Antwort: Im Prinzip ja, aber es handelte sich nicht um den Stachanow-Arbeiter Iwan Iwanowitsch Iwanow, sondern um den Alkoholiker Pjotr Pjotorowitsch Petruschkin, und der hat kein Automobil der Luxusklasse Seemöwe gewonnen, sondern ein Fahrrad gestohlen. Чайка Чайка Чайка schmettert der Mann am Lenkrad mit erhobenen Augenbrauen, ich soll es keinem verraten, die schicke Seemöwe Чайка hätte sich ins amerikanische Modell Packard Patrician verguckt, beide sähen sich vom Typ her ähnlich.

Nebel oder Schnee ist draußen zu sehen. Aus dem Schneefall hervor klatscht Schnee gegen die Scheiben. Novemberschnee, jubelt das Kind, das im vierten Jahr seines Lebens partout nicht redet, in sich gekehrt erscheint, alles versteht und jedes Wort aufnimmt, von dem, was der Chauffeur ihm erzählt und eines auch weiß, dass nämlich der neugierige Schnee mitgehört hat und nunmehr das in sich hineinstummende Kind, die muttervaterlose Waise ansehen will und herzlich begrüßen.

Die Jahre stehen wie Schneemänner in Reihe, mit nichts angekleidet als löchrigen Töpfen auf ihren Köpfen und Rüben, wo sonst Nasen im Gesicht stecken. Es schneit ins Wageninnere meiner Kindheitslimousine hinein. Schnee fällt innen wie außen. Mein Leben kennt keine andere Jahreszeit als den Winter. Das Jahr hindurch herrschten Vorwinter, Winter, Nachwinter. Und ewig ist Nebel um mich herum. Nebelschneejahre. Schneenebeltage.

Иван Иванович Иванов, а алкоголик Пётр Петрович Петрушкин, и не выиграл автомобиль высшего класса «Чайка», а украл велосипед». Чайка Чайка Чайка, поднимая брови, повторяет нараспев русское слово мужчина за рулём, скажу по секрету, шикарной птице Чайке мог бы приглянуться американский Паккард Патришн, они очень похожи по типу, и подошли бы друг другу.

Снаружи туман или снег. Снегопад шелестит снегом по стёклам. Ноябрьский снег, радуется мальчик, который на четвёртом году жизни совсем не говорит, кажется ушедшим в себя, всё понимает и ловит каждое слово из того, что рассказывает ему шофёр, и знает одно, что этот внимательный снег слушал вместе с ним, и теперь всегда будет присматривать за замкнувшимся в своём безмолвии ребёнком, сиротой без мамыпапы, и от души приветствовать его.

Годы выстроились в ряд, как снеговики, на которых из одежды только дырявые вёдра на головах, и морковки там, где обычно из лица торчит нос. Снег залетает внутрь лимузина моего детства. Снег идёт и снаружи, и внутри. Моя жизнь не помнит другого времени года, кроме зимы. Круглый год царили предзимье, зима и послезимье. И постоянно вокруг меня туман. Туманноснежные годы. Снежнотуманные дни.

[1] Из стихотворения «Зимняя ночь» Йозефа фон Эйхендорфа (1788–1857). (Здесь и далее переводы цитат и примечания сделаны переводчиком).

[2] Из немецкой народной детской песни.

[3] Из стихотворения «Сентябрьское утро» Эдуарда Мёрике (1804–1875)

[4] В оригинале непереводимая игра слов: в немецком языке слово «туман» - Nebel – читается в обратную сторону как Leben – «жизнь»

[5] Популярный военный марш, традиционный марш Бундесвера. Из оперетты австрийского композитора Германа Досталя (1874–1930) «Летучий ротмистр» (1912).

L'uccello nella cupola

Mario Pomilio

Sollevando degli spruzzi d'acqua fangosa dalle pozzanghere che s'erano formate con la pioggia del pomeriggio, l'ambulanza traversò urlando le vie del centro, passò di sbieco per piazza Sant'Agnese, tagliò per il corso. Tra la folla a quell'ora già numerosa ci fu come un attimo di sospensione, simile a quella prodotta da una raffica che faccia flettere d'improvviso gli alberi d'un viale. La folla s'era appena ricomposta, quando, dopo qualche minuto, la sirena lacerò nuovamente l'aria e l'auto tornò a passare obliquamente per il varco riapertosi al centro delle strade.

Don Giacomo usciva in quel momento dalla chiesa e si domandò senza curiosità se era accaduta qualche disgrazia. Ma non vi badò. Era stato invitato a una festa di nozze e camminava in fretta. Sapeva di non poter mancare, ma non vedeva l'ora che tutto finisse. Si sarebbe magari affacciato sulla porta, avrebbe fatto i suoi auguri e poi sarebbe venuto via. L'infastidiva l'idea del chiasso, l'idea, anche, delle attenzioni che gli avrebbero prodigate, del disagio che la sua presenza avrebbe provocato. Ma non c'era rimedio. E poi in questo modo avrebbe forse finito per distrarsi. Era meglio così che restarsene senza far niente.

Già le scale erano piene di frastuono e di confusione. La porta era aperta e quasi nessuno gli badò. Solo la padrona di casa gli corse incontro agitando le mani. "Oh, don Giacomo, don Giacomo!", lo prese festosamente per un braccio, gli aprì un varco per la stanza piena di giovani che ballavano e lo accompagnò fino a un salotto con un tavolo al centro ingombro di dolci e

Ласточка под куполом (отрывок)

Фьюме. Перевод с итальянского

Разбрызгивая грязную воду из луж, появившихся после полуденного дождя, карета скорой помощи, завывая, промчалась по центральным улицам, наискось пересекла площадь Св.Агнии и главную улицу. Толпа, уже многочисленная к тому часу, на мгновение замерла, что было похоже на то, как если бы неожиданный порыв ветра пригнул деревья на бульваре. Едва толпа вернулась в прежнее состояние, как через несколько минут sirena вновь разорвала воздух и машина вкось проехала в обратном направлении через проход, образовавшийся по центру дороги.

В этот момент дон Джакомо выходил из церкви и задался вопросом, впрочем, без всякого любопытства, не случилось ли какой беды. Но не придавал этому значения. Он был приглашен на свадьбу и торопился. Знал, что должен быть там обязательно, но желал, чтобы все побыстрее закончилось. Возможно, он остановится на пороге, поздравит и уйдет. Его раздражала сама мысль о шуме, а также о внимании, которым его будут щедро одаривать, о неловкости, которую спровоцирует его присутствие. Но ничего не поделаешь. И потом, может быть, таким образом ему удастся немного отвлечься. Так лучше, чем ничего не делать.

Уже на лестнице царил гвалт и толчея. Дверь была открыта и почти никто не обратил на него внимания. Только хозяйка дома бросилась к нему навстречу, взмахивая руками.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Проза».

alcuni ospiti più attempati seduti torno torno alle pareti, una signora in cappello con un bambino tra le gambe e qualche uomo.

Dopo averlo fatto sedere, tornò tutta sorridente con un vassoio di dolci e poi con un altro vassoio pieno di bicchierini pei liquori, gliene mise uno in mano quasi per forza e ne lasciò un altro davanti a lui sul tavolo. Poi si scusò: “Se non penso io a tutto...” e lo lasciò lì.

Di mangiare don Giacomo non aveva voglia. Ma il liquore, dopo che n'ebbe gustato il primo sorso, lo riscaldò, gli diede voglia di provarne ancora. Cominciò ad abituarsi al chiasso. Quell'aria calda, un po' rarefatta, gli piaceva. Le persone accanto a lui bisbigliavano, doverosamente compunte, e don Giacomo le considerava in silenzio, con un po' d'ironia.

Dopo qualche tempo tonò la padrona di casa trascinandosi dietro gli sposi: lei, una ragazza minuta e mite, e lui, un giovanotone alto, tutto sorridente.

“Don Giacomo non beve, don Giacomo non beve” protestava la padrona. E gli mise in mano dell'altro liquore..

“Perché non fuma, don Giacomo?”. E lo sposo gli offrì una sigaretta. “Via, non è peccato. Per una volta!”.

Per una volta: e lui accettò. Timoroso di apparire ridicolo. Poi, quando lo lasciarono di nuovo, si sentì tutto intontito, col fumo che lo snervavano e un formicolio dolciastro alle tempie e lungo la schiena.

Di là, nell'altra stanza, il ballo continuava: le coppie passavano leggere dinanzi al vano della porta e la musica s'era fatta simile a un tiepido brusio: qualche voce, qualche scoppio di risa, un batter di mani ogni tanto, il bambino che continuava a mangiare, la signora col cappello verde che sorbiva ancora il suo liquore.

«Ах, дон Джакомо, дон Джакомо!», - она торжественно подхватила его под руку, расчистила проход посреди танцующей молодежи, заполнившей комнату, и провела в гостиную, где в центре стоял стол, полный сладостей, и сидели вокруг по стенам несколько пожилых гостей, женщина в шляпе с ребенком между колен и кое-кто из мужчин.

Усадив его, хозяйка вернулась, улыбаясь всюю, с подносом сладостей и чуть позже с другим подносом с ликерными рюмочками, одну из которых вложила ему в руку почти силой, а другую поставила перед ним на столе. Потом извинилась: «Если я обо всем не позабочусь...» и оставила его в комнате.

Есть дону Джакомо не хотелось. Но ликер, глоточек которого он отпил, согрел его и породил желание попробовать еще. Он стал привыкать к шуму. Этот теплый воздух, немного разреженный, нравился ему. Люди шушукались рядом с ним, притихшие, как надлежало в присутствии священника, и дон Джакомо рассматривал их в тишине, с небольшой долей иронии.

Через какое-то время вернулась хозяйка дома, таща за собой новобрачных: она, миниатюрная и кроткая девушка, и он, высокий юноша, улыбающийся во весь рот.

«Дон Джакомо не пьет, дон Джакомо не пьет», - повторяла хозяйка. И всучила ему еще ликера.

«Закурим, дон Джакомо?» И жених предложил ему сигарету. «Ну же, это не грех. Один-то раз!»

Всего один раз: и он согласился. Боясь показаться смешным. Потом, когда снова остался один, он почувствовал себя одуревшим от дыма, действующего расслабляюще, и приторных мурашек, пробежавших от затылка по спине.

Don Giacomo non si sarebbe più mosso. Era contento d'essere lì, di quel brusio, di quel suo stordimento. Quella familiarità così affettuosa lo rendeva felice, quella specie d'ebbrezza lo cullava, l'assopiva. Pensava come in sogno a sé, a sé tra i suoi parrochiani, a una vita spesa per essi, per il loro bene. S'abbandonava a quest'idea fino a sentirsene commosso. In un impeto di tenerezza attrasse a sé il bambino e gli carezzò il capo. Pensava a quanto poteva fare per i suoi fedeli e continuava a carezzare il bambino, a sorridere alla madre. Avrebbe voluto interessarsi di tutto, prender parte a tutti i discorsi, andar di là a batter le mani ai giovani che ballavano. Si sentiva buono, stremato dall'affetto. E il suo sguardo passava di volto in volto, ritornava dal vano della porta ai fiori, al bambino, alla madre, ancora alla porta. E fu lì che a un tratto scorse Antonio il quale, chiudendogli la visuale dell'altra stanza, arrestò d'un tratto il filo delle sue fantasticaggini.

Там, в другой комнате, продолжались танцы: пары легко скользили мимо открытой двери и музыка стала похожей на вялый шелест: чей-то голос, взрыв смеха, хлопки в ладоши время от времени, ребенок, продолжавший есть, женщина в зеленой шляпе, потягивающая свой ликер.

Дон Джакомо не двигался. Ему нравилось быть здесь, ему нравился этот шелест, собственная оглушенность. Эта неприужденность, такая сердечная, делала его счастливым, это легкое опьянение убаюкивало, успокаивало. Он был как во сне, среди своих прихожан, думал о жизни, прошедшей для них, для их блага. Его так поглотила эта мысль, что он растрогался. В порыве нежности он притянул к себе ребенка и погладил его по голове. Думал о том, что мог бы сделать для своих христиан и продолжал гладить мальчика и улыбаться матери. Ему хотелось проявить интерес ко всему, принять участие во всех разговорах, пойти туда, где хлопают танцующей молодежи. Он чувствовал себя добрым, утомленным любовью. И его взгляд переходил с лица на лицо, с дверного проема возвращался на цветы, на ребенка, его мать и опять на дверь. И там неожиданно он увидел Антонио, который, перекрывая вид другой комнаты, вдруг прервал нить его фантазий.

Το θαύμα της Εφέσου

Rosakis

Ποιος άναψε στο σύμπαν αυτή τη φωτιά που δεν έχει κορεσμό; Ποιος μας έδωσε την έξαψη του φωτισμού μέσα στην οποία η αγαλλίαση από τον κόσμο ξεπετιέται από το σκοτάδι και μετά εξαφανίζεται πάλι περιτυλιγμένη με τον πέπλο της θλίψης και της ακόρεστης ανάμνησης; Ποιος ανάβει μέσα μας τη χαρά και ύστερα τη σβήνει με την πίκρα χωρίς όμως να την αφήσει να σβήσει παντελώς, μετατρέποντας τις καρδιές μας σε κάρβουνα αναμμένα και αναγκάζοντάς μας να υποφέρουμε και να ονειρευόμαστε, μπορεί και ασυνείδητα, για την επιστροφή της χαράς; Ποιος έβαλε μέσα μας το νου, που δεν είναι τίποτε άλλο παρά μια φωτιά χωρίς κορεσμό, και τη μνήμη, που δεν είναι τίποτε άλλο παρά μια διακοπτόμενη λάμψη της;

Τον κόσμο αυτό, που είναι ο ίδιος για όλα τα όντα, δεν το έπλασε κανένας θεός και κανένας άνθρωπος, αλλά ήταν πάντα, είναι και θα είναι αείζωο πυρ, που ανάβει σύμφωνα με ορισμένο μέτρο και όμοια σβήνει.

Τα είτε ο Ηράκλειτος, ο σοφός της Εφέσου. Πάμπολλες φορές έχω βεβαιωθεί στην μεγάλη αλήθεια αυτών των λόγων, κάθε φορά όμως αναρωτιόμουν πάλι για το ποιος άναψε αυτή τη φωτιά.

Δεν μπορούσα να το κατανοήσω με την ελληνική πλευρά του εαυτού μου και γι' αυτό κάθε φορά όλο και πιο επίμονα προσπαθούσα να βρω την απάντηση μέσα στο αρχέγονο σκοτάδι της περσικής πλευράς μου. Κοιτούσα αυτό το σκοτάδι μέχρι που σκοτεινίαζε κι ο νους μου προσπαθώντας να διαβάσω τις σκέψεις εκείνου, που είναι αντίθετο και στο ίδιο το σκέπτεσθαι, αλλά είναι μόνο μια θαμπή επιθυμία. Η όραση του νου μου

Чудо Эфеса

Tsybenko. Перевод с новогреческого

Κто зажег во вселенной этот огонь, которому нет насыщения? Кто дал нам восторг озарения, когда ликование миром вырывается из мрака, а затем снова исчезает, укутанное покровами печали и неутолимого воспоминания? Кто зажигает в нас радость и гасит ее горем, но не дает угаснуть, превращая сердца наши в угли пылающие, заставляя нас страдать и мечтать исподволь о возвращении к радости? Кто вложил в нас разум, который есть ни что иное, как нескончаемое пламя, и память, которая есть ни что иное, как ее прерывающееся сверкание?

«Мир этот, один и тот же для всех, не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет огнем вечно живым, по мере зажигающимся и по мере угасающим».

Так сказал Гераклит, мудрец из Эфеса. Множество раз убеждался я в великой истине этих слов, и каждый раз вновь и вновь задавался вопросом: кто зажег этот огонь?

Я не мог постигнуть этого эллинской стороной моей сущности и потому все упорнее пытался отыскать ответ в изначальном мраке ее персидской стороны. Я вглядывался в этот мрак до умопомрачения, стараясь прочесть мысли того, что противно самой мысли, но есть смутное желание. Мой мысленный взор пытался опуститься в бездну, не

Работа получила приз зрительских симпатий в номинации «Проза».

προσπαθούσε να βυθιστεί μέσα στην άβυσσο, που δεν κατέχει κανένα πρόσωπο και οι Έλληνες το λένε χάος, και να ψηλαφίσει εκεί μια ουσία προαιώνια, που κατέχει όλα τα πρόσωπα και οι Πέρσες το λένε Ζερβάν.

Καμιά φορά ο τρόμος με κυρίευε από την θα το έλεγε κανείς παραφροσύνη μου, θυμόμουν όμως το ηρακλείτειο εκ πάντων εν και εξ ενός πάντα, κι αυτό γινόταν η στήριξη στις αναζητήσεις μου και βυθιζόμουν μέσα στο σκοτάδι όλο και πιο βαθιά. Και τότε με τη λογική του Έλληνα καταλάβαινα, γιατί η φαντασία του Πέρση, δημιουργώντας τον κόσμο και επιθυμώντας να τον δημιουργήσει καλό, τον χώρισε ακόμη πριν από τη δημιουργία του στο Καλό και το Κακό καθώς και έκανε το Κακό, που κατανοήθηκε μετά το Καλό, να γεννηθεί πριν από το Καλό• πρώτος έπρεπε να γεννηθεί ο Ωρομάσδης, αλλά γεννήθηκε ο Αριμάν. Και αφού το παραδέχτηκα με το νου, που γεννάει τη θλίψη, ξαναείδα, πως πριν από μυριάδες χρόνια αυτή τη φορά ο ίδιος ο Ωρομάσδης με τη σειρά του δημιούργησε το πιο όμορφο και το πιο τέλειο πλάσμα, το όνομά του είναι Γκαγιαμάρτ. Ήταν όμορφος, σαν τον ήλιο, τεσσάρων πήχων σε ανάστημα και στη δύναμη και την καλοσύνη του σχεδόν ισοδύναμος με τον ίδιο τον Ωρομάσδη. Ήταν το αποκορύφωμα της δημιουργίας, επειδή υπήρξε η έκτη ουσία μετά τον ουρανό, το νερό, τη γη, τα φυτά και τα ζώα, ενώ η έβδομη υπήρξε ο ίδιος ο αγαθός θεός, ο Ωρομάσδης.

Αλλά τότε, για να φανερώσει την υπεροχή του, ο Αριμάν δημιούργησε ένα πλάσμα, που ήταν ακόμη πιο όμορφο – την ενσάρκωση του πειρασμού, το όνομα του οποίου είναι Τζεχ, δηλαδή η Μεγάλη Παγίδα, δηλαδή απλώς η Γυναίκα, μολονότι θεωρείται ότι η πρώτη γυναίκα, όπως και ο πρώτος άντρας, ήρθαν στον κόσμο από το σπέρμα του Γκαγιαμάρτ μόνο σαράντα χρόνια

обладающую никаким ликом и называемую эллинами хаос, и нащупать там некое вечное существо, обладающее всеми ликами и называемое персами Зерван.

Порой ужас овладевал мной от моего казалось бы безумия, но я вспоминал гераклитовское, что нечто одно происходит из всего и все происходит из чего-то одного, это становилось опорой в моих поисках и я углублялся в пропасть все глубже. Тогда со всей логикой эллина я понимал, почему фантазия перса, созидая мир и желая создать его благим, разделила его еще до создания на Добро и Зло и сделала так, что Зло, задуманное после Добра, родилось прежде Добра: прежде должен был родиться Ормузд, но родился Ариман. И приняв это разумом, порождающим печаль, я снова видел, как мириады веков назад, уже Ормузд сотворил прекраснейшее и совершеннейшее существо, имя которому Гайамарт. Был он прекрасен, как солнце, ростом около четырех локтей, силой и благостью своей почти равен самому Ормузду. Он был венцом творения потому, как был сотворен шестым сущим после неба, воды, земли, растений и животных, а седьмым сущим был сам благой бог Ормузд.

Но тогда, чтобы явить свое превосходство, Ариман сотворил еще более прекрасное, существо, воплощение искушения, имя которому Джех или Великая Западня или просто Женщина, хотя считается, что первая женщина, как и первый мужчина, появились на земле из семени Гайамарта только через сорок лет после его гибели от руки Аримана и по вине Джех.

Я вспоминаю о том, как мириады веков назад был погуб-

ύστερα από τον όλεθρό του από το χέρι του Αριμάν και εξαιτίας της Τζεχ.

Θυμάμαι για το πώς πριν από μυριάδες χρόνια καταστράφηκε ο Γκαγιαμάρτ και βλέπω μπροστά μου την орхеύουσα λάμψη εκείνης της θαυμάσιας φωτιάς που έφαγε ύστερα από χρόνια την Перσέπολη.

Ήταν πριν από δεκατέσσερα χρόνια.

Οι φλόγες εκείνης της νύχτας είχαν μια απίστευτη αγαλλίαση. Πετούσαν ελαφρά από τα χάλκινα κύπελλα των λύχνων και άνθιζαν απαλά, σα λουλούδια. Το σέλας τους χυνόταν στους τοίχους, στις κλίνες, στα μήλα, τα σταφύλια, τα σύκα, τα ρόδια, τα πρόσωπα, τους ώμους, τις λαγόνες, όλ' αυτά τα φώτιζε με χρυσό, όλ' αυτά τα στρογγύλευε και σ' όλ' αυτά προσέδινε μια λάμψη, σαν όλα αυτά να ήταν αναθρεμμένα με πάμπολλα αστραφτερά και σταφυλώδη στήθη της Πότνιας Άρτεμης. Εκείνη τη νύχτα είδα πόσο πολύ φως περιέχει η φωτιά.

Ένιωσα μια ελαφριά γυναικεία παλάμη να ακουμπάει από πίσω στον ώμο μου. Είδα τα δάχτυλά της απίθανα ρόδινα πάνω στο λευκό ύφασμα• ήταν τόσο λεπτά και ραδινά που θα μπορούσες να τα περάσεις για ροές από ηλιακτίνες, αν δεν τα παραγέμιζε μια μεθυστική δύναμη της πιο χειροπιαστής σάρκας.

Στράφηκα. Και κατάλαβα γιατί οι Έλληνες λένε τα μάτια κυάνεα, μαυρογάλαζα. Κατάλαβα τι σημαίνει εκείνη η ασύλληπτη πανδαμάτρια πνοή που άηται από τέτοια μάτια, όπως λένε οι ποιητές τους. Κατάλαβα πώς συνδέεται μ' όλα αυτά το πολύχρυσο της Αφροδίτης. Το κυάνεο, η χρυσή λάμψη και η θαυματοουργική δύναμη που ρέει απ' όλα αυτά• τοίον άηθ' οίόν τε πολυχρύσου Αφροδίτης.

лен Гайамарт, и перед взором моим танцующий блеск того восхитительного огня, который пожрал затем Персеполь.

Это было четырнадцать лет назад.

Языки пламени в ту ночь были ликующими. Они легко взлетали из бронзовых чаш светильников и распускались ласково, как цветы. Сияние их разливалось по стенам, по ложам, по яблокам, винограду, смоквам, гранатам, по лицам, волосам, плечам, бедрам и озаряло все это золотом, вскружляло все это и давало всему этому блеск, словно все это было вскормлено бесчисленным множеством сияющих и упругих грудей Артемиды Владычицы. В ту ночь я увидел, как много света содержит в себе огонь.

Я почувствовал, как легкая женская ладонь легла мне сзади на плечо. Я увидел пальцы, совсем розовые на белой ткани: они были такие тонкие и изящные, что могли бы казаться струями лучей, если бы пьянящая сила самой осязаемой плоти не переполняла их.

Я обернулся. Я понял, почему элины называют глаза сине-черными. Я понял, что значит то неуловимое и всепокоряющее веяние, которое исходит от них, как говорят эллинские поэты. Я понял, как сопрягается со всем этим «обильное золото» Афродиты. Синее, черное, золотой блеск и чудодейственная сила, стремящаяся от всего этого:

Веянье сильное столь, сколь от многозлатой Афродиты

Сине-черные глаза смотрели на меня, и они тоже были огнем. Именно они и были огнем, озарявшим все. И только потом, уже вспоминая — вспоминая снова и снова, бесчисленное множество раз, я увидел, как изящны черты ее

Τα κυάνεα μάτια με κοίταζαν και ήταν κι αυτά φωτιά. Αυτά μάλιστα ήταν η φωτιά, που φώτιζε τα πάντα. Και μόνον ύστερα, ήδη στις αναμνήσεις μου, σε αναριθμητές αναμνήσεις μου, είδα πόσο κομψές ήταν οι γραμμές του προσώπου της, πόσο καλλίγραμμοι ήταν οι βόστρυχοί της, μαυρογάλαζοι κι αυτοί, και ότι όλη της υπήρξε μια ελαφρότητα, από την οποία άητο η δύναμη της γοητείας.

Κατέβασε το χέρι της.

-Ήρθες να μας πάρεις τη γη και το ύδωρ; Ή, αφού οι πρόγονοί σου απεδείχθησαν ανίκανοι να τα πάρουν, ήρθες να πάρεις τη φωτιά;

Τρόμαξα. Τα λόγια της με εξέπληξαν ακόμη πιο πολύ από την ομορφιά της. Κατανοούσε όμως η ίδια αυτό που είπε;

-Πάρε! Είναι η χοή που γέννησε η γη μας. Η φωτιά της Αττικής.

Μου άπλωσε το κύπελλο. Ήταν κύλικας. Άνοιξα την παλάμη μου και ενώ δεχόμουν το κύπελλο ένιωσα τα δάχτυλά της με τα δικά μου. Μου γλίστρησαν, μου ξέφυγαν. Αισθάνθηκα μέθη. Για να συνέλθω έφερα το κύπελλο στα χείλη μου. Το κρασί που σιγότρεμε στο κύπελλο ήταν βαθυκόκκινο στυφό κι εωόδιαζε σαν τριαντάφυλλα αλλά ήμουν σίγουρος ότι είναι δικό της άρωμα. Και ήμουν σίγουρος ότι καθώς το έπινα έβλεπε το πώς τρέμει το χέρι μου και πώς τρέμουν τα χείλη μου.

Έπινα το κρασί για να συνέλθω. Έπινα το κρασί για να ησυχάσω -όχι να σβήσω, αλλά να ησυχάσω!- τη φωτιά που μαινόταν μέσα μου. Έπινα το κρασί εισπνέοντας το άρωμά της. Κρύφτηκα πίσω απ' αυτό το κύπελλο απ' όλον τον κόσμο.

Όταν απομάκρυνα από τα χείλη μου το άδειο πλέον κύπελλο, είδα στη μαύρη κοιλότητά του ζωγραφισμένη μια ολόγυμνη γυναίκα, το κορμί της οποίας λύγιζε μέσα στον κύκλο σα να ζητούσε επίμονα να το πάρεις στην κατοχή σου.

лица, как красиво изгибаются локоны ее волос, тоже иссиня-черных, и что вся она — легкость, от которой веет сила очарования.

Она опустила руку.

— Ты пришел к нам за землей и водой? Или же, потому как предки твои оказались бессильны взять это, ты пришел, чтобы взять огонь?

Я вздрогнул. Слова ее потрясли меня еще больше, чем ее красота. Понимала ли она сама, что она сказала?

— Возьми! Это — влага, созданная нашей землей, ее величайшее таинство. Это — огонь Аттики.

Она протянула мне чашу. Это был килик. Я раскрыл ладонь и, принимая чашу, ощутил ее пальцы моими пальцами. Они выскользнули, ушли от меня. Я почувствовал опьянение. Я задыхался. Чтобы прийти в себя, я поднес чашу к губам. Вино, вздрагивавшее в чаше, было темно-красным и терпким и в то же время легко благоухало розами, но я был уверен, что это — ее благоухание. И еще я уверен, что когда япил, она видела, как дрожит моя рука и как дрожат мои губы.

Япил вино, стараясь прийти в себя. Япил вино, стараясь унять — не погасить, а унять! — огонь, который бушевал во мне. Япил вино, вдыхая ее аромат. Я закрывался чашей от всего мира.

Когда я отнял от губ уже пустую чашу, то увидел, что на черной полости ее была изображена совершенно нагая танцовщица, тело которой изогнулось внутри круга так, словно настойчиво призывало овладеть им.

Она засмеялась. Радостно и недосыгаемо. Она качнулась всем телом — качнуться так можно только в совершенстве

Γέλασε. Χαρούμενη και απλησίαστη. Κούνησε όλο της το κορμί - να κουνηθεί έτσι μπορεί μόνον εκείνος, που εξουσιάζει τελείως το κορμί του - και μου γλίστρησε ίσα-ίσα όπως γλίστρησαν από τα δικά μου τα δάχτυλά της - μολονότι δεν την άγγιξα.

Σε μιαν αστραπιαία στιγμή μας χώρισαν ήδη δύο κλίνες. Στεκόταν δίπλα σ' έναν υψηλό και λιγνό Αθηναίο με φαρδύ μέτωπο και πολύ ζωντανό βλέμμα με μενεξεδένιο ιμάτιο. Ύστερα έμαθα ότι αυτός ήταν ο διάσημος ρήτορας Υπερείδης. Ακούμπησε τα χέρια της στους ώμους του, τον κοίταζε στα μάτια του, γελούσε, αστειευόταν και το πολύ ζωντανό βλέμμα του γινόταν απ' αυτά πολύ τρυφερό.

Μια στιγμή κοίταζε ξαφνικά εμένα. Και δεν ήταν τυχαίο. Με προκαλούσε. Γιατί;

Γέλασε. Το γέλιο της είχε μια τολμηρή πρόκληση. Όπως και τα λόγια της για την ήττα των προγόνων μου και για τη φωτιά της Αττικής είχαν και αυτά τολμηρή πρόκληση.

Και πάλι αστειευόταν με τον Υπερείδη. Ίσως γελούσε μαζί μου, επειδή το γέλιο της χτυπούσε.

Τότε πρόσεξα ότι ο Νικίας με πλησίασε και με κοιτάζει.

- Ποια είναι αυτή; τον ρώτησα και αφού άκουσα τη φωνή μου σκέφτηκα ότι πρέπει να κυβερνάω καλύτερα τον εαυτόν μου καθώς μέσα της ήχησε ξαφνικά μια πιγυμένη βραχνάδα.

- Η Θαΐς. Η πιο τολμηρή από τις εταιρές. Θα σε γνωρίσω μαζί της.

Τ' όνομά της ήταν ένας ελαφρύς ψίθυρος. Τ' όνομά της ήταν ένας στεναγμός που χωρίς να το θέλεις ξεφεύγει από τα χείλη σου• κι όταν ήδη έχει ξεφύγει, τότε καταλαβαίνεις πως ξέφυγε χωρίς να το θέλεις και δεν τον εξέπεμψε ο νους ούτε η ερωτική επιθυμία αλλά η ίδια η ψυχή, που αισθάνεται ξαφνικά μια γλύκα

владея своим телом — и ускользнула от меня точь-в-точь так, как ускользнули от моих пальцев ее пальцы, хотя ее я не касался.

Спустя какое-то мгновение два ложа уже разделяли нас. Она стояла рядом с каким-то высоким и худощавым афинянином с высоким лбом и очень живым взглядом в лиловом гиматии. Впоследствии я узнал, что это был знаменитый оратор Гиперид. Она положила ему руки на плечи, смотрела ему в глаза, смеялась, шутила, а его очень живой взгляд становился от этого очень ласковым.

В какое-то мгновение она вдруг посмотрела на меня. В этом не было случайности. Она вызывала меня. Почему?

Она засмеялась. В ее смехе был дерзкий вызов. И в ее словах о поражении моих предков и об аттическом огне тоже был дерзкий вызов.

Она снова шутила с Гиперидом. Возможно, она насмеялась надо мной, потому что смех ее бил.

Тогда я заметил, что Никий подошел ко мне и смотрит на меня.

- Кто это? — спросил я и, услышав свой голос, решил, что нужно лучше владеть собой, потому что в нем появилась вдруг сжатая хрипота.

- Фаис. Самая смелая из гетер. Я познакомлю тебя с ней.

Имя ее было легким шепотом. Имя ее было вздохом, вырывающимся невольно из уст, и только когда этот вздох уже вырвался, понимаешь, что вырвался он невольно, и что не разум и не любовное желание исторгло его, но душа, которой становится вдруг сладостно и больно от этой сладо-

και ταυτόχρονα τον πόνο απ' αυτή τη γλύκα• έπειτα σου έρχεται να τα αισθάνεσαι και τα δύο -και τη γλύκα και τον πόνο και ν' αναστενάξεις ψιθυρίζοντας τ' όνομά της.

Θαΐς.

Τ' όνομά της είναι τόσο σύντομο, που εκπλήσσει. Μα είναι δυνατό να έχει τόσα θαυμάσια συναισθήματα μέσα του;

Τ' όνομά της - σε αντίθεση με πολλά άλλα ελληνικά γυναικεία ονόματα - δεν αντικατοπτρίζει καμια ωραία μορφή καμια αξιοθαύμαστη πράξη.

Τ' όνομά της - σε αντίθεση με πολλά άλλα ελληνικά γυναικεία ονόματα - δεν φέρνει στη μνήμη δοξασμένες γενεαλογίες ούτε προκαλεί ενθουσιασμό μπροστά στο παρελθόν.

Τ' όνομά της είναι μόνον αυτή η ίδια. Δεν είναι ούτε θνητή ούτε θεά, είναι η Θαΐς.

Ο σοφός της Εφέσου λέει ότι ο άνθρωπος σε σχέση με το θεό είναι σαν νήπιος σε σχέση με τον άνθρωπο. Το όνομά της είναι μια προσευχή ή ένα ξόρκι που ανεβάζει τον άνθρωπο στη θεότητα, που οι Έλληνες την αποκαλούν δαίμονα και χαρίζει το θείο αγαθό που οι Έλληνες το λένε ευδαιμονία. Αυτό και είναι η ευτυχία.

Το όνομά της είναι στεναγμός στη γλώσσα των θεών.

сти, а затем хочется и сладости и боли, и хочется вздохнуть, шепча ее имя.

Фаис.

Имя ее настолько кратко, что повергает в изумление. Возможно ли, чтобы столько дивных чувств было в нем?

Имя ее не отображает ничего, в отличие от множества других эллинских женских имен — никаких прекрасных образов, никаких прекрасных поступков.

Имя ее, в отличие от множества других эллинских женских имен, не указывает на славные родословные, не вызывает восторга, идущего из прошлого.

Имя ее — это только она. Она — не смертная, и не богиня, она — Фаис.

Эфесской мудрец говорит, что человек в сравнении с божеством — несмышленный младенец в сравнении с человеком. Имя ее — молитва или заклятие, возносящее от человека к божеству, которое элины называют daimon, и дающее благобожественность, которую элины называют eudaimonia. Это и есть счастье.

Имя ее — вздох на языке богов.

Il dono di Natale

Grazia Deledda

I cinque fratelli Lobina, tutti pastori, tornavano dai loro ovili, per passare la notte di Natale in famiglia.

Era una festa eccezionale, per loro, quell'anno, perché si fidanzava la loro unica sorella, con un giovane molto ricco.

Come si usa dunque in Sardegna, il fidanzato doveva mandare un regalo alla sua promessa sposa, e poi andare anche lui a passare la festa con la famiglia di lei.

E i cinque fratelli volevano far corona alla sorella, anche per dimostrare al futuro cognato che se non erano ricchi come lui, in cambio erano forti, sani, uniti fra di loro come un gruppo di guerrieri.

Avevano mandato avanti il fratello più piccolo, Felle, un bel ragazzo di undici anni, dai grandi occhi dolci, vestito di pelli lanose come un piccolo San Giovanni Battista; portava sulle spalle una bisaccia, e dentro la bisaccia un maialetto appena ucciso che doveva servire per la cena.

Il piccolo paese era coperto di neve; le casette nere, addossate al monte, parevano disegnate su di un cartone bianco, e la chiesa, sopra un terrapieno sostenuto da macigni, circondata d'alberi carichi di neve e di ghiacciuoli, appariva come uno di quegli edifizii fantastici che disegnano le nuvole.

Tutto era silenzio: gli abitanti sembravano sepolti sotto la neve.

Nella strada che conduceva a casa sua, Felle trovò solo, sulla neve, le impronte di un piede di donna, e si divertì a camminarci sopra. Le impronte cessavano appunto davanti al rozzo cancello

Рождественский дар

Фьюме. Перевод с итальянского

Пять братьев Лобина, все пастухи, возвращались домой, оставив свои овчарни, чтобы провести Рождество в семье.

В этом году для них это был особенный праздник — их единственная сестра обручалась с богатым молодым человеком.

По обычаю, принятому на Сардинии, жених должен быть прислать подарок своей суженой и потом провести праздник с ее семьей.

Пять братьев хотели, чтобы сестра предстала в их окружении, хотели показать будущему зятю, что даже если они и не имели такого же богатства, как у него, но были сильными, здоровыми, дружными меж собой, как маленький военный отряд.

Они выслали вперед младшего брата, Фелле, славного мальчишку одиннадцати лет, с большими добрыми глазами, одетого в пушистые шкуры, как маленький Иоанн Креститель; он нес на плечах мешок с недавно заколотым поросеночком, который должен был послужить ужином.

Деревушка была покрыта снегом; черные домишки, прилепившись к горе, казались нарисованными на белом картоне, и церковь на земляной насыпи с укреплением из бутового камня, окруженная покрытыми снегом и сосульками деревьями, представлялась одним из тех фантастических замков, которые вырастают из облаков.

Вокруг стояла тишина — казалось, жители были погребены под снегом.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Проза».

di legno del cortile che la sua famiglia possedeva in comune con un'altra famiglia pure di pastori ancora più poveri di loro. Le due casupole, una per parte del cortile, si rassomigliavano come due sorelle; dai comignoli usciva il fumo, dalle porticine trasparivano fili di luce.

Felle fischiò, per annunciare il suo arrivo: e subito, alla porta del vicino si affacciò una ragazzina col viso rosso dal freddo e gli occhi scintillanti di gioia.

– Ben tornato, Felle.

– Oh, Lia! – egli gridò per ricambiarle il saluto, e si avvicinò alla porticina dalla quale, adesso, con la luce usciva anche il fumo di un grande fuoco acceso nel focolare in mezzo alla cucina.

Intorno al focolare stavano sedute le sorelline di Lia, per tenerle buone la maggiore di esse, cioè quella che veniva dopo l'amica di Felle, distribuiva loro qualche chicco di uva passa e cantava una canzoncina d'occasione, cioè una ninnananna per Gesù Bambino.

– Che ci hai, qui? – domandò Lia, toccando la bisaccia di Felle. – Ah, il porchetto. Anche la serva del fidanzato di tua sorella ha già portato il regalo. Farete grande festa voi, – aggiunse con una certa invidia; ma poi si riprese e annunciò con gioia maliziosa: – e anche noi!

Invano Felle le domandò che festa era: Lia gli chiuse la porta in faccia, ed egli attraversò il cortile per entrare in casa sua.

In casa sua si sentiva davvero odore di festa: odore di torta di miele cotta al forno, e di dolci confezionati con buccie di arancie e mandorle tostate. Tanto che Felle cominciò a digrignare i denti, sembrandogli di sgretolare già tutte quelle cose buone ma ancora nascoste.

На улице, ведущей к его дому, Фелле обнаружил на снегу следы женских ног и принялся с удовольствием ступать по ним. Следы обрывались у калитки из грубых досок, ведущей во двор, который они делили с другой семьей пастухов, еще беднее, чем они сами. Две хибарки по обеим сторонам двора походили друг на друга, как сестры – из труб струился дымок, из приоткрытых дверей сочился свет.

Фелле свистнул, оповещая о своем прибытии, и тут же из соседской двери высунулась девчонка с красным от холода лицом и глазами, искрившимися радостью.

– С возвращением, Фелле.

– Лия! – закричал он в ответ и подошел к двери, из которой вместе со светом тянулся дым от яркого огня в камине посередине кухни.

Вокруг очага сидели Лиины сестренки, старшая из которых, вторая после Лии по возрасту, занимала их, чтобы те сидели спокойно, изюмом и песенкой, подходящей по случаю, а именно – колыбельной младенцу Иисусу.

– Что у тебя здесь? – спросила Лия, дотрагиваясь до мешка на плече Фелле. – А, поросенок. И служанка жениха твоей сестры уже принесла подарок. У вас будет большой праздник, – добавила она с завистью, но тут же продолжила с радостным ехидством – и у нас тоже!

Фелле не успел спросить, какой праздник: Лия захлопнула дверь перед его носом и он пошел через двор к своей двери.

В его доме чувствовался дух настоящего праздника: запах яблочного пирога и сладостей с апельсиновой цедрой и жареным миндалем. Да такой сильный, что Фелле заскрежетал зубами, на которых, казалось, уже хрустели все эти еще невидимые глазу вкусоности.

La sorella, alta e sottile, era già vestita a festa; col corsetto di broccato verde e la gonna nera e rossa: intorno al viso pallido aveva un fazzoletto di seta a fiori; ed anche le sue scarpette erano ricamate e col fiocco: pareva insomma una giovane fata, mentre la mamma, tutta vestita di nero per la sua recente vedovanza, pallida anche lei ma scura in viso e con un'aria di superbia, avrebbe potuto ricordare la figura di una strega, senza la grande dolcezza degli occhi che rassomigliavano a quelli di Felle.

Egli intanto traeva dalla bisaccia il porchetto, tutto rosso perché gli avevano tinto la cotenna col suo stesso sangue: e dopo averlo consegnato alla madre volle vedere quello mandato in dono dal fidanzato. Sì, era più grosso quello del fidanzato: quasi un maiale; ma questo portato da lui, più tenero e senza grasso, doveva essere più saporito.

– Ma che festa possono fare i nostri vicini, se essi non hanno che un po' di uva passa, mentre noi abbiamo questi due animaloni in casa? E la torta, e i dolci? – pensò Felle con disprezzo, ancora indispettito perché Lia, dopo averlo quasi chiamato, gli aveva chiuso la porta in faccia.

Poi arrivarono gli altri fratelli, portando nella cucina, prima tutta in ordine e pulita, le impronte dei loro scarponi pieni di neve, e il loro odore di selvatico. Erano tutti forti, belli, con gli occhi neri, la barba nera, il corpetto stretto come una corazza e, sopra, la mastrucca.

Quando entrò il fidanzato si alzarono tutti in piedi, accanto alla sorella, come per far davvero una specie di corpo di guardia intorno all'esile e delicata figura di lei; e non tanto per riguardo al giovine, che era quasi ancora un ragazzo, buono e timido, quanto per l'uomo che lo accompagnava. Quest'uomo era il nonno del

Сестра, высокая и стройная, уже была празднично одета в корсет из зеленой парчи и красно-черную юбку, ее бледное лицо обрамлял шелковый цветастый платок, на ней были также вышитые туфельки с бантом — в общем, она казалась юной феей в то время, как мать, одетая во все черное по причине недавнего вдовства, с таким же бледным, но мрачным лицом с горделивым выражением, могла бы походить на ведьму, если бы не кротость в глазах, так похожих на глаза Фелле.

Тем временем он вытащил из мешка поросенка, ярко красного от того, что его шкура была специально окрашена его же кровью и, передав поклажу матери, захотел посмотреть на поросенка, полученного в подарок от жениха. Конечно же, тот был крупнее, почти взрослая свинья, но его поросенок, с нежным и нежирным мясом, должен быть вкуснее.

– Какой праздник может быть у наших соседей, если у них есть только немного изюма, а у нас в доме — эти две туши? А пирог, сладости? — подумал Фелле с презрением, продолжая еще сердиться на Лию за то, что та сама же позвав его, потом захлопнула дверь у него перед носом.

Потом пришли другие братья, оставляя в чистой и прибранной кухне следы заснеженных башмаков и запах своих пастбищ. Они были все как на подбор сильные, красивые, черноглазые, чернобородые, в узких, как панцирь, жилетках с овечим тулупом поверх.

Когда вошел жених, все поднялись на ноги и встали рядом с сестрой, будто бы на самом деле хотели стать караулом вокруг ее хрупкой и изящной фигурки и не столько для юноши, который сам еще был почти мальчишкой, тихим и застенчивым, сколько для мужчины, который был с ним. Это

fidanzato. Vecchio di oltre ottanta anni, ma ancora dritto e robusto, vestito di panno e di velluto come un gentiluomo medioevale, con le uose di lana sulle gambe forti, questo nonno, che in gioventù aveva combattuto per l'indipendenza d'Italia, fece ai cinque fratelli il saluto militare e parve poi passarli in rivista.

E rimasero tutti scambievolmente contenti.

Al vecchio fu assegnato il posto migliore, accanto al fuoco; e allora sul suo petto, fra i bottoni scintillanti del suo giubbone, si vide anche risplendere come un piccolo astro la sua antica medaglia al valore militare. La fidanzata gli versò da bere, poi versò da bere al fidanzato e questi, nel prendere il bicchiere, le mise in mano, di nascosto, una moneta d'oro.

Ella lo ringraziò con gli occhi, poi, di nascosto pure lei, andò a far vedere la moneta alla madre ed a tutti i fratelli, in ordine di età, mentre portava loro il bicchiere colmo.

L'ultimo fu Felle: e Felle tentò di prenderle la moneta, per scherzo e curiosità, s'intende: ma ella chiuse il pugno minacciosa: avrebbe meglio ceduto un occhio.

Il vecchio sollevò il bicchiere, augurando salute e gioia a tutti; e tutti risposero in coro.

Poi si misero a discutere in un modo originale: vale a dire cantando. Il vecchio era un bravo poeta estemporaneo, improvvisava cioè canzoni; ed anche il fratello maggiore della fidanzata sapeva fare altrettanto.

Fra loro due quindi intonarono una gara di ottave, su allegri argomenti d'occasione; e gli altri ascoltavano, facevano coro e applaudivano.

был дедушка жениха. Восьмидесятилетний, но еще прямой и крепкий старик, одетый в сукно и бархат, как средневековый господин, с шерстяными гетрами на сильных ногах, этот дед, в молодости воевавший за независимость Италии, по-военному отдал честь братьям и осмотрел их, как на параде.

Все остались довольны друг другом.

Старику было отведено самое почетное место рядом с очагом и тогда на его груди, меж блестящими пуговицами кафтана, засияла, как маленькая звездочка, медаль за военные заслуги. Невеста наполнила его бокал, затем бокал жениха и они, принимая их, незаметно вложили ей в руку по золотой монетке.

Она поблагодарила их взглядом, потом также незаметно показала их матери и всем братьям в порядке возраста, когда подносила каждому полный бокал.

Последним был Фелле, Он попытался в шутку и из любопытства выхватить у сестры монету, но та угрожающе сжала кулак — она предпочитала лишиться глаза, но не монетки.

Старик поднял бокал за здоровье и счастье всех присутствующих и ему ответили хором.

Потом завели разговор весьма необычным способом, иначе говоря: запели. Старик был неплохим поэтом-импровизатором, то есть на ходу сочинял песни, и старший брат невесты также был мастером в этом деле.

Между ними завязалось песенное состязание на тему радостного события, имевшего место, остальные слушали, подпевали и хлопали в ладоши.

Dierenverhalen

Toon Tellegen

Het begon te sneeuwen in het bos. Het had al lang niet meer gesneeuwd. De mier was zelfs het woord sneeuw vergeten en moest het aan de eekhoorn vragen. En de beer dacht dat de versiering voor zijn feesttaart zo maar uit de lucht kwam vallen. De snoek keek naar boven en zag allemaal witte vlokken tegen zijn venster waaien. Hij voelde zich veilig en tevreden binnen in de sloot.

Het sneeuwde net zo lang tot het bos vol was met sneeuw. Alleen de toppen van de bomen staken nog naar buiten, terwijl in de verte boven het strand en de zee en de woestijn daarachter de warme zon bleef schijnen.

De eekhoorn en de mier zaten op de hoogste tak van de beukeboom. Af en toe kwam er iemand te voorschijn uit de sneeuw, zoals de olifant.

'Hè hè,' zei de olifant, terwijl hij met zijn slurf de sneeuw van zijn rug blies. Hij ging naast de mier zitten en begon diep te zuchten.

'Wat is er?' vroeg de mier. Maar de olifant kon niet meer, na al het graven en blazen, en hij viel van de tak terug in de sneeuw en verdween in de diepte. 'Help!' riep hij nog, heel zwak en treurig. De mier sprong hem achterna, terwijl de eekhoorn op de tak nadacht over wat hij zou gaan doen.

'Wacht eens even,' riep hij.

'Nee,' riep de mier uit de diepte. 'Help me liever.'

'Ja, dat bedoel ik,' riep de eekhoorn terug. Hij brak een paar twijgen van de tak af, knoopte ze aan elkaar en liet ze als een koord naar beneden zakken. De mier bond het uiteinde aan de

Сказки

Платонида Белухина. Перевод с нидерландского

В лесу пошел снег. Его не было уже давно. Муравей даже забыл слово "снег", и ему пришлось спросить бельчонка. А медведь подумал, что с неба просто так падают украшения для его праздничного торта. Щука посмотрела наверх и увидела много-много белых хлопьев, летящих за окном. Тогда-то она и поняла, как безопасно и уютно у нее дома, посреди глубокого рва.

Снег шел так долго, что завалил весь лес. Только макушки деревьев еще высовывались наружу, а вот вдалеке, над берегом и морем и над пустыней за ними по-прежнему сияло жаркое солнце.

Бельчонок и муравей сидели на верхней ветке бука. Время от времени из снега кто-нибудь показывался — вроде слона.

— Каково, а? — сказал слон, сдувая хоботом снег со спины.

Он уселся рядом с муравьем и принялся глубоко вздыхать.

— А в чем дело? — спросил муравей.

Но у слона после откапывания и обдувания не осталось сил, он упал с ветки обратно в снег и исчез в глубине. Он успел крикнуть "Помогите!", но очень тихо и печально. Муравей прыгнул за ним, а бельчонок остался на ветке, размышляя, что же ему делать.

— Подожди немножко! — крикнул он.

— Нет, — отозвался муравей откуда-то из глубины. — Лучше помоги мне.

— Да я и собирался, — крикнул бельчонок в ответ.

Он отломил от ветки несколько побегов, сплел их вместе и спустил вниз, как веревку. Муравей привязал ее конец к хобо-

slurf van de olifant vast en ging zelf aan diens staart hangen. Van diep onder de sneeuw klonk zijn gedempte stem: 'Hijsen!' De eekhoorn begon te trekken, en heel langzaam, centimeter voor centimeter, hees hij de olifant en de mier omhoog. Eerst verscheen de slurf van de olifant boven de sneeuw, toen zijn uitgeputte flaporen, zijn grijze buik en zijn ronde benen, en toen kwam de mier met zijn nijvere lijf te voorschijn. Even bungelden zij zo heen en weer boven de sneeuw, toen kregen zij vaste grond onder hun voeten in de kruin van de boom. De eekhoorn wees de olifant een veilig plekje aan waar hij kon uitrusten en niet meer zou kunnen vallen, terwijl de mier zichzelf gelukwensde. De eekhoorn trok zich bescheiden terug om wat na te denken.

Spoedig daarna ging het dooien en verdween de sneeuw. En het duurde weer zó lang voor hij terugkwam dat de mier zijn naam opnieuw vergat, en de beer ten slotte aan niemand meer vroeg wanneer eindelijk dat strooisel voor zijn taart weer eens gratis uit de lucht zou vallen.

=====

Op een middag aan de rand van het bos besloten de eekhoorn en de krekkel verstopperkje te gaan spelen. Maar omdat zij geen van beiden tot tien konden tellen wisten zij niet hoe lang zij moesten wachten voor zij konden gaan zoeken.

'Als ik me verstop dan hou jij je ogen dicht en wacht tot het begint te regenen,' zei de krekkel die in de verte een wolkje zag naderen. Maar het wolkje dreef weg en toen het donker werd tikte de krekkel de eekhoorn op de schouders en stelde hem voor iets beters te bedenken.

ту слона, а сам повис на его хвосте. Глубоко из-под снега донесся его приглушенный голос: "Подъем!" Бельчонок стал тянуть и постепенно, сантиметр за сантиметром, вытянул слона и муравья наверх. Сначала над снегом показался хобот слона, потом его большие обвислые уши, серый живот и толстые ноги, а потом появился и муравей, сразу вся его деловитая фигурка. Они раскачивались над снегом туда и обратно, пока не нащупали ногами твердую почву в кроне дерева. Бельчонок показал слону укромное местечко, где можно было отдохнуть без опасений снова упасть, а муравей сам себя поздравил. Потом бельчонок скромно удалился, чтобы еще поразмышлять.

Вскоре началась оттепель, и снег растаял. И снова его не было так долго, что муравей еще раз забыл его название, и даже медведь перестал спрашивать всех и каждого, когда же, наконец, та бесплатная посыпка для торта опять будет падать с неба.

=====

Как-то раз бельчонок и сверчок решили поиграть в прятки на опушке леса. Но ни один из них не умел считать до десяти, поэтому они не знали, сколько надо выждать, прежде чем идти искать.

— Я буду прятаться, а ты стой с закрытыми глазами и жди, пока не пойдет дождик, — сказал сверчок, который увидел вдалеке приближающееся облачко.

Но облачко уплыло прочь, а когда стемнело, сверчок похлопал бельчонка по плечу и предложил ему придумать что-нибудь получше.

На следующий день сверчку пришла в голову новая мысль.

De volgende middag had de krekel een nieuw idee. Hij zou zich verstoppen, en als hij zich verstopt had zou hij zwaaien naar de leeuwerik die hoog in de lucht hing, en die zou dan roepen: 'Kom maar.'

Het was een goed plan en toen de leeuwerik 'kom maar' riep begon de eekhoorn meteen te zoeken. Hij zocht zeer nauwkeurig. Hij draaide elk steentje om, keek aan alle vier de kanten van elke grasspriet, stak zijn pink in elk gaatje in de grond, maar hij vond de krekel niet.

Toen het donker werd riep de leeuwerik: 'Nou, ik ga naar huis. Dag hoor.'

'Daaag!' riepen de eekhoorn en de krekel. De krekel kwam nu ook te voorschijn en sloeg de eekhoorn vrolijk op zijn schouder.

'Dat was fantastisch!' riep hij. 'Geweldig! Je hebt me niet gevonden! Ha ha! Morgen gaan we verder!'

En zo gingen zij de volgende dag en vele dagen nadien verder. De eekhoorn deed zijn ogen dicht, de krekel verstopte zich, de leeuwerik riep 'kom maar' en de eekhoorn zocht tot zonsondergang, waarna de leeuwerik naar huis ging en de krekel vrolijk te voorschijn kwam.

Na een maand had de eekhoorn er genoeg van.

'Geen sprake van!' riep de krekel. 'Eerst moet je me vinden.'

De eekhoorn sleepte zich die dagen voort, en de tranen stonden hem vaker wel dan niet in de ogen, maar hij vond de krekel niet.

Ten slotte verscheen hij op een ochtend niet meer aan de rand van het bos.

Verontwaardigd klopte de krekel even later op zijn deur: 'Wat is dat nou? Dat hadden we niet afgesproken.'

Он будет прятаться, а когда спрячется, то помашет жаворонку, который всегда высоко в небе, а тот крикнет "Иди искать!"

План был хорош, и когда жаворонок крикнул "Иди искать!", бельчонок сразу отправился на поиски. Он искал очень внимательно. Он переворачивал каждый камешек, со всех четырех сторон осматривал каждую травинку, засовывал мизинец в каждую дырочку в земле, но сверчка не нашел.

Когда стемнело, жаворонок крикнул:

— Ну, я домой. Пока.

— Пока! — закричали бельчонок и сверчок.

Сверчок теперь сам нашелся и весело хлопнул бельчонка по плечу.

— Здорово было! — крикнул он. — Отлично! Ты меня не нашел! Ха-ха! Завтра продолжим!

Так они продолжали на следующий день и много дней после него. Бельчонок закрывал глаза, сверчок прятался, жаворонок кричал "Иди искать!", и бельчонок искал до самого захода солнца, а потом жаворонок улетал домой и тогда появлялся сверчок.

Через месяц бельчонку это надоело.

— Никаких разговоров! — закричал сверчок. — Сначала ты должен меня найти.

Бельчонок продолжал игру через силу, чаще всего со слезами на глазах, но сверчка он не находил.

Наконец однажды утром он не появился на опушке леса.

Чуть позже сверчок возмущенно постучался к нему в дверь:

— Что такое? Мы так не договаривались.

Ответа не последовало. Сверчок вошел в дом, постель была пуста. И как он только ни искал, в каких уголках или

Er kwam geen antwoord. De krekel ging naar binnen, maar het bed was leeg. En hoe hij ook zocht, in welke hoeken of gaten ook, binnen of buiten, boven of onder de grond, hij vond de eekhoorn niet.

En toen de zon die avond onderging liep de krekel peinzend naar huis.

=====

Op een dag kwam de eekhoorn erachter dat het onverstandig was om niet verder te kunnen tellen dan tot vijf. Hij ging naar de school aan de voet van de eik in het midden van het bos en vroeg aan de mus die daar onderwijzer was of hij hem tot tien wilde leren tellen.

'Ik zal mijn best doen,' zei de mus. 'Maar wat je vraagt is niet eenvoudig. Ik kan zelf tot zeventien tellen, maar vraag mij niet hoe lang ik daarvoor heb gestudeerd, want dat weet ik al niet meer.'

'Ik heb er alles voor over,' zei de eekhoorn.

'De meeste dieren komen nooit verder dan tot twee.'

'Laten we maar beginnen,' zei de eekhoorn.

'Goed,' zei de mus.

En zo gebeurde het dat de eekhoorn dag in dag uit, van 's ochtends vroeg tot 's avonds laat, in de klas van de mus zat. Naast hem zat de lepelaar die tot twee kon tellen, en voor hem de bij, die al bij vier was, en de goudvis in een kom, die tot zeven kwam.

Na een week kon de eekhoorn tot zes tellen. Vol trots vertelde hij dat aan de mier. Maar de mier was niet onder de indruk.

Na een maand kon hij tot zeven tellen. Maar de mier was nu

ямках, в доме или на улице, на земле или под землей, бельчонок он не нашел.

И когда в тот вечер зашло солнце, сверчок пошел домой в задумчивости.

=====

В один прекрасный день бельчонок пришло в голову, что мало уметь считать только до пяти. Он пошел в школу, расположенную посреди леса у подножья дуба, и спросил воробья, который работал учителем, не хочет ли тот научить его считать до десяти.

— Постараюсь, — сказал воробей. — Но это не так-то просто. Сам я умею считать до семнадцати, но учился этому так долго, что уже забыл, сколько.

— Ради этого я готов на все, — сказал бельчонок.

— Большинство зверей доходит только до двух.

— Давай начнем, — попросил бельчонок.

— Ладно, — согласился воробей.

И бельчонок стал учиться в классе у воробья — изо дня в день, с раннего утра до позднего вечера. Рядом с ним сидела цапля, умевшая считать до двух, а впереди — пчела, которая была уже на четырех, и золотая рыбка в мисочке, дошедшая до семи.

За неделю бельчонок научился считать до шести. Лопаясь от гордости, он рассказал об этом муравью. Но на муравья его рассказ не произвел никакого впечатления.

Через месяц бельчонок умел считать до семи. Но и теперь муравей остался равнодушен.

— А что такое семь? — спросил он.

Бельчонок не знал.

nog minder onder de indruk.

'Wat is zeven?' vroeg hij. De eekhoorn wist het niet.

'Als je niet eens weet wat zeven is, wat heb je er dan aan om daarheen te tellen? Als ik niet weet wat een suikerpluim is dan ga ik er toch ook niet op af, en zeker niet een maand lang?'

De eekhoorn moest lang nadenken over de suikerpluim. Hij meende dat de mier geen gelijk had, maar aan de andere kant was hij ook zo moe geworden van het leren dat hij de volgende dag aan de mus zei dat hij niet meer naar school kwam.

'Jammer,' zei de mus, 'want acht is een prachtig getal. Vooral als je er langzaam naar toe telt.'

'Maar wat is acht dan?' vroeg de eekhoorn.

'Tja,' zei de mus en trok een geheimzinnig en geleerd gezicht, alsof hij zeggen wilde: daar kom je pas achter als je acht echt helemaal kent. Maar hij zei niets meer.

De eekhoorn ging naar huis. Hij dacht die dag grondig na, maar hij kwam geen stap verder, laat staan dat hij begreep waarover hij nadacht. De volgende dagen vergat hij zeven en zes weer, zodat hij al spoedig weer even ver was als de mier die al jaren tot vijf kon tellen.

=====

Laat op de avond klopte de mot op de deur van de eekhoorn. Hij had een groezelig stukje papier bij zich waarop stond:

Ik ben verloren. Ik kan niet meer praten. Help mij. De mot.

'Kom maar binnen,' zei de eekhoorn en even later zat de mot in een stoel aan een dikke suikerkorrel te knabbelen.

'Zal ik je weer leren praten?' vroeg de eekhoorn.

— Если ты даже не знаешь, что такое семь, что тебе с того, что ты умеешь дотуда считать? Если я не знаю, что такое сахарная вата, то я же не буду ею заниматься, и притом целый месяц, правда?

Бельчонку пришлось долго думать про сахарную вату. Он считал, что муравей неправ, но, с другой стороны, он так устал от учебы, что на следующий день сказал воробью, что больше не будет ходить в школу.

— Жаль, — сказал воробей, — потому что восемь — прекрасное число. Особенно если считать до него медленно.

— Но что же такое восемь? — спросил бельчонок.

— Н-да, — сказал воробей с таким загадочным и умным видом, будто хотел ответить, что это будет понятно только после настоящего знакомства с восемью. Но он не сказал больше ничего.

Бельчонок пошел домой. Тот день он провел в глубоких размышлениях, но не продвинулся ни на шаг — даже в том, чтобы понять, о чем именно размышлял. Прошло еще несколько дней, и он забыл семь и шесть, так что очень скоро сравнялся с муравьем, который уже давным-давно умел считать до пяти.

=====

Поздно вечером в дверь к бельчонку постучалась моль. Она держала грязный клочок бумаги, на котором было написано:

"Мне крышка. Я больше не могу говорить. Помогите. Моль.

— Ну, проходи, — сказал бельчонок, и уже вскоре моль сидела в кресле и грызла большую крупинку сахарного песка.

De mot knikte opgewekt en met volle mond.

De volgende dag, na een flink ontbijt, begonnen de lessen.

'Aaaaaaaa...' zei de eekhoorn. De mot schudde zijn hoofd.

'Ooooo... pppp, rrrr, knknknkn...' zei de eekhoorn en hij duwde de kaken van de mot uit elkaar, schoof zijn tong heen en weer, kneep in zijn hals, blies in zijn neus en brulde in zijn oren. Maar er kwam geen geluid uit de mot te voorschijn.

Aan het eind van de ochtend hielden zij op met de lessen en zette de mot zich aan de dennehoning die de eekhoorn nog had. Hij kon goed eten en hij was al aanzienlijk dikker dan de dag tevoren.

's Middags gingen de lessen verder, maar de mot maakte geen vorderingen.

De volgende ochtend lag de mot nog tevreden te slapen toen de eekhoorn erop uitging om verse honing te kopen. Onderweg kwam hij de mier tegen. De eekhoorn vertelde hem over zijn leerling.

'O de mot,' zei de mier.

'Hij schiet nog niet op,' zei de eekhoorn.

'Ik krijg hem wel aan het praten,' zei de mier en hij likte zijn lippen af.

Die middag, terwijl de mot met wat kaakoefeningen thuis bleef, maakten de mier en de eekhoorn een reusachtige taart van louter honing. De mier kon er zelf nauwelijks van afblijven.

Toen de taart af was haalde de eekhoorn de mot.

'Voor jou,' zei hij en hij wees naar de taart, 'omdat je het toch al zo moeilijk hebt.'

De mot keek met grote ogen naar de taart, haalde diep adem, slikte en begon te eten. Hij zwol daarbij zichtbaar op. Na een uur

— Научить тебя снова говорить? — спросил бельчонок.

Моль радостно закивала с набитым ртом.

На следующий день, после сытного завтрака, начался урок.

— Аааааааа... — сказал бельчонок.

Моль покачала головой.

— Ооооо... пфпфпф, rrrr, knknknkn... — проговорил бельчонок, а потом развел ей челюсти, подергал за язык в разные стороны, ущипнул за шею, подул ей в нос и покричал в уши. Но моль не издала ни звука.

К полудню урок окончился, и моль принялась за еловый мед, который нашелся у бельчонка. Аппетит у нее был хороший, и она уже стала гораздо толще, чем накануне.

После полудня урок продолжился, но моль не делала никаких успехов.

На следующее утро, когда довольная моль еще спала, бельчонок отправился купить свежего меда. По пути он встретил муравья. Бельчонок рассказал муравью о своей ученице.

— Ах, эта моль... — сказал муравей.

— У нее не получается, — объяснил бельчонок.

— У меня она заговорит, — сказал муравей и облизнулся.

Днем, пока моль делала в доме упражнения для челюстей, муравей с бельчком приготовили огромный торт из чистейшего меда. Муравей с трудом удержался, чтобы его не попробовать.

Когда торт был готов, бельчонок привел моль.

— Это тебе, — сказал он, указывая на торт, — потому что тебе так тяжело.

Моль посмотрела на торт округлившимися глазами, глубоко вдохнула, сглотнула и принялась за еду. Она раздвинулась

onafgebroken eten kon hij al niet meer. Maar toch at hij door. Na twee uur kwam hij in het midden van de taart aan. De laatste hap die hij daar deed kreeg hij niet meer door zijn keel. De honing stroomde uit zijn mond terug op zijn voeten. Toen stond daar opeens de mier voor hem, tussen twee witgepoederde stutten, midden in de taart, met een fonkelend brok honing in zijn hand.

'Nog één stukje,' zei de mier. 'Toe nou. Nog één stukje maar. Het is zo lekker. Toe nou, mot.'

De mot zakte door zijn knieën, bleef op zijn buik rusten en zei: 'Ik kan niet meer.'

Toen zweeg hij beschaamd.

De mier en de eekhoorn droegen hem de taart uit en legden hem in een struik.

'Je bent een goede leerling,' zei de eekhoorn en klopte hem op zijn schouder, terwijl de mier aan de resten van de taart begon.

на глазах. После часа непрерывного жевания она больше не могла есть. Но все-таки продолжала. За два часа она добралась до середины торта. Последний откушенный кусок уже не лез ей в горло. Мед тек у нее изо рта до самых ног. И тут прямо перед ней, в середине торта, между двумя перекладинками, добела посыпанными сахарной пудрой, внезапно появился муравей со сверкающей крупинкой меда в руке.

— Еще один кусочек, — сказал муравей. — Давай. Всего один. Это же так вкусно. Давай, моль.

Но у моли подогнулись колени, она улеглась на живот и сказала:

— Больше не могу.

И сконфуженно замолчала.

Муравей с бельчонком вытащили ее из торта и уложили в кустах.

— Ты хорошая ученица, — сказал бельчонок и потрепал моль по плечу, а муравей тут же принялся за остатки торта.

Ramona the Pest

Beverly Cleary

"I am not a pest," Ramona Quimby told her big sister Beezus.

"Then stop acting like a pest," said Beezus, whose real name was Beatrice. She was standing by the front window waiting for her friend Mary Jane to walk to school with her.

"I'm not acting like a pest. I'm singing and skipping," said Ramona, who had only recently learned to skip with both feet. Ramona did not think she was a pest. No matter what others said, she never thought she was a pest. The people who called her a pest were always bigger and so they could be unfair.

Ramona went on with her singing and skipping. "This is a great day, a great day, a great day!" she sang, and to Ramona, who was feeling grown-up in a dress instead of play clothes, this was a great day, the greatest day of her whole life. No longer would she have to sit on her tricycle watching Beezus and Henry Huggins and the rest of the boys and girls in the neighborhood go off to school. Today she was going to school, too. Today she was going to learn to read and write and do all the things that would help her catch up with Beezus.

"Come on, Mama!" urged Ramona, pausing in her singing and skipping. "We don't want to be late for school."

"Don't pester, Ramona," said Mrs. Quimby. "I'll get you there in plenty of time."

"I'm not pestering," protested Ramona, who never meant to pester. She was not a slow poke grownup. She was a girl who could not wait. Life was so interesting she had to find out what

Рамона-хулиганка (отрывок из первой главы)

Ирина Юрьевна. Перевод с английского

— Я не хулиганка! — сказала Рамона Квимби своей старшей сестре Бизус.

— Тогда не веди себя как хулиганка, — ответила Бизус (которую по-настоящему звали Беатрис). Она стояла у окна и ждала свою подружку Мэри-Джейн, чтобы вместе пойти в школу.

— Я не веду себя как хулиганка. Я скачу и напеваю, — сказала Рамона. Она только-только научилась прыгать через скакалку по-настоящему, двумя ногами вместе, и теперь тренировалась. Рамона не считала себя хулиганкой. Неважно, что говорили другие, — она никогда не считала себя хулиганкой. Люди, которые называли ее хулиганкой, всегда были больше нее. А большие бывают несправедливы.

И Рамона продолжала скакать и напевать: «Какой чудесный день, какой чудесный день!» Сегодня на ней были не маечка с шортиками, а настоящее платье, и она чувствовала себя очень взрослой. Чудесный день, самый чудесный за всю жизнь! Сегодня она не останется, как раньше, сидеть на своем трехколесном велосипеде и смотреть, как уходят в школу Бизус, и Генри Хаггинз, и все остальные соседские мальчики и девочки. Сегодня она тоже пойдет в школу! Сегодня она научится читать, и писать, и всякие другие вещи делать — и наконец-то догонит задаваку Бизус!

— Мам, быстрее! — поторопила Рамона, перестав на минутку скакать и напевать. — В школу нельзя опаздывать.

— Не хулигань, Рамона, — сказала миссис Квимби. — Мы пойдем совсем нескорю.

— Я не хулиганю, — возразила Рамона. Она вовсе не собиралась хулиганить. Она вам не взрослая, чтобы сто лет копать, а

happened next.

Then Mary Jane arrived. "Mrs. Quimby, would it be all right if Beezus and I take Ramona to kindergarten?" she asked.

"No!" said Ramona instantly. Mary Jane was one of those girls who always wanted to pretend she was a mother and who always wanted Ramona to be the baby. Nobody was going to catch Ramona being a baby on her first day of school.

"Why not?" Mrs. Quimby asked Ramona. "You could walk to school with Beezus and Mary Jane just like a big girl."

"No, I couldn't." Ramona was not fooled for an instant. Mary Jane would talk in that silly voice she used when she was being a mother and take her by the hand and help her across the street, and everyone would think she really was a baby.

"Please, Ramona," coaxed Beezus. "It would be lots of fun to take you in and introduce you to the kindergarten teacher."

"No!" said Ramona, and stamped her foot. Beezus and Mary Jane might have fun, but she wouldn't. Nobody but a genuine grownup was going to take her to school. If she had to, she would make a great big noisy fuss, and when Ramona made a great big noisy fuss, she usually got her own way. Great big noisy fusses were often necessary when a girl was the youngest member of the family and the youngest person on her block.

"All right, Ramona," said Mrs. Quimby.

"Don't make a great big noisy fuss. If that's the way you feel about it, you don't have to walk with the girls. I'll take you.

"Hurry, Mama," said Ramona happily, as she watched Beezus and Mary Jane go out the door. But when Ramona finally got her mother out of the house, she was disappointed to see one of her mother's friends, Mrs. Kemp, approaching with her

девочка, и ей некогда ждать. Жизнь такая интересная штука! Совершенно необходимо выяснить, что будет дальше.

А дальше пришла Мэри-Джейн.

— Миссис Квимби, а можно мы с Бизус отвеем Рамону?

— Нет! — быстро сказала Рамона. Мэри-Джейн была из тех девочек, которые вечно притворяются мамами и хотят, чтобы Рамона была их ребеночком. Никто не заставит Рамону быть ребеночком в ее первый школьный день.

— Почему нет? — спросила Рамону миссис Квимби. — Ты могла бы пойти в школу вместе с Бизус и Мэри-Джейн, совсем как большая девочка.

— Нет, не могла бы!

Рамону не обманешь! Мэри-Джейн будет разговаривать дурацким голосом, воображая себя мамой, вести за ручку, учить переходить дорогу, и все подумают, что Рамона точно ребеночек.

— Ну пожалуйста, Рамона, — стала уговаривать Бизус. — Будет так прикольно: мы отвеем тебя в школу и познакомим с учительницей.

— Нет! — Рамона топнула ногой. Прикольно будет Бизус и Мэри-Джейн, а не ей. Нет уж, в школу ее поведет только настоящий взрослый и никто другой. А не то она поднимет большой-пребольшой крик. А когда Рамона поднимает большой-пребольшой крик, она обычно своего добивается. Без большого-пребольшого крика часто никак не обойтись, особенно если ты самая младшая в семье и во всем квартале.

— Не надо большого-пребольшого крика, Рамона. Если ты не хочешь идти с девочками, значит, не пойдешь с ними. Я сама тебя отвееду.

— Скорее, мам, — весело сказала Рамона, глядя, как Бизус и Мэри-Джейн выходят за дверь. Но когда Рамона наконец вытяну-

son Howie and his little sister Willa Jean, who was riding in a stroller. "Hurry, Mama," urged Ramona, not wanting to wait for the Kemps. Because their mothers were friends, she and Howie were expected to get along with one another.

"Hi, there!" Mrs. Kemp called out, so of course Ramona's mother had to wait.

Howie stared at Ramona. He did not like having to get along with her any more than she liked having to get along with him.

Ramona stared back. Howie was a solid-looking boy with curly blond hair. ("Such a waste on a boy," his mother often remarked.) The legs of his new jeans were turned up, and he was wearing a new shirt with long sleeves.

He did not look the least bit excited about starting kindergarten. That was the trouble with Howie, Ramona felt. He never got excited. Straight-haired Willa Jean, who was interesting to Ramona because she was so sloppy, blew out a mouthful of wet zwieback crumbs and laughed at her cleverness.

"Today my baby leaves me," remarked Mrs. Quimby with a smile, as the little group proceeded down Klickitat Street toward Glenwood School.

Ramona, who enjoyed being her mother's baby, did not enjoy being called her mother's baby, especially in front of Howie.

"They grow up quickly," observed Mrs. Kemp.

Ramona could not understand why grownups always talked about how quickly children grew up. Ramona thought growing up was the slowest thing there was, slower even than waiting for Christmas to come. She had been waiting years just to get to kindergarten, and the last half hour was the slowest part of all.

ла маму на улицу, там ее встретило разочарование. К ним шла мамина подруга миссис Кэмп, а с ней были ее сын Хови и его сестренка Вилла-Джин. Вилла-Джин ехала в коляске.

— Скорее, мам, — повторила Рамона. Ей не хотелось дожидаться Кэмпов. Почему-то все считали, что раз мамы подруги, то и они с Хови должны дружить. Но миссис Кэмп крикнула:

— Подождите нас!

И, конечно, им пришлось подождать.

Хови уставился на Рамону. Ему хотелось дружить с ней ничуть не больше, чем ей хотелось дружить с ним.

Рамона уставилась в ответ. Хови был крепким мальчишкой с золотыми кудрями. («Такая красота — и на мальчика зря потрачена!» — частенько вздыхала его мама.) Он был в новой рубашке и в новых джинсах с аккуратно подвернутыми штанинами.

Непохоже было, что первый школьный день его хоть чуточку волнует. «Вот что в нем не то», — подумала Рамона. Его никогда ничего не волнует. На Виллу-Джин (а вот у нее были прямые волосы) Рамона смотрела с любопытством: такая неряха! Выдула изо рта целый фонтан мокрых крошек от сухаря и хохочет над своей ловкостью.

— Вот и покидает меня моя малышка, — с улыбкой сказала миссис Квимби, пока их маленькая компания шла по улице Кликитэт прямо к Гленвудской школе.

Рамоне нравилось быть маминой малышкой, но совсем не нравилось, когда ее так называли. Тем более перед Хови!

— Дети быстро растут, — заметила миссис Кэмп.

Рамона никогда не понимала, почему взрослые вечно толкуют о том, как дети быстро растут. Она считала, что вырастание — самая медленная вещь на свете, медленнее даже, чем ожидание рождества. Она годами ждала, когда пойдет в школу, а последние полчаса вообще тянулись дольше всего.

Blood Pressure

Damon Runyan

I had never heard of my blood pressure until I went around to see doc Brennan about my stomach. Having examined me, he told me that my blood pressure was higher than a cat's back. I should be careful to avoid excitement, or I may pop off all of a sudden. "A nervous man such as you must live quietly," Doc Brennan said. "Ten bucks, please".

After leaving Doc Brennan's, I was standing in the street when I saw Rusty Charley in front of me. I did not want anything to do with him for he was a hard guy indeed. He was known to carry a gun and sometimes shoot people if he did not like the way they wore their hats – and Rusty Charley was very critical of hats.

"Hello Rusty," I said very pleasantly.

"Let's go to Nathan Detroit's dice game and win some money," said Rusty.

Of course, I had no desire to go to the dice game with Rusty Charley. As well as that, I remembered what Doc Brennan had told me and I knew there was likely to be excitement at the dice game if Rusty went there. But, naturally, I was not going to argue with Charley, so we went to the game.

It was in a room full of smoke and there were some very tough guys around the table. I knew this was a very bad place for my blood pressure. As soon as we entered, all the guys looked around and immediately there was a space at the table for us. Charley took the dice and bet Louie 1000 dollars that he couldn't get a ten.

Давление

Елена. Перевод с английского

Я и не вспоминал о своём давлении до встречи с доктором Бреннаном, по поводу моего желудка. Осмотрев меня, доктор объявил, что моё давление столь высоко, что может конкурировать с Сирс-Тауэр, и что мне не помещало бы исключить из своей жизни какие-либо поводы для волнения, иначе я могу неожиданно взорваться. «Такому нервному человеку как Вы следует жить покоее, скромнее», – заключил доктор Бреннан. «Десять баксов, пожалуйста».

Я покинул кабинет доктора Бреннана. Мирно стоял посреди улицы, когда мой взгляд столкнулся с Расти Чарли. Честно говоря, Расти – человек очень сложный, трудноперевориваемый. Я не хотел иметь никаких дел с ним. Расти бывал замечен в ношении оружия и даже стрельбе из него по людям, чьи шляпы его не устраивали – Расти очень строг к шляпам.

– Привет, Расти, – сказал я как можно дружелюбней.

– Не навестить ли нам Натана Детройта, поиграем в кости, выиграем немного денег, – предложил Расти.

Безусловно, меня мало чем привлекала игра в кости с Расти Чарли. Ко всему прочему, я помнил слова доктора Бреннана и понимал, что игра в кости – прекрасный повод понервничать, при условии, что её посетит Расти Чарли. Но, как бы то ни было, нежелание спорить с Расти Чарли оказалось всего сильнее. И мы пошли играть.

Мы оказались в комнате, полной табачного дыма, в которой помимо нас было ещё несколько крепких парней, возможно недружных с законом. Они сидели вокруг стола. Я понимал, что место, в котором я оказался, являло собой не самое лучшее место для моего

After throwing the dice into a hat, he said, “Ten”. He didn’t let anybody else to look in the hat, but nobody was going to doubt that Charley had thrown a ten. Then Louie handed him over a fat note very, very slowly.

Having left the game, Charley said, “Let us go to my joint and have my wife make us some breakfast.” Eventually we got to his place and this red-headed doll opened the door.

Suddenly, she picked up a baseball bat and smacked Charley on the head.

“Wait a minute, honey, this is a pal who’s here for some breakfast”. She gave me a look I will always remember and said, “So you are the one who keeps my husband out all night, are you?”

Before getting to the door, something hit me on the head and the roof caved in on me.

In the end, I woke up on the street somewhere.

The following day I went to Doc Brennan’s. I had a lump on my head so big he thought it was a tumour. “But,” Doc Brennan said, having taken my blood pressure, ” At last, your pressure is down below normal. It only goes to show what a little bit of quiet living will do for a guy,” he said. “Ten bucks, please.”

давления. Когда мы вошли, все парни огляделись, и сию же секунду для нас появилось место за столом. Чарли взял в руку кости и поспорил с Луи на тысячу долларов, что выкинет десятку.

Чарли бросил кости в шляпу и произнёс: «Десять!». Он не кому не позволил заглянуть в шляпу. Вернее, никто и посмелел спорить с Чарли. Луи медленно, очень медленно протянул Расти банкноту.

После игры Чарли предложил: « Как насчет того, чтобы отправиться сейчас в мою конуру и попросить мою жену сделать нам завтрак? » В конце концов, мы добрались до его местечка и тамошняя красноголовая кукла отварила нам дверь.

Внезапно она подняла бейсбольную битку и саданула Чарли по голове.

«Погоди, милая, этот приятель здесь, чтобы позавтракать».

Она окинула меня взглядом, который навсегда запечатлелся в моей памяти, и сказала: «Выходит, ты тот, кто на всю ночь задержал моего мужа?» Прежде чем я вошёл, нечто ударило меня по голове, помимо того, крыша обрушилась прямо на меня.

И вот, я проснулся на улице, в абсолютно не известном мне месте.

На следующий день я отправился к доктору Бреннану. Шишка, что красовалась на моей голове, была столь велика, что доктор решил, что это опухоль. «Однако, — заметил доктор Бреннан, измеряя моё давление, — в итоге, Ваше давление понизилось до нормы. Это является превосходным примером того, как умеренная жизнь может подействовать на человека!» «Десять баксов, пожалуйста».

La Cucarachita Martínez y Ratón Pérez

Antonio Arráiz

La Cucarachita Martínez y Ratón Pérez

– Cásate conmigo – le dijo el Toro.

– ¿Y qué me ofreces tú? – le preguntó la Cucarachita.

– Te ofrezco el poder. Cásate conmigo, y el mundo estará a tus pies. Dirás una sola palabra, y todos temblarán, y se precipitarán a complacerte. ¿Qué digo una palabra? Ni aun será menester que formules tu deseo. Un antojo tuyo, un ligero capricho que exhalas en el viento, será como una campanada que agitará a los perezosos, despertará a los dormidos y hasta resucitará a los muertos. El giro más voluble y encendido de tu pensamiento regresará a ti, antes que lo hayas expresado, convertido en espléndidas verdades y realizaciones insoñadas. Los animales te temerán y obedecerán solícitamente. La vida será un sendero de presentes y ofrendas a tu paso, y el universo se arrodillará ante ti, reverenciando a la escogida por el poderoso Toro.

– ¡Ay, Toro, me das miedo! – contestó la Cucarachita.

– La vida será un sendero de presentes y de ofrendas para ti, pero de presentes dulcísimos y de ofrendas delicadas – dijo el Canario de Tejado–. Yo te ofrezco la poesía. Orquestas invisibles modularán hermosas melodías, las auras impalpables traerán músicas imprevistas, una lluvia de estrofas y de pétalos caerá sobre tu frente, un surtidor de madrigales y de endechas brotará blandamente, quejándose, bajo tus pies.

– ¡Ay, Canario, me empalagas! – repuso la Cucarachita.

– Aquí está mi espada victoriosa. Viene de mil combates

Букашка Мартинес и Мышонок Перес (отрывок)

Aniña. Перевод с испанского

– Выходи за меня замуж, – предложил ей Бык.

– А что ты мне дашь? – спросила его Букашка.

– Я дам тебе власть. Если ты выйдешь за меня, мир будет лежать у твоих ног. Одно лишь твое слово будет приводить всех в трепет, все будут спешить угодить тебе. Я сказал «от одного слова»? Тебе даже не надо будет выражать твои желания словами. Любая прихоть, мелкий каприз в выдыхаемом тобой воздухе будет как звон в колокола, что тормозит ленивых, будит спящих и даже воскрешает мертвых. Самые переменчивые и пылкие фантазии превратятся в восхитительную реальность, о которой можно только мечтать. Ты будешь внушать животным страх и повиновение. Твоя жизнь станет тропой, усеянной подарками и подношениями, вселенная встанет перед тобой на колени, благоговей перед избранницей могущественного Быка.

– Ох, Бык, я тебя боюсь! – воскликнула Букашка.

– Твоя жизнь станет тропой, усеянной подарками и подношениями, но подарки будут слишком сладки, а подношения – хрупки, – вмешался Вьюрок. – Я же дам тебе поэзию. Невидимые оркестры будут переливаться чудесными мелодиями, неосязаемый ветерок донесет незнакомую пленительную музыку, дождь стихов и лепестков омоет твое лицо, а фонтан мадригалов и печальных песен будет мягко и жалобно бить у твоих ног.

– Ох, Вьюрок, как это банально! – ответила Букашка.

– Вот моя победоносная шпага, – сказал Петух. – Она прошла через тысячи ужасных битв. Она, как буря, обрушивалась на

formidables. Caía como una tempestad sobre ejércitos sin número, los que se desbandaban, empavorecidos, ante su resplandor. Entró a saco, a sangre y fuego, en ciudades populosas, capitales de vastos imperios, aniquilando los últimos baluartes de desesperadas resistencias, y está aún palpitante de la sangre de mis víctimas. ¡Tómala! ¡Tuya es! A tus pies la deposito con mi homenaje. Ven, serás la esposa del victorioso Gallo. Yo te ofrezco la gloria – dijo el Gallo.

Hay que confesar que estaba soberbio con su dormán rojo de brandeburgos de oro y la cascada de plumas sobre el yelmo; pero la Cucarachita le respondió:

– ¡Ay, Gallo, me das grima!

– Yo te ofrezco los honores: dignate participar de ellos – expuso el Doctor Burro –. Unidos escaltaremos las augustas excelsitudes desde donde se divisan apenas los espumeantes afanes del montón ignoto. No nos salpicarán las miserias, ni su estulticia. Sagrados cortinones servirán de majestuoso dosel a nuestra vida, y, unidos, nos sentaremos tú y yo en el trono de la inmortalidad.

– ¡Ay, Burro, qué fastidioso debe ser!

– Yo te ofrezco amor; yo soy todo amor, únicamente amor – manifestó el Chivo –. Ven: dame tu mano. Enlázate conmigo. Iremos a amarnos insaciabilmente en todos los parajes en que el amor puede florecer. Nos amaremos en la umbría de los bosques, en el terciopelo de los prados, sobre la arena de oro de las playas, al borde de las colinas redondeadas por las que bate la brisa cargada de efluvios de canela y malabar. Mi amor es ardiente e infinito, como un beso en el que se hubiese refundido la eternidad.

бесчисленные армии, которые в ужасе разбежались при виде ее блеска. С ее помощью я грабил и убивал жителей больших городов, столиц обширных империй, уничтожал последние бастионы отчаянного сопротивления. Эта шпага все еще пульсирует от крови моих жертв. Возьми ее! Она твоя! Я кладу ее к твоим ногам в знак поклонения. Прими ее, ты будешь супругой всепобеждающего Петуха. Я дам тебе славу.

Надо отметить, что он был великолепен в своем красном мундире, золотом плаще и с каскадом перьев на шлеме, но Букашка ответила ему:

– Ох, Петух, ты мне неприятен!

– Я дам тебе почести: изволь принять их, – заговорил доктор Осел. – Вместе мы достигнем вершин почета, откуда едва видна пена жалких потуг барахтающейся внизу невежественной толпы. До нас не долетят брызги ни бедности, ни тупости. Священный занавес славы укроет нашу жизнь как величественный балдахин, и мы с тобой вместе взойдем на трон бессмертия.

– Ох, Осел, как это должно быть скучно!

– Я дам тебе любовь, я есть сама любовь и только любовь, – заявил Козел. – Подойди, дай мне руку. Объединимся! Мы будем любить друг друга везде, где только может расцветать любовь. Мы будем наслаждаться ею в лесной тени и на бархате луга, на золотом песке пляжа, у подножия округлых холмов, среди которых резвится ветерок, благоухающий корицей и душистым перцем. Моя любовь горяча и безгранична, как поцелуй, в котором воплотилась бесконечность.

– Ох, Козел, я тебе не верю!

Кот предложил ей знатность своего рода, Пес – верность и привязанность, Навозный жук – совершенство строительных

– ¡Ay, Chivo, no te creo!

El Gato le ofreció la aristocracia de su alcurnia; el Perro la lealtad de su devoción; el Escarabajo las perfecciones de su industria; el Turpial las armonías de su arte; el Ganso le prometió una vida apacible y burguesa; el Caballo una existencia de deportes y agitación; el Ciempiés quiso convencerla de que uiesen sus riquezas, y así, casados ambos, llegasen a ser los animales más ricos del mundo; el Cucarachero, su pobreza, y con ella pan y cebolla.

– ¡Ay, no, no! No me decido – decía la Cucarachita.

Estaba otra vez a punto de llorar.

Ratón Pérez no prometía nada. Hallábase quiero y callado, mirando a la Cucarachita sin mover ni punta del rabo, y sus dulces ojos negros transparentaban una resignada melancolía.

– Y tú, Ratón Pérez, no me ofreces nada?

– Nada, Cucarachita Martínez – respondió con un suspiro –. ¿Qué podría ofrecerte? Hubiera sido para mí un sueño maravilloso casarme contigo, y estar todos los días, todas las horas, todos los instantes, contemplándote en silencio como ahora. ¡Eres tan bella, Cucarachita Martínez! Habría sido un sueño de encantamiento sentir, toda la vida, cómo tu vida se enroscaba en torno de mi vida, igual que un rosal; y escuchar, una tarde y otra tarde, una mañana y otra mañana, cuando asomaban las nubes rosadas, o cuando titilaban las estrellas, o cuando centelleaba el sol sobre la tierra amodorrada, tus carcajadas cantarinas que estallaban, tus gritos alegres y tus gestos de colegiala. Entonces hubiera podido inclinarme sobre tus párpados, cuidando, con religiosa ternura, de que el sueño te los cerrase poco a poco; y por la mañana, el momento en

tecnologías, Трупиал* – гармонию искусства, Гусь обещал ей спокойную бюргерскую жизнь, Конь – ежедневный спорт и волнения, Дождевой червяк хотел убедить Букашку объединить капиталы и, поженившись, стать самыми богатыми животными в мире, а Крапивник предложил ей свою бедность и хлеб с луком впридачу.

– Ох, нет, нет! Не могу решиться, – бормотала Букашка.

Она опять чуть не расплакалась.

Мышонок Перес ничего ей не предлагал. Он тихонько стоял в стороне, смотря на Букашку и не шевелил даже кончиком хвоста, а в нежном взгляде его черных глаз таилась покорная тоска.

– А ты, Мышонок Перес, ничего мне не предложишь?

– Ничего, Букашка, – вздохнул тот. – Что я могу тебе предложить? Подобно чудесному сну было бы для меня жениться на тебе и каждый день, каждый час, каждое мгновение молча любоваться тобой, как сейчас. Как ты прекрасна, Букашка Мартинес! Волшебный сон – видеть, что твоя жизнь переплетается с моей, как розовый куст оплетает стену дома, слышать вечер за вечером, утро за утром, когда по небу плывут розоватые облака или когда мерцают звезды, или когда последние лучики солнца сверкают, скользя по сонной земле – твой мелодичный смех, веселые крики и ужимки, как у школьницы. Тогда я мог бы поклониться к твоим глазкам и следить с нежным благоговением за тем, чтобы они потихоньку закрылись, а утром, когда ты проснешься, все еще ожидать со смущенным ликованием в сердце минуты, когда я увижу мое собственное отражение, оставшееся с вечера в твоих зрачках.

---

*трупиал – ярко-желтая птица с черной головой и крыльями из отряда воробьиных, символ Венесуэлы.

que te despertabas, permanecer todavía en acecho para descubrir, con un azorado júbilo de mi corazón, mi propia imagen que se había quedado impresa en tus retinas...

Hizo una corta pausa y añadió, más tristemente:

– Habría sido un sueño inefable, pero... ¿A qué hablar de estas cosas? Te he visto despreciar al Toro, que te prometía el poder, y al Canario, con su poesía, y al Gallo, y al Burro, y al Chivo. ¿Con qué ánimo me atrevería a hablarte?

El corazoncito de la Cucarachita Martínez latía con premura.

– Ratón Pérez: me voy a casar contigo – anunció de pronto.

De este modo se hicieron prometidos la Cucarachita Martínez y el Ratón Pérez.

Inmediatamente comenzaron los preparativos para las bodas. Era necesario hacer una fiesta suntuosa a la altura de los acontecimientos. Misia Rata estaba de lo más atareada. Con febril actividad púsose a limpiar la casa, a lavar los pisos y a pulir los muebles, y a colocar alfombras y adornos por todas partes. Hizo, además, una enorme torta, con diecisiete velas rosadas que la Cucarachita tendría que apagar de un solo soplo.

– Eso te traerá buena suerte – le aseguraba –. Tu esposo te será fiel.

La Gallina trajo de regalo dulce de lechosa. La Cotorra mandó unos pastelitos bastante insípidos, pero ella aseguraba que eran gateaux. La Hormiga contribuyó con una jarra de chicha, que le costó poco, pero estaba muy sabrosa. La

Он замолк на мгновение, а потом добавил еще более грустным голосом.

– Это было бы невыразимо прекрасно, но... Что об этом говорить? Я видел, как ты отвергла Быка, который предлагал тебе власть, Вьюрка с его поэзией, Петуха, Осла, Козла. Как же я осмелюсь подойти к тебе?

Сердечко Букашки Мартинес забилося быстро-быстро.

– Мышонок Перес, я выйду за тебя замуж, – вдруг объявила она.

Вот так обручились Букашка Мартинес и Мышонок Перес.

Незамедлительно начались приготовления к свадьбе. Праздник нужно было устроить роскошный, соответствующий важности события. У Сеньоры Крысы дел было невпроворот. Она бросилась лихорадочно прибираться в доме, мыть полы, натирать до блеска мебель, раскладывать повсюду ковры и украшать каждый уголок. Помимо этого, она сделала огромный торт с семнадцатью розовыми свечками, которые Букашка должна была задуть с первой попытки.

– Это принесет удачу, – уверяла Крыса. – Муж никогда тебе не изменит.

Курица принесла в подарок варенье из папайи. Сорока прислала какие-то безвкусные пирожные, утверждая, что это самые настоящие gateaux. Муравей притащил бутылку чичи**, купленной подешевке, но очень вкусной. А цикада, наоборот, принялась сорить деньгами – прислала ящик шампанского, купленный в кредит на ликерном заводе, за который ей потом пришлось расплачиваться шесть месяцев. Даже Цесарка и четыре Паука

** чича – распространенный в Южной Америке алкогольный напиток, похожий на пиво. Изготавливается из кукурузы.

Cigarra, en cambio, echó la casa por la ventana: envió una cesta de botellas de champaña, que compró fiado en la licorería, y después quedó hipotecada por seis meses para poder pagarla. Y hasta la Gallineta y las cuatro Arañas contribuyeron con sus obsequios: unos exquisitos bienmesabes, la primera, y un azafate de merengues y suspiros las Arañas.

¡Esto nos faltaba! – rezongaba Misia Rata, secándose el sudor. – ¡A mis años tener que afanarme tanto por esta niña malcriada, que después no me lo va a agradecer!

A pesar de las lamentaciones, trabajó en tal forma que dejó la casa como un espejo. La noche de la fiesta los corredores y las galerías deslumbraban a los convidados, con sus lindas guirnaldas flotantes de columna a columna, entre las cuales el Cocuyo había multiplicado sus lucecitas de color. La noche estaba cálida y serena; el cielo, lleno de estrellas. De vez en cuando golpes de brisa mezclaban los perfumes de los jardines próximos y los aromas de los bosques lejanos, confundidos. La Cucarachita Martínez y Ratón Pérez estaban acodados sobre el alféizar de la ventana.

– ¿Me quieres?

– Sí, te quiero mucho.

– ¿Me vas a querer siempre?

– Eternamente.

– ¿No vas a querer nunca a ninguna otra?

– No tengo ojos más que para mirarte a ti.

– ¿Cómo cuánto me quieres?

– Muchísimo.

– ¿Cómo de aquí a esas estrellas?

– Sí, como de aquí a esas estrellas.

вручили свои подарки: изысканный миндальный мусс и корзинку с меренгами и безе.

– Этого еще не хватало! – ворчала Сеньора Крыса, вытирая пот со лба. – В мои-то годы так убиваться ради этой капризной девчонки, которая и спасибо потом не скажет!

Хоть она и жаловалась, не переставая, но дом вычистила до блеска. В праздничный вечер коридоры и галереи ослепляли гостей своей красотой: Крыса развесила между колоннами гирлянды, а Светлячок зажег много разноцветных огоньков. Вечер выдался теплый и тихий, небо было усыпано звездами. Время от времени порывы легкого ветерка смешивали ароматы близлежащих садов с запахами далеких лесов, и одни уже было не отличить от других. Букашка Мартинес и Мышонок Перес стояли, облокотившись на подоконник и выглядывая в сад.

– Ты меня любишь?

– Я тебя очень люблю.

– Ты всегда будешь любить меня?

– Я буду любить тебя вечно.

– И никогда не полюбишь другую?

– Я никого кроме тебя не замечаю.

– Как сильно ты меня любишь?

– Моя любовь к тебе безгранична.

– Как вселенная?

– Да, как вселенная.

Звезды на небе затаили дыхание, слушая их разговор. Несколько пожилых зверей, очень мудрых и очень почтенных, которые собрались вместе, чтобы исследовать законы, управляющие звездами, прекратили свою беседу, потому что им показалось, что ветерок донес до них обрывок разговора. Как нищий,

Las estrellas en el cielo contenían el aliento, escucháolos. Varios viejos animales, muy sabios y muy honorables, que estaban reunidos estudiando las leyes que rigen las estrellas, se quedaron callados, pues les pareció que la brisa les había traído un retazo de conversación. Así como un pordiosero que, al descubrir, en la noche, música y luz en una quinta, se acerca hasta la verja de hierro, permanece un rato contemplando con ojos tristes la fiesta, y luego se aleja poco a poco: del mismo modo la brisa se detenía de repente escondida en el hueco de la copa de un árbol; recogía temblorosamente sus palabras y después continuaba más despacio, saboreándolas con una vaga melancolía.

Dos ejércitos de animales que en ese momento se disponían a librar una gran batalla, se quedaron indecisos, atentos a la plática lejana; y más tarde, cuando entraron a combatir, lo hicieron a desgana, y sentían más hondamente que nunca el temor de perder la vida. La Tierra misma suspendió un instante sus movimientos de rotación en torno de su eje y de traslación en torno del Sol. Y hasta el Sol, y con él todo el sistema planetario, se detuvo, absorto, en su marcha vertiginosa hacia la remota Alfa de Hércules.

Porque desde que el Mundo da vueltas alrededor de sí mismo y alrededor del Sol, y el Sol y el sistema solar se deslizan por los espacios infinitos hacia el Alfa de Hércules, nunca, ni los sabios cuando resuelven los problemas, ni los generales cuando dan sus órdenes al iniciarse una batalla han pronunciado palabras tan importantes como aquéllas que decían la Cucarachita Martínez y Ratón Pérez.

A sus espaldas, las parejas enlazadas se dejaban arrebatar

cuando, una noche, inesperadamente escuchando música y viendo fuego en las ventanas de la casa, se acerca a la verja de hierro, permanece un rato contemplando con ojos tristes la fiesta, y luego se aleja poco a poco: del mismo modo la brisa se detenía de repente escondida en el hueco de la copa de un árbol; recogía temblorosamente sus palabras y después continuaba más despacio, saboreándolas con una vaga melancolía.

Две звериные армии, которые как раз собирались вступить в серьезную битву, остановились в нерешительности, внимательно прислушиваясь к далекой беседе, а позже, начав сражение, участвовали в нем неохотно и боялись за свою жизнь как никогда. Сама Земля на миг прекратила вращаться вокруг своей оси и вокруг Солнца. Да и Солнце и все планеты остановили свой головокружительный бег к далекому созвездию Альфа Геркулеса.

Потому что с тех пор, как мир вращается вокруг самого себя и вокруг Солнца, а Солнце и Солнечная система плывут в бесконечном пространстве к Альфе Геркулеса, никогда еще ни ученые, решая задачи, ни генералы, дающие приказ к началу битвы, не произносили таких важных слов как те, что говорили друг другу Букашка Мартинес и Мышонок Перес.

За их спинами обнявшиеся парочки самозабвенно танцевали под музыку, которую играли Сойка на арфе, Крапивник на гитаре и Кумушка Жаба на маракасе.

— Недобрый знак! Кто на свадьбе пляшет, тот потом всю жизнь проплачет! — прошипел Клещ.

Наступило время ужина, на огонь поставили огромный котел с шоколадом. Сеньора Крыса яростно помешивала в нем специальной палочкой.

— Ммм... как вкусно! — пробормотал Мышонок Перес,

por la música que tocaban el Arrendajo con su arpa, el Cucarachero con su guitarra, el Sapo Compadrón con las maracas.

– ¡Mala señal! Matrimonio bailado es matrimonio desgraciado – anunció con sibilante voz la Nigua.

Llegó la hora de la cena, y el chocolate fue puesto a hervir en una enorme olla. Misia Rata lo batía vigorosamente con el molinillo.

– ¡Qué rico está! – murmuraba Ratón Pérez, inclinándose al borde del envase, mientras su naricita olfateaba con delicia el espeso aroma que emanaba del líquido apetitoso y humeante.

Misia Rata fue la primera en advertir el peligro que corría.

Ten cuidado – observó. No te acerques tanto a la orilla. Te puedes caer.

– ¡Ah, qué rico está! – insistía Ratón Pérez, extasiado.

– ¡Cuidado! – gritó de pronto la Cucarachita.

– ¡Cuidado! – repitieron a coro todos los animales próximos volviendo la cara al oír la exclamación.

Era demasiado tarde. Ratón Pérez se había inclinado con exceso sobre el recipiente.

склоняясь над краем сосуда и жадно вдыхая своим маленьким носиком насыщенный аромат дымящейся аппетитной жидкости.

Крыса первой заметила, в какой опасности он находился.

– Осторожно, – сказала она. – Не подходи так близко к краю, ты можешь упасть.

– Ах, как вкусно! – твердил Мышонок Перес в упоении.

– Осторожно! – закричала Букашка.

– Осторожно! – повторили за ней хором все стоявшие рядом гости, обернувшись на крик.

Но было уже поздно. Мышонок Перес слишком сильно перегнулся через край котла. Быть может, его одурманили поднимавшиеся оттуда тяжелые пары. Внезапно он побледнел, пошатнулся, хотел схватиться за котел (но тот был таким горячим, что Мышонок обжегся), окончательно потерял равновесие и рухнул внутрь. Его хрупкое тельце в сером костюме, сшитом специально для свадьбы, несколько секунд держалось на кипящей поверхности, прежде чем навсегда исчезнуть в шоколадных глубинах.

– Осторожно! – воскликнули еще раз все присутствующие и бросились к котлу, но Мышонка не было ни следа.

– Ах! – всхлипнула Букашка Мартинес и лишилась чувств.

ПУБЛИЦИСТИКА

Vedere l'unità

Enzo Bianchi

Fondamento dell'icona è l'incarnazione del Dio tre volte santo nel Figlio, il Verbo del Padre, la Parola fatta carne. Così affermano, in piena sintonia, Oriente e Occidente. La grande tradizione della Chiesa indivisa è infatti unanime: il Celeste si è fatto terrestre, l'Immortale si è fatto mortale, l'Eterno si è fatto temporale, l'Invisibile si è fatto visibile, l'Onnipotente è diventato fragile, l'Onnipresente si è fatto individuabile nella carne di un uomo... Dio ha così ricevuto un volto umano, un volto che anche la terra tutta, il cosmo intero ha plasmato: è il volto divino-umano che era nella mente di Dio fin da prima della creazione del mondo. È il volto che l'icona narra con linguaggio pittorico, in un codice che, mentre confessa l'incarnazione, manifesta anche la conseguenza ultima di questo mirabile commercium: la santificazione della materia. Così esclamava Giovanni Damasceno, annunciatore di Cristo con la parola e con le immagini: «Io non adoro la materia, ma il Creatore della materia, che per me si è fatto materia». Ogni icona è allora epifania della divinità, della santità comunicata per grazia all'umanità intera: in forza di questa comunicazione la materia diviene volto su cui rifulge la luce del Signore, luce che «di gloria in gloria», trasfigura il «Senza volto» in Colui che è il Volto del Dio invisibile.

L'icona rende possibile il rinvenimento della presenza. Ogni iconostasi è cristocentrica, al suo cuore sta Cristo, così come ogni icona di un santo rimanda a Cristo, il Santo. Le grandi icone del ciclo festivo narrano i misteri di Cristo cele-

Зреть Единство

Sabinus. Перевод с итальянского

Основой иконы стало воплощение Бога трижды святого в Сыне, Слова Отца, Слова, ставшего плотью. Это в полном согласии друг с другом утверждают Восток и Запад. Великая традиция неразделенной Церкви воистину единодушна: Небесное стало земным, Бессмертный стал смертным, Вечный стал временным, Незримый стал зримым, Всемогущий стал познаваемым во плоти человеческой... Так Бог обрел человеческий лик — лик, который сформировали вся земля и все вселенная: это божественно-человеческий лик, пребывавший в замысле Божьем до сотворения мира. Это лик, о котором икона повествует языком живописи, исповедующим воплощение, являет также последнее следствие *mirabile commercium* — освящение материи. Так провозглашает Иоанн Дамаскин, возвеститель Христа в слове и в изображениях: «Я не поклоняюсь веществу, поклоняюсь же Творцу вещества, ради меня сделавшемуся веществом». Таким образом, всякая икона есть явление божественности, святости, возвещенной через милость всему человечеству: в силу этого возвещения материя становится ликом, над которым блещет свет Господень, свет, который «от славы в славу» преобразует «Безликого» в Того, Кто есть Лик незримого Бога.

Икона делает возможным обнаружение присутствия Божия. Всякий иконостас христоцентричен, в самой середине его пребывает Христос — так же, как свидетельствует о Христе икона любого святого. Большие иконы праздничного чина — Рождество,

---

Работа заняла второе место в номинации «Публицистика».

brati nell'anno liturgico, vera santificazione del tempo nella compagnia degli uomini: la Natività, il Battesimo, la Trasfigurazione, la Crocifissione, la Discesa agli inferi o icona della Resurrezione, la Trinità di Dio e la Pentecoste, l'Ascensione.

Nelle innumerevoli icone mariane d'Oriente e d'Occidente, dove più facilmente la pietà popolare s'identifica, ancora una volta si manifesta la verità dell'Incarnazione: Gesù è venuto realmente sulla nostra terra e ne ha abitato le profondità, in una grotta che — lo vediamo nell'icona della Natività — è già profezia del sepolcro. La terra ha veramente dato il suo frutto, come recita il bellissimo canto dell'ufficio ortodosso ai vesperi di Natale: «Signore, come ti ringrazieremo per tutti i doni che tu ci hai fatto? Che cosa ti offriremo, o Cristo? ... la terra ti offre una grotta, il cielo ti offre una stella, i Magi ti offrono i doni, l'umanità ti offre la Vergine Maria». Sì, la grotta è l'offerta della terra a Dio perché possa incarnarsi, nascere bambino da una donna a Betlemme. Analogamente, nella Natività affrescata da Giotto nella Cappella degli Scrovegni a Padova, Maria è soprattutto la madre che ha partorito, che genera, quasi la prima a riconoscere in quel bambino il Figlio di Dio, in un silenzioso dialogo tra gli sguardi di toccante intensità.

Nell'ordine festivo delle iconostasi russe, l'icona della crocefissione dal XIV secolo è sempre più spesso accostata all'icona della Trasfigurazione. Le due icone s'illuminano a vicenda: il Cristo trasfigurato, al centro di una mandorla oscura, conversa con Mosè ed Elia del suo esodo pasquale a Gerusalemme; il Crocefisso risalta solo nel centro luminoso

Крещение, Преображение, Распятие, Воскресение — Сошествие во ад, Вознесение и Пятидесятница — отсылают нас к евангельским событиям, память которых отмечается в течение литургического года, напоминая о подлинном освящении времени в человеческом обществе.

На бесчисленных иконах Богородицы Востока и Запада, где легче прослеживается народное благоговение, еще раз проявляется истина Воплощения: Иисус действительно пришел на нашу землю и жил в глубине ее, в пещере, которая (мы видим это на иконе Рождества) уже присутствует прообраз погребения. Земля воистину принесла свой плод, как возвещает прекраснейшая песнь православной службы во время Рождественской вечерни: «Господи, как нам возблагодарить Тебя за все твои дары нам? Что принесем Тебе, Христе? Ты ради нас на земле человеком явился! Всякая сотворенная Тобой тварь возносит Тебе благодарение: ангелы — гимн, небеса — звезду; земля — пещеру; пустыня — ясли; мы же Тебе — Матерь Деву». Воистину, пещера — это дар земли Богу, потому что Он может воплотиться, родить младенца от женщины в Вифлееме. Равным образом на фреске Рождества, написанной Джотто в капелле Скровеньи в Падуе, Мария — прежде всего мать-роженица, рождающая и почти первая признающая в своем младенце Сына Божьего. Это прекрасно ощутимо в молчаливом диалоге взглядов, волнующих своей напряженностью.

В праздничном чине русских иконостасов икона Распятия с XIV века все чаще встречается рядом с иконой Преображения. Эти два образа освещают друг друга: преображенный Христос в центре мандорлы беседует с Моисеем и Ильей о своем пасхальном «исходе» в Иерусалим — Христос распятый представлен один в светлом центре сцены, где Мария с одной стороны и любимый ученик с сот-

della tavola, dove Maria da un lato, dall'altro il discepolo amato con il centurione contemplano quella morte gloriosa. Eppure progressivamente, sia nei tratti e nel movimento corporeo del Cristo, sia nelle figure ai piedi della croce, con insistenza sempre maggiore compare l'umanità sofferente: basterebbe confrontare le pose ieratiche delle icone bizantine del Due-Trecento con la commozione, terrestre e celeste, che percorre l'icona della crocifissione dipinta da Dionisij intorno al 1500 per la chiesa della Trinità del monastero di san Pavel Obnorskij.

Non dovremmo mai dimenticare quel che è avvenuto nell'arte occidentale attorno al XII secolo. Se nelle immagini più antiche, il Crocefisso appare quale Cristo glorioso, con gli occhi aperti, quasi assiso in trono (come il Cristo cosiddetto di San Francesco della Basilica di Santa Chiara in Assisi), dall'epoca di Cimabue, il Cristo in croce assume i tratti del Cristo sofferente: è un Cristo che muore, ha gli occhi chiusi. Assume la posizione della vittima: il corpo è slanciato in avanti, perché i chiodi lo tengono appeso alla croce, non si regge da solo. È davvero «il morto». Da questo momento in avanti l'Occidente seguirà soprattutto questo canovaccio. Ma qualcosa della ricerca della pittura occidentale sembra penetrare anche in Oriente. Nella Rus' le severe forme di un Teofane il Greco si addolciscono in Rublev, acquistano armonia e leggerezza, tutta la grazia ma anche la drammaticità trattenuta dei movimenti. È un arco evolutivo delle forme artistiche, certo, ma che sottende un approfondimento spirituale, che tocca il suo culmine proprio in Dionisij: e se la tradizione fa di Rublev un monaco del monastero della Trinità

ником с другой созерцают эту славную смерть. И все же постепенно, как в линиях телесного движения Христа, так и в фигурах у подножия креста со все большей настойчивостью проявляет себя страждущее человечество: достаточно сравнить иератические позы византийских икон XIII—XIV веков с земным и небесным волнением, пронизывающим икону Распятия, которая написана Дионисием около 1500 года для храма Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря.

И в коем случае не следует забывать, что произошло в западном искусстве примерно в XII веке. Если в более ранних изображениях Распятие представляет торжествующего Христа с открытыми глазами, который словно восседает на престоле (например, так называемый «Христос Святого Франциска» в базилике Святой Клары в Ассизи) со времени Чимабуэ, Христос на кресте обретает страдальческие черты: это умирающий Христос, с закрытыми глазами. Теперь Он представлен именно как жертва: отяжелевшее тело наклонилось вперед, поскольку гвозди удерживают его на кресте, — Христос не держится сам по себе. Тело воистину «мертво». С этого момента Запад будет следовать главным образом такой схеме, хотя кое-что из поисков западной живописи, по-видимому, получило развитие и на Востоке. На Руси строгие формы Феофана Грека смягчаются у Рублева, приобретают гармонию, легкость и грациозность, но также сдержанный драматизм движений. И хотя речь идет об эволюции художественных форм, ей присуща и духовная углубленность, достигающая своей кульминации именно в творчестве Дионисия: если традиция представляет Рублева монахом Свято-Троицкого монастыря, основанного преподобным Сергием Радонежским, то Дионисий принадлежит духовной школе величайшего из русских исихастов — преподобного Нила Сорского.

fondato da San Sergio di Radonež, Dionisij si poneva alla scuola spirituale del più grande degli esicasti russi, san Nil Sorskij. Le icone rivelano una spiritualità, e insieme le sue trasformazioni nel tempo.

Così la più celebre delle icone russe, l'icona della Trinità in cui il santo monaco Andrej Rublev rilegge creativamente il modello tradizionale dell'«ospitalità di Abramo», dice innanzitutto il mistero della Tri-unità di Dio: un cerchio, un'unica vita manifesta il Dio che ha tre volti diversi: il volto del Padre, del Figlio e dello Spirito santo. L'unità assicura la pluralità, garantisce la diversità. Il movimento che attraversa gli sguardi delle tre figure angeliche è davvero una comunione che è circolo di luce, flusso di vita, concordanza perfetta del Figlio e dello Spirito Santo verso il Padre al quale come al proprio principio è ricondotto ogni gesto (l'inclinazione del capo, la benedizione della mano, lo spostamento degli occhi): il Padre accoglie il Figlio, il Padre accoglie lo Spirito Santo, ma un'accoglienza reciproca accompagna e moltiplica all'infinito il moto iniziale. Ecco il mistero del Dio cristiano: un Dio Uno, ma che è una comunità di amore, un Dio unico ma nel quale c'è diversità dei volti, pluralità di «persone», il Padre, il Figlio, lo Spirito santo.

L'Occidente non ha questa visione contemplativa, beata; non può contemplare la Trinità fuori dalla storia, e quando pensa la Trinità è obbligato a pensare alla storia. È uno dei battiti forti del cuore occidentale. Qui l'arte ha anticipato la teologia. Quando Jürgen Moltmann o Johann Baptist Metz affermano, muovendo da Lutero, che la croce narra la Trinità, sembrano tradurre in linguaggio teologico quello che genera-

Таким образом, раскрывая определенное духовное содержание, иконы показывают его изменение во времени.

Так, самая замечательная из русских икон, икона Святой Троицы, на которой преподобный Андрей Рублев творчески прочитывает заново традиционную иконографию «гостеприимства Авраама», показывает прежде всего таинство Три-Единства Божьего: единый круг, единая жизнь провозглашает Бога, обладающего тремя различными ликами: ликом Отца, ликом Сына и ликом Святого Духа. Единство утверждает множественность, обеспечивает различность. Движение, проходящее через взгляды трех ангельских фигур, — это подлинная сопричастность, являющаяся кругом света, течением жизни, свершенной согласованностью Сына и Святого Духа через Отца, к которому как к подлинному началу обращен каждый жест (наклон головы, благословенные руки, направление взгляда): Отец приемлет Сына, Отец приемлет Святого Духа, но при этом взаимное приятие сопутствует и умножает до бесконечности начальное движение. Такова тайна христианского Бога: Бог Един, но это единение любви, Бог Един, но в нем различность ликов, множественность «лиц»: Отец, Сын, Святой Дух.

Запад не обладает этим созерцательным, блаженным взглядом, не может созерцать Троицу вне истории, а когда думает о Троице, то обязан думать исторически. Так бьется западное сердце — здесь искусство опережает теологию. Когда Юрген Мольтман или Иоганн Баптист Мец утверждают, отталкиваясь от Лютера, что крест повествует о Троице, кажется, будто они переводят на богословский язык то, что поколения живописцев от средних веков и до современного искусства уже интуитивно прочувствовали в тринитарной иконографии: Сын представлен на кресте или в объятиях

zioni di pittori, dal medioevo fino all'arte contemporanea, avevano già intuito nell'iconografia trinitaria: il Figlio è rappresentato in croce, o tra le braccia del Padre, che lo sostiene e lo abbraccia. Una Trinità che è una Pietà. E tra il Padre e il Figlio, per esprimere la relazione, l'amore, la compassione, è sospesa la colomba dello Spirito santo: segno sì di una premura ineffabile (una tenerezza a prezzo della croce!), ma anche memoria dello iato, della distanza tra il Padre e il Figlio nel momento della morte, quando il Figlio grida: «Mio Dio, Mio Dio, perché mi hai abbandonato», nell'atto di consegnare lo Spirito.

Certo, l'Oriente non elude il punto culminante del dramma che si consuma tra Dio e gli uomini, ma ne contempla lo scioglimento nel mistero inenarrabile di Dio. All'altro estremo del ciclo festivo, l'icona dell'Ascensione raffigura l'umanità tutta che in Cristo è assunta in cielo, è accolta in Dio. Nella stupenda icona di Rublev, al centro della tavola, in un cono di luce che rifulge nelle bianche vesti degli angeli, sta in piedi la figura della Madre di Dio, circondata dagli apostoli; in alto, assiso in un triplice cerchio di luminosità decrescente, dal cui centro oscuro emanano i raggi d'oro che illuminano tutta l'icona, si vede il Cristo benedicente. Terra e cielo ormai comunicano, è colmato l'abisso che per il peccato separava gli uomini da Dio. Il Cristo è assunto nel seno del Padre, ma nel mistero insondabile dell'amore divino porta con sé la carne che ha assunto e resa gloriosa con la sua resurrezione: ormai sulla terra stessa risplende la sua gloria, in quell'umanità che lo contempla ascendere al cielo e che viene trasfigurata in umanità redenta, trasformata in Terra del cielo.

поддерживающего Его Отца — Троица, которая есть Оплакивание (Pietà). А между Отцом и Сыном, выражая взаимосвязь, любовь, сострадание, парит голубь Святого Духа — воистину знак невыразимой заботы (нежность ценой креста!), но также напоминание о пропасти, о расстоянии между Отцом и Сыном в момент смерти, когда Сын восклицает: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?», в действии передачи Духа.

Конечно же, Восток не обходит кульминационного пункта драмы, разворачивающейся между Богом и людьми, но созерцает развязку в несказанной тайне Божьей. На другом краю праздничного круга икона Вознесения представляет все человечество, вознесшееся во Христе на небо, принятое в Боге. На изумительной иконе Рублева в центре, в конусе света, блещущего на белых одеяниях ангелов, представлена в полный рост Богоматерь в окружении апостолов, а над ней, в вышине — благословляющий Христос, восседающий в тройном круге ослабевающего сияния, от центра которого отходят освещающие всю икону золотые лучи. Земля и небо уже сообщаются друг с другом, пропасть, отделявшая из-за греха людей от Бога, заполнена. Христос вознесся в лоно Отца, однако по непостижимому таинству божественной любви Он переносит с собой также принятую и прославленную воскресением плоть: на земле уже воссияла Его слава, в которой человечество созерцает Его вознесение на небо и в которую на земле, уже освященной небесным присутствием, облеклось освобожденное и преображенное человечество.

Если задача всей живописи, всего изобразительного искусства в глубине своей состоит в том, чтобы читать и представлять незримое, иконы «pretendono» на то, чтобы зреть незримое, представлять Божественное в его утаивании, придавать форму тому, что

Se il problema di tutta la pittura, di tutta l'arte delle immagini è in profondità quello di leggere e rappresentare l'invisibile, le icone hanno questa «pretesa»: vogliono vedere l'invisibile, rappresentare il Divino nel suo nascondimento, dare forma a ciò che deve rimanere ineffabile, inconoscibile, ciò che resta indicibile. L'icona obbedisce alla logica che nel Quarto Evangelo offre la chiave per penetrare il mistero di Gesù: «Nessuno ha mai visto Dio, ma il Figlio ce ne ha fatto un'esegesi, ce ne ha fatto il racconto». L'icona, fondata sull'evento del Dio che si è fatto uomo, pretende di rappresentare non solo la carne di Gesù, la sua vita tra gli uomini, ma il modo stesso in cui questa carne contiene l'invisibile, contiene Dio, l'energia di trasfigurazione.

E dove rifulge il volto del Dio ineffabile, là accade la presenza: per questo l'icona accompagna la Parola proclamata e l'Eucaristia celebrata e con esse coopera alla manifestazione dell'immagine del Cristo Signore, all'accadimento della sua presenza. Parola, Eucaristia e Icona costituiscono una vera pericorese, un'autentica danza di amore della Presenza al cuore della liturgia e quindi della Chiesa. Presenza reale, efficace, presenza che parla, che nutre, che guarda.

должно оставаться неизреченным, непознанным, что остается невыразимым. Икона подчиняется логике, которая в Четвертом Евангелии предлагает ключ к проникновению в тайну Иисуса: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил». Икона, основанная на явлении Бога, который стал человеком, претендует на то, чтобы представлять не только плоть Иисуса, Его жизнь среди людей, но сам способ, каким эта плоть содержит незримое, содержит Бога, энергию преображения.

И там, где сияет лик неизреченного Бога, там происходит присутствие: поэтому икона сопутствует провозглашенному Слову и обряду причастия и вместе с ними содействует открытию образа Господа Христа, когда представляет Его присутствие. Слово, Причастие и Икона составляют подлинный перихоресис, истинный танец Любви, присутствующей в самой середине литургии и, стало быть, Церкви — реальное, действенное Присутствие, которое говорит, питает, зрит. Именно потому, что не верующий смотрит на икону, а икона смотрит на верующего и пробуждает в нем опыт Присутствия: «На меня смотрят, стало быть Некто передо мной, Некто устремил на меня свой взор и любит меня, Некто, зовущий меня по имени». Действенное, преобразующее и более того — преобразующее Присутствие, потому что именно Присутствие, действующее непрестанно, и делает христианина в высшей степени подобным Христу, от которого он и получил свое именование.

Il pane di ieri

Enzo Bianchi

Oggi che i nostri pasti abbondano di un superfluo che vorrebbe illuderci di un'imperitura abbondanza, pur essere utile soffermarci a contemplare il pane, questo umile cibo «generato» dalla terra attorno al Mediterraneo, alimento così quotidiano sulle nostre tavole eppure rispetto al quale siamo invitati a chiederci se sappiamo davvero che cosa mangiamo. Abituati come siamo a consumare cibo in fretta, un po' ovunque, anche in assenza di una tavola, possiamo dire che ingoiamo alimenti come carburanti, ma così facendo sostentiamo solo il nostro corpo animale e non l'intero nostro essere. Eppure il pane nella sua quotidianità, nel suo essere sempre presente sulla tavola, dovrebbe ricordarci che mangiandolo noi compiamo un'azione che è molto di più del semplice nutrirci. Proprio perché si è perso il senso del pane e non si è più capaci di «capire il pane», oggi questo alimento viene così facilmente trascurato e sostituito con tanti prodotti alternativi la cui unica positività consiste in una negatività, quella di non farci ingrassare.

Storicamente, il pane è nato nel III millennio a.C. in Egitto, in prossimità del Mediterraneo, dove nella coltivazione di diversi cereali finisce per eccellere il frumento. E con l'apparizione del pane si afferma la civiltà, la distinzione tra i barbari che mangiavano poltiglie di cereali selvatici e i popoli civili che conoscevano la coltivazione del grano e la cottura e vivevano la dimensione della tavola con il pane preparato: è attestato che nel I secolo d.C. i greci conoscessero 72 tipi di pane diversi... Cotto dagli assiri in otri di terracotta, dai greci

Хлеб вчерашнего дня

Sabinus. Перевод с итальянского

Сегодня, когда нашему питанию присущи излишества, которые могут вызывать иллюзию неиссякаемого изобилия, стоит остановиться на вопросе о хлебе — скромной еде, «рожденной» в странах вокруг Средиземного моря. Этот продукт питания появляется у нас на столе ежедневно, однако относительно него тем не менее возникает вопрос: понимаем ли мы, что едим? Привыкнув питаться в спешке, где придется, даже в отсутствие стола, мы, можно сказать, заглатываем продукты, словно топливо, поддерживая тем самым только наше биологическое тело, но не все наше существо. Хотя хлеб в его повседневности, в его сущности всегда присутствует на столе, следует помнить, что, съедая его, мы не просто насыщаемся, а совершаем действие несравненно более значимое. Именно потому, что смысл хлеба утерян, и мы уже не в состоянии «понимать хлеб», сегодня этот продукт питания так легко оказался в тени: его заменило множество альтернативных продуктов, единственный позитив которых состоит в негативе, а именно — в возможности не полнеть.

Исторически хлеб появился в III тысячелетии до н.э. в Египте, вблизи Средиземного моря, где возделывание разного рода злаков завершилось преобладанием пшеницы. С появлением хлеба утверждается цивилизация, возникает различие между варварами, питавшимися массой из дикорастущих злаковых, и цивилизованными народами, которые умели выращивать зерно и готовить его и, следовательно, жили по меркам стола с испе-

---

Работа заняла первое место в номинации «Публицистика».

sotto la cenere, dagli ebrei su pietre arroventate, il pane diventa il nutrimento base del corpo e dello spirito, assumendo valenze religiose e caricandosi di valori simbolici.

Certo, in un buon dizionario possiamo trovare la definizione di pane come «alimento che si ottiene cuocendo al fuoco un impasto di farina, solitamente di frumento, e acqua, condito con sale e fatto lievitare», ma il pane è molto di più. È simbolo della vita dura («ti guadagnerai il pane con il sudore della fronte»); quando è abbondante o di «fior di farina» è simbolo della vita e della festa; e ancora: è simbolo della condivisione, del frutto del lavoro di molti, della solidarietà, della «compagnia» autentica.

Nella vita contadina il pane sulla tavola richiamava immediatamente i campi di grano che si alternavano alle vigne: il loro giallo che si stagliava nel cielo sembrava dilatarsi fino a colorare le tele di Van Gogh. E in mezzo a tanto bagliore, l'occhieggiare di fiordalisi e papaveri – allora al riparo dai diserbanti, così efficaci e spietati verso la bellezza che «non serve» -, memoria visiva della gratuita, come osservava il teologo Bonhoeffer, inno silenzioso all'amicizia che si intreccia all'amore coniugale.

Più tardi ho percepito nella vita monastica che il pregare sempre prima di mangiare, così come il pasto consumato a volte in silenzio, aiuta maggiormente la consapevolezza che noi siamo quello che mangiamo: pregare prima di un pasto, infatti, significa dilazionare la consumazione del cibo che ci sta davanti, assumere una distanza, mettere un freno allo scatenarsi della voracità, non cedere a un approccio consumistico verso gli alimenti per cercare invece di capire il senso di

членным хлебом: засвидетельствовано, что в III веке до н.э. грекам было известно 72 различных вида хлеба... Выпекавшийся ассирийцами в керамических «бурдюках», греками – в золе, евреями – на раскаленных камнях, хлеб становится питательной основой тела и духа, обретая религиозную значимость и исполняясь символического смысла.

В каком-нибудь хорошем словаре можно прочесть такое определение хлеба: «продукт питания, получаемый при выпекании на огне массы из муки (обычно пшеничной), разведенной на воде с добавлением соли и доведенной до увеличения в объеме», однако хлеб – нечто гораздо большее. Это символ тяжелой жизни («будешь добывать свой хлеб в поте чела»), но если хлеба в изобилии и есть даже сдоба – это уже символ жизни и праздника, а кроме того – символ сопричастности, результата труда многих людей, солидарности, подлинной «ком-пании» (от латинских *соп* «вместе» и *панис* «хлеб»).

В сельской жизни хлеб на столе сразу же напоминал о пшеничных полях, чередующихся с виноградниками: их застывавший в небе желтый цвет, казалось, простирался вширь, словно окрашивая полотна Ван Гога. А среди этого сияния просматривались васильки и маки (стало быть, в убежище от гербицидов, столь действенных и беспощадных к «бесполезной» красоте) – видимая память о бескорыстии, как заметил теолог Бонхеффер, молчаливый гимн дружбе, вплетающийся в супружескую гармонию.

Позднее, уже в монашеской жизни я понял, что молитва всякий раз перед едой (иногда ведь пищу принимают в молчании) в большей степени способствует осознанию, что мы – это то, что мы едим: молитва перед едой, действительно, есть расширение смысла находящейся перед нами еды, установление определен-

quel nutrirsi. Così, ci si può rendere conto, per esempio, del fatto che quando ci si mette a tavola il pane è già lì, precede i commensali e rimane presente durante tutto il pasto e il susseguirsi delle pietanze, e sprigiona tutto il suo potere di attrarre a sé l'attenzione.

Il pane in tavola: un tempo era un vero e proprio rito, soprattutto quando era costituito da un'unica, grande pagnotta per tutti i commensali. Doveva essere posato diritto sulla tovaglia, disposto al centro o accanto a chi presiedeva la tavola, ne andava spezzato o tagliato solo quel tanto che si sarebbe mangiato, poi veniva distribuito, facendo attenzione che non cadesse a terra, senza avanzarne dei pezzi e le stesse briciole venivano raccolte alla fine del pasto e sparse sul davanzale della finestra a nutrire gli uccelli, soprattutto d'inverno, quando la neve toglieva allo scricciolo, al pettirosso, al passero la possibilità di trovare semi.

Il pane, simbolo della natura e insieme della «cultura», dell'agire dell'uomo in armonia con la natura. «L'uomo trae il pane dalla terra» narra con forza evocativa il salmo 104, a ricordare che il pane è lì, ma al contempo solo l'uomo sa «trarlo fuori», sa chiamarlo alla vita. La terra, infatti, deve essere arata, poi sminuzzata dall'erpice, poi seminata in attesa della pioggia feconda e della neve che custodisce e protegge il lento e sicuro germinare: «in inverno, sotto la pioggia fame, sotto la neve pane» recita un antico proverbio, erigendo il pane a nutrimento per eccellenza, unico antidoto alla fame. Infine, una volta che la terra accompagnata dal lavoro dell'uomo offre il grano nella spiga, ecco ancora la sapienza dell'uomo che non si accontenta di sgranocchiare dei chicchi magari abbrustoliti,

noy distanzii, обуздание невожденной прожорливости, позволяющее не впасть в потребительский подход к питанию и, наоборот, стараться понять его смысл. Так мы можем осознавать, например, тот факт, что, когда мы садимся за стол, хлеб уже лежит там, предшествует появлению сотрапезников, присутствует в течение всей трапезы, сопутствуя различным блюдам, и являет всю свою силу, привлекая к себе внимание.

Некогда хлеб на столе был настоящим ритуалом, особенно когда это была единственная огромная буханка, одна на всех сотрапезников. Хлеб должен был находиться на скатерти в центре или подле главы стола: от него отламывали или отрезали только ту часть, которую предстояло съесть, а затем делили, внимательно следя, чтобы хлеб не упал на землю, не оставляя ни кусочка, так что даже крошки под конец еды собирали и высыпали на подоконник — накормить птиц, особенно зимой, когда снег не позволял крапивнику, снегирию и воробью искать семена.

Хлеб — символ природы и в то же время «культуры», существования человека в гармонии с природой. «Человек извлекает хлеб из земли», с силой заклинания гласит 104 псалом, напоминая, что хлеб пребывает там, но в то же время только человек умеет «извлечь его наружу», умеет вызвать его к жизни. И, действительно, землю нужно сначала вспахать, затем разрыхлить бороной, затем засеять и ожидать плодотворного дождя и снега, который сохраняет и защищает медленное и надежное созревание: «зимой под дождем — голод, под снегом — хлеб», — гласит старинная поговорка, возвышая хлеб до питания как такового, до единственного средства от голода. Наконец, когда, благодаря человеческому труду, земля дарит зерно в колосе, и требуется умение человека, который не удовлетворяется пережевыванием

ma si preoccupa della mietitura e della trebbiatura – raccolta e di-scernimento al tempo stesso –, poi della molitura che predispone il grano a una nuova armonia con altri elementi della natura: la farina può così mescolarsi all’acqua, al sale, al lievito. Pochi, semplicissimi elementi, ma accostati con grande sapienza e fantasia, con pazienza e destrezza: quale varietà di forme e di consistenza già nella pasta, prima che la cottura aggiunga colore, pro-fumo e fragranza e inglobi nel greve impasto la leggerezza e il soffio spirituale dell’aria... Sì, il pane cibo reale eppur simbolico, capace di evocare una realtà che va al di là del nutrimento materiale e di suscitare domande sul senso di ciò che fa vivere.

Nel suo essere frutto della terra e del lavoro dell’uomo, della natura e della cultura, il pane esprime il bisogno, ciò che davvero è necessario per vivere. Non a caso la parola «pane» indica cibo essenziale e non superfluo: quando diciamo che «non c’è pane», evochiamo fame e carestia, così come del fenomeno migratorio non c’è spiegazione più tragicamente semplice dell’evidenza che sempre gli affamati corrono verso il pane perchè il pane non corre dove c’è la fame. Una corsa, quella cui assistiamo oggi – dalle sponde meridionali a quelle settentrionali del Mediterraneo – che segue il percorso compiuto proprio dalla cultura del pane quasi cinquemila anni fa. Pane, allora, anche come cifra della nostra capacità di condivisione, della nostra disponibilità o meno a spezzarlo perchè tutti ne possano avere, pane che, secondo i racconti evangelici, basta per tutti solo quando è spezzato e condiviso.

E la civiltà del Mediterraneo ha sempre accostato al pane un altro frutto della terra e del lavoro umano: il vino. Anche

поджаренных семян, но занимается жатвой, молотьбой (сбор и одновременно распознавание), а затем помолом, готовящим зерно уже к новой гармонии с другими элементами природы: благодаря ему муку можно смешать с водой, солью, дрожжами. Несколько самых простых элементов, соединенных однако между собой с большим знанием и фантазией, с терпением и сноровкой: какое разнообразие форм и консистенция уже в самом тесте, еще до того, как выпечка придаст цвет, запах и привнести в массивную смесь также легкость и духовное веяние воздуха... Воистину, хлеб – еда реальная, но также символическая, способная вызывать реальность, выходящую за пределы материального пропитания, и ставить вопросы о смысле того, что позволяет жить.

Будучи в своей сущности плодом земли и человеческого труда, природы и культуры, хлеб выражает потребность, которая, действительно, жизненно насущна. Не случайно слово «хлеб» указывает на хлеб насущный, а не на его излишек: когда мы говорим: «нет хлеба», то напоминаем о голоде и неурожае, поскольку феномену миграции нет более трагически простого объяснения, чем очевидность, что голодные всегда ищут хлеба, т.к. там, где голод, хлеба нет. Движение, которое мы наблюдаем сегодня с южных берегов Средиземного моря к северным, следует по пути, проделанному именно культурой хлеба почти пять тысяч лет назад. Таким образом, хлеб, как знак нашей способности разделять, нашей готовности, по крайней мере, делиться, чтобы все могли иметь хлеб, которого, согласно евангелистам, хватит всем, если только его разделить и раздадут.

В средиземноморской цивилизации с хлебом всегда был связан еще один плод земли и человеческого труда – вино. И здесь

qui, il gratuito accanto all'essenziale, il dono accanto al necessario, la gioia accanto alla sostanza: il pane fa vivere, il vino dà gusto alla vita; il pane ritempra le forze, il vino rallegra il cuore; il pane fa corpo con il lavoro, il vino ne addolcisce le fatiche. Pane e vino sulla tavola sono lì a ricordarci la grandezza dell'uomo e a interpellare la nostra sensibilità: quanta fatica e quanta speranza sono raccolti in quei due semplici alimenti, quanti volti appaiono dietro di loro! Il contadino e il mugnaio, il fornaio e il vignaiolo, e poi il bottaio e il mercante, le loro famiglie e i loro bambini, le ansie e le speranze di un anno, le grida della vendemmia e i canti della mietitura, il silenzio delle cantine e dei granai, il rumore della mola e il pigiare nei tini... E ora sono lì, raccolti sulla nostra tavola, a narrarci la qualità della nostra umanizzazione, a interpellarci su chi siamo e su come desideriamo che sia il nostro mondo.

Forse anche per questo, come ha giustamente osservato Predrag Matvejevic, «la storia della fede e quella del pane hanno spesso strade parallele o contigue o simili». Non a caso nell'ebraismo e nel cristianesimo il pane e il vino sono elementi essenziali della liturgia per eccellenza, il memoriale della Pasqua. Anche se ormai pochi ci fanno caso, ogni volta che le comunità cristiane si riuniscono per celebrare il grande mistero della loro fede lo fanno con il pane e il vino disposti su una mensa che i cristiani chiamano la «tavola del Signore». E così che mettono davanti a Dio tutta la creazione, tutto l'universo fisico, sintesi di ciò che vive, e insieme il lavoro dell'uomo, sintesi della fatica, della tecnica, della scienza, della capacità di abitare il mondo. E con spirito di profezia compiono sul pane e sul vino il gesto compiuto da Gesù, promessa di

тоже даримое рядом с существенным, дар рядом с необходимым, радость рядом с вещественным: хлеб дает жизнь, вино приносит наслаждение жизнью; хлеб укрепляет силы, вино веселит сердце; хлеб поддерживает тело трудом, вино услаждает заботы. Хлеб и вино находятся на столе, чтобы напоминать нам о величии человека и взывать к нашим чувствам: сколько труда, сколько надежд собрано в двух этих простых элементах, сколько ликов являются за ними! Крестьянин и мельник, пекарь и виноградарь, а затем бочар и торговец, их семьи и дети, их тревоги и надежды в течение всего года, крики во время сбора винограда и песни во время помола, тишина в винных погребах и амбарах, шум жерновов и давка винограда в чанах... Они и теперь собраны у нас на столе, чтобы рассказывать о том, какова наша гуманизация, вопрошать о том, кто мы и чего желаем от нашего мира.

Возможно, и поэтому тоже, как верно заметил Предраг Матвеевич, «история веры и история хлеба зачастую идут либо параллельными путями, либо смежными, либо подобными». Не случайно и в иудаизме и в христианстве хлеб и вино — существенные элементы литургии как таковой, напоминание о Пасхе. И хотя значение этому придают уже немногие, всякий раз, когда христианские общины собираются праздновать великое таинство своей веры, они делают это с хлебом и вином, которые находятся на столе, который христиане называют «столом Господним». Таким образом они представляют Богу все творение, весь физический универсум, синтез того, что живет, и вместе с тем — труд человека, синтез усилий, техники, знания, способности населять мир. И в духе пророчества они совершают над хлебом и вином жест, совершенный Иисусом, — обещание преображения мира сего и своих жиз-

trasfigurazione di questo mondo e delle loro vite nella vita del loro Signore: al cuore della vita spirituale più intensa, il pane con la sua materialità e il suo significato appare come la realtà, il cibo capace di narrare il più grande mistero cristiano.

Anche così si illumina la capacità del pane di essere simbolo della condivisione: chi mangia il pane con un altro non condivide solo lo sfamarsi, ma inizia con il condividere la fame, il desiderio di mangiare, che è anche il primo impulso dell'essere umano verso la felicità. Noi uomini abbiamo fame, siamo esseri di desiderio e il pane esprime la possibilità di trovare vita e felicità: da bambini mendichiamo il pane, divenuti adulti ce lo guadagniamo con il lavoro quotidiano, vivendo con gli altri siamo chiamati a dividerlo. E in tutto questo impariamo che la nostra fame non è solo di pane ma anche di parole che escono dalla bocca dell'altro: abbiamo bisogno che il pane venga da noi spezzato e offerto a un altro, che un altro ci offra a sua volta il pane, che insieme possiamo consumarlo e gioire, abbiamo soprattutto bisogno che un Altro ci dica che vuole che noi viviamo, che vuole non la nostra morte ma, al contrario, salvarci dalla morte.

ней в жизнь своего Господа: в центре самой напряженной духовной жизни хлеб в его материальности и в его значимости является как реальность, как пища, способная поведать величайшее христианское таинство.

И так тоже проявляется способность хлеба быть символом разделения: кто вкушает хлеб с ближним, разделяет не только насыщение, но с разделением голода начинается также желание есть, которое является и первым побуждением человеческого существа к счастью. Мы, люди, испытываем голод, мы — существа желания, а хлеб выражает возможность обрести жизнь и счастье: в детстве мы просим хлеба, став взрослыми, зарабатываем его повседневным трудом, живя с другими, мы призваны разделять его. И во всем этом мы познаем, что голод мы испытываем как потребность не только в хлебе, но и в слове из уст ближнего: необходимо, чтобы разделенный нами хлеб мы давали ближнему, а ближний в свою очередь тоже давал нам хлеб, чтобы мы вместе могли вкушать его и радоваться, но прежде всего необходимо, чтобы некто Другой говорил нам, что желает, чтобы мы жили, что желает не нашей смерти, а наоборот — спасти нас от смерти.

El iceberg de Titanic

Arturo Pérez-Reverte

Ayer entré en un bar y no pude tomarme un vermut porque la máquina registradora no funcionaba. Era un chisme con pantalla táctil y casillas determinadas para cada consumición, y se había estropeado. Le dije al camarero que me dijese cuánto debía, y punto. Como toda la vida. Pero respondió que imposible. Tenía que marcarlo antes. Sus jefes no le dejaban hacer otra cosa; y hasta que la máquina funcionase, no podía servir nada. Así que me fui al bar de enfrente, regentado por una china simpática: un sitio como Dios manda, con moscas, albañiles y borracho de plantilla. La dueña hablaba español con acento entre chino y de Lavapiés. Tomé mi vermut, pagué y dejé propina. Cuando salí a la calle me acordaba del Titanic, que era insumergible, y de los mil y pico gilipollas que se ahogaron en él con cara de asombro, como diciendo: esto no puede pasarme a mí. Cielos. No estaba previsto.

Mientras me alejaba, pensé más cosas. En cómo nos gusta apretar un botón y tener la vida resuelta. En los peligrosos atajos suicidas por donde nos deslizamos sin vuelta atrás, por la cuerda floja. En cómo hacemos el mundo cada vez más vulnerable, sujeto al chispazo más tonto, al fallo inevitable, al iceberg puesto por el Destino en el rumbo del frágil barco en el que navegamos a toda máquina, a ciegas en la noche. En los millones de cuentas bancarias y tarjetas de crédito, por ejemplo, que unos piratas informáticos destriparon hace unos días, al meterse en unas plataformas de

Айсберг для «Титаника»

Ани́а. Перевод с испанского

Вчера я зашел в бар и не смог выпить бокал вермута, потому что там вышла из строя касса. Сломалась их фиговина с сенсорным экраном и отдельными окошками для каждого клиента. Я попросил официанта просто сказать мне, сколько я должен заплатить — ну, как это делалось раньше. Но тот ответил, что это невозможно, сначала ему нужно ввести данные. Таковы указания начальства, и пока аппарат не починят, он не может никого обслуживать. Поэтому я отправился в бар напротив, где распоряжалась приятная китаянка и где все было честь по чести: мухи, рабочий люд и постоянный клиент-пьячуга у стойки. Акцент, с которым говорила хозяйка, был чем-то средним между китайским и говором центральных площадей Мадрида. Я выпил свой vermut, заплатил и оставил чаевые. Выходя на улицу, я вспомнил о непотопляемом «Титанике» и тысяче с лишним идиотов, утонувших вместе с ним с удивленными выражениями лиц, как будто говорящими: «Со мной этого не может произойти. Боже мой. Это не было предусмотрено».

Идя прочь от бара, я размышлял и о другом. О том, как нам по душе, когда нажал кнопку — и все проблемы в жизни решены. О том, как, чтобы сократить путь, мы выбираем самоубийственно рискованную тропу, и бежим, не оборачиваясь, по краю бритвы. О том, как мы делаем мир все более ранимым, зависящим от случайной искры, неизбежной ошибки, от айсберга, помещенного Судьбой на пути хрупкого судна, на борту которого мы на полных парах несемся вслепую в ночи. О миллионах банковских счетов и

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Публицистика».

juegos electrónicos. O en el amigo contándome hace poco que, durante un viaje a Nueva York, perdió su teléfono móvil y con él toda su agenda; y cuando le pregunté por qué no tenía una libreta de teléfonos anotados, como yo, me dijo: «Hala, antiguo», como si yo fuera el abuelo Cebolleta.

Recordé también cuando fui a echar una carta a Correos y se había ido la luz, y el de la ventanilla me dijo que verdes las iban a segar, porque la máquina de franquear era eléctrica. Y cuando pedí un sello de siempre, de aquellos con el careto del rey, se tronchó de risa y dijo que de eso no tenían ya. Que probara suerte en un estanco. También recordé cuando en un restaurante no funcionó el chisme de las tarjetas y el camarero dijo que esperase a que volviera la línea, y yo respondí que me hicieran una copia manual de la tarjeta o me iba a esperar a la calle, y entonces me hicieron la copia. Aunque la culpa fue mía; porque también, como todos, llevo la cartera llena de plástico con claves, chips y cosas así, y me la rifo aceptando las reglas de esta ruleta rusa en la que, en nombre del confort y el mínimo esfuerzo, nos zambullimos todos de cabeza. Entre otras cosas -lo diré a modo de descargo-, porque a quien no acepta lo dejan fuera. Hace tiempo, por ejemplo, que es imposible sacar un billete de avión normal en una oficina de Iberia de Madrid, y cualquier día las agencias dejan de emitirlos. Entonces sólo podrán sacarse por Internet; y el que no sepa manejarse allí, o no le apetezca, o sea un carcamal opuesto a teclas y pantallas de ordenador, que se fastidie. Que trague, o que no viaje.

Y así, unos sinvergüenzas ahorran personal y sueldos, y otros idiotas nos vamos al diablo. Resolver cualquier proble-

creditных карт, которые несколько дней назад распотрошила группа хакеров, взломав портал с онлайн-играми. Об одном моем друге, недавно рассказавшем мне, как во время своей поездки в Нью Йорк он потерял мобильный телефон и вместе с ним все телефонные номера, а когда я поинтересовался, почему он не хранил номера в записной книжке, как это делаю я, то услышал в ответ: «А, эта древность!», как будто я какое-то ископаемое.

Еще я вспомнил, как однажды я пошел на почту отправить письмо, а там отключили свет, и служащий сказал, что дело гиблое, потому что машинка для штемпелей тоже не работает. На мою просьбу дать мне обычную марку, из тех, на которых изображена физиономия короля, он чуть со смеха не лопнул, сказав, что такого у них уже нет. И чтобы я пошел попытать счастья в киоске. Еще я вспомнил, как однажды в ресторане не работал аппарат, в который засовываешь кредитную карту, и официант попросил подождать, пока его починят, на что я заявил, что если мне не выпишут чек от руки, то я пойду ждать домой, и только благодаря этому чек я получил. Хотя виноват был я сам, потому что мой бумажник распирает от всяких пластиковых карточек с паролями и чипами, и я рискую, принимая правила игры в русскую рулетку, в которую ради удобства и экономии усилий мы уходим с головой. В том числе и потому — скажу я в оправдание — что если ты их не принимаешь, то ты за бортом. Уже давно, к примеру, невозможно купить обычный билет на самолет в офисе «Иберии» в Мадриде, и вот-вот туристические агентства тоже перестанут их выдавать. Тогда останется лишь один способ — через интернет, а тот, кто не умеет с ним обращаться или просто не хочет — другими словами, старый маразматик, не знающий с какого боку подойти к клавиатуре и экрану — пусть терпит. Если не согласен, сиди дома.

ma nos cuesta horas de teléfono frente a voces enlatadas, marcando tal para esto o cual para lo otro. Todo cristo se ha puesto contestador automático en el móvil, en vez de la antigua señal de comunicando sale un buzón de voz, y ahora llamamos cinco veces a quien antes llamábamos una. Coches que antes se reparaban con una llave inglesa quedan bloqueados y ni gira el volante al menor fallo electrónico. O nos vemos sin teléfono, sin ordenador portátil, sin tableta electrónica o sin lo que sea, porque se escachifolla el cargador y la tienda de repuestos no abre hasta mañana. O no hay tienda. Yo mismo, el idiota al que mejor conozco, dependo cada día de que haya electricidad para que funcionen el teclado y la pantalla con que me gano la vida. De nada me sirve haber tenido la precaución de conservar dos viejas Olivetti, por si acaso, si ya no venden en ningún sitio las cintas de máquina de escribir que las alimentan.

Hay un consuelo: así lo hemos querido. Nadie nos obligaba. Pero hasta los más renuentes hemos aceptado las reglas de este disparate. De esta espiral imbécil. Nunca fuimos tan vulnerables como hoy. Hemos olvidado, porque nos conviene, que cada invento comfortable tiene su accidente específico, cada Titanic su iceberg y cada playa paradisíaca su ola asesina. Por eso nos van a dar, pero bien. A todos. Ya nos están dando. Y déjenme que les diga algo: a veces, incluso cuando palmo yo, me alegro. O casi. Hay siglos en que simpatizo con el profesor Moriarty.

Вот так какие-то наглецы экономят на персонале и зарплатах, а на нас, придурков, плевать они хотели. Чтобы решить любой вопрос, нужно часами висеть на телефоне, разговаривая с механическими голосами, нажимая одну цифру для одного, другую — для другого. Все установили себе на мобильные телефоны автоответчики, и вместо длинных гудков, что были раньше, ты слышишь предложение оставить сообщение, и теперь мы звоним по пять раз, тогда как раньше звонили лишь один. В былые времена машины ремонтировали при помощи простого гаечного ключа, а теперь при малейшем сбое в электрике они блокируются, и даже нельзя повернуть руль. Мы оказываемся без телефона, ноутбука, планшетного компьютера или еще чего-нибудь, потому что сломалось зарядное устройство, а магазин откроется только завтра. Или магазина вообще нет. Я сам (дурак, которого знаю лучше, чем кого бы то ни было), каждый день нахожусь в зависимости от электричества, потому что оно необходимо для того, чтобы работали клавиатура и экран, с помощью которых я зарабатываю себе на жизнь. Меня не спасут две старые машинки «Оливетти», предусмотрительно сохраненные мною на всякий случай — ведь нигде больше не продают чернильные ленты к ним.

Утешает одно: мы сами этого хотели, никто нас не заставлял. Однако даже самые строптивные приняли нелепые правила, эту idiotскую спираль прогресса. Мы никогда еще не были так ранимы, как сегодня. Мы забыли (потому что это нас устраивает), что каждое изобретение, облегчающее жизнь, подстерегает своя особая катастрофа: любого «Титаника» ждет айсберг, а райский пляж — волна-убийца. Поэтому мы еще попляшем. Все без исключения. Да уже пляшем. И позвольте сказать еще кое-что: иногда, даже если по башке бьют меня самого, я рад. Или почти рад. Порой я испытываю симпатию к профессору Мориарти.

Er muss jedes Wort auf den Effekt abklopfen

Markus Reiter

Wenn Grass und Bourdieu reden, brauchen sie ihn:
Jürgen Stähle ist Deutschlands erster Dolmetscher

„Allerdings ist der Übersetzer meist ein ängstlicher Mensch. Aus Schüchternheit hat er diese, die geringste aller Beschäftigungen gewählt“, schreibt Jose Ortega y Gasset in seinem Essay „Glanz und Elend der Übersetzung“.

Jürgen Stähle findet, dass der Spanier damit Recht hat. „Das gilt auch für mich.“ Dabei ist Stähle Deutschlands renommiertester Simultandolmetscher. Für seine Leistungen hat er im März des vergangenen Jahres den Adolf-Grimme-Preis „Spezial“ erhalten. In der Würdigung heißt es: „Jürgen Stähle ist eben mehr als nur ein Dolmetscher. Er ist Interpret, der nicht nur Sinnvermittlung, sondern auch die Wiedergabe sprachmentaler Unterschiede zwischen den Gesprächsteilnehmern verschiedener Nationen und Kulturen zu leisten vermag.“

Dolmetschen als Vermittlung zwischen den Kulturen ist das Lebensthema von Jürgen Stähle. Geboren 1949 im westfälischen Herne, entdeckte er schon in der Schule, dass ihm Französisch leicht fiel. Ihm flossen die Wörter, die Sätze zu, die sich andere hart erarbeiten mussten. Er merkte rasch, dass er dieses Talent, Sprache zu formen, mit den Wörtern zu tanzen, zu seinem Beruf machen würde. „Ich spiele mit Wörtern wie ein Pianist auf dem Klavier“, sagt er von sich. Nach der Schule studierte Stähle Angewandte

Кажное слово должно попасть в цель

Татьяна. Перевод с немецкого

Когда говорят Грасс и Бурдьё, им нужен он:
Юрген Штеле — переводчик Германии номер один

«Переводчик обычно человек застенчивый. Своё занятие, самое непритязательное, он выбирает из робости», - пишет Хосе Ортега-и-Гассет в эссе «Блеск и нищета перевода».

Юрген Штеле считает, что испанец прав. «Это относится и ко мне». При этом Штеле — самый известный в Германии синхронный переводчик. За свою деятельность в марте прошлого (2006 — *прим. пер.*) года он был награждён Специальной премией Адольфа Гримме. «Юрген Штеле — больше, чем переводчик. Он интерпретатор, который способен не только передать смысл, но и воспроизвести психолингвистические различия собеседников различных национальностей и культур», — написано в наградном листе.

Перевод как межкультурное посредничество — жизненно важная тема для Юргена Штеле. Родившийся в 1949 году в вестфальском городе Херне, Штеле уже в школе обнаружил, что ему необычайно легко давался французский. Слова и предложения, которые с трудом усваивали другие, у него плавно струились. Он быстро заметил, что этот талант придания языку формы и словесной игры можно превратить в профессию. «Я играю словами, как пианист на рояле», — говорит он о себе. После окончания школы Штеле изучал прикладное языкознание и культурологию и посе-

---

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Публицистика».

Sprach- und Kulturwissenschaften und besuchte in Genf und Paris Übersetzerhochschulen. Seitdem ist er als freier Dolmetscher tätig, arbeitet regelmäßig für Arte, die ARD und das ZDF. Von 1976 bis 1980 hat er als Beratender Dolmetscher auch für Willy Brandt gewirkt, der als Präsident der Sozialistischen Internationale zahlreiche Auslandskontakte pflegte. Seine Frau, Johanna Roose-Stähle, ist ebenfalls Simultandolmetscherin, unter anderem für den baden-württembergischen Ministerpräsidenten Fritz Teufel.

Wer wie Stähle als Dolmetscher auf so hohem Niveau arbeitet, sieht die Alltagsklippen der Sprache besonders scharf. Mehrsprachigkeit ist für ihn „ein kognitiver Aneignungsprozess“. Jeder, der Sprachen so beherrsche, dass er die in der einen Sprache formulierten Gedanken korrekt in die andere übertragen kann, müsse sich beide Sprachen und ihre Wurzeln bewusst machen. „Ich habe viele Dolmetscher kennen gelernt, die behaupteten, sie seien zweisprachig – in Wirklichkeit waren sie in keiner Sprache richtig zu Hause“, sagte er.

Dolmetscher sind keine Übersetzungsmaschinen, die Wörter ohne Zusammenhang, ohne Einordnen in ihren Kontext übertragen. Übersetzungscomputer funktionieren bislang noch nicht zufriedenstellend, weil ihnen die Fähigkeit fehlt, die kulturelle Ebene des Gesprochenen zu verstehen. Gute Dolmetscher dagegen versuchen auch den Subtext, das nicht Ausgesprochene, aber Mitgesagte zu vermitteln. „Er muss jeder Wort daraufhin abklopfen, welchen inhaltlichen Effekt er damit erzielt – einen Effekt, den es in der

счал институты переводчиков в Женеве и Париже. С тех пор он – свободный переводчик и регулярно работает на телеканалах Arte, ARD и ZDF. С 1976 по 1980 год был переводчиком-референтом Вилли Брандта, который, как президент Социалистического Интернационала, поддерживал многочисленные зарубежные контакты. Его супруга, Иоганна Розе-Штеле, – также переводчица-синхронистка, некоторое время работала у премьер-министра Баден-Вюртемберга Фрица Тойфеля.

Тот, кто работает переводчиком на таком высоком уровне, как Штеле, ощущает повседневные ловушки языка особенно остро. Многоязычие является для него «когнитивным процессом усвоения». Тот, кто владеет языком настолько, чтобы мысли, сформулированные на одном языке, правильно перевести на другой, должен осознавать оба языка и их корни. «Я знаю многих переводчиков, которые утверждают, что они билингвы; на самом деле, они не владеют свободно ни одним языком», – говорит Штеле.

Переводчики – это не устройства типа карманных калькуляторов, которые переводят слова без взаимосвязи, без включения в контекст. Программы машинного перевода до сих пор функционируют неудовлетворительно, потому что не обладают способностью понимать культурный уровень говорящих. Хорошие переводчики, напротив, пытаются передать подтекст, который не произносится, но имеется в виду. «Каждое слово в переводе должно произвести содержательный эффект – эффект, который, оно, возможно, не произвело даже в языке оригинала», – считает Штеле.

Ортега-и-Гассет приводит в своём эссе пример. Когда немец произносит слово „Wald“ («лес»), он имеет в виду больше, чем

Ausgangssprache vielleicht gar nicht gibt“, meint Stähle.

Ortega y Gasset nennt in seinem Essay ein Beispiel: Ein Deutscher sage, wenn er das Wort „Wald“ ausspreche, mehr, als ein Spanier bei der wörterbuchgetreuen Übersetzung „bosque“ heraushören würde. Der Dolmetscher muss also versuchen, diesen kulturellen Subtext, den das Wort „Wald“ für den Deutschen hat, ins Spanische mitzuübersetzen.

Für Stähle gibt es in ganz Deutschland nur rund ein Dutzend Dolmetscher, die diesen Anspruch erfüllen. Er arbeitet deshalb nur mit ganz wenigen Kollegen zusammen. „Ich gehe so weit, dass ich manche Kunden bitte, ihre Termine zu verschieben, wenn ich nicht die besten Dolmetscher für sie verpflichten kann.“

Anspruchsvolle Kunden machen das mit, denn sie wissen um den Wert eines perfekten Dolmetschens. Selbst Manager der Stuttgarter Daimler-Chrysler-Zentrale, die sehr gut Englisch sprechen, greifen bei schwierigen Verhandlungen auf Stähle und seine Kollegen zurück. Nur so stellen sie Waffengleichheit her, denn in ihrer Muttersprache können sich Anglophone eben um jene Nuance differenzierter ausdrücken, die bei manchen Verträgen über Millionen Mark entscheiden können.

Nicht immer geht es um materielle Werte. Manchmal steht auch das kulturelle Verständnis auf dem Spiel. Eine besonders herausfordernde Aufgabe war für Stähle in jüngster Zeit ein Gespräch zwischen Günter Grass und Pierre Bourdieu, das er für Arte dolmetschen musste. Es drehte sich um Literatur, Literaturpolitik und die Zukunft der Linken in Europa. „Die Begriffe aus dem linken Milieu, die beide

uslyshyt ispanets v slove „bosque“ pri doslovnom perevode. Poэтoму perevodchik dolzhen popytatsya perevesti na ispan-skiy takzhe tot kulturnyy podtekst, kotoryy v slove „Wald“ ponyaten nemtsam.

Для Штеле в Германии существует только около десятка переводчиков, которые удовлетворяют этому требованию. Поэтому он сотрудничает только с очень небольшим количеством специалистов. «Я иду даже на то, что прошу некоторых клиентов перенести их встречи, если не могу предоставить им лучших переводчиков».

Требовательные клиенты соглашаются, потому что знают цену блестящему переводу. Даже менеджеры центрального управления компании «Даймлер-Крайслер» в Штутгарте, очень хорошо владеющие английским, в случае сложных переговоров обращаются к Штеле и его коллегам. Это можно объяснить тем фактом, что носители английского языка каждый нюанс могут выразить по-разному. От качества перевода зависит заключение контрактов на миллионы марок.

Но речь не всегда идёт только о материальных ценностях. Иногда особую важность приобретает культурное понимание. В недавнем прошлом особо ответственным заданием для Штеле была беседа между Гюнтером Грассом и Пьером Бурдьё, которую он должен был переводить для телеканала Arte. В центре внимания находились литература, литературная политика и будущее «левых» в Европе. «Выражения из «левацкого» окружения, которые оба использовали, совпадали только частично», — объясняет Штеле. Случалось так, что Грасс и Бурдьё использовали эквивалентные по словарному значению термины, но придавали им другой смысл.

benutzen, hatten aber nur Teilkonvergenzen“, erläutert Stähle. So könne es passieren, dass Grass und Bourdieu das nach dem Wörterbuch bedeutungsgleiche Wort benutzen, aber etwas anderes meinen.

Der Dolmetscher muss ständig analysieren und entscheiden, er muss Formulierungen entwerfen und verwerfen. Und dies alles in den wenigen Sekunden, die ihm zwischen dem Hören und dem eigenen Sprechen bleiben, während er manchmal noch unter technischen Problemen leidet. Der Dolmetscher, der Bill Clintons Rede zum Karlspreis in Aachen live im Fernsehen übersetzte, musste zum Beispiel mit einer schlechten Tonleitung kämpfen. Dabei passieren Fehler. So sagte Clinton, dass er „good feelings“ habe. Der Dolmetscher übersetzte „Wir hatten gute Gefühle dabei“. Eine im Deutschen sinnlose Redewendung. Richtig hätte es heißen müssen, die Sache „erfüllt uns mit Genugtuung“.

Jürgen Stähle hat ein Netzwerk von Dolmetschern, die seine Ansprüche erfüllen, mitbegründet, er arbeitet häufig fürs Fernsehen und ist oft bei großen Sportereignissen, wo er zum Beispiel Mika Häkkinen und den Ex-Radprofi Bernard Hinault simultan übersetzt hat; er wird zu wichtigen Medizinerkongressen verpflichtet und wurde bereits mehrfach selbst porträtiert. Warum also sollte der vielleicht erfolgreichste Dolmetscher Deutschlands schüchtern sein, wie Ortega y Gasset schreibt? Weil er wie viele Dolmetscher diesen Beruf seines Wesens wegen gewählt hat. Der Dolmetscher ist immer dabei, er steht im Mittelpunkt – und wird doch nicht gesehen, denn er ist nur der Schatten seines Herrn. Er ist am besten, wenn derjenige, für den er arbeitet, den Umweg seines

Переводчик должен постоянно анализировать и принимать решения, он должен создавать и отвергать формулировки. И всё это за те короткие секунды, которые отпущены ему между восприятием речи и собственной речью, в то время как приходится иногда страдать от технических неполадок. Переводчик, который переводил речь Клинтона при вручении премии короля Карла в Ахене в прямом эфире на телевидении, должен был, например, сражаться с плохой акустикой. При этом случались ошибки. Так, Клинтон сказал о своих „good feelings“ («добрых чувствах»). Переводчик перевёл: «Мы испытываем добрые чувства». В немецком это выражение лишено смысла. Правильно было бы перевести: «Мы испытываем удовлетворение».

Юрген Штеле организовал сообщество переводчиков, которые удовлетворяют его требованиям. Он часто работает на телевидении и на крупных спортивных мероприятиях, где, например, синхронно переводил Мику Хаккинена и известного в прошлом велогонщика Бернара Ино. Он работал на важных медицинских конгрессах и уже несколько раз позировал для собственных портретов. Почему же самый, возможно, успешный переводчик Германии должен быть застенчивым, по словам Ортеги-и-Гассета? Потому что он, как и многие другие переводчики, выбрал эту профессию благодаря своей сущности. Переводчик всегда рядом, он находится в центре – но он невидим, он только тень своего клиента. Он в лучшей форме, тогда как тот, для кого он работает, больше не воспринимает зигзаги своей речи. Тот, кто думает, что может продать свою тень, как Шлемиль-неудачник, узнает её цену только тогда, когда потеряет. Поэтому Штеле не боится малообразованных переводчиков, которые сейчас проталкиваются на рынок в поисках лёгкого заработка.

Redens über ihn gar nicht mehr wahrnimmt. Wer jedoch glaubt, seinen Schatten wie Schlemihl verscherbeln zu können, wird erst bei seinem Verlust seinen Wert erkennen. Darum hat Stähle auch keine Angst vor den schlecht ausgebildeten Dolmetschern, die sich derzeit für Billiglohn auf den Markt drängen. „Wer einmal einen hervorragenden Dolmetscher erlebt hat, wird immer wieder zu ihm zurückkehren.“ Was nicht heißt, dass auch ein hervorragender Dolmetscher nicht noch besser werden könnte. „Ich bin Perfektionist“, sagt Stähle, und daher ist er nie zufrieden mit dem, was er macht.

«Тот, кто однажды встретил выдающегося переводчика, будет всегда обращаться именно к нему». Это не значит, что даже выдающийся переводчик не может совершенствоваться. «Я перфекционист», — говорит Штеле, и поэтому он никогда не доволен своей работой.

Гюнтер Грасс (*1927) — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии
Пьер Бурдьё (1930–2002) — французский социолог, антрополог и философ
Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) — испанский философ и социолог
Вилли Брандт (1913–1992) — немецкий политик
Мика Хаккинен (*1968) — финский автогонщик
Бернар Ино (*1954) — французский велогонщик
Выражение «Шлемиль» (идиш: Шлемазел) в культуре восточноевропейских евреев обозначает «неудачник»

Das Publikum fällt durch

Erich Kästner

Im Theater am Schiffbauerdamm wurde von der Versuchsbühne, einmalig und nachts dazu, Jean Cocteau's "Orpheus" aufgeführt. Am interessantesten war das Publikum. Es sah sich einem dramatischen Unikum gegenüber, konnte nur im Falle literarhistorischer Vorbildung verwandte Werke zum Vergleich heranziehen - aber wer, außer einem Teil der akademischen Literaturhistoriker ist schon literaturhistorisch vorgebildet? - und verhielt sich dementsprechend. Das heißt: das Publikum verhielt sich wie jemand, der höchstens zehn Worte Englisch kann, und sich Mühe gibt, in einer englisch sprechenden Gesellschaft, in der man Witze erzählt, verständnisvoll zuzuhören und im richtigen Moment zu lachen. Auf diese Weise wurde der Abend, eigentlich die Nacht, sehr komisch. Zum Schluß, im Foyer und an den Garderoben, wagte keiner, mit Bekannten über das eben Gesehene Stück zu sprechen, aus Angst, sich zu blamieren. Und die Kritiker schlüpfen schweigender als je in ihre Mäntel. Nichtwissen will reiflich überlegt sein!

Cocteau hat die Sage von Orpheus und Eurydike zum Anlaß genommen, die Wirklichkeit an der Nase zu zupfen und die Logik durch das Gesetz traumartiger Assoziationen abzulösen. Ein Pferd klopft mit dem rechten Vorderhuf Gedichte. Ein Menschenhaupt liegt im Scheinwerferkegel und erkundigt sich betrübt, wo sein dazugehöriger Körper sei. Die Todesgöttin erscheint im Ärztekittel, und ihre Assistenten spielen an violett leuchtenden Hochfrequentoren herum. Die Seele der Eurydike verläßt die Bühne in Gestalt einer weißen Taube. Ein herumspazierender

Провальная публика

Марина Попова. Перевод с немецкого

В театре на Шиффбауердамм на экспериментальной сцене одинажды, да к тому же ночью, сыграли «Орфея» Жана Кокто. Занятнее всего была публика. Ей было явлено единственное в своем роде драматическое представление, можно было бы привлечь для сравнения родственные произведения из анналов истории литературы — но кто же, кроме части академических историков литературы так образован в области истории литературы.

Это означает: публика реагировала как некто, знающий от силы десять слов на английском, и, находясь среди говорящего по-английски общества, где шутят, прилагающий усилия, чтобы с глубокомысленным видом вслушиваться и в нужный момент смеяться. Таким образом, вечер, собственно, ночь, вышла презабавная. А в довершение в фойе и в гардеробе никто не рискнул обсудить со знакомыми только что увиденную постановку, из страха опозориться. И критик в молчании накинули свои пальто. Незнание желало быть глубоко осмыслено!

Кокто воспользовался преданием об Орфее и Эвридике как поводом для того, чтобы разворонить реальность, находящуюся перед носом и сменить логику на закон мечтательных ассоциаций. Конь отстукивает стихи правым передним копытом. Кожа человека находится под лучом прожектора и печально осведомляется, где могло бы быть принадлежащее ей тело. Богиня смерти появляется в медицинском халате, а ее ассистенты играют на высоких частотах при фиолетовых

Glasergeselle entpuppt sich als Schutzengel der Familie Orpheus. Es geht zu wie im Kopfe eines Menschen, der zuviel gesehen hat und schlecht träumt. Daß die Vorgänge und Gespräche zuweilen Sinn entwickeln, ist purer Zufall. Und warum das ganze geschrieben wurde, danach soll man, wenn einem seine Zeit kostbar ist, weder sich noch den Autor fragen. Die Antwort wäre weniger interessant als die "Tragödie" selber.

Die Handlung? Orpheus und Eurydike zanken sich, weil der Gatte die Klopfschellen des Pferdes für sinnvoll hält und über ihnen die Gattin vernachlässigt. Sie wird, mit Hilfe eines giftig gummierten Briefumschlages, vergiftet. Orpheus holt sie – ab durch den Spiegel – zweimal zurück. Der Schutzengel-Glasergeselle hilft ihnen. Endlich sitzen sie, zu dritt und der Albträume ledig, am Eßtisch, und der Glaser sagt: "Endlich kommen wir zum Mittagessen!"

Wer dem Gemisch aus Dadaismus, Psychoanalyse, deutscher Romantik, spätem Strindberg und Snobismus ohne Angst vor Blamagen gegenüber saß und dann, wenn ihm etwas Spaß machte, auch wirklich zu lachen riskierte, der konnte sich nicht übel amüsieren. Denn Cocteau ist kein Dummkopf und ein charmanter Spielmatz. Und die Aufführung unter Gustaf Gründgens' Regie war, vor allem bühnentechnisch, recht gelungen.

вспышках света кругом. Душа Эвридики покидает сцену в образе белого голубя. Гуляющий в округе подмастерье стекольщика оказывается ангелом-хранителем семейства Орфея. Все словно происходит в голове у человека, который слишком много видел и которому трудно мечтать о чем-либо. То, что события и разговоры временами развиваются со смыслом, – чистая случайность. И почему все это было написано, об этом невозможно, если дорого собственное время, спросить ни автора, ни публику. Ответ был бы менее интересен, чем сама трагедия.

Действие? Орфей и Эвридика ссорятся, потому как знаки, отстукиваемые конем, супруг принимает за бессмыслицу и из-за этого пренебрегает супругой. Она же отравлена с помощью гуммированного почтового конверта. Орфей дважды приходит за ней сквозь зеркало. Ангел-хранитель – подмастерье стекольщика – помогает им. В конце концов они сидят, – втроем, освободившиеся от ночных кошмаров, за обеденным столом, и стекольщик произносит: «Наконец-то, мы идем обедать!»

Кто наблюдал замес из дадаизма, психоанализа, немецкого романтизма, позднего Стриндберга и снобизма без страха позора, а затем, если ему это доставило немного удовольствия, еще и осмелился посмеяться, тот смог недурно повеселиться. Потому как Кокто вовсе не дурак, а очаровательный игрун. И постановка в режиссуре Густава Грюндгенса, прежде всего с точки зрения сценических эффектов, право, удалась.

La scultura lingua morta

Arturo Martini

“Questa sarà luce nuova, sole nuovo, il quale sorgerà dove l’usato tramonterà, e darà luce a coloro che sono in tenebre e in oscurità per l’usato sole che a loro non luce”. Così Dante annunciando il volgare.

Poesia musica architettura e pittura si tradussero come le lingue antiche nei successivi volgari aderendo alla vita. Soltanto la scultura restò immobile nei secoli, lingua aulica e sacerdotale, simbolica scrittura incapace di svolgersi nei moti quotidiani.

Per questo la statua mi è sempre apparsa come una lapide scritta in greco o in latino.

Nelle civiltà mediterranee, dalla egizia alla greca alla gotica, la scultura servì mirabilmente a celebrare culti e memorie e a fabbricare idoli: uomini-dèi, uomini-eroi, uomini-santi. Perfino il culto ellenico della bellezza fu religione.

Forzare la scultura col verismo, come fecero i Romani nei loro ritratti e saltuariamente gli artisti di tutti i tempi, divenne offesa; fu l’aneddotta della miseria umana fino alla ruga o alla goccia del naso della portinaia.

Inutile riprodurre oggi un cavalier d’industria alla maniera egizia o sul tipo di Ercolano.

La scultura resta quello che è: lingua morta che non ha volgare né potrà mai essere parola spontanea fra gli uomini.

Inutile riesumare gli avanzi del grande emporio antico; ormai la scultura è assurda se la confrontiamo con la vita.

Скульптура – мертвый язык

Ярослава Хоменко. Перевод с итальянского

«Он станет новым светом, новым солнцем, которое взойдет там, где зайдет старое, и подарит свет тем, кто бродит во тьме и мраке, ибо старое солнце померкло и больше им не светит». Так сказал Данте, видя будущее за языком народа.

Поэзия, музыка, архитектура и живопись, подобно древним языкам, переводились на современные, вливаясь в жизнь. Только скульптура на протяжении веков оставалась неизменной, благородной и священной, символической письменностью, неспособной двигаться в ногу со временем.

Поэтому статуя казалась мне всегда похожей на могильную надпись по-гречески или на латыни.

В средиземноморских цивилизациях, от древних египтян до греков и эпохи Готики, скульптура чудесным образом служила обрядовым культам, использовалась в качестве надгробных памятников, штамповала идолов: людей-богов, людей-героев, людей-святых. Даже эллинистический культ красоты был религией.

Доводить скульптуру до натурализма, как это делали древние римляне в их портретах, а порой и художники, принадлежавшие разным эпохам, стало оскорбительным; анекдотично выглядела ничтожность человека, чей облик был передан со всей скрупулезностью — до самой последней морщины или сопливого носа привратницы.

Бесполезно запечатлевать сегодня кавалера от индустрии в египетском стиле или так, как его изобразили бы в древнем Геркулануме.

Скульптура остается тем, чем она есть: мертвым языком, который не имеет народного эквивалента и никогда не сможет стать спонтанным словом, произнесенным в простоте.

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Публицистика».

Per i fasti civici si ricorre ai simboli della mitologia pagana e la sapienza è sempre Atena; si vestono i contemporanei di pepi inverosimili o si fa dell'uomo illustre in abito moderno, esposto alle intemperie, uno spettacolo pietoso; fino al grottesco dello scultore che espone una deforme nudità femminile col titolo: mia moglie.

Nelle piazze la statua ingombra il traffico; nelle esposizioni divide, chiudendo un gruppo di pittura da un altro; nelle case moderne è un nonsenso. Quanto al ritratto, sembra presagire il cimitero.

Non giova difendere la scultura con l'enfasi della "nobile antichità" né tacciare d'ignoranza il pubblico per il suo disinteresse. Niente giustifica la sopravvivenza della scultura nel mondo moderno. Però si ricorrerà a lei ugualmente nelle circostanze solenni e per gli usi commemorativi, come per le epigrafi e per la messa si ricorre al latino.

OMBRA

Come l'onda che tenta di creare un'immagine duratura di sé, ripetendosi nell'onda successiva, così tutta la vita dello scultore.

Non la povertà dei mezzi lo sgomenta, ma l'ansia dell'opera affidata all'impreciso.

Sempre in attesa: come se la scultura fosse una conchiglia capace, posandola contro l'orecchio, di suggerire il consiglio. Sembra che dica: "Fa' dell'ombra una realtà, non un riflesso".

Scultura! Anacoreta dell'estasi, tradita come narciso dall'ombra, immagine di metafisica solitudine, tristezza

Besполезно эксгумировать останки великого античного собрания памятников; в любом случае скульптура абсурдна, если мы начнем сравнивать ее с жизнью. Дабы запечатлеть знаменательные исторические события обращаются к символам языческой мифологии, где мудрость всегда олицетворяет Афина. Современников одевают в неправдоподобные пеплумы, а статуя выдающегося человека в модном костюме, водруженная под открытым небом на радость всем ветрам, представляет собой жалкое зрелище. Дело доходит до гротеска — скульптор выставляет бесформенную обнаженную фигуру под названием: «Моя жена».

На площадях статуя создает пробки, на выставках — разделяет пространство, заслоняя группу одних картин от другой, в современных домах скульптура — нонсенс. Что же касается портрета, то он кажется надгробным памятником.

Besполезно защищать скульптуру, торжественно объявляя ее «благородной древностью» или обвинять в невежестве публику из-за ее равнодушия. Ничто не может гарантировать выживание скульптуры в современном мире. Однако к ней все равно будут обращаться в торжественных случаях или для увековечивания памяти, подобно тому, как прибегают к латыни для того, чтобы написать эпитафию или отслужить мессу.

ТЕНЬ

Как волна, которая стремится создать непрерывный образ самой себя, повторяясь в последующей волне, так и вся жизнь скульптора.

Он переживает не о скудности приемов, — его переполняет тревога за произведение, вверенное неопределенности.

Он всегда в ожидании, словно скульптура — это раковина, которая, будучи поднесенной к уху, способна дать ему совет. Кажется, что она говорит: «Создай реальность из тени, а не из отражения».

onanistica dell'ermafroditо. Alzi invano le braccia per stringere l'ombra che ti tocca e ti sfugge; come clessidra aspetti da secoli invano il fato che ti capovolga. Cerchi la tua ombra, scultura, o c'illudi, fata morgana, per nascondere la tua decrepitezza?

Mentre il pittore comanda alla luce, lo scultore non può nemmeno servirla: l'ombra è per la sua opera il riflesso di un'altra apparenza, e queste due illusioni si travisano a vicenda.

Poiché l'ombra non ha una sua consistenza, non serve alla costruzione; non è corpo reale, ma fuggevole inganno. La polvere che si posa sopra una statua è più imperiosa a definirla che le luci e le ombre sempre importune imposte dal caso.

Un fatto d'arte non vive come la terra nelle vicende del buono o del cattivo tempo.

Verso l'assoluto muove l'arte. Come può essere arte, la scultura, se una luce accidentale basta a mutarla e a disperderla come un gruppo di nubi? Per questo ha sempre bisogno di un'immagine che ne fissi l'inconsistenza; e il fatto plastico, personaggio vero ed unico in sé, è sopraffatto dal personaggio fisico.

Invano lo scultore ha sognato in tutti i tempi di fermare l'ombra. Ogni tentativo è naufragato in sensibilità epidermica e l'aspirazione si è dissolta nel nulla.

Regno dell'ombra è l'architettura: il vero architetto è il poeta del vuoto (ombra) che il pieno (luce) sostiene come orizzonte. Invece per la scultura, l'ombra resta un caso, come l'eco per il suono.

Скульптура! Отшельница, впавшая в экстаз, преданная своей тению, как Нарцисс, образ метафизического одиночества, онанистическая грусть гермафродита. Ты напрасно поднимаешь руки, чтобы словить тень, которая касается тебя и ускользает. Подобно песочным часам, ты веками напрасно ждешь волшебника, который тебя перевернет. Скульптура, ты ищешь свою тень или как фата Моргана вводишь нас в заблуждение, чтобы спрятать свою старческую немощь?

В то время как живописец управляет светом, скульптор не может даже использовать его: тень для его произведения — это отражение другого явления, и эти две иллюзии по очереди намеренно меняют свой вид.

Так как у тени нет телесности, она не нужна конструкции; это не реальное тело, а ускользающий обман. Пыль, покрывающая статую, яснее определяет ее, чем свет и тень, которые всегда назойливо продиктованы случаем.

Произведение искусства не живет, как земля, повинуюсь смене разнообразных времен года.

Искусство движется к абсолюту. Как может существовать искусство, скульптура, если достаточно случайного потока света, чтобы изменить ее облик и растворить в пространстве, как скопление облаков? Поэтому скульптура всегда нуждается в образе, который бы придавал форму ее бестелесности; и таким образом само явление пластики — настоящий и единственный в своем роде герой искусства скульптуры, оказывается подавленным физической формой.

Во все времена скульптор напрасно мечтал ухватить тень. Все его попытки тонули в поверхностной чувствительности, и его стремление, в конце концов, угасло.

Царство тени — это архитектура: истинный архитектор — это поэт пустоты (тени), которую полнота (свет) поддерживает подобно горизонту. Напротив, для скульптуры — тень остается случайностью, как эхо для звука.

Leer con luz de luna

Arturo Pérez-Reverte

Hace tiempo que me preguntan por el libro electrónico. Qué opino y cómo veo el futuro, la desaparición del papel, los formatos clásicos y demás. Siempre respondo lo mismo: me da igual, porque yo escribo lo que va dentro. Mi trabajo es ocuparme del contenido: contar historias y que la gente las lea. Del soporte se ocupan otros. Editores y gente así. Y, por supuesto, los lectores que recurren al medio que estiman conveniente. Estoy convencido de que, en un mundo razonable, la oposición entre libro de papel y libro electrónico no debería plantearse nunca. Lo ideal es que el segundo complemente al primero, llevándolo donde aquél no puede llegar. Como herramienta eficaz de trabajo, por ejemplo. O facilitando el acceso a asuntos menos afortunados en librerías convencionales: teatro, poesía, autores sin respaldo editorial, literatura bloguera, descargas y otros experimentos interesantes que el concepto clásico no favorece demasiado. Pero no es eso lo que se plantea. Al hablar de libro de papel y libro electrónico, lo usual es oponerlos. Obligarle a elegir, como siempre. O conmigo o contra mí. Y no es ésa la cuestión. Creo. El libro electrónico es práctico y divertido. Hace posible viajar con cientos de libros encima, trabajar consultándolos con facilidad, aumentar el cuerpo de letra o leer sin otra luz que la propia pantalla. Incluso los hay con ruido de pasar páginas cuando se va de una a otra «lo que no deja de ser una simpática gilipollez».

Читать при свете луны

Aniña. Перевод с испанского

Меня уже давно спрашивают про электронные книги. Что я о них думаю и каким вижу будущее, исчезнет ли бумага, традиционные носители и так далее. Я всегда отвечаю одно и то же: мне все равно, потому что я пишу то, что будет внутри. Моя работа — заниматься содержимым: рассказывать истории, которые люди будут читать. А техническая сторона — дело других. Издателей и тому подобного. И, разумеется, читателей, пользующихся тем, что им удобно. Я уверен, что в нормально устроенном мире противопоставление электронной и бумажной книги немыслимо. Идеальная картина: первая дополняет вторую там, где та недоступна. Например, служит эффективным инструментом для работы. Или обеспечивает доступ к произведениям, которых в обычных книжных магазинах постигает довольно жалкая судьба: пьесам, стихам, книгам авторов, не заручившихся мощной поддержкой издательства, а так же к сетевой литературе, произведениям, скачанным из интернета и другим интересным экспериментам, не укладывающимся в рамки традиционных форматов. Однако вопрос ставится по-другому. Когда речь заходит о бумажной и электронной книге, их обычно противопоставляют. Как и всегда, ты должен выбирать. Кто не с нами, тот против нас. Но так быть не должно, по-моему. С электронной книгой удобно и интересно. Можно брать с собой в путешествие сотни книг, с легкостью обращаться к ним во время работы, увеличивать размер шрифта и читать без каких-либо других источников освещения, помимо собственного экрана. Теперь в некоторых устройствах даже есть функция звука переворачиваемых страниц — глупость, но приятно.

Работа заняла третье место в номинации «Публицистика».

Además, mientras lees puedes zapear a tu correo electrónico, escuchar música, ver imágenes y cosas así. Todo muy salpicadito, multimedia. Cuando lees, por ejemplo, «Tienen, por eso no lloran / de plomo las calaveras», puedes ilustrarlo con la foto de guardias civiles que hizo Robert Capa, escuchar a Estopa, ver cómo va el Barça-Osasuna y mandar un emilio a tu churri anunciando que le vas a sorber el tuétano. Y ahí surge uno de los problemas. No con la churri, ni con García Lorca. Ni siquiera con la Guardia Civil. Surge cuando, en vez del Romancero gitano, lo que trajinas es el Oráculo manual y arte de prudencia de Gracián, Lord Jim o La Regenta. Entonces la atención necesaria se puede desparramar un poquito. Entre otras cosas. Porque leer no tiene nada que ver con eso. Me refiero a leer de verdad, en comunión estrecha con algo que educa tu espíritu, que te hace mejor y consciente de ti mismo. Que aporta lucidez, multiplica vidas, consuela del dolor, la soledad y el desamparo, aclara la compleja y turbia condición humana. Leer así requiere tiempo, serenidad concentrada, ritual. Cuando estás en ello, ni siquiera las bombas son capaces de romper el vínculo mágico. No hay comandante de avión que obligue a apagarlo para el aterrizaje, ni batería que te deje a medias; y si se funden los plomos, o como se diga ahora, el verdadero lector es capaz de seguir haciéndolo a la luz de una vela, de un encendedor, o a la luz de la luna llena reflejada en la arena de un desierto. Puestos a setas o a Rolex, aún hay más. He dicho que libro de papel y libro electrónico deberían ser complementarios; pero si me obligan a elegir, diré alto y claro que no hay color. Y que, llegado a ese extremo, la pantalla portátil me la refaflinfa.

Кроме того, во время чтения можно проверять электронную почту, слушать музыку, смотреть картинки и так далее. Разнообразнее некуда — мультимедиа всё-таки. Например, читая: «Надежен свинцовый череп — заплакать жандарм не может», можно проиллюстрировать текст фотографией жандармов, сделанной Робертом Капа, послушать группу «Эстоба», посмотреть, как идет матч Барселона-Осасуна и послать емелю своей зайке, предупреждая, что задашь ей жару сегодня ночью. Тут-то и возникает первая проблема. Но не с зайкой и не с Гарсиа Лоркой. И даже не с жандармами. Она возникает, когда вместо «Цыганского романсеро» ты возишься с «Карманным оракулом, или Наукой благоразумия» Грасиана, «Лордом Джимом» или «Правительницей». Должное внимание в таком случае несколько рассеивается, отвлекаешься на другие вещи — ведь чтение не имеет ничего общего с вышеописанным. Я имею в виду настоящее чтение, приобщение к чему-то, что воспитывает твой дух, делает тебя лучше и позволяет узнать больше о самом себе. Чему-то, что просветляет, дает возможность прожить много жизней, успокаивает боль, благодаря чему ты не чувствуешь себя таким одиноким и беззащитным и познаешь сложную и беспоконную человеческую душу. Такое чтение требует времени и сконцентрированного, ритуального спокойствия. Когда ты погружен в него, даже падающие кругом бомбы не в состоянии разорвать волшебную связь с книгой. И нет такого пилота, который мог бы заставить ее выключить, ни аккумулятора, который прервет сюжет на половине, а если выбьет пробки (или как там сейчас это называют), настоящий читатель способен продолжить чтение при свете свечи, зажигалки или полной, отражающейся в песке пустыни луны. Или то, или это? Так не пойдет. Я уже говорил, что бумажная и электронная книга должны дополнять друг друга, но если нужно выбирать, то заявляю громко и четко, что здесь даже нечего сравнивать. Если уж пускаться в такие крайности — в гробу я видел все эти мобильные экраны.

Estoy harto de toparme con pantallas en todas partes, hasta en el bolsillo, y me niego a transformar mi biblioteca en un cibercafé. Con un libro electrónico, sea El Gatopardo o El perro de los Baskerville, no puedo anotar en sus márgenes, subrayar a lápiz, sobarlo con el uso, hacerlo envejecer a mi lado y entre mis manos, al ritmo de mi propia vida. No hay cuestras de Moyano, ni buquinistas del Sena, ni librerías como las de Luis Bardón, Guillermo Blázquez o Michele Polak donde los libros electrónicos puedan ocupar sus venerables estantes y cajones. Nada decora como un buen y viejo libro una casa, o una vida. Ninguna pantalla táctil huele como un Tofiño, un Laborde o un Quijote de la Academia, ni tampoco como un Tintín, un Astérix o un Corto Maltés al abrirlos por primera vez. Ninguna conserva la arena de la playa o la mancha de sangre que permiten evocar, años después, un momento de felicidad o un momento de horror que jalonaron tu vida. Y déjenme añadir algo. Si los libros de papel, bolsillo incluido, han de acabar siendo patrimonio exclusivo de una casta lectora mal vista por elitista y bibliófila, reivindico sin complejos el privilegio de pertenecer a ella. Que se mueran los feos. Y los tontos. Tengo casi treinta mil libros en casa; suficientes para resistir hasta la última bala. Quien crea que esa trinchera extraordinaria, su comfortable compañía, la felicidad inmensa de acariciar lomos de piel o cartoné y hojear páginas de papel, pueden sustituirse por un chisme de plástico con un millón de libros electrónicos dentro, no tiene ni puta idea. Ni de qué es un lector, ni de qué es un libro.

Меня достали экраны повсюду, даже в кармане, и я не собираюсь превращать мою библиотеку в интернет-кафе. В электронной книге, будь это «Леопард» или «Собака Баскервилей» я не могу делать пометки на полях, подчеркивать карандашом, читая, истрепывать страницы, не могу видеть, как она стареет вместе со мной, в моих руках, в ритме моей собственной жизни. И нет таких улиц Мойяно, ни лавок букинистов на берегах Сены, ни книжных магазинов типа Луиса Бардона, Гильермо Бласкеса или Мишель Полак, где на полках и в ящиках нашлось бы почетное место для электронных книг. Ничто так не украшает дом или жизнь, как хорошая старая книга. Ни один сенсорный экран не пахнет, как атлас Тофиньо, книга Лаборда или «Дон Кихот» Королевской академии, ни как выпуск комиксов с Тинтином, Астериксом или Корто Мальтезе, когда раскрываешь его в первый раз. Ни одна электронная книга не хранит песчинки с пляжа или пятнышко крови, благодаря которым, спустя годы, ты вспомнишь о счастливой или страшной минуте, вехе в твоей жизни. Позвольте добавить еще кое-что. Если бумажным книгам (в том числе и карманным изданиям) суждено стать исключительным достоянием избранной касты читателей, не пользующейся особой любовью из-за своей элитарности и библиофильности, то я, отринув всякие комплексы, требую права принадлежать к ней. А все остальные пусть идут лесом. У меня дома почти тридцать тысяч книг — достаточно, чтобы отстреливаться до последнего. Те, кто считает, что этот необычный окоп, его уют, безграничное счастье, которое испытываешь, поглаживая кожаный или картонный переплет и перелистывая бумажные страницы, можно заменить недоразумением из пластмассы с миллионом электронных книг внутри, тот ни фига не понимает. Ни в том, что такое читатель, ни что такое книга.

A Writer's Diary

Virginia Woolf

1940

Saturday, August 31st

Now we are in the war. England is being attacked. I got this feeling for the first time completely yesterday; the feeling of pressure, danger, horror. The feeling is that a battle is going on – a fierce battle. May last four weeks. Am I afraid? Intermittently. The worst of it is one's mind won't work with a spring next morning. Of course this may be the beginning of invasion. A sense of pressure. Endless local stories. No – it's no good trying to capture the feeling of England being in a battle. I daresay if I write fiction and Coleridge and not that infernal bomb article for U.S.A. I shall swim into quiet water.

Wednesday, October 2nd

Ought I not to look at the sunset rather than write this? A flush of red in the blue; the haystack on the marsh catches the glow; behind me, the apples are red in the trees. L.* is gathering them. Now a plume of smoke goes from the train under Caburn. And all the air a solemn stillness holds. Till 8:30 when the cadaverous twanging in the sky begins; the planes going to London. Well it's an hour still to that. Cows feeding. The elm

---

* Leonard Woolf

Дневник писательницы (отрывки)

Люси. Перевод с английского

1940 г.

31 августа, суббота

Теперь и у нас война. Англию атакуют. Вчера я впервые во всей полноте это почувствовала: тяжесть, ощущение опасности, ужас. Чувство, что битва не прекращается – жестокая битва. Это может продлиться четыре недели. Страшно ли мне? Да, времена-ми. Хуже всего, что с наступлением следующего утра чей-то мозг уже не будет работать. Конечно, это может означать начало вторжения. Чувство тяжести. Бесконечные местные сплетни. Не стоит и пытаться подавить в себе ощущение того, что Англия воюет – от этого только хуже. Полагаю, что, пока я пишу беллетристику или Кольриджа, а не статьи для США об этих адских бомбах, – я пребываю в тихой гавани.

2 октября, среда

Не лучше ли мне любоваться закатом, чем писать это? Разлив красного на синем; стог сена на болоте полон отблесков; за моей спиной на дереве краснеют яблоки. Л.* срывает их. А вот струя дыма от поезда под Кабурном. Воздух наполнен весь тишиною торжественной. До 8:30, когда с неба обрушивается леденящий душу вой; на Лондон летят самолеты. Но до этого еще целый

---

* Леонард Вулф

tree sprinkling its little leaves against the sky. Our pear tree swagged with pears; and the weathercock above the triangular church tower above it. Why try again to make the familiar catalogue, from which something escapes. Should I think of death? Last night a great heavy plunge of bomb under the window. So near we both started. A plane had passed dropping this fruit. We went on to the terrace. Trinkets of stars sprinkled and glittering. All quiet. The bombs dropped on Itford Hill. There are two by the river, marked with white wooden crosses, still unburst. I said to L.: I don't want to die yet. The chances are against it. But they're aiming at the railway and the power works. They get closer every time. Caburn was crowned with what looked like a settled moth, wings extended – a Messerschmitt it was, shot down on Sunday. I had a nice gallop this morning with Coleridge – Sara. I'm to make 20 pounds with two articles. Books still held up. And Spiras free, and Margot writes to say "I did it" and adds "a long letter all about yourself and what you believe." What do I? Can't at the moment remember. Oh I try to imagine how one's killed by a bomb. I've got it fairly vivid – the sensation: but can't see anything but suffocating nonentity following after. I shall think – oh I wanted another 10 years – not this – and shan't, for once, be able to describe it. It – I mean death; no, the scrunching and scrambling, the crushing of my bone shade in on my very active eye and brain: the process of putting out the light – painful? Yes. Terrifying. I suppose so. Then a swoon; a drain; two or three gulps attempting consciousness – and then dot dot dot.

час. Пасутся коровы. Вяз разбрызгивает на фоне неба свои мелкие листочки. Наша груша склоняется под тяжестью плодов, а над ней – флюгер на треугольной церковной башенке. Зачем я опять пытаюсь составить перечень обыденного, из которого что-то исчезло? Не следует ли мне подумать о смерти? Прошлой ночью за окном с шумом плюхнулась бомба. Так близко, что мы оба вскочили. Самолет пролетел мимо, сбросив этот "плод". Мы вышли на террасу. Россыпи звезд как блестящие побрякушки. Всё спокойно. Бомбы сбросили на Итфорд Хилл. Две неразорвавшиеся возле реки помечены белыми деревянными крестами. Я сказала Л.: "Я ещё не хочу умирать". Вероятность этого невелика. Но их цель – железная дорога и электростанции. С каждым разом они все ближе. Кабурн увенчался чем-то вроде сидящего мотылька, расправившего крылья – это "Мессершмитт", сбитый в воскресенье. Я здорово продвинулась сегодня утром с Кольриджем – спасибо Саре. За две статьи я получу 20 фунтов. Книжки все еще ждут своего часа. И Спирасы не заняты, а Марго пишет: "Я сделала это! – и прибавляет: – Длинное письмо только о себе и о чем ты думаешь". О чем я думаю? Даже и не знаю. О, я пытаюсь представить, как погибают от бомбы. Я очень ярко ощущаю это, но не могу увидеть ничего, кроме удушающего небытия в финале. Я буду думать – да, я хотела еще 10 лет, но не таких – и на этот раз не получится это описать. "Это" – я имею в виду смерть; нет, смешение плоти и перемалывание костей, затуманивающие мои – такие живые – глаза и мозг: когда гаснет свет – это больно? Да. Страшно. Полагаю, что да. Потом обморок; угасание; два-три вдоха в попытке сохранить сознание, а затем – точка, точка, точка.

“提笔忘字”与汉字危机

数字化时代,文字记录方式发生革命性变革,键盘上“敲字如飞”常常代替了一笔一画的汉字书写。因为长期使用电脑,许多人只能大致记住汉字的形状,提笔却无法正确写出具体部首和结构。最近一项调查显示,两千余名受访者中有逾八成的人承认写字有困难。提笔忘字、频写错别字,正成为一个令人忧心的文化现象。

应当承认,新技术的确给古老的汉字艺术带来较大的冲击。美国学者杰茜卡·贝内就曾把电脑称为“手写体的诅咒”。因汉字象形表意的文字结构十分特殊,电脑输入对汉字手写的冲击尤为严重。“五笔输入法”把每一个汉字拆成最多四个部分,倒是让人记住了汉字的基本架构,但写起来也难免有时会缺胳膊少腿,而太多习惯用“拼音输入法”的人则连汉字的具体构造都记不住。在方便、快捷、高效的文字信息化处理诱惑下,人们由习惯成依赖,由依赖成退让,最后是能“敲字”的决不“写字”。及至万不得已情况下要用手写时,才发现汉字的具体构成竟是如此模糊,写出的字也丑得难以见人。

一项千百年来被人们运用自如的汉字手写艺术,却在电脑和网络普及应用的一二十年间就陷入尴尬境地,完全归因于新

«Проклятие иероглифики» или кризис иероглифической письменности Вера Сафрошкина. Перевод с китайского

В эпоху повсеместного внедрения цифровых технологий происходят революционные изменения и в системе письменности. «Скоростной ввод иероглифов» при помощи клавиатуры все чаще заменяет аккуратную, от руки выполненную иероглифическую надпись. Пользуясь компьютером в течение долгого времени, многие теперь, в лучшем случае, лишь смутно помнят очертания иероглифов, а взявшись за «кисть» оказываются не в состоянии в точности воспроизвести ни конкретный ключ, ни структуру иероглифа. Недавно проведенное исследование показало, что среди двух тысяч с лишним опрошенных более 80% признают, что испытывают трудности при написании иероглифов. То, что взяв ручку, мы не можем вспомнить, как пишется иероглиф, пишем его с ошибками или путаем с другими, - это культурное явление вызывает серьезное беспокойство.

Следует признать поражение, которое древней письменности нанесли новые технологии. Одна из американских ученых назвала компьютер «проклятием иероглифики». Система китайской письменности отличается от других тем, что иероглиф — это идеограмма, и поэтому появление электронного способа ввода нанесло китайской письменности особенный урон. При использовании “пять-тактного метода ввода” каждый иероглиф разбивается максимум на 5 частей, и, пусть это даже позволяет нам запомнить основную структуру иероглифа, вероятность возникновения ошибки при воспроизведении этого иероглифа от руки все равно не исключена. Однако слишком много тех, кто привык использовать «способ ввода при помощи транскрипции», и они не могут вспомнить даже базовую структуру иероглифа. Однажды соблазнившись скоростью, удобством, эффективностью, которые приносит прогресс в информационной сфере, мы привыкли быть зависимыми и уступать этой зависимости. И в конце концов превратились в тех, кто

Работа вошла в шорт-лист в номинации «Публицистика».

技术的罪过乃是推脱我们自身传承文化的使命与责任。在这一场新技术冲击的背后，我们或许早已忘记了汉字中还蕴藏着丰富的中华文化与艺术，早已钝化了对具有独特美感的汉字书法的审美能力，早已忽视了手书汉字也是传承汉字文化极具生命力的方式，而仅仅把汉字视作表意符号和交流工具。结果便是，作为符号和工具的汉字，往往只是在实际运用这个层面上存在。

正如学者所言：“汉字是中华文明的标志，又是传承中华文化的工具。汉字书法不仅是人类所创造的最为抽象的艺术，而且是人类文明最为发达、最富有想象力，能够全面揭示自然本质的一门艺术，一种文化现象。”数千年来，汉字被视作艺术品，更被看做人格的标记，“横平竖直写汉字”与“堂堂正正做真人”被放在了同等重要的位置。曾几何时，能写一手好字是竞争的资本，是一件值得骄傲与自豪的事情。无论时代怎样嬗变，无论技术怎么革新，汉字所承载的文化内涵不会改变，而作为后来者理当致力于文化的接续和弘扬，不能在各种冲击面前丧失汉字文化的自尊、自重与自觉。

联合国教科文组织早就提出“学习母语是一种权利”，法国规定“法产商品的商标必须使用法文”，韩国主张“立志于国

«печатает иероглифы»», вместо того, чтобы стать теми, кто их «пишет». И только оказавшись в редкой ситуации, когда необходимо написать что-то от руки, мы внезапно обнаруживаем, как смутно помним структуру иероглифа и как уродливо он у нас получается.

Искусство написания иероглифов, которым в течение сотни тысяч лет в совершенстве владели люди, в течение одного-двух десятилетий использования компьютеров и интернета оказалось в щекотливом положении. Благодаря новым технологиям мы оказались далеко от собственной культурного наследия: от нашего предназначения и ответственности. Под натиском новых технологий, мы, возможно, уже давно забыли то, что таится в этих иероглифах, - богатую культуру Китая и искусство. Мы уже давно стали пассивными по отношению к духовной силе исключительно прекрасной каллиграфии, и уже давно игнорируем тот факт, что наш собственный почерк — это тоже часть полученной в наследство культуры, и в высшей степени - источник жизненной силы. В результате иероглифы все чаще выступают в роли простых знаков препинания и инструментов.

Как говорят ученые, иероглиф — это и символ китайской культуры, и оставшееся от предков наследие. Искусство каллиграфии — это не только созданное человечеством абстрактное искусство, а еще и самое развитое достижение человеческой цивилизации, которое богато символикой и которое способное раскрыть естественную сущность, это признак культуры. На протяжении тысячелетий к иероглифам относились как произведениям искусства, они были “лицом” каждого человека. «Умение держать вертикально кисть» и «человек с большой буквы» - два этих понятия были синонимами. Давно ли способность написать один красивый иероглиф являлась конкурентным преимуществом, была поводом для гордости и высокомерия? Неважно, как меняется эпоха, как развиваются технологии, - культурное содержание, заключенное в иероглифах, не должно подвергаться изменениям и должно оставаться тем, ради чего наши потомки, в свою очередь, будут стараться продолжать развивать культурные традиции. Мы не должны допустить, чтобы это культурное наследие, под каким бы то ни было натиском, лишилось уважения.

语发展和国语文化创造”，俄罗斯甚至把保护母语纳入了国家安全战略。在邻国日本，从小学到初中都有习字和书法课，文科大学里书法也是必修课。汉字是我们文化的根，是滋养我们现实生存发展的血液。在网络时代，我们不能“握着鼠标忘了笔杆”，汉字不能沦为失落的文明。

ЮНЕСКО уже давно выдвинуло идею, что “изучение родного языка является одним из прав человека”. Во Франции принят закон, обязывающий все товары иметь надписи на французском языке; в Корее придерживаются «Твердого решения в отношении развития государственного языка и сохранения культуры государственного языка»; в России сохранение родного языка является частью стратегии государственной безопасности. В соседней с нами Японии, начиная с младших классов и до средней школы, ведутся уроки каллиграфии, повторяются занятия по иероглифике, в гуманитарных университетах каллиграфия является обязательным для изучения предметом. Иероглифы — это источник нашей культуры, это кровь и сердце, которые питают наш сегодняшний прогресс. В эту виртуальную эпоху мы не имеем права “променять кисть на компьютерную мышку”! Нельзя допустить, чтобы иероглифы были преданы забвению!

Организатор конкурса

Бюро переводов iTrex — современное бюро переводов, которое специализируется на переводах корпоративной, финансовой и технической документации. Более 2000 переводчиков в 47 странах. Контроль качества и налаженная система работы позволяют предоставлять весь спектр услуг по языковым переводам и нотариальному заверению. Среди постоянных клиентов iTrex компании из 27 отраслей бизнеса, в том числе мировые бренды.

Партнеры конкурса

Российский новый университет (РосНОУ) сегодня — это:

- вуз, который не покидает первую пятерку в рейтингах высших учебных заведений (в том числе, в рейтинге Министерства образования и науки РФ). В общероссийском рейтинге вузов «Общественная экспертиза» 2005 года РосНОУ занял 1-е место;
- вуз, научный руководитель которого, профессор, член Европейской Академии, вице-президент РАЕН Сергей Петрович Капица, а ректор председатель совета Ассоциации негосударственных вузов России (АНВУЗ) Владимир Алексеевич Зернов.
- высокое качество учебно-методического обеспечения: РосНОУ — один из четырех вузов России, имеющих лицензию Министерства образования и науки РФ на дистанционное обучение в полном объеме;
- вуз, где обучается 30 000 студентов;
- вуз, где обучение ведут лучшие преподаватели России (в том числе, 12 академиков, 87 профессоров и 218 доцентов).

Московский институт лингвистики (МИЛ) был основан в 1996 году. За прошедшие годы институтом проделан путь динамичного развития, результатом которого является высокий статус учебного заведения на рынке образовательных услуг в области высшего профессионального образования.

Московский институт лингвистики является членом:

- Ассоциации негосударственных высших учебных заведений России;
- Учебно-методического объединения по образованию в области лингвистики;
- Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области менеджмента;
- Учебно-методического объединения учебных заведений России по образованию в области сервиса.

Плодотворное сотрудничество с Институтом языкознания Российской академии наук позволяет Московскому институту лингвистики осуществлять многие совместные инновационные проекты в области лингвистики.

EF English First является мировым лидером на рынке языкового образования. С 1965 г. более 15 млн студентов и более 1200 компаний прошли обучение по программам EF. Обучение английскому во всех центрах ведется по авторской коммуникативной методике, есть курсы английского для детей, начиная с 4-х лет, подростков и взрослых. Изучение английского языка проходит не только в специально оборудованных аудиториях, внеклассные занятия проводятся на природе, в клубах, кафе. Подобные занятия называются Life Club – это разговорный клуб английского, на встречах которого обсуждаются различные темы, интересные студентам EF. Встречи происходят в дополнительное, свободное от основных учебных часов, время. Также студенты могут заниматься в любое удобное для них время в онлайн-программе, которая также входит в методику обучения – интерактивный курс работает 24 часа в сутки.

Заслуги EF как признанного провайдера языковых услуг признаны по всему миру, в 2008 году EF выступил официальным языковым партнером Олимпийских игр в Пекине, EF также выбран партнером чемпионата мира по футболу 2014 г. в Бразилии.

«Фирма Мелодия» была основана в 1964 году. Став преемницей Всесоюзной студии грамзаписи, «Фирма Мелодия» вплоть до распада СССР являлась единственной звукозаписывающей компанией в стране. «Мелодия» отразила звуковую историю минувшего века во всем многообразии жанров (от легкой музыки до классики, от фольклора до творчества композиторов всех республик, входивших в СССР), собрала воедино шедевры мирового искусства в исполнении выдающихся советских артистов, ансамблей, оркестров, музыкальных театров. Представляя отечественное искусство на Родине и за рубежом, на всех континентах, «Мелодия» стала хранительницей национального музыкального достояния многих поколений. Сегодня «Мелодия» — это:

- национальное достояние нашей страны, ценнейший архив, в который входят более 300 тысяч носителей звукозаписей;
- прекрасная и любимая музыка, объединяющая несколько поколений;
- яркое многообразие жанров: классика, фольклор, эстрадная музыка, рок, джаз;
- шедевры мирового музыкального искусства прославленных коллективов и исполнителей

Подарок от «Мелодии» — всегда признак хорошего тона. Найди свою Мелодию!

«Город переводчиков» существует с 4 октября 2001 г. Представляет собой площадку для обмена опытом между переводчиками из разных городов и весей, стран и континентов на благо развития профессии и поддержания профессионального статуса, а также в целях ликвидации пробелов в знаниях об истории профессии, современных технологиях, которые помогают в работе переводчика, ценообразовании, политике построения отношений с заказчиками, маркетинге услуг и т.д.

Автор, владелец, администратор — Екатерина Рябцева aka eCat-Erina, по образованию — переводчик английского и французского языков, по призванию — фрилансер.

Целевая аудитория «Города переводчиков»: профессиональные переводчики, лингвисты и им сочувствующие, работодатели.

«Голос России» — старейшая радиокomпания России, ведущая передачи на зарубежные страны с 29 октября 1929 года. Задачи радиостанции — знакомить мировое сообщество с жизнью России, ее точкой зрения на события в мире, способствовать укреплению положительного образа России в мире; вести эффективный диалог с соотечественниками за рубежом; содействовать популяризации русской культуры и русского языка.

«Голос России» сегодня вещает в 160 странах мира на 38 языках 151 час ежедневно на коротких и средних волнах, в FM-диапазоне, по спутниковым каналам, по мобильной телефонной сети. «Голос России» входит в пятерку самых слушаемых международных радиостанций, его совокупная аудитория достигает 109 миллионов человек. В 2003 году «Голос России» в числе крупнейших международных радиовещателей начал ежедневную трансляцию передач на Европу в цифровом стандарте Digital Radio Mondiale (DRM). Программы «Голоса России» ретранслируются в США по спутниковым каналам Всемирной радиосети, по кабельным сетям, в FM-диапазоне и по мобильной телефонной сети в 16 штатах.

«Голос России» работает в Интернете на 33 языках. К сайту «Голоса России», содержащему более 500 разделов, обращаются посетители из 140 стран мира.

To4ka-Treff — это молодежная журналистика на русском и немецком языках. Портал публикует статьи, аудио- и видеорепортажи из Германии, России и других стран Восточной Европы, Центральной Азии и Южного Кавказа. Молодые журналисты, переводчики, студенты, изучающие русский или немецкий язык, вместе с нами каждый день работают над содержанием сайта. Наши темы — культура, политика, социальная сфера, международный обмен, экология и инновации. Мы не говорим о стереотипах, а смотрим глубже, поднимаем темы, действительно волнующие молодежь в разных регионах. To4ka-Treff регулярно организует мастер-классы для молодых журналистов в разных уголках мира. To4ka-Treff — проект, который делает молодежь для молодежи. Присоединяйся!

Национальный фонд
поддержки правообладателей

Национальный фонд поддержки правообладателей (НФПП) реализует благотворительные проекты в сфере культуры и искусства. Фонд создан при поддержке Российского Авторского Общества (РАО) и Российского Союза Правообладателей (РСП). Фонд объединяет тех, кто заботится о российской культуре и готов внести свой вклад в ее сохранение, развитие и процветание.

Миссия Фонда — сохранять и развивать российскую культуру, материально, социально и творчески поддерживать российских правообладателей — деятелей кино и музыки.

Фонд реализует культурно-просветительские проекты, программы для поддержки российских ветеранов культуры и искусства, проводит благотворительные акции и творческие конкурсы для талантливых детей и подростков, обеспечивает образовательную и материальную поддержку одаренных детей и молодежи, взаимодействует с зарубежными организациями, обеспечивает защиту интеллектуальной собственности и интересов российских правообладателей.

Голландский институт в Санкт-Петербурге — это организация, представляющая интересы голландских университетов в Северо-западном регионе России. Институт координирует научные и образовательные программы от имени университетов-учредителей, стимулирует изучение голландского языка, способствует развитию межвузовских связей, распространяет информацию о высшем образовании в Нидерландах и России, оказывает поддержку студентам и сотрудникам голландских и российских университетов, а также организует лекции, семинары и курсы.

Голландский институт в Санкт-Петербурге основан в 1997 году Амстердамским, Лейденским, Утрехтским, Гронингским университетом, Свободным университетом Амстердама и Неймегенским университетом Радбауда. Управление осуществляет Совет Правления, состоящий из председателей Советов правления университетов-учредителей. Ответственность за руководство возложена на Университет Амстердама. Контроль за деятельностью института осуществляет Ученый Совет, в состав которого входят представители различных научных областей.

Сеть салонов «Кенгуру» — признанный эксперт в области моды для детей и будущих мам существует на рынке 15 лет. В настоящее время сеть насчитывает 18 салонов по всей России. Каждый сезон в «Кенгуру» — новые коллекции одежды для детей до 14 лет и для будущих мам от дизайнеров с мировыми именами.

Также в «Кенгуру» представлены эксклюзивная мебель, коляски, автокресла, авторские игрушки и уникальные товары.

Всемирный ОРТ является одной из самых крупных негосударственных образовательных организаций в мире. На сегодняшний день около 200 000 студентов разных национальностей и вероисповеданий ежегодно проходят обучение в школах, колледжах, институтах и учебных центрах Всемирного ОРТа. С 1990 г. представительства ОРТа работают в странах бывшего СССР.

КОНТР@БАНДА

Журнал «Контрабанда» был основан в ноябре 2007 года на Форуме молодых писателей России участниками литературного Интернет-журнала «Точка зрения - Lito.Ru». Возглавил журнал Алексей Караковский - писатель, переводчик, автор и исполнитель песен. Концепция нового журнала включала в себя отсутствие идеологического давления, адекватную оценку отечественной и мировой культуры и безбашенное чувство юмора. Большую часть журнала составляют статьи о литературе, музыке, театре, кино, Интернете, а также переводы песен, проза и поэзия.

Первый номер «Контрабанды» был выпущен 20 января 2008 года. В конце 2010 года в развитии журнала наметилась новая тенденция: отдельные материалы сочиняются коллективно методом «мозгового штурма», причём соавторы вовлекаются в творческий процесс совершенно спонтанно. Так были придуманы, например, совершенно безумные «Московские городские новости» (пятый номер за 2010 год) и др.

Промышленный еженедельник – независимое общероссийское издание. Консолидирует позитивный опыт развития предприятий российской промышленности и энергетики, информирует о конкретных направлениях промышленной политики государства, готовящихся решениях и постановлениях федеральных органов власти. Обеспечивает предприятия объективной аналитической и справочной информацией о ситуации, инновационных процессах, усилиях государственных органов по формированию в отраслях благоприятной инвестиционной среды; публикует материалы по конкретным направлениям промышленной политики государства.

«Гилель» – международная еврейская молодежная организация, крупнейшая студенческая организация в мире. 500 центров Гилеля работают на всех континентах. В России работают четыре региональных центра организации – в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Хабаровске. «Гилель» занимается привлечением молодежи в еврейскую общину и развитием лидерства.

«Книжное обозрение» – старейшая в России газета о книгах. Издается с 5 мая 1966 года, распространяется по подписке и в розницу. Всё самое интересное из мира литературы: фантастика, детективы, беллетристика, бестселлеры. Российские и зарубежные новости литературы, критика, обзоры, интервью с писателями, заметки о литературной жизни, рейтинги продаж. «Книжное обозрение» – все, что Вы хотите знать о книгах! Также выходит профессиональное приложение к газете «Книжное обозрение» PRO – шестнадцатистраничное приложение к основному номеру, выходящее два раза в месяц и распространяемое только по подписке.

PROфессиональная версия содержит в себе новости книгораспространения и книготорговли, тематические рейтинги продаж, список сигнальных экземпляров, аналитические материалы и обзорные статьи о ведущих игроках книжного мира и книжного сообщества в целом. Основным направлением PRO стала аналитика книжного рынка, независимая от прямой рекламы. Помимо этого, PRO служит площадкой для публикации материалов, результатов государственного статистического учета, официальных документов, итогов литературных конкурсов.

Проект «Открытая литература» — это уникальный сервис для:

- начинающих авторов, позволяющий им представить свою литературную работу на рецензию известным литературным критикам и обозревателям, получить консультации и рекомендации по улучшению как качества текстов, так и их потенциалов к коммерческой публикации в виде бумажной или электронной книги;
- издателей, традиционно получающих сотни рукописей в месяц, пристальное знакомство с каждой из которых, как правило, обременительно;

«Открытая литература» — пространство, в котором происходят неслучайные встречи между издателями и авторами; это территория, где рады и готовы помочь всем, причастным к работе со словом, — здесь, при помощи профессиональных литераторов, редакторов, маркетологов вы сможете получить максимально полную обратную связь о качестве вашего текста и приблизить или даже осуществить его дальнейшую публикацию в российских издательствах.

Те литературные произведения, которые удостоиваются в качестве оценки наших экспертов выше 8 баллов, вместе с рецензией, попадают в рассылку, которую получают от нас ведущие издательства страны. Таким образом, автор получает действительный шанс на то, что его произведение будет замечено, оценено и напечатано.

Издательство «Макмиллан» — одно из старейших в Великобритании, было основано в 1843 г. Сегодня «Макмиллан» имеет представительства в 70 странах мира и отмечает 10-летний юбилей. Издательство «Макмиллан» разрабатывает и публикует учебные материалы, предназначенные для изучающих английский язык — от детей дошкольного и младшего школьного возраста, до студентов высших учебных заведений и аспирантов. Основная задача издательства «Макмиллан» — сделать все возможное для того, чтобы материалы, создаваемые в издательстве учитывали традиции преподавания английского языка в российских учебных заведениях и отвечали требованиям Государственного стандарта общего образования по иностранным языкам.

Новогоднее шоу на воде «Русалочка и тайна волшебной звезды» — продолжение триумфальной истории Русалочки, которая в прошлом году заняла второе место среди всех российских елок, после Кремлевской.

В этом году гостей «Русалочки» ожидает еще более впечатляющее зрелище: действие спектакля будет разворачиваться на нескольких уровнях: в воде, на нескольких сценических площадках и в воздушном пространстве, а вписанные в декорационный ряд огромные видеоэкраны будут, согласно сюжету, «переносить» зрителей из одного места действия в другое.

Для участия в спектакле приглашены лучшие спортсмены, настоящие звезды из синхронного плавания, гимнастики, прыжков в воду, акробатики. Более того, впервые в водном шоу будут участвовать знаменитые российские фигуристы, которым предстоит танцевать на единственной в своем роде плавающей ледовой платформе. По масштабности действия, качеству декораций, спецэффектов и мастерству участников представления новогодняя елка для детей в бассейне спорткомплекса «Олимпийский» не будет уступать, а в отдельных моментах возможно будет превосходить спектакли, например, именитого «цирка дю солей».

i-Worker.ru — самая демократичная в российском сегменте Интернета платформа для формирования взаимоотношений между людьми, интересующимися работой, карьерой и учебой. Каждый день пользователи нашего портала активно обмениваются информацией о работе и всем, что с ней связано — начиная с отзывов о компаниях и сотрудниках, и заканчивая обучающими курсами. Главная цель социальной сети i-Worker — предоставление максимально объективной информации о компаниях (осуществляющих свою деятельность на территории РФ) и людях, предлагающих свои услуги на рынке труда.

«Сетевая Словесность» — это современная русская литература в Интернете. Публикации всех жанров, литературные эксперименты, теория и практика сетевой литературы.

«Мозгорилла» — журнал об индустрии перевода. Только здесь вы найдёте информацию о рынке переводов, узнаете о новых тенденциях и сможете обменяться опытом управления переводческой компанией. Обзоры программного обеспечения и новых сервисов будут полезны, а интересные истории не дадут заскучать.

Портал eGraduate.ru призван соединить молодых перспективных специалистов и работодателей. eGraduate.ru — вакансии, стажировки, временная и постоянная работа для студентов, выпускников и молодых специалистов, самые свежие новости рынка труда, консультации по вопросам карьеры, поиска работы и профессионального роста, статьи и аналитика по тематике Graduate Recruitment.

eGraduate.ru — портал вашей карьеры.

